

ФИЛОСОФИЯ РОССИИ

ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Сергей Иосифович Гессен

Gessen

Annotation

Настоящий том посвящен выдающемуся мыслителю, представителю русской философской традиции первой половины XX века – Сергею Иосифовичу Гессену (1887–1950), философские, педагогические, литературно-критические, политические идеи которого вызывают сегодня все больший интерес как в России, так и за рубежом. В томе собраны статьи современных философов, культурологов, педагогов, литературоведов, в которых актуализируется интеллектуальное наследие Гессена. Ряд статей посвящен его личности и судьбе, в которой выражаются все трагические события первой половины XX века.

Книга адресована широкому кругу читателей, интересующихся философией, педагогикой, научными связями между Россией и Германией до начала Первой мировой войны, а также историей литературно-издательских начинаний в России начала XX века.

-
- [Сергей Иосифович Гессен](#)
 -
 - [От редакторов](#)
 - [Раздел I](#)
 - [Сергей Гессен: философ в изгнании\[2\]](#)
 - [Построение понятия личности на основе трансцендентализма. Философия С. И. Гессена\[42\]](#)
 - [«Неакадемический» неокантианец С. И. Гессен](#)
 - [Закат либерализма \(Русская версия Сергея Гессена\)\[195\]](#)

- [Статус права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена](#)
- [С. И. Гессен и история пражского журнала «Логос» \(по неопубликованным архивным материалам\)\[267\]](#)
- [О философско-культурной ориентации журнала «Логос» \(Статья С. И. Гессена об А. И. Герцене\)\[288\]](#)
- [О религиозно-метафизических мотивах в российском кантианстве: С. Гессен и Вл. Соловьев](#)
- [Раздел II](#)
 - [Жизнь и педагогическое наследие Сергея Гессена](#)
 - [Философско-педагогические взгляды С. И. Гессена\[366\]](#)
 - [«Мне и в голову не приходило, что я покидаю Россию навсегда» \(Два эпизода из педагогической биографии С. И. Гессена 1920-х годов\)\[398\]](#)
 - [Просветительская деятельность С. И. Гессена. Профессор во главе Томского городского им. П. И. Макушина Народного университета \(конец 1918 - начало 1919 г.\) \[468\]](#)
 - [Участие профессора Томского университета С. И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и Гражданской войны\[482\]](#)
- [Раздел III](#)
 - [«Над страшною бездною жизни...» \(О Сергее Иосифовиче Гессене\)](#)
 - [Письма](#)
 - [С. И. Гессена Э. К. Метнеру\[525\]](#)
 - [Э. К. Метнер – С. И. Гессену](#)
 - [Э. К. Метнер – С. И. Гессену](#)

- [Э. К. Метнер – С. И. Гессену](#)
- [Б. А. Кистяковскому\[643\]](#)
- [Б. А. Кистяковский – С. И. Гессену\[650\]](#)
- [В. И. Иванову\]\[687\]](#)
- [М. М. Замятниной\[708\]](#)
- [Йонасу Кону\[721\]](#)
- [Приложения к Разделу III](#)
 - [Логос\[725\]](#)
 - [Доклад С. И. Гессена о книге Э. Ласка «Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre»\[726\]](#)
 - [Отчет редакции «ЛОГОС» за 1910-1911 гг. \[728\]](#)
 - [А. Штейнберг. «В поисках философии будущего»\[730\]\(отрывки\)](#)
 - [Е. В. Спекторский Б. А. Кистяковскому\[731\]](#)
- [Хроника жизни и деятельности С. И. Гессена](#)
- [Библиография трудов С. И. Гессена](#)
- [Библиография трудов о С. И. Гессене](#)
- [Сведения об авторах](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)

- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)

- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)

- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)

- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)

- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)

- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)

- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)

- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)

- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)

- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)

- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)

- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)

- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)

- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)

- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)

- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)

- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)

- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)

- [735](#)

Сергей Иосифович Гессен
Под редакцией В. В. Сапова, Т.
Г. Щедриной

...Самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение... пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы.

С. И. Гессен

Институт философии РАН
Некоммерческий научный фонд «Институт развития
им. Г. П. Щедровицкого»

Сергей Иосифович Гессен

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Александра Николаевича Генералова*

От редакторов

«Мысль должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временного бытия, без которого нет животрепещущего, страстного, увлекательного деяния»

А. И. Герцен

Этот том посвящен Сергею Иосифовичу Гессену, русскому философу, идеи которого приобретают сегодня все большую актуальность в самых различных областях социально-гуманитарного знания. Тем не менее, из трех известных российских неокантианцев первой половины XX века (Б. В. Яковенко, Ф. А. Степун, С. И. Гессен) к философским идеям Гессена до сих пор обращаются не очень часто. Это имеет, конечно, свои причины, но отнюдь не концептуальные оправдания. Если за последние три десятилетия труды Степуна и Яковенко издавали у нас неоднократно, то наследие Гессена представлено лишь двумя томами сочинений, ставшими уже библиографической редкостью. Так что тексты Сергея Иосифовича сегодня фактически еще не собраны, не изданы, не прочитаны.

Причины такого, явно неадекватного положения дел, сложившегося вокруг интеллектуального наследия Гессена, в его тематических приоритетах. В те годы, когда многие философы русского зарубежья пытались понять истоки революции и русского большевизма, религиозный, философский смысл произошедшего и происходящего в России, Гессен думал о том, как избежать всех этих страшных потрясений и катаклизмов. Он обратился к настоящему, в котором видел возможности изменения будущего. Именно из

глубины этих раздумий об исторической миссии настоящего, а отнюдь не только из интереса к самим по себе истории и теории образования, проистекает его философский разворот к педагогике.

Главный вопрос педагогики, по мнению Гессена: каким нужно воспитать человека – каким он *хочет* быть? Каким он *должен* быть? Каким он *может* быть? Воспитать свободным? Но он и так свободен, т. е. рано или поздно будет делать, что хочет. Решение Ж.-Ж. Руссо (оно же и решение Платона): настолько искусно управлять человеком, чтобы он и не подозревал об этом управлении, считая, что каждый его поступок и каждая его мысль продиктованы исключительно собственной волей. Самое, пожалуй, неприятное, что в такой «педагогике» исчезает личность, наставник делает из своего воспитанника подчиненного, причем идеального подчиненного. Между тем, подлинная цель педагогики, как ее мог сформулировать только философ, состоит в осуществлении идеала человечности. Педагог подводит ученика к вратам свободы, открывая перед ним возможность самостоятельно жить и мыслить, т. е. образовываться.

Именно это связующее звено педагогики и философии, как его понимает С. И. Гессен, оказывается, по сути, на острие современных философско-гуманитарных дискуссий о том, как нам реформировать образование. При этом идеи Гессена, звучащие сегодня как «предание», зачастую интерпретируются односторонне, вне современных интеллектуальных контекстов и философских проблем. Действительно, педагогическая сторона наследия Гессена разработана гораздо лучше и подробнее, чем собственно философская составляющая. Достаточно просто перелистать библиографию работ о нем, чтобы убедиться в этом^[1].

Смысл этой книги состоит в том, чтобы восстановить целостный образ мыслителя, показать, что вне философских истоков педагогическое наследие Гессена теряет актуальность. Поэтому первый раздел открывает статья его ученика, историка философии А. Валицкого, а второй раздел – фундаментальное исследование педагога-интеллектуала Е. Г. Осовского. Оба убедительно демонстрируют, что Гессен – это мыслитель целостный, цельный, для него «слово» и «дело» неразрывны так же, как неразрывны философия и жизнь. В этом Гессен оказывается поразительно созвучным практически всем русским философам: славянофилу И. В. Киреевскому и западнику А. И. Герцену, методологу Г. Г. Шпету и скептику Л. И. Шестову. (Поэтому мы решили в качестве эпиграфа к нашему предисловию взять цитату Герцена, которую Гессен специально выделил, когда писал рецензию на книгу Шпета «Философское мировоззрение Герцена».) Действительно, русские философы, как правило, не различали чистую философию и жизнь, они шли с философией по жизни. Заметим, это свойство они не теряли даже в изгнании. Оказавшись на чужбине, философы русского зарубежья продолжали свой интеллектуальный путь, пусть и с измененными траекториями. Они образовывали круги общения, вели беседы и дискуссии, основывали журналы и газеты, чтобы сохранить русский философский язык и интеллектуальную культуру. В этом общении С. Гессен играл особую роль, о чем свидетельствуют статьи А. Шитова и А. А. Ермичева, которые рассказывают о его деятельности в журнале «Логос», а также статья О. Е. Осовского и В. П. Киржаевой, открывающая новые архивные страницы его педагогической биографии и осмысливающая его участие в журнале «Русская школа за рубежом».

Мы, однако, заметим: вычленять философию как самостоятельную сферу мысли, как экзистенциальный исток и концептуальное основание отношения к реальным жизненным проблемам необходимо, ибо только таким путем мы можем понять смысл интенций мыслителя, а стало быть, и соотнести их с сегодняшней проблемной реальностью. Мостом здесь служат для нас осмысливаемые исторически вечные проблемы жизни. Вот почему так важно, чтобы «предание» Гессена стало «заданием», чтобы мы открыли для себя новые смыслы его «прикладной» философии. Для этого нужно прежде всего вместе с ним пройти снова по пути неокантианского ученичества, увидеть, в чем он соглашается со своими учителями, а где спорит с ними. Этим аспектам интеллектуального наследия посвящены статьи Ю. Б. Мелих и В. Н. Белова. Кроме того, мы должны понять, как соотносятся его педагогические идеалы с политическими, и почему для него так важны правовые аспекты аксиологического базиса образования и культуры. На эти вопросы пытаются ответить В. Б. Куликов, М. Ю. Загирняк, Л. Е. Шапошников. «Предание» Гессена станет для нас «заданием» только тогда, когда мы услышим его в «разговоре» русских философов и педагогов, найдем для него только ему предназначенное, никем незаменяемое место в интеллектуальном многоголосии. В книге этот аспект проявляется практически у каждого автора, но наиболее ярко его представляет В. В. Сербиненко, который ищет преемственность Вл. Соловьева и С. Гессена, учитывая при этом опыт В. Зеньковского. Помимо ближайшего (неокантианского) круга в книге также прослеживаются связи С. И. Гессена с Р. О. Якобсоном, Н. С. Трубецким, С. И. Карцевским, Д. И. Чижевским и многими другими интеллектуалами того времени. Особый раздел книги посвящен эпистолярному общению Гессена с Э. К. Метнером, Б. А. Кистяковским, Вяч. И. Ивановым, М. М.

Замятниной, Й. Коном (письма обстоятельно прокомментированы В. В. Саповым).

Эта книга может стать стимулом и основой дальнейших исследований – диссертаций, архивных поисков, историко-философских реконструкций, анализирующих «сферу разговора» С. И. Гессена. Если мы хотим вернуть философа в жизнь, актуализировать его идеи, встраивая их в сегодняшние политические, социальные и философские контексты, то нам необходим именно такого рода анализ его идейного наследия. Нам нужно понять, в каком «разговоре» он творил, а для этого необходимо не только воссоздать его биографический контекст, в том он представлен достаточно полно, в том числе и деятельность С. Гессена в томский период, о чем свидетельствуют статьи Л. М. Найбороденко и С. Ф. Фоминых, а также материалы Хроники. Важно реконструировать круг его философского общения (прямого или опосредованного). И когда мы обсуждаем идеи Гессена, речь должна идти не только об общении с неокантианцами, прямом или литературном, не только о круге общения, связанном с религиозными идеями, но и о сфере разговора с философами совсем иных направлений. Все эти связующие нити открывают перспективы для дальнейших исследований «сферы разговора» русских философов. И мы полагаем, что главная заслуга этой книги (и Серии в целом) – выявление именно такого рода перспектив, позволяющих погрузить идейное наследие русских философов первой половины XX века в современную актуальную проблематику.

«Предание» Гессена это «здание» не только для авторов книги, но для каждого современного интеллектуала. И наполняя сегодня смыслом каждый момент нашей жизни, мы осуществляем философско-педагогический идеал человечности, о котором мечтал С. И. Гессен.

В. В. Сапов, Т. Г. Щедрина

Раздел I
Философские идеи Сергея
Гессена

Сергей Гессен: философ в изгнании^[2] **А. Валицкий**

Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) – философ, почти совершенно забытый на своей родине. Лишь в последнее время, когда началось возвращение в Россию наследия забытых и одиозных некогда в СССР ученых-эмигрантов, имя Гессена стало появляться на страницах русских научных изданий. Однако если современному читателю хотя бы понаслышке и известна деятельность Гессена как теоретика педагогики^[3], то о Гессене-философе до сих пор вспоминают в основном лишь в контексте философской полемики, разгоревшейся по поводу международного проекта издания философского ежегодника «Логос»^[4]. Но организационно-редакторская деятельность в ту пору совсем еще юного Гессена знаменовала лишь начало его творческого пути в философии. Вместе с тем дальнейшая жизнь и творческая эволюция философа все еще остаются малоизученными. Обстоятельства сложились так, что годы расцвета, время проявления наивысших творческих сил совпали для Гессена (да и не для него одного) с порой страшных потрясений, утраты Родины, трудных многолетних скитаний. В результате большая часть его работ была написана в эмиграции, публиковалась, как правило, на иностранных языках (немецком, чешском, польском) и, стало быть, оказалась недоступна для изучения в СССР, а за рубежом он как философ не получил должного признания. Здесь вряд ли стоит пересказывать подробности его биографии – Гессен сам рассказал о перипетиях своей нелегкой жизни в «Автобиографии», которая публикуется в приложении к

настоящему тому^[5]. Однако стоит остановиться на некоторых ключевых моментах его жизненного пути с тем, чтобы полнее представить себе результаты его философской деятельности, проследить этапы его духовной эволюции, ее причины и смысл.

С ранних лет на Сергея Гессена оказывала постоянное влияние профессиональная и политическая деятельность его отца, видного юриста и одного из основателей партии кадетов Иосифа Владимировича Гессена. Еще гимназистом он оказывал помощь отцу в издании кадетской газеты «Право»^[6]. Постоянная углубленность в правовую проблематику (это и его постоянное сотрудничество с отцовской газетой, и собственные исследования на правовые темы, например, «Философия наказания» в «Логосе»^[7]) впоследствии даже ввели в заблуждение о. В. Зеньковского, считавшего Гессена юристом по образованию^[8]. Но в своих политических пристрастиях Сергей оказался куда левее своего отца. В политике его привлекал средний путь между либерализмом и социализмом; еще в гимназии он вступил в революционный кружок – секцию «Северного союза гимназистов». В Германии, куда он отправится сразу после получения аттестата зрелости, научные интересы заслонят собой политику, но социалистические симпатии сохранятся у Гессена на всю жизнь, и в Февральскую революцию именно левые убеждения приведут его в плехановскую группу «Единство» (правда, с точки зрения революционной социал-демократии, эта социал-демократическая группировка имела крайне правый характер).

Хотя в чисто политическом плане деятельность Г. В. Плеханова с его соратниками после Февральской революции была обречена на провал, эта полоса жизни Гессена не прошла бесследно: именно в 1917 г. он начинает разработку исследования постоянно занимавшей его проблемы: места правового социализма

и эволюции современного государства. Брошюра «Политическая свобода и социализм»^[9], написанная для серии популярных изданий «Библиотека свободного гражданина», стала первым наброском его будущей концепции генезиса и развития идеи современного правового государства.

Спустя десять лет Гессен разовьет свои представления о «старом» и «новом» либерализме в цикле статей, напечатанных на страницах парижских «Современных записок». Работа будет по достоинству оценена рецензентами, рекомендована к отдельному изданию, но по стечению ряда обстоятельств так и останется лежать в архиве автора практически в готовом виде^[10].

Годы в эмиграции (Берлин и затем вскоре Прага) до середины 30-х гг. стали трудным периодом в биографии философа. Жизнь в Праге не давала ощущения прочности положения, и эта материальная неопределенность лишала его возможности систематически работать над своими излюбленными темами – проблемой формирования личности, идущей от риккертанской теории ценностей, которую Гессен развил в стройную теорию своей «социальной педагогики», и проблемой развития правового государства, его судьбы в ходе исторического прогресса, а в связи с этой проблемой и вопросом о сущности права и его месте в истории человечества. Только переезд в Польшу в 1936 г. наконец позволил Гессену начать стабильную жизнь. Именно Польша стала для него второй отчиной. Этот недолгий период до начала Второй мировой войны станет для Гессена чрезвычайно плодотворным – ведь упомянутые выше темы разрабатывались им с величайшей тщательностью именно в эти годы. Конечно, педагогическая деятельность отнимала у Гессена много сил и времени.

Но она же создала философу во всей Польше славу крупного ученого-педагога.

К сожалению, в Польше Гессен не нашел своего места как философ. Уже сложившаяся к приезду Гессена в Варшаву «львовско-варшавская школа», чисто аналитическая, программно-научная и совершенно чуждая всяческой метафизике, не была ему близка. Поэтому в философской среде Гессен остался одинокой фигурой. Его известность в Польше была высокой, научный авторитет его бесспорен, его любили и уважали коллеги и ученики, но в основном лишь как теоретика педагогики.

Страшным испытанием стали для Гессена годы войны. Он стоически переносил тяготы военного быта, постоянно работал, даже в какой-то мере свыкся с положением подпольного педагога – но к концу оккупации Польши его ждала новая трагедия: в огне Варшавского восстания погиб домашний архив Гессена с рукописями последних лет; погибла и верстка первого тома его новой книги, уже отданная в издательство^[11].

С окончанием военных действий ситуация в Польше стала быстро изменяться. Наряду с началом реконструкции экономики, восстановлением лежавшей в руинах страны, пошел полным ходом и процесс ее «сталинизации». «Марксистский перелом в общественных науках» создал непереносимую интеллектуальную обстановку в университетских кругах. К 1949 г. профессор Т Котарбиньский, друг Гессена, уже не был ректором Лодзинского университета, где Гессен получил кафедру на факультете педагогики. Преподавание философии было вообще упразднено вплоть до формирования «марксистских философских кадров». Хотя Гессен работал на педагогическом факультете и непосредственно его эта чистка не коснулась, было

ясно, что развитие событий неминуемо приведет и его к лишению кафедры.

В этих условиях для сохранения педагогической практики Гессен решил перейти преподавать русский язык на недавно открытом отделении русской словесности. Для студентов отделения его языковые лекции стали интереснейшей частью учебной программы. Понятно, что для такого эрудита, каким был Гессен во всех гуманитарных сферах, лингвистический анализ был поводом для увлекательных и блестящих экскурсов не только в философию языка, но и в историю философии, искусства, в историю культуры в целом. Он излагал материал так, как это делали, наверное, древние философы-грамматики. Те, кому посчастливилось слушать его лекции той поры, надолго сохранили их в своей памяти.

Но переход Гессена на русское отделение не уберег его от новых неприятностей. Так, в 1949 г. Комитет защиты мира организовал акцию «призыва» к ученым, имеющим широкий круг международных научных связей, вести на Западе пропаганду «мирной политики СССР». Активное проведение этой «акции» граничило с прямым шантажом. Но Гессен, несмотря на давление партийных активистов, отказался участвовать в этом унижительном фарсе. Еще одно тяжелое испытание ждало его на Всепольском педагогическом съезде: несправедливые нападки на «реакционного эмигранта» исходили от нескольких бывших его учеников.

Конечно, Гессена, как истинного философа, в этих тяжелых условиях спасала его непоколебимая вера в смысл истории, уверенность в преходящем характере наступившей дикости. Но его сердце неумолимо слабело, и 2 мая 1950 г. С. И. Гессен скончался. Согласно его последней воле, он был похоронен с соблюдением православного обряда на Лодзинском православном кладбище. Похороны собрали на кладбище несколько

сот человек. В лице Гессена преподаватели и студенты чтили не только русского педагога-эмигранта: это была явная антисталинская демонстрация. Над его гробом выступал друг покойного и его философский противник, профессор Котарбинский. Свою речь он начал словами: «Нас оставил человек редкостного благородства, и большой мудрец...»

На кончину Гессена русская философская печать в эмиграции отозвалась рядом некрологов. Упомянем прежде всего полный теплых слов некролог о В. Зеньковского^[12]. Друг юности и соратник по «Логосу» Ф. А. Степун отозвался дружескими воспоминаниями ранних лет совместной работы по «Логосу»^[13]. Затем наступило полоса долгого забвения...

Это замалчивание имени Гессена продолжалось довольно долго и в польских научных кругах, и тем более в советской историко-философской науке. Лишь в Италии педагогическая деятельность Гессена была оценена по достоинству. Можно уверенно сказать, что философия педагогики Гессена реально повлияла даже на ход реформ в итальянской школе. Его труды не раз переводились на итальянский язык. Известный педагог Луиджи Вольпичелли пропагандировал его идеи в публиковавшейся издательством «Авио» серии «Проблемы педагогики»^[14]. Интерес к педагогическим идеям Гессена в Италии вполне оправдан: для родины Бенедетто Кроче соединение социально-либеральной ориентации с философским идеализмом было вполне понятно и объяснимо. Со временем и Польша признала выдающиеся заслуги Гессена в области философии культуры, теории педагогики. С конца 50-х гг. стали издаваться его педагогические и философские сочинения^[15].

* * *

В философии Гессена острое ощущение глубокого кризиса европейской цивилизации, в том числе и кризиса европейского либерализма, соединилось с твердой уверенностью в том, что «вечная истина» этой цивилизация, так же, как и «вечная истина» либерализма, будет спасена. Непоколебимому оптимизму гессеновской философии всеобщего примирения сопутствовал уверенный спокойный героизм стоического толка. Таков был его способ противостояния тем настроениям катастрофизма, которые были так распространены в то время, в которое ему пришлось жить. В молодости Гессен видел Первую мировую войну, затем – падение царизма, большевистская революция и гражданская война; в зрелом возрасте – появление тоталитарных режимов, ужасы нацистской оккупации в Польше и наконец крах «старого мира» в Восточной и Центральной Европе. Даже расцвет философской и литературной культуры в предреволюционной России был проникнут предощущением трагедии. Многие русские мыслители того времени воспринимали грозящую катастрофу как полное тайны провиденциальное событие – как наказание за прежние грехи России и возможную надежду на мессианское возрождение. Стоит в связи с этим вспомнить знаменитое стихотворение В. Брюсова «Гунны»:

Бесследно все сгинет, быть может,
Что ведомо было одним нам,
Но вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном.

Однако исторический оптимизм Гессена не позволял ему погрязнуть в мрачных размышлениях о конце истории. Верный ученик Г Риккерта, Гессен считал, что сфера «объективных ценностей» проходит через всю

историю человечества и наполняет ее высшим смыслом. Уверенность в конечном торжестве мира высших ценностей отличала его как от некоторых наивных либералов, отказывающихся признать глубину охватившего их мир кризиса, так и от либералов разочарованных, полностью погрузившихся в мрачные пророчества или увязнувших в эсхатологических грезах. Гессен до конца своих дней оставался русским европейцем, свободным от эмигрантских комплексов. Он не позволял себе быть настолько подавленным трагедией России, чтобы оказаться равнодушным к проблемам всего остального мира. Его глубокая преданность европейскому либеральному наследию тесно сочеталась с убежденностью в том, что для спасения истины либерализма необходимо ее отрицание и дальнейшее диалектическое переосмысление. Все его работы о педагогике, праве и политической экономии были задуманы как «прикладная философия», и этот термин означал для него попытку реализовать высшие ценности и таким образом преодолеть всякий возможный кризис. Его творчество всегда – это борьба с релятивизмом и субъективизмом, и вместе с тем, с неприятием ложных абсолютов.

В теме кризиса либерализма соединились две сферы гуманитарного знания, равно интересовавшие философа: риккертская философия ценностей и наука права.

Подробный анализ философского аспекта существа этого кризиса был предложен им в первой книге, написанной на польском языке, – «О противоречиях и единстве в воспитании» (1939). Содержание книги хорошо отражает основные темы философских изысканий Гессена.

Кризис либерализма, по мнению автора, вызван упадком веры в объективность истины, духовных ценностей; в его основе лежат кризис науки и упадок

нравственности. Эмпириокритицизм, прагматизм, исторический материализм и различные течения «философии жизни» развеяли трансцендентальный смысл истины, свели ее к обычному «инструменту жизни» – биологической или социальной, индивидуальной или коллективной, но всегда находящейся в зависимости от практических нужд человека. Конечно, возможность показать укорененность мысли в реальной жизни была бесспорным познавательным достоинством этих теорий, но цена за отказ от истины – релятивизм и субъективизм – была слишком высока. Практически она деструктировала нравственность и культуру. Так, Гессен ставит вопрос: как преодолеть релятивизм и культурно-нравственный кризис, не возвращаясь при этом к наивному догматизму, как преодолеть политический кризис без обращения к рационалистическим иллюзиям классического либерализма?

В первой главе книги Гессен представил оригинальное решение проблемы. Он воспринял у В. Дильтея его типологию мировоззрения (*Weltanschauung*), но в модифицированной, историзированной форме; он определял призвание философии как преодоление ее мировоззренческих основ чрез стремление к объективности и универсальности. Мировоззрение, то есть предсознательное единство образа мира, ценностных суждений и волевых импульсов, основывается, по Гессену, на личности и экзистенциально-исторической ситуации своих носителей; оно связывает философию с жизнью. Но «укоренение философии в жизни» – лишь одна из функций мировоззрения. Другая его функция состоит в постоянном стремлении преодолеть зависимость личности от экзистенциально-исторических условий, трансцендировать себя в универсальной и объективной философии. Всякая подлинная философия рождается в

диалектической напряженности между экзистенциальной укорененностью и стремлением к сверхэкзистенциальной, трансцендентальной истине. Философский поиск всеобщего смысла лежит в диалектике внутренней жизни мировоззрений, стремящихся к преодолению своей собственной ограниченности, уходящих от угрозы своей дегенерации в закоснелом «идеологическом представлении». Итак, перед мировоззрением существуют две опасности: оно может выродиться в «идеологию» и, во-вторых, стать мертвым «нейтральным» знанием, карикатурой на универсальность.

Конфликт историзма с верой в объективные сверхисторические ценности Гессен пытается разрешить следующим образом. История творит традицию, размышляет он в «Основах педагогики»; но наследование прошлого было бы невозможно, сводись человеческое существование лишь к чистой истории^[16]. Само явление традиции могло возникнуть только потому, что человечество на протяжении всей истории стремится к разрешению сверхвременных «целей-задач». История, таким образом, становится возможна лишь в рамках культуры. Личность индивида может формироваться только в его стремлении к реализации ценностей. Релятивизм же фактически отрицает историю, историческую преемственность. Культурные ценности невозможно полностью реализовать в исторически существующих культурах, но это не означает, что их объективность иллюзорна; недостижимость ценностей есть скорее следствие их неисчерпаемости, их «бесконечного вырастания над всем конечным миром». Культура вырастает из истории, но история в то же время трансцендирует себя в культуре. Поэтому истинно исторической является только та человеческая деятельность, которая так или иначе реализует вневременную ценность-задание.

В своих стремлениях преодолеть кризис культуры Гессен пользовался особым видом диалектического метода. Для Гессена диалектика была средством согласовать концепцию мировоззрения как жизненного источника философской рефлексии с гуссерлианской теорией универсалистской миссии философии: она позволяла ему видеть преемственность и постоянство в исторических переменах, отражение абсолютных ценностей в сфере относительного.

Философия Гессена отстаивала объективный и всеобщий статус ценностей. Не имея физического существования, говорил он, они имеют «всеобщее значение»: значит, их способ существования не зависит ни от индивидуальной психики, ни от коллективного сознания. Их объективный и универсальный статус состоит в их «внутреннем качестве», которое нельзя вывести из социальных условий. Культурные ценности воздействуют своим «призывом», направленным к людям как свободным духовным существам, то есть к личностям. Мир ценностей иерархически многослоен, ценности диалектически связаны друг с другом и пронизывают одна другую; высшие «просвечивают» сквозь низшие, а низшие и отрицаются, и одновременно сохраняются в высших ценностях. История есть процесс реализации ценностей, но их «внутреннее свойство» не зависит от исторической смены событий. Философия же – это осознание человеком себя как существа, реализующего ценности, то есть – творящего культуру. Практическим применением философии является педагогика, или наука о воспитании. Вот почему педагогические работы Гессена имеют ключевое значение для понимания его философии и почему его философия педагогики, направленная против натурализма и социологизма в воспитании, называется «педагогика культуры».

Этот термин отражает основное содержание его «Основ педагогики», но позднее он попытался расширить это представление. В своей «Философии воспитания» (погибшей во время Варшавского восстания) Гессен уделил особое внимание развитию идеи о сверхкультурном и сверхдуховном уровнях человеческого бытия, описывая которые, он использовал даже религиозную терминологию. Первые очертания этой концепции появились уже в книге «О противоречиях и единстве в воспитании» (1939): «Человеческий индивид существует как бы в четырех планах бытия, которым соответствуют четыре плана воспитания: индивид как организм психофизический, как социальная личность, как личность, включенная в культурную традицию, и как член «Царства духовных существ»^[17]. Гессен пояснял далее, что это «Царство духовных существ» соответствует Царству Божию в концепции таких философов, как Август Чешковский и Владимир Соловьев.

В своем наиболее развитом виде эта схема антропологической философии представляется следующим образом: Гессен насчитывает четыре плана бытия человека, которым соответствуют различные степени любви и соответствующие уровни бессмертия. Им же отвечают различные уровни или, по Гессену, планы, воспитания. Так, на уровне биологического существования – особь – вид – наследственность; на уровне общественного бытия – индивид – группа – власть; в плане духовной культуры – личность – духовное общение-ценность, и в плане благодатного бытия – человеческая душа-Царство Божие- Бог. Этим планам соответствуют различные уровни любви, от полового влечения до христианской любви к ближнему, и разные планы бессмертия (бессмертие в потомстве, временная длительность социальной группы, традиция, историческое бессмертие и бессмертие личное).

Соответствующие же планы воспитания таковы: уход и дрессировка на биологическом уровне, затем воспитание молодого поколения, образование как участие в культуре и спасение, то есть освобождение души от Зла. Это иерархическое построение заключают ступени счастья: чувственное удовольствие, успех, удовлетворение от исполненного задания и наконец радость.

Появление в философии Гессена религиозной перспективы было вызвано его глубоким интересом к русской философии, прежде всего к идеям Вл. Соловьева и Ф. М. Достоевского. Он высоко оценивал соловьевскую идею «всеединства», противопоставляя ее и атомистическому плюрализму, и застывшему монизму; эта идея стала одной из составляющих его диалектико-структуралистского метода; его критика изоляционизма и абсолютизация отдельных элементов диалектической целостности прямо соотносятся с соловьевской критикой «отвлеченных начал». Романы Достоевского Гессен считал настоящим «руководством к жизни». В «Братьях Карамазовых» он находил и формулировку, и интуитивное решение глубочайших проблем современной этики.

Увлечение Гессена идеями Соловьева и Достоевского было красноречивым свидетельством его близости к так называемому русскому религиозно-философскому ренессансу начала XX в. На русских мыслителей, прошедших эволюцию, по выражению С. Н. Булгакова, «от марксизма к идеализму», творчество обоих этих мыслителей произвело такое глубокое впечатление, что многие из них вступили в новую фазу своего духовного развития, теперь уже «от идеализма к религии». Мысль Гессена в этом ряду философских концепций, вдохновленных Соловьевым, занимает свое особое место. Прежде всего, Гессен выступил как решительный западник; он свел к минимуму значение соловьевской

«теократической утопии», подчеркивая при этом кантовские мотивы его философии, Гессен приписывал Соловьеву защиту кантовского понятия «автономии добра» и, следовательно, преодоление утопических устремлений^[18]. Гессен и в Достоевском видел не мессианского утописта, но напротив, тонкого критика утопической мысли.

Глубокий и полный анализ утопизма приводит Гессена к социальной философии и от нее - к философии права. Сущность современного утопизма он вскрыл в статье «Крушение утопизма», которую позднее переработал во введение к своей не изданной до настоящего времени книге «Правовое государство и социализм». Он определял ее как абсолютизацию какой-либо «цели-задания», неизбежно ведущую к отрицанию традиции и далее - к утилитарному отношению к историческому наследию. Особенно резко критиковал Гессен милленаристский аспект утопизма. Царство Божие, доказывал он, не есть царство в смысле земного государства; оно принадлежит иному плану бытия, не соприкасающемуся с «горизонтальным» историческим измерением. Никакая отдельная форма земной жизни не может быть признана его окончательным воплощением, а в утопических теориях сама идея Царства Божия опасно искажается. Это означает замену абсолютного на относительное и, с другой стороны, в этой ситуации происходит поглощение ложным абсолютном всего разнообразия культурных сфер, лишение их свойственной им автономии. Именно здесь кроется нигилистическое, чисто инструментальное отношение к праву, типичное для утопического способа мышления. Мы видим, что Гессен стремился преодолеть релятивизм, отстаивая при этом автономию ценностей. А именно защита этих ценностей составляла наследие европейского либерализма. Итак, Гессена нельзя причислить к типичным философам-апологетам идей

Достоевского и Вл. Соловьева. Славянофильским мотивам, романтической критике индустриализации, мессианским и эсхатологическим идеям нет места в его работах. В отличие от С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка, Н. Лосского, Л. Карсавина и многих других эмигрантских мыслителей, Гессен так и не стал религиозным философом в прямом значении этого слова. Он часто приближался к порогу религиозной метафизики^[19], но все же в глазах исследователей русской философии он так и остался мыслителем, который «никогда не отступал от философского осмысления эмпирической реальности»^[20].

Правовые воззрения Гессена 20-х гг. получили наиболее полное развитие в цикле статей для «Современных Записок», которые он предполагал издать отдельной книгой^[21]. В своем анализе различных социалистических теорий права и государства Гессен отмежевывается от концепций государственного социализма, например, доктрины А. Менгера. Гессен видит сущность права в обеспечении личных прав человека, в защите определенных законом сфер частной жизни, и в том числе, экономической свободы. Короче, он защищал «принципы права», признавая при этом необходимость административно-бюрократического регулирования.

Существенная функция права, по Гессену, состоит в ограничении власти государства, говоря его собственными словами, главная задача состоит в «оправлении экономики, а не ее «огосударствлении»»^[22]. Право, по Гессену, это часть великой исторической традиции, а его основная задача – это «ограждение непроницаемости лица»^[23]. И, конечно же, он поддерживал классическую идею правопорядка, а не «юридизации» жизни путем всеобщего

регулирования и введения системы мелких предписаний и регламентаций.

Конечно, «непроницаемость лица» для Гессена – это классическая либеральная идея области неприкосновенности личности. Но он обогатил это понятие, рассматривая ее не только в плане ограничения государственного давления, но и вводя в нее идею ограничения социального и морального давления на личность. Человеческая личность, утверждал он, имеет «супрасоциальное» ядро, непроницаемое для влияния коллектива^[24]; в случае нарушения этой «непроницаемости» личность прекращает свое существование. Тот же процесс деперсонализации происходит и тогда, когда права субъекта, которые должны быть защищаемы правом, приносятся в жертву высшей морали. В своем анализе проблемы Гессен пытается достичь разумного компромисса в знаменитом споре о праве Вл. Соловьева и Чичерина, найти золотую середину между признанием Соловьевым права как «минимум нравственности» и теорией Чичерина о праве как совершенно отделенной от морали сферы. Как и Чичерин, он считал, что смешение морали и права теоретически ошибочно, а в жизненном плане крайне опасно – таким образом становится возможным оправдание худших выражений тирании^[25].

По мнению Гессена, кризису либерализма сопутствовал и кризис коммунистической идеи. Отвергнув идею права, главный движущий фактор либерального наследия, коммунизм воспринял у него культ неограниченного промышленного производства. Но европейские социалисты поняли, что идею правопорядка нельзя поддерживать на уровне устаревшего образца первых либеральных теорий, что ее содержание нужно развивать, поскольку оно безгранично и неисчерпаемо. Их заслугой является

признание того, что главная проблема современности – это не экономическая проблема классовой эксплуатации, а правовая проблема ограждения свободы и равенства личности; что понятие эксплуатации нельзя сводить к чисто экономическим проявлениям, что его следует рассматривать скорее в кантовских категориях, поскольку главное – это угроза человеческому достоинству трудящихся, над которым постоянно висит дамоклов меч обезличивания и реификации (Гессен использует вместо этого распространенного термина выражение «фактическое превращение человека в вещь»^[26]).

Лишь недавно, доказывает Гессен, был преодолен разрыв либерализма с социалистической мыслью. Новые либералы, так называемые социал-либералы, признали значение социалистических проблем, а демократические социалисты в свою очередь признали значение права, тем самым решительно порвав с утопизмом.

Отличия Старого либерализма от Нового Гессен сводит к трем основным проблемам: это – новая концепция свободы, новый подход к демократии и новое понимание собственности. В отличие от «старой», «новая» свобода имеет положительное содержание. Оно включает в себя не только негативное право быть свободным от чьего бы то ни было вмешательства, но и позитивное право на постороннюю помощь. Такая новая свобода вполне соответствует соловьевскому принципу «права на достойное существование». Гессен охотно и часто использовал это удачное выражение Вл. Соловьева^[27].

Новый либерализм, в отличие от государственного абсолютизма и утопического социализма (к которому он причислял и коммунизм), остался верен духу закона в смысле защиты личной неприкосновенности^[28]. Итак, по Гессену, неолиберальное государство не подчиняет право некоему конкретному представлению о Добре; оно

лишь устраняет экономические препятствия, ограничивающие правовую свободу и равенство каждой личности. Не пытаясь решить, что есть Добро, государство, в его неолиберальном понимании, старается создать условия, при которых каждый может свободно выбирать, что есть благо для него, предотвращает ситуацию, в которой экономическая нужда превращает в карикатуру идею ответственности и свободы. Так преодолевается конфликт между негативно и позитивно понимаемой свободой.

Так же анализируется Гессеном и другая оппозиция классического либерализма, формулированная еще Б. Констаном: либеральная идея ограниченной власти и демократический принцип народного суверенитета. Новый либерализм, по Гессену, достиг синтеза либерализма и демократии осознанием, что «воля народа» – это фикция, а не эмпирический факт, хоть и важный как «задание», как «регулятивная идея», что высшая власть основана на праве, а не на воле случайно сложившегося и преходящего большинства, представляющего «народ»^[29], что право должно основываться на уважении человеческого достоинства.

Вопрос о собственности в неолиберальной концепции государства характеризуется, по Гессену, признанием определенных форм обобществления, он связан с опровержением древнеримского понятия собственности (*jus utendi et abutendi*). Веру в абсолютную частную собственность заменяет представление, что частная собственность существует лишь как средство реализации личной свободы; такая концепция предполагает более индивидуализированное, менее отчужденное отношение к ней: отчужденные формы собственности постепенно уничтожаются^[30]. Этот процесс, считает Гессен, можно понимать как диалектическое движение, возврат на более высоком

уровне к добуржуазному представлению о смысле собственности как продолжении личности.

Но Новый Либерализм, по мнению Гессена, не может адекватно разрешить современные проблемы. Он не преодолел еще старой механистической концепции общества, не осознал подлинную сущность коллективности; оставил без внимания проблемы деперсонализации и реификации человека в обезличивающих условиях капиталистического товарного производства^[31].

В своей книге Гессен критикует позицию П. И. Новгородцева, занимаемую им в вопросе критики социалистических учений. Гессен считает, что Новгородцев переоценил степень конвергенции демократического социализма и социального либерализма: по мнению Гессена, социализм в своей последней стадии преодолевает неолиберализм, провозглашая новое состояние в развитии правового государства. В доказательство этого тезиса Гессен анализирует всю историю социалистической мысли, с точки зрения развития в нем правовой идеи.

Детальному анализу подвергает Гессен классический марксизм. Неприятие права и государства марксизмом исходит из посылки, что реальна в ходе истории лишь воля правящих классов. Поэтому «правопорядок» – лишь буржуазное лицемерие, худшее чем открытый произвол абсолютизма. Конечно, здесь Гессен несколько преувеличивает: эта крайняя в отношении права позиция более характерна для тех заключений, которые делали на основе марксистской теории русские народники. Гессен считал социальные построения марксизма глубоко антиисторическими и утопичными. Маркс редуцировал весь исторический процесс до развития производительных сил, оставив культурным и политическим ценностям роль временных надстроек. Гессен подробно разбирает теорию

идеального коммунистического общества, предлагавшегося Марксом, подчеркивает при этом откровенно милленаристский его характер. Марксово понятие исторической необходимости лишь маскирует собой утопический антиисторизм марксизма^[32]. Революционные события в России представлялись Гессену квинтэссенцией марксистского утопизма, а наиболее полно чистое разрушительство большевизма проявилось в политике «военного коммунизма». Вырождение права в советском государстве показало еще один характерный аспект марксизма – стремление любыми способами осуществить абсолютизированный и произвольно обозначенный идеал позитивного Добра. От всех других течений социализма, даже от классического марксизма, коммунизм отличается трактовка им этого позитивного Добра в категориях сверхиндивидуального целого, придающая ему обличье примитивной консервативной теории.

Но Гессен считал, что существуют и такие социалистические теории, которые «творчески», «конструктивно» анализируют капитализм; они представляют собой различные «моменты» процесса, в котором идея социалистического Блага проникалась принципом права. Он вполне допускал возможность такого проникновения. После Лассаля, по мнению Гессена, это были германские ревизионисты и французские синдикалисты. Гессен не был согласен с позицией Новгородцева^[33], представлявшего синдикализм течением, совершенно противоположным социал-демократическому ревизионизму. Правда, ревизионисты поддерживали демократическое государство, а синдикалисты не доверяли политической демократии, но все же оба течения тесно связаны, по мнению Гессена, с идеей права: первые – выдвигая парламентские методы борьбы, вторые – борясь за «социальное право». Именно синдикализм своей борьбой

против государства придал новый аспект социалистическому пониманию права, расширив сферу его действия и выступая против этатизма.

Высшее проявление «пронизания» социализма правовыми принципами Гессен видел в британском гильдейском социализме^[34]. Гильдейцы стремились подчинить государство и экономику абсолютному авторитету права, гильдейский социализм заслуженно можно считать первой формой развитого «правового социализма»^[35].

В 20-е гг. большое распространение получила идея наступления «Нового Средневековья»^[36]. Гессен горячо поддержал эту идею, доказывая, что в «новом средневековье», в отличие от средневековья исторического, будут полностью соблюдаться «непроницаемость лица» и незыблемость субъективных прав личности^[37]. Сущность идеи состояла в установлении суверенитета права, сильного правопорядка в политике, экономике и в соблюдении принципа плюрализма правовых норм, взаимно ограничивающих друг друга. В этом процессе распространения функции права государство подвергнется процессу «деволюции», станет выражением принципа универсальности в обществе, основанном на началах «функционального федерализма»^[38]. Такой процесс приведет к тому, что государство станет как бы «обществом-общностью», то есть не будет отчуждено от общества. Социальное раздробление устранился, отдельные индивиды примут активное участие в жизни разнообразных объединений. Но Гессен при этом не идеализирует роль различных средневековых объединений – гильдий, церковных братств и других «сообществ». Человек получит возможность осуществить многофункциональность своей жизни. Это коренным образом отличает «новое

средневековье» от всецелого поглощения государством личности в современном капиталистическом государстве. Итак, лишь признав роль и значение права, социализм сможет преодолеть свой утопизм и тогда у него появится возможность явить себя высшей формой «правового государства».

Конечно, взгляды Гессена на возможности развития социалистической теории были слишком оптимистичны. Но в то время Гессен не был одинок: его ученик и друг Г. Д. Гурвич также проявлял сочувственный интерес к французскому синдикализму и к идее «социального права»^[39].

В дальнейшем Гессен разовьет свои взгляды на развитие правового государства, существо свободы и значение прав человека в современном обществе в статье, предназначенной для сборника ЮНЕСКО «Права человека», и одной из сохранившихся глав его погибшей книги «Упадок и возрождение демократии». Эта глава называется «Ослабление пульса демократии» и содержит обстоятельный и глубокий анализ сути кризиса либерального и либерально-демократического понимания свободы. В этой работе чувствуется резкое изменение воззрений и оценок релятивистской теории (в частности, теории Кельзена). Кризис европейской культуры произошел, согласно Гессену, не вопреки, а в результате внутреннего ослабления и распада демократической традиции. Наступившее господство тоталитаризма стало его закономерным результатом. Проявлением этого кризиса в сфере культуры стали возобладание потребительских отношений, «массовая культура» и прочие негативные явления жизни современного общества. Преодоление этого кризиса возможно лишь во всеобщем обновлении: в религиозном возрождении и социалистической перестройке общества. Именно социализм, по мнению Гессена, при условии осознания им должного соотношения роли

права, экономики и государства и преодолении своего утопизма, станет высшей формой правового государства^[40]. Постоянный диалог с марксизмом, эта характерная черта творчества Гессена, был вызван огромным, поистине небывалым значением марксистских идей в истории России. Гессен никогда не считал, что марксизм можно игнорировать, напротив, он стремился, в полном соответствии со своим любимым принципом «снятия», преодолеть его позитивным путем. Несомненно, он понимал марксизм куда лучше огромного большинства самих марксистов. Он не отвечал резкостью на агрессивность вульгаризованного и политизованного марксизма, предпочитая в своей интерпретации значения и актуальности марксистского наследия напоминать людям о гуманистических аспектах марксизма. Он не стыдился использовать уроки марксизма в своих собственных теоретических построениях. Так, на его теорию права как опосредования двух планов человеческого бытия – социального и духовного – известным образом повлияла марксистская концепция права как связующего звена между экономическим базисом и идеологической надстройкой. К концу жизни он всерьез заинтересовался проблемой отчуждения, считая, что это понятие связывает марксизм с великой традицией философского идеализма. Он считал, что идея будущей дезалиенации культуры подтверждает его интерпретацию конечной цели марксизма, как освобождения бесклассовым обществом будущего культуры от унижительной зависимости от материальных интересов и возвращения ей ее подлинной сущности.

Предпринятая Гессеном попытка примирения либерализма с социализмом стала последним этапом в развитии всего российского либерализма не только как последнее звено в хронологической цепи событий; это была и последняя фаза во внутренней логике его

развития. Все либеральные русские теоретики права, признавая правоту классического либерализма Чичерина, восприняли принципы нового, демократического либерализма и стремились соединить их с принципами социал-демократии, социал-демократического ревизионизма и «катедер-социализма». В одну линию этой тенденции мы можем поставить теории Л. Петражицкого, П. Новгородцева и Б. Кистяковского. Новгородцев занимает в этом ряду особое место ввиду его интереса к синдикалистской концепции социального права. Все они, за исключением Петражицкого, находились под сильным влиянием соловьевской идеи «права на достойное существование», хотя и отвергали его утопическое учение о теократии. Гессен вполне сознавал эту преемственность и гордился ею. Он остро ощущал, что русский либерализм, хотя и недолго участвовавший в активной политической жизни, сумел создать собственную традицию философии права. Он считал себя частью этой традиции и делал все возможное для обогащения ее и преодоления ее ограниченности.

Неприятие Гессеном релятивизма не имело ничего общего с догматической нетерпимостью и односторонностью. Оно сочеталось с постоянным стремлением к взаимопониманию и примирению. Гессен использовал диалектику для примирения различных точек зрения, преодолевая односторонность каждой из них и в то же время открывая те элементы истины, которые каждая содержит в себе. Он стремился не только к примирению либерализма с социализмом; поразительна его способность соединять искреннюю приверженность к правопорядку с признанием значительной правоты за всей традицией русского правового нигилизма. Эта способность стала частью его нравственного стремления к соединению с Россией. Довольно долго он, как и многие другие либералы-

западники, считал русский народ стоящим вне элементарной правовой культуры, мало того, возводящим такое правовое варварство в ранг добродетели. Особенно критически Гессен относился к русской интеллигенции, идеализировавшей такое состояние народа и потворствовавшей всяческим видам правового нигилизма. Однако со временем он сам склонился к мнению, что знаменитое российское неприятие права и в самом деле нередко добродетельно, что оно является чем-то вроде нравственного максимализма, столь превозносимого (и не без основания) русскими мыслителями и левого (как Герцен), и правого (славянофилы) толка. Аргументация Гессена была такова: конечно, русские «правовые нигилисты» страдали односторонностью, но были при этом не так уж и не правы. Они видели только одну функцию права – в социальном аспекте бытия человека – и заблуждались, отрицая высший уровень человеческого существования. Однако их утверждения, что социальная сторона права имеет и весьма непривлекательные черты, были не лишены оснований. Русские анархисты справедливо считали, что свобода, ограниченная правом, не может быть отождествлена со свободой как таковой; народники верно доказывали, что равенство перед законом или даже конституционная свобода не в состоянии решить наболевших социальных вопросов; и те, и другие правомерно считали право инструментом угнетения и эксплуатации. И столь же правы были русские религиозные мыслители – славянофилы, Толстой и Достоевский, – которых отталкивали умозрительная холодность и формализм права и которые провозгласили бесконечное превосходство над ними христианского идеала любви. Так, Гессен писал в своей поздней работе об античных и христианских добродетелях: «Но такое стремление к праву и борьба за него – это лишь слабый

отблеск того бессмертного нравственного творчества, которое свойственно подлинной любви к ближнему»^[41].

В последние годы жизни Гессен напряженно работает над разработкой общей теории права. Гибель рукописей в огне Варшавского восстания не позволила ему видеть свой практически законченный труд в печати. Мы же теперь можем судить о гессеновской концепции по случайно сохранившейся обширной главе его труда, представляющей собой по сути отдельную книгу – «О существе и призвании права». Это была попытка разрешения полемики вокруг проблемы права в русской общественной мысли, ее можно считать пробой интеллектуального примирения двух основных точек зрения на право, которые находили порой столь сильное выражение в истории русской мысли: это точка зрения, что право имеет достаточно ограниченное значение, поддерживавшаяся между прочим анархистами, провозглашавшими право злом, и тот взгляд, что право абсолютно необходимо для нормального развития и жизни общества, провозглашенного и смело защищавшегося либеральным меньшинством.

Значение правовой философии Гессена может быть точно выражено словами: *оправдание права*. Ведь право имеет и иной облик, обращенный в мир объективных универсальных ценностей, оно обеспечивает необходимую связь социального плана бытия человека, со всеми присущими ему противоречиями, с высшей духовной сферой; право не может заменить культурных и нравственных ценностей, но без него нельзя обойтись, создавая необходимые условия для их торжества. Право охраняет ту непроницаемость личности, которая суть основа высших форм ее самореализации. Не следует считать право основой Добра или отождествлять со всем, что служит Добру. Однако для современного человека право – это подлинный якорь спасения: оно указывает, как избежать искушений тоталитаризма, в

какой бы форме они ни проявлялись – в откровенно разрушительной или в форме доброжелательной опеки, тоталитарная природа которой была так безжалостно обнажена в «Легенде о Великом Инквизиторе». Именно зов высших ценностей составляет, по Гессену, суть всех устремлений человеческой личности, и осознание этого стало основой и его философии воспитания, и правовой теории. На последних страницах его работы «О существе и призвании права» звучит резкое осуждение режимов, не верующих в эту высшую духовную сущность человека.

Построение понятия личности на основе трансцендентализма. Философия С. И. Гессена^[42] Ю. Б. Мелих

В отечественной истории философии Сергей Иосифович Гессен менее известен, чем его соратники по журналу «Логос» Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко, В. Е. Сеземанн, а между тем именно его Г. Риккерт в связи с замыслом журнала называет «*душой всего предприятия*»^[43], а среди неокантианцев он, по оценке В. В. Зеньковского, «самый яркий» представитель трансцендентализма в России, который, «несомненно, обладает большим философским дарованием – честность мысли, законченность формулировок, постоянное тяготение к систематике понятий»^[44]. Они выделяют и отличают его философствование от литературности Степуна и схоластичности Яковенко.

Эпиграфом к своим мемуарам «Мое жизнеописание» Гессен выносит фразу из «Эннеад» Вергилия: «Если б Юпитер возвратил мне прошедшие годы». Однако, обращаясь к его наследию, многогранность которого во многом вызвана необходимостью откликаться на вызовы времени, в которое ему довелось жить, времени расцвета русской культуры Серебряного века и катастроф: двух мировых войн и революций, более понятным для нас его творчество делают слова, которые он, по воспоминаниям А. Валицкого, любил в различных ситуациях повторять, цитируя стихотворение Ф. И. Тютчева «Цицерон» и «особенно восхищаясь последними строками»^[45]:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был,
И заживо как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

Особенно первые четыре строки наиболее точно выражают, на наш взгляд, как мироощущение, так и жизненную позицию самого Гессена – собеседника и зрителя. Это подтверждается и высокой его оценкой творчества А. И. Герцена, причисляемого им к таким представителям культуры и индивидуальностям, которые «своим участием... не определили ни одного большого события политической или социальной жизни, не основали никакой религиозной секты, ни в одном конкретном деле... не реализовали свою личность. <...> История отвела им горькую, но внутренне богатую судьбу странствующих созерцателей, носителей духа времени»^[46]. Личность Герцена, его судьба, о которой Гессен пишет еще в 1908 г. и которую он понимает как мессианскую, окажутся пророческими и для самого Гессена.

Он мог бы быть скорее идейным последователем журнала «Вехи», поскольку стремился объединить в одну концепцию темы более прикладного характера, затронутые его авторами, в первую очередь о личности, а также философии хозяйства, права, общества, образования, то есть культуры, которые не очень интересуют его соратников по журналу «Логос», выступивших общим фронтом под знаменем «научной философии». Логосовцев в первую очередь связывает неокантианство, расширенное иррационализмом через

интуицию и «переживание», так со Степуном Гессена связывает повышенный интерес к индивидуальности, к свободе и творческой деятельности, а с Яковенко – методологическая разработка гносеологии. Но уже здесь проявляется и их своеобразие: у Гессена в стремлении укрепить объективность индивидуальной причинности и истории, у Степуна – уклон к осмыслению оформленности культуры творчеством, а у Яковенко – это ярко выраженный критицизм и трансцендентализм в гносеологии.

Основным проблемным полем философской рефлексии для Гессена является социальная (не историческая и не культурная) реальность, а именно отношение личности и общества. Первые философские работы Гессена посвящены доктрине прогресса у М. Ж. А. Н. Кондорсе и у О. Конта, анализу политических взглядов жирондистов, Герцену, которого он представляет мессией новой социалистической идеи и жизни. В диссертационном исследовании Гессен, хотя и отдалится от непосредственно социально-политической проблематики, но будет анализировать индивидуальное бытие, ссылаясь при этом на социологические работы Г. Зиммеля. Основные положения диссертации об индивидуальной причинности разрабатываются им, вслед за Г. Риккертом, не с точки зрения детерминированности, присущей наукам о природе, а причинности, применимой к историческому знанию. Эта методологическая установка у Гессена составляет основу теоретизации социальной реальности и впоследствии послужит разделению методов познания на монистический и плюралистический, которые несколько позднее будут дополнены гетерологическим методом, опять же заимствованным им у Риккерта.

По словам В. В. Зеньковского, у Гессена «имеется целый ряд интересных построений в области антропологии», и, более того, по его мнению, «Гессен

яснее и острее других выразил позицию трансцендентализма в сфере антропологии»^[47]. Суть трансцендентализма четко сформулировал соратник Гессена Степун: «Что же, в сущности, сделал Кант? Говоря кратко, он превратил трансцендентное в трансцендентальное, он переложил горизонт философии так, что абсолютное осталось как бы за ее горизонтом. (Этим своим шагом он решительно ушел от рационализма, ибо окончательно *изъял абсолютное из ряда рационально познаваемых* предметов.) (курсив мой. – Ю. М.)»^[48]. В соответствии с таким видением Канта проясняется и формулировка Зеньковским вопроса, который становится «основным и решающим» для «русских защитников трансцендентализма, с общей в русской мысли склонностью к персонализму»: «Как построить понятие личности (как понятие центральное для этики) – на основе трансцендентализма? Ведь невозможно отвергать того, что в линиях трансцендентализма мы движемся в сторону имперсонализма: все “ценное” в личности превосходит ее и должно быть связываемо с трансцендентальной “сферой”»^[49], а не с трансцендентной. Таким образом, все познаваемое, понятийно выразимое, а, следовательно, общее, остается в пределах бесконечного трансцендентального построения категорий, а трансцендентное – рационально невыразимо и доступно только индивидуальному переживанию. По мнению Зеньковского, Гессен предлагает «наиболее сильное» решение, стремясь трансцендентально обосновать и тем самым объективно укрепить индивидуальное, но поскольку он «боится метафизики», это решение остается недостаточным.

Персоналистические идеи, находящиеся в центре исследования, раскрываются Гессеном в зависимости от выбранной перспективы рассмотрения темы личности: в мировоззренческой плоскости через ее

«укорененность» в ценности культуры; в социально-политической и правовой – с позиции свободы, нравственного долга, правового закона и наказания; в исторической – с позиции индивидуального и сверхиндивидуального бытия, в философской – с теоретической, рефлекслирующей о всех сферах личного и сверхличного бытия и мышления. В текстах всегда сквозным понятием является личность, а не субъект, не «я» и не человек, не лик и лицо, как это делает Степун, наряду с употреблением им понятий «я», или «субъект», которые мы находим преимущественно у Яковенко.

Высокая оценка Гессена и его позиционирование в трансцендентализме, сфокусированном на проблеме личности, дают основание начать анализ русского неокантианства именно с философии Гессена, более детально продуманной и изложенной, позволяющей выделять и находить недостатки и неясности в решении сформулированного В. В. Зеньковским «основного и решающего» вопроса русского трансцендентализма, склонного к персонализму. В дальнейшем мы постараемся выяснить слабые и сильные стороны концепции Гессена. Предварительно можно заметить, что Зеньковский сам оговаривает неполноту используемой им литературы для анализа всего творчества Гессена, а также, на наш взгляд, не замечает и ряд положений, которые даны в его философской системе и позволяют заключить, что Гессен *решает* основной вопрос трансцендентализма, склонного к персонализму, вводя, наряду с биологическим, общественным и духовным бытием, план «благодатного бытия, Царствие божие», включающее «любовь к ближнему, личное бессмертие, спасение и радость», но не разрабатывает его, не создает метафизики, в этом Зеньковский остается прав. Он *не различает* у Гессена «индивидуального закона», свидетельствующего «о сверхличном начале, через устремление к которому и

формируется личность человека»^[50], и «задания» личности, обращая внимание исключительно на последнее. Источником для критики Зеньковский берет работу Гессена «Основы педагогики» с подзаголовком «введение в прикладную философию», что изначально предупреждает нас о том, что *системы метафизики* здесь искать и не следует.

Сам Гессен «среди тем, составлявших предмет» его «настойчивых размышлений и занятий», «все более и более» его занимавших и тесно связанных с этикой и философией права, а также и с «политической свободой», называет «проблему правового социализма», которая станет содержанием его работы «Правовое государство и социализм»^[51]. Акцентируя внимание на вопросах, связанных с обществом, государством и правом, он рассматривает их с неотделимо и подспудно присутствующей во всех этих размышлениях позиции об индивидуальной причинности и личности, что прослеживается и в его полемике со взглядами на личность Н. А. Бердяева, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, П. И. Новгородцева. Исследователями творчества Гессена А. Валицким и В. В. Зеньковским подчеркивается близость его взглядов к философии всеединства Вл. Соловьева, с которой он, однако, познакомится только по возвращению из Гейдельберга в 1909 г. и которую «в то время совершенно не знал»^[52]. Впоследствии Гессен ее рассматривает наряду с творчеством Ф. М. Достоевского в статье «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева». Возможно, поэтому позднее изменится и его философская лексика – в статье «Монизм и плюрализм в систематике понятий», опубликованной в 1928 г., он будет говорить о «понятии-идее», «общим» в котором является «полнота (πλήρωμα), или усовершенствование частного»^[53], об «умалении» в содержании понятий; схожесть же позиций Гессена и Соловьева

присутствует изначально. Можно предположить, что их сближает общее понимание единства сущего, постигаемого через непосредственное мышлением допонятийное переживание. Вл. Соловьев, как известно, в уже упоминавшейся поздней работе «Критика отвлеченных начал», заимствует такое видение у И. В. Киреевского, который в свою очередь находит его у Ф. Шлейермахера. К Шлейермахеру обращается и В. Виндельбанд, ценностную концепцию которого поддерживает и развивает Г. Риккерт. Гессен, как ученик Риккерта, пользуется его интерпретацией образования смыслов из непосредственного допонятийного переживания и абстрактной установки сознания на ценности. Риккерт также оговаривает близость такого переживания к мистическому, но отмежевывается от него как близкого к религиозному, Гессен же сохраняет религиозную основу переживания единства. Таким образом, не зная первоначально философии Соловьева, Гессен оказывается в своей интерпретации первичной индивидуальной каузальности близким к ней. Оставаясь в первую очередь учеником Г. Риккерта, на что он сам неоднократно указывает, Гессен обосновывает свои персоналистические взгляды преимущественно в категориально-понятийном поле неокантианцев, расстраивая и углубляя его введением новых понятий «трансцендентального эмпиризма», «первичной причинности», «объективной действительности», «кусков действительности» и др.

В творчестве Гессена можно проследить смещение теоретического интереса от гносеологии, социально-политической и этико-правовой проблематики к педагогической, то есть к «прикладной философии» воспитания личности. Отход же от занятий философией и общественной деятельностью мог быть связан с желанием не быть в эпицентре идейной борьбы, ему

претил радикализм, набирающий силу в России в период Первой мировой войны как националистически окрашенный патриотизм, а затем как революционный марксизм с диктатурой пролетариата. По его же мнению, причиной было его «непреодолимое тяготение к Западу», а также «демократический либерализм, заставлявший с подозрением относиться ко всяким проявлениям популизма»^[54]. Для революционной деятельности Гессен был, по всей видимости, потерян еще тогда, когда его отец, напуганный тем, что его сын, «как большинство молодых людей в то время», «был отчаянным революционером», отправляет его с братом учиться за границу, а именно, несмотря на прекрасное владение им французским языком, не в социально активную «колыбель революции» – Францию, а в спокойную Германию, в тихий средневековый городок Гейдельберг, при почти полном незнании Сергеем немецкого языка. Однако это не помешало Гессену впоследствии защитить диссертацию у мэтра неокантианства Риккерта с наивысшим баллом *summa cum laude*. Отдаленность профессорской среды от реальности, замкнутость ее на теоретических и идейных дискуссиях, проявившаяся в неспособности предвидения надвигающихся социальных катаклизмов и войн, описывает в своих мемуарах Ф. Степун. Такая же либерально настроенная профессорская среда окружает Гессена и в Петербурге. Отец Гессена был соиздателем журнала «Право», в редколлегию которого входили его дядя, профессор Владимир Матвеевич Гессен, а также известные профессора Л. И. Петражицкий, А. И. Каминка, Н. И. Лазаревский. В дни редакционных заседаний, по воспоминаниям Гессена, они собирались на их квартире за обедом или чаем, и он «прислушивался к их разговорам на политические, юридические и литературные темы». Позднее Гессен женится на Нине Минор, дочери профессора, с которой

познакомился во время учебы в Гейдельберге. Все это создавало «умонастроение», способствующее тому, что по возвращению из-за границы в годы растущей революционной активности его статьи «были образчиком оторванных от реальности теоретических выводов и абсолютно бессильной позиции»^[55]. После возвращения в Россию Гессен читает лекции по неокантианству, участвует в издании «Логоса». С осени 1914 г. он начинает читать лекции по педагогике, которая первоначально была для него «совершенно неизведанной областью», однако спустя два года он «уже нисколько не думал, что занялся несвойственным... [ему] делом»^[56]. Педагогика ограждает Гессена и в годы эмиграции от характерной для нее идеологической борьбы, что после войны с наступлением советских чисток в Польше еще раз оправдало себя и дало возможность быть какое-то время «“укрытым” на педагогическом факультете».

Для Гессена центром философских поисков всегда были индивидуальность, личность и связанные с ней абсолютные ценности культуры: наука, искусство, нравственность, право, хозяйство. В начале своей философской деятельности Гессен выбирает темой диссертации «индивидуальную причинность», основные ее положения он проводит во всех своих последующих работах. Возможно, поэтому и сам он остается личностью с «индивидуальным законом», «неисчерпываемым общей формулой какой-нибудь профессии или программы, но от того не менее законом, свидетельствующим о сверхличном начале, через устремление к которому и формируется личность человека»^[57], его индивидуальность. Сохранение своей личности, индивидуальности, самобытности от распада, от притяжения чужих чувств и мыслей в эпоху их многообразия и стремительной смены, желание оставаться самим собой через отношение к

сверхличному началу – такому заданию и следовал в первую очередь Сергей Иосифович Гессен, поэтому и знавшие его друзья вспоминают, что это был «человек редкостного благородства, и мудрец, мудрец без сомнения»^[58].

Гессен в соответствии с неокантианской теоретизацией и трактовкой истории большое значение придает биографии личности. Как и Степун, он оставляет воспоминания «Мое жизнеописание», в котором он с трогательной неудовлетворенностью собой раскрывает нам свои творческие поиски и жизненные перипетии. Поскольку и Яковенко в своей «Истории русской философии» неоднократно говорит о себе, то можно сравнить самооценки соратников-логосовцев. Так же, как и у Степуна, у Яковенко встречаем полное отсутствие каких-либо жизненных сомнений и неудовлетворенности собой, а только самоуверенное осознание своего превосходства и значимости философов-творцов ценностей культуры, а потому и живущих в истине данной культуры над ее несовершенством. Видимо, не в последнюю очередь поэтому обоим так удается критика как идей, так и жизни. Степун художественно очень убедительно иллюстрирует в своих литературных мемуарах включенность и активную сопричастность личности истории, ее желание изменить, пересоздать реальность. Оба, и Яковенко и Степун, были очень активны и популярны в эмиграции, являясь действительно публичными личностями, однако они не оставляют последователей, в то время, как о Гессене с благодарностью вспоминают его ученики, а его труды по педагогике используются до сих пор.

Об укреплении индивидуальной причинности объективностью. Поиск трансцендентальных

ОСНОВАНИЙ ИНДИВИДУАЛЬНОГО

На учебу в Гейдельберг Гессен прибывает с братом в 1905 г., они записываются на философское отделение и начинают посещать лекции В. Виндельбанда о Канте, Г. Еллинека – по теории государства, Э. Ласка – по философии истории, М. Кантора – по дифференциальному исчислению. Гейдельберг – это центр по разработке методологии и теоретизации культуры и истории. Поэтому Гессен может сохранять и свой первоначальный интерес к изучению социальных проблем, связанных с социальной несправедливостью, но акцентируя внимание на индивидуальности. Если Степуна заинтересовали в первую очередь историко-философские проблемы, выражение духа в формах творчества и в культуре, то Гессена привлекла первоначально гносеология, разработка методологии познания применительно к исторической реальности. Поэтому он выбирает тему диссертации у Г. Риккерта во Фрайбурге, работа которого «Границы естественно-научного образования понятий» окажет основополагающее влияние на все творчество Гессена. Определяющие положения философии будут им разработаны также уже в диссертации, цель которой соответствует изначальной установке неокантианства, провозглашенной В. Виндельбандом: «понять Канта значит его превзойти»^[59], и состоит в превращении понятия «индивидуальной причинности» в «фундаментальный камень истины»: «Этому трансцендентальному рационализму Канта, который сводится к влияниям докритического рационализма, мы хотим противопоставить трансцендентально-эмпиристическую позицию, которая выдвигает проблему индивидуального прямо-таки на первый план, трансцендентально ее обрабатывает и тем самым с

помощью индивидуального объективность не только не зарывает, что делали до-критические эмпиристы, но даже еще больше ее укрепляет»^[60]. Индивидуальная причинность связывается Гессеном с индивидуальным законом и сверхиндивидуальным, надличностным бытием. Таким образом, он, как и Яковенко, стремится укрепить бытие, однако своеобразно, через трансцендентально-эмпирический взгляд, через укрепление объективности индивидуального. В существующей литературе о творчестве Гессена лишь констатируется, со ссылкой на его диссертацию, что его позиция определяется как трансцендентальный эмпиризм, но нигде не дается анализ этого направления, которое Гессен стремится ввести в философский дискурс, поэтому представляется необходимым рассмотреть его более детально.

Первоначально Гессен констатирует, что понятие индивидуальной причинности представляет собой кажущийся парадокс, решение которого призвано расширить ту сферу философии, которая способствовала и сделала возможным образование этого понятия – а именно трансцендентализм. Гессен делает исторический экскурс в разработку понятия общего, объективного, посредством которого познается и объединяется реальность. Первоначальное открытие Сократом объективности в родовых понятиях не позволяло рассматривать индивидуальное как носитель объективности. Индивидуальное или чувственное представляют собой элементы, мешающие достижению истинного, то есть общего и объективного знания, через индивидуальное нельзя выразить необходимое, как и найти полноту причинности. Такая установка составляет суть рационализма. Противоположная установка эмпиризма отдает приоритет индивидуальному опыту, но, как и рационализм, дает основание констатировать, что невозможно показать необходимость и причинность

индивидуального. Даже у Юма «вера» (belief), приобретенная путем привычной ассоциации, имела необходимость общего закона, а не индивидуальной причинности. Таким образом, оба направления признают идентичность общего с объективностью и причинностью и то, что индивидуальное не несет в себе логической проблемы и не подвергается обобщающей логической обработке.

Только Кант, отмечает Гессен, открывает понятие *трансцендентальной, априорной общности*, которую он обозначает словом «вообще» (überhaupt). «Истина связана с общностью. Но это общее истинно не потому, что оно понимает особенное в себе, или потому, что оно из особенного выведено, а потому, что оно покоится на необходимых и общезначимых *предпосылках...* Весь смысл этой общности состоит в необходимости и общезначимости, с которой все субъекты должны признавать различные априорные понятия, которые предполагаются при всех истинных общих и особенных суждениях об объектах»^[61] (курсив мой. – Ю. М.). Таким образом, возникает различие между *общеродовым* и априорным *общезначимым*, которое заставляет ответить на вопрос об *их отношении друг к другу и к эмпирии*. Хотя и у Канта «общее понятие собственно является носителем трансцендентального достоинства», Гессен показывает, что «это понятия чистого рассудка, которые и конституируют индивидуальное эмпирическое созерцание (Anschauung). Понятийное, т. е. общее скрыто в каждом объективном *общезначимом логическом* построении, а понятия посредством схемы *образовывают индивидуальное эмпирическое созерцание*»^[62] (курсив мой. – Ю. М.). Гессен отмечает характерную для Канта подмену общезначимого (Allgemeingültigen) с общеродовым (gattungsmässigen Allgemeinen), которая особенно заметна при различении

им суждений восприятия (*Wahrnehmung*) и суждений опыта (*Erfahrung*)^[63].

Далее Гессен констатирует, что послекантовский трансцендентальный рационализм, представленный Марбургской школой, связывает априорную общность с родовой, и видит в «*априори* своего рода высшую эмпирию, истинные *высшие законы о действительности*» (курсив мой. – Ю. М). Таким образом, заключает Гессен, «рационалист с необходимостью является методологическим монистом и натуралистом»^[64]. Трансцендентальному рационализму Гессен противопоставляет *трансцендентальный эмпиризм*, который жестко различает эмпирию и априори, последнее является сферой философии и не связано с эмпирическими науками. Открытие Кантом сферы *априори* выводит на первый план «область предпосылок», т. е. *область ценностей*, «которые каждым, кто выносит научное суждение, совершает этическое действие, или ощущает эстетическое удовольствие, имплицитно признаются и которые теперь должны быть только раскрыты и привнесены в сознание»^[65]. *Априорная общность ценности не связана здесь с родовой общностью понятия*, которая является теперь только одной из возможных оценок (истинности) эмпирии. Это делает возможным допущение не только общего, понятийного, но и индивидуального (*эмпирического*) в априори, в *трансцендентальном*.

Гессен отмечает, что несмотря на то, что трансцендентализм Канта делает возможным введение индивидуальной причинности, сам Кант остается в пределах «старой рационалистической тенденции» и усматривает причинную связь только в общем законе. Гессен заявляет, что «трансцендентальному рационализму Канта... мы хотим противопоставить трансцендентально-эмпиристическую позицию, которая выдвигает проблему индивидуального прямо-таки на

первый план»^[66]. Индивидуальное, к чему бы оно ни относилось – к индивидуальному понятию истории или к индивидуальной реальности, может быть также трансцендентально обосновано, как и общеродовые понятия. Гессен формулирует, казалось бы, парадоксальное положение: «Априори возносится вниз в индивидуальнейшие области действительности, в невыразимые глубины просто данности, а соответственно эмпирический момент возносится на высоты абстрактнейших общих понятий»^[67]. Так, высший закон природы является таким же эмпиричным, как и смутное чувственное впечатление, данность которого может утверждаться и мыслиться трансцендентально, а следовательно, и объективно, как любой общий закон. И уже здесь намечается вопрос ценностной установки в процессе трансцендирования эмпирии, вопрос о должном. С критицизмом также встает проблема рационально нетронутый, свободной от всякой «интроспекции», т. е. иррациональной действительности, которую трансцендентальный эмпиризм называет «объективной действительностью» и которая должна быть *трансцендентально обоснована без опосредования понятийными научными формами. Априори*, которое конституирует *действительность*, находится *глубже априори науки*, так, по мнению Гессена, реабилитируется эмпиризм, неограниченный исключительно научной обобщающей понятийной обработкой. Для *докритического эмпиризма*, позитивизма все бытие гомогенно и выводится из опыта, нет трансцендентного бытия. *Критический эмпиризм* утверждает наличие гомогенного бытия не на трансцендентальном основании, а на основании того, что «все бытие одинаковым способом основывается на должном»^[68]. Поскольку это должное существует независимо от бытия, его можно назвать трансцендентным. Именно здесь на трансцендентально-

эмпирической основе, выводящей понимание реальности за пределы только конститутивных научных форм, понятие индивидуальной причинности приобретает смысл. Гессен ссылается на Риккерта, который сумел показать, что *закономерность* является «методологической формой», соответствующей только *научному* постижению действительности, «формой понятийного мира науки», а не «конститутивной формой самой действительности». Ограничение постижения действительности только понятийным миром науки означает натуралистический монизм, который, по Гессену, расширяется трансцендентальным эмпиризмом, признавая *различные методологические формы* научного рассмотрения действительности, не только как природы, но и как истории, которая, хотя и состоит в однократном индивидуальном течении событий, также может быть познаваема с точки зрения причинности, в основе которой, следуя Канту, находится «объективное» преемство во времени. Оговаривая это, Риккерт различает «*общие гносеологические предпосылки*» для нахождения причинности в постижении исторической действительности и «*специальные методологические формы*». Он заключает, что «нельзя отождествлять понятия причинности с понятием закона природы»^[69], первая является «условием», «обязательностью» (Geltung) для поиска законов, но «не может уже сама быть законом природы, а потому и относиться к законам природы как общее родовое понятие к частным». Риккерт вводит разграничение на «*причинность и природную законность (Naturgesetzlichkeit)*» (курсив мой. – Ю. М.), на основании которого он производит дальнейшую спецификацию причинности: «Предпосылку, гласящую, что всякий процесс имеет свою причину, мы, чтобы отличать ее от законов природы, формулируемых эмпирическими науками, назовем не *законом* причинности, но основоположением

(Grundsatz) причинности или *каузальным принципом*. Тогда, согласно нашей терминологии, всякая действительная связь причины и действия должна быть характеризуема как *историческая причинная связь* в самом широком смысле этого слова, так как всякая причина и всякое действие отличны от всякой причины и от всякого другого действия. Наконец, мы говорим о *каузальном законе* (Kausalgesetz), когда индивидуальные причинные связи рассматриваются в отношении того, что обще им с другими причинными связями... Резюмируя это вкратце, мы отличаем историческую и естественнонаучную причинность друг от друга, а затем оба эти вида причинности от общего принципа причинности... оказывается, что понятие причинной связи как таковой отнюдь не включает в себе понятия природной закономерности (Naturgesetzmäßigkeit). Напротив того, понятие однократного индивидуального причинного ряда исключает возможность выражения его посредством понятий законов природы»^[70]. Закон – это частный случай причинности, которая может относиться не к общему ряду явлений, а только к одному случаю, например, то, что 1-го ноября 1755 г. произошло землетрясение. На основании понимания Риккертом индивидуальной причинности и объективности Гессен и выстраивает в дальнейшем свою концепцию индивидуальной причинности с укреплением ее объективности посредством трансцендентальной обработки через трансцендентальный эмпиризм.

В начале Гессен настоятельно подчеркивает, с какими тенденциями исторического Канта «борется» трансцендентальный эмпиризм, какой шаг он делает, чтобы «превзойти Канта», не разделяющего общеродовое и общезначимое. Гессен, вслед за Риккертом, включая первое в последнее, вводит понятие более глубокой, допонятийной действительности с

целью «транспонировать эмпирические требования в трансцендентальное» – понятие «объективной действительности», в основе которого находится новое понимание «созерцания» (Anschauung): «Созерцание – это объективная действительность, которая так же, как и понятия, конституируется через различные формы (категории): причинность, вещьность, формы времени и пространства». Действительность и понятия бытия различает, таким образом, не объективность, а очевидная *многообразность* (Mannigfaltigkeit) созерцания, «необходимость преодоления которого и является результатом логической работы понятия»^[71]. Исходя из вышеизложенного различения общеродового и общеобязательного на месте старого противоречия между субъективным созерцанием и объективным понятием, выходят следующие пары противоречий-понятий: «Понятие ценности или формы – созерцание как простое содержание и понятие бытия – созерцание как многообразная действительность. Понятие формы обладает трансцендентальной общностью и может конституировать не только общие, но и индивидуальные понятия, а даже и индивидуальную действительность»^[72]. Трансцендентальный эмпиризм, который разрабатывает Гессен, позиционируется им по отношению к послекантовским течениям. Он констатирует, что объединение эмпирии и рациональности происходит через признание понятий «действительности» и «мира» *предельными познавательными* всеохватывающими общеродовыми понятиями, обладающими одновременно наибольшей абстракцией. Но такое всеобщее родовое понятие как «бытие вообще» полностью разрешается Авенариусом, с чем соглашается и трансцендентальный эмпиризм. Последний отделяет «понятие мира» (Weltbegriff) как наиболее общее родовое от «понятия бытия» (Seinsbegriff), пригодного для естественных наук, и

превращает его при этом в трансцендентально-общее «понятие ценности» (Wertbegriff) как *априорное условие*, которое делает его оправданным как для *понятия бытия* естественных наук, так и созерцания (Anschauung) как многообразной объективной действительности.

Наиболее оригинальным, занимающим центральное место в трансцендентальном эмпиризме Гессена является не столько понятие индивидуальной причинности, которое мы находим уже у Риккерта, сколько понятие «первичной причинности». Следуя трансцендентальному методу, понятие первичной причинности должно пройти чисто формальную обработку. Это означает исходить из формально «невоспринимаемого» (и, таким образом, «непереживаемого»), «несущего» (как неметафизического, так и неэмпирического воздействия) элемента, который означает объективную действительность с позиции трансцендентального эмпиризма. Первичная причинность означает форму, которая входит в содержание и конституирует первоначальную необходимость суждения. Гессен говорит о бесконечном многообразии ранее определенной им созерцаемой действительности, нетронутой научной, обобщающей обработкой *понятий*, а посему *первичная причинность* определяется как «необходимость временной последовательности кусков действительности»^[73], для которой «возможность возврата (Wiederkehrens) исключена», так как «действительность, – по Гессену, – никогда не повторяется. То же самое относится и к исторической причинности...»^[74]

Понятие *кусков* действительности (Wirklichkeitsstücke) с необходимостью предполагает *целое*, «тотальность действительности», не поддающейся в своем бесконечном многообразии мышлению конечного субъекта. Следовательно,

необходимо допущение «intellectus archetypus, который интуитивно созерцает замкнутую в себе объективную действительность»^[75]. Как тогда Гессен мыслит «первичную причинность действительности» (primäre Wirklichkeitskausalität)? Гессен, постоянно указывающий на отличие трансцендентального эмпиризма от рационалистического монизма (натурализма) и метафизики, отказывающийся трансцендентальным категориям в статусе действительности, неожиданно говорит о «мыслимой метафизически завершенной действительности», т. е. переходит границы от объективности и научности к метафизике, указывая тем самым и на границу действия трансцендентального эмпиризма, не способного решить проблему завершенности, тотальности действительности. Сначала речь идет о введенном им понятии объективной действительности: «В своей тотальности она расстилается перед нами как замкнутая, покоящаяся в себе всеиность (Allheit): прошлое, настоящее и будущее сняты (aufgehoben), они образуют непрерывное полностью замкнутое постоянное целое. Само время теряет здесь всякий смысл. Время и пространство совпадают, остается только в некоторой степени недифференцированная форма созерцания. Соответственно и причинность теряет свое особенное значение, которое отличает ее, например, от субстанциальности. Эта мыслимая метафизически завершенной действительность является нам как бесконечная всеобъемлющая вещь, причинная необходимость временной последовательности становится постоянным необходимым совместным бытием, с необходимостью взаимосвязанные вещи становятся свойствами постоянной вселенной, которая представляет эту достигшую своей идеальности действительность»^[76]. Эта мыслимая завершенной действительность является «царством абсолютной

необходимости», а понятие первичной причинности теряет свои специфические свойства и оборачивается в противоположное понятие необходимости. Приведение последовательного анализа первичной причинности к своей противоположности – необходимости, является, по Гессену, свидетельством «невозможности применения понятия формы к тотальности содержания», а также того, что такое понятие формы «не имеет соответствующего ему объекта, который оно конституирует», и что, таким образом, оно является «лишь регулятивным принципом»^[77]. Такой ход Гессен заимствует у Канта, указывающего в трансцендентальной диалектике на то, что идеи нельзя использовать в качестве конститутивных принципов, способных к высказываниям об объектах, а только как регулятивные принципы, которые служат лишь указанием пути, по которому следует идти, если рассматривать объекты с научной точки зрения. Таким образом, идеи – это «правила рассмотрения объектов», а «не законы их устройства», они *субъективны* и относятся к трансцендентной сфере долженствования, стоящей над научной сферой понятийной обработки действительности. Первичная причинность через свою противоречивость в метафизическом рассмотрении также указывает на то, что ее можно охватить только как регулятивный принцип, как идею, как понятие формы (Formbegriff) без понятия бытия (Seinsbegriff), в противном случае она становится конститутивной. Означает ли это, что первичная причинность является чистой формой? Ведь в ее определение входит содержательное понятие «куски действительности», а значит ее нельзя полностью оторвать от содержания. В свою очередь, можно ли содержание, вещь рассматривать без понятийных наслоений формы, можно ли дойти до чистой формы созерцаемой многообразной действительности? Ответ следует из «квази-

догматической предпосылки, что действительность никогда не повторяется», вводимой Гессеном, вслед за Риккертом, и состоящей в том, что, если «осмыслить всю глубину» этого положения и мыслить его последовательно до конца, то окажется, что «“действительным” является только моментальное состояние вещи»^[78]. При этом нельзя констатировать изменения, а следовательно, последовательности, «каузальность в чистой действительности теряет свой смысл»^[79], а вместе с постоянством, являющимся определяющим для субстанции, теряет в чистой действительности свой смысл и субстанциональность, превращая понятие субстанции из конститутивного принципа в пределе мыслимой чистой субстанции в регулятивный принцип, поскольку «достижение» *собственно действительности* означает ее *снятие* как *понятия* действительности. Таким образом, «если мы мыслим действительность завершённой, причинность превращается... в субстанциальность, или лучше сказать, оба они совпадают, чтобы разрешиться в высшую форму необходимости»^[80]. Оба принципа выступают как регулятивные, указывая на необходимость и невозможность завершения их окончательного определения. Понятие первичной причинности является одним из последних в теоретической области, оно *не допускает дальнейшей редукции*. Первичная причинность – это общее условие как общей закономерности, так и исторической причинности, хотя она и не относится к ним как понятие целого к частям и как общеродовое понятие. Понятие первичной причинности как необходимости временной последовательности относится только к *причинной действительности*, оно представляет другой тип общего, абстрагирования: «трансцендентальная общность является общностью предпосылки, примиряющей противоречия нижних форм, [общностью. – Ю. М]

требования, которое показывает проблему, вовлекающую в себя все нижние проблемы»^[81] Гессен ссылается на Канта, интерпретируя его положение о том, что чистые категории «сами они... не могут быть определены», они «суть ничто иное как представления о вещах вообще»^[82]. Мы не можем дать реального определения ни одной категории, сделать ее объект понятным, без того чтобы сразу же не опуститься до необходимости условия чувственности. Таким образом, регулятивные категории только указывают и описывают проблемы, которые *наука не может решить*, являясь только пограничными понятиями.

Так заканчивается расстраивание Гессеном посредством трансцендентального эмпиризма понятия причинности. Гессен еще раз подчеркивает, что он хотел посредством «априори (трансцендентного долженствования) лишь укрепить эмпирические науки и убрать с дороги все метафизические предубеждения»^[83]. Но это не означает, что за пределами науки нет других возможностей решения проблем, возможны и *другие области* и *другие средства*. Гессен указывает еще на одно глубочайшее значение системы Канта, состоящее в том, что Кант показывает, как область практического разума начинается там, где заканчивается область теоретического, и как теоретические регулятивные принципы превращаются в конститутивные практические принципы. В эстетической области Гессен показывает, как введенный им регулятивный принцип «объективной действительности» приобретает конститутивное значение. Отмечая такое превращение, Гессен определяет регулятивные принципы как «*относительно регулятивные принципы*». Он заключает, что происходит постоянный поиск более общих трансцендентальных принципов, расстраивание условий возможности познания, и демонстрирует это введением своих новых

раздвигающих границы *пограничных* понятий: объективной действительности и первичной причинности, а также новой методологией обобщения посредством примирения более общими принципами новых проблем. Поскольку на протяжении всей своей диссертационной работы Гессен следует выбранной им методике Риккерта, демонстрируя блестящее владение ею, вполне уместно обратиться к критике Фолькельтом Риккерта, на которую последний сам указывает в сноске в своей работе «Границы естественнонаучного образования понятий»: «Фолькельт находит у меня (*Deutsche Literaturzeitung*, 1893, № 11) “столь распространенную в современной философии ведущую к путанице склонность субъективистически разрешать сущее в всего лишь вспомогательные понятия, точки зрения, способы понимания, словом, заставляя его улетучиваться”... <...>...я сознаю в себе лишь стремление указать объективные условия познания»^[84]. Как критику усиления трансцендентализма, так и ответ на нее можно отнести и к Гессену. Гессен также констатирует в современной философии «крайнее напряжение рационалистической тенденции», проявляющееся в «расширении доступной разуму области, которое связано с обособлением “чистой философии” (в частности “чистой логики”), как самостоятельной области знания. Рациональный мир расширяется, пополняется “трансцендентальным” (Коген), “идеальным” (Гуссерль), “миром ценностей” (Риккерт), как особым предметом философского исследования»^[85]. Философия отграничивается от метафизики, она «ищет предпосылки общей значимости культурных ценностей. Она не решает проблем бытия...»^[86] Однако Гессен констатирует наличие и влияние и другой тенденции, которая началась с Фихте, – это усиление иррационального момента. Он указывает на мистику, определяя границы возможности

теоретизирования действительности. Риккерт по этому поводу делает основополагающее высказывание: *«Предел, которого никогда не способно перешагнуть естественнонаучное образование понятий, ему полагает не что иное, как сама эмпирическая действительность»*^[87]. «Последнее» понятие всегда обозначает границу объективности, а далее начинается область субъективной мистики, область переживания. Возможно ли объединение объективного научного и субъективного мистического, объединение всех проблем и их решение? Ответ Гессена: «На это способна только личность». Опять он обращается к Канту и указывает на его учение о трансцендентальном идеале, где Кант понимает «идею в индивидуе» (in individuo), которая в себе должна познать все идеи. Только личность способна примирить все противоречия и растущую сложность понятийной обработки действительности с ее установкой на недостижимость цели, соединить их в систему. «Здесь, однако, заканчивается царство философии как объективной науки. Здесь проходит граница, где эта по своему смыслу объективнейшая наука, абстрактнейшее учение о вечных абсолютных формах нашей культурной деятельности вдруг оборачивается субъективнейшими тайнами личности, ее наисвятейшими святостями, где царят иррациональная вера и доверительная надежда»^[88]. В заключении диссертации Гессен опять стремится превзойти известные слова Канта: «Мы теперь <...>...прошли через всю страну чистого рассудка... Но эта страна оказалась островом, самой природой заключенным в неизменные границы. Она есть страна истины (интригующее название), окруженная обширным и бушующим океаном, этим местоположением иллюзий, где туманы и льды...»^[89] Своим «последним словом», которое Гессен считает «еще оправданным», является «призыв к

мистике», и в завершение он приводит стихотворение поэта-романтика Ф. И. Тютчева:

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебной ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

Позднее в 1913 г. В. Я. Брюсов, прослеживая линию развития тютчевской идеи слабости человеческой мысли и значимости «нерассудочных форм постижения мира», приведет в пример, кроме стихотворений «Проблеск», «Фонтану», «Silentium!» и др., «Как океан...»^[90], также, как и Гессен, указывая на трактование Тютчева с позиции кантовской философии, а не только мистического романтизма с его образами ночи, темного, тайного и дня, светлого, явного.

Очевидным становится то, что Гессен, когда он говорит о культуре, о вечных формах, о философии как объективной науке, остается за пределами метафизики и последовательно проводит задачу критической философии: строгое отделение науки от метафизики. Метафизика же начинается тогда, когда нарушаются границы различных областей. Гессен определяет различие между метафизическим и гносеологическим

монизмом, первый – понятийно-реалистический монизм (*begrifflich realistischer Monismus*) – «гипостазирует (возносит) понятия до действительностей», второй – монизм действительности (*Wirklichkeitsmonismus*) – «превращает саму реальность в понятие формы, то есть во взаимосвязь ценности»^[91]. В последнем поиск единства, системы остается неразрешимой проблемой, осознанной устремленностью в сфере недостижимой конечной цели познания.

О причинности индивидуальной, исторической, эстетической, этической и религиозной

При переходе к рассмотрению исторической причинности Гессен констатирует, что в исторической науке, так же, как и в естественных науках, существует *исторический понятийный натурализм*, который исторически возникающие понятийные образования гипостазирует к реальности, как это делает метафизика, которая утверждает, что образуя свои понятия, она не удаляется от действительности, а все более приближается к ней. Поэтому, следуя Гессену, необходимо последовательно различать и проводить разделение на конститутивные и методологические формы. Гессен специально подчеркивает, что «индивидуальные образования истории это только понятия, а не действительности (*Wirklichkeiten*)»^[92], он различает действительность и понятие действительности и констатирует: «Проникая к понятию действительности, чтобы охватить чистейшую форму действительности причинности (*Wirklichkeitsform der Kausalität*), мы уже покидаем почву методологического исследования, на котором зиждется проблема исторической каузальности, и обращаемся к теоретико-познавательной спекуляции»^[93].

Исходным материалом для всех видов (научного, исторического, эстетического, этического...) понятийного охватывания действительности является введенное Гессеном понятие объективной действительности, задача теперь состоит в том, чтобы выявить специфику понятийного охватывания истории. Он начинает, вслед за Риккертом, с понятия «индивидуального», посредством которого Риккерт разграничивает естественнонаучное образование понятий от исторического. Если естественные науки стремятся «систематически выразить при посредстве понятий какую-либо долю действительности», то это одновременно означает отвлечение от индивидуальности, в то время, как действительность «состоит лишь из индивидуально сформированных образований» и, если следовать установке на то, что посредством понятий мы приближаемся к истинной действительности, то окажется, «что истинная действительность образует крайнюю противоположность эмпирически данной действительности»^[94]. Действительность, которая нас окружает, вся «наглядно представима». Риккерт указывает на то, что как в науке все сводится к простым вещам, а в душевной жизни – к простым ощущениям и «психическим элементам», так и «слова *атом* и *индивидуум*, по-видимому, означают одно и то же» – «неделимый», но по содержанию понятий они прямо противоположны друг другу. Если атом означает простейшее неделимое, то индивидуум всегда сложен. Но в принципе, утверждает Риккерт: «Всякое тело, которое мы знаем, обладает индивидуальностью (*ist individuell gestaltet*), и если бы даже и существовали две вещи, которые были бы одинаковы друг с другом во всех отношениях, этого никогда нельзя было бы доказать вследствие их необозримого многообразия»^[95]. Гессен не соглашается с такой широкой трактовкой

индивидуального: «В понимании истории как индивидуализирующей науки о культуре мы согласны с Риккертом, который, на наш взгляд, глубже других понял существо исторического метода. От Риккерта наша классификация наук отличается, однако, тем, что понятие индивидуального для нас неразрывно связано с понятием культурных ценностей, почему мы и не признаем как “индивидуализирующих наук о природе”, так и (если отвлечься от философского познания культуры) “генерализирующих наук о культуре”. В этом заключается для нас правота классификации наук Мюнстерберга (особенно как она изложена им в его “Philosophie der Werte”^[96], от которой наша отличается однако тем, что: 1) история для нас столь же объективная наука, как естествознание, почему мы и считаем наименование ее “субъективирующей” наукой неудачным и 2) история оперирует также с понятиями причинности и необходимости, а не ставит своей целью только изложить содержание человеческого воления... Наконец, от точки зрения “марбургской школы” (Коген, Наторп, Штаммлер) наша точка зрения отличается тем, что история не есть для нас учение о прогрессе и должностовании и не зависит от этики»^[97]. Что же разделяет Гессен в индивидуализирующем методе истории с Риккертом? В основе естественнонаучного обобщающего метода находится установка на преодоление экстенсивного и интенсивного многообразия действительности. Но там, где нет установки на преодоление экстенсивного многообразия действительности, а остается только интенсивное, «не исключена возможность того, что существует род научной обработки, который находится в совершенно ином, так сказать, более близком отношении к эмпирической действительности, чем естествознание, и которому, хотя он и не может охватить всего интенсивного многообразия своего материала, тем не

менее никогда не приходится иметь тенденцию все более и более удаляться от эмпирической действительности»^[98]. Такой тип обработки действительности имеет установку на постижение эмпирической действительности с точки зрения ее индивидуальности и единичности. Риккерт выделяет две установки постижения реальности: «Вся эмпирическая действительность может быть подведена еще и под иную точку зрения, чем та, сообразно которой эта эмпирическая действительность есть природа. *Она становится природой, коль скоро мы рассматриваем ее таким образом, что при этом имеется в виду общее; она становится историей, коль скоро мы рассматриваем ее таким образом, что при этом имеется в виду частное*»^[99]. Отсюда следует для Риккерта, «что понятие “исторического закона” есть *contradictio in adjecto*, т. е. историческая наука и наука, формулирующая законы, суть понятия, взаимно исключающие друг друга»^[100]. Индивидуальное не может быть общим, оно находится в допонятийной, а, следовательно, в иррациональной действительности: «Эмпирическая действительность, как она есть, не может входить ни в какую систему понятий и... поэтому она образует предел всякого познания при посредстве понятий»^[101]. Означает ли это, что вся действительность и все историческое, подобно личностям, иррациональны, что нет логического основания для индивидуального, или же есть индивидуальная причинность? А если есть, то каково ее значение в истории? В этом и заключается основной вопрос диссертации Гессена. Первоначально он отмечает, что понятие *индивидуального* употребляется им как *противоположное общему*, но оговаривает, что впоследствии оно будет понятийно расстроено и конкретизировано, а применительно к истории оно дополнится понятием исторического *целого*.

Поскольку понятие индивидуального применяется Риккертом ко всей, не только исторической, но и природной действительности, то в результате это означает возможность применения индивидуализирующего метода не только к исторической реальности. Гессен, не соглашаясь с Риккертом, проводит принципиальное различие. Первоначально он, вслед за Риккертом, различает понятия *одноразового* (einmalig) от индивидуального в истории, последнее образует нечто *незаменимое*, нераздельное, единое одноразовое. Однако первое означает одноразовое в экспериментальной действительности, проявление в одном *экземпляре* общеродового понятия. Общее (das Allgemeine) в смысле исторической целостности коррелирует с одноразовым в смысле исторически индивидуального. Понятие общего применимо ко всей действительности, а «*историческая общность* (Allgemeinheit) является *ценностно ориентированной* (wertbezogene) общностью *целого* (курсив мой. – Ю. М.), каждая часть которого означает индивидуальный член, обладающий или непосредственной или опосредованной связью с какой-либо ценностью»^[102].

При объяснении необозримо многообразных исторических событий в их взаимосвязи следует, по Гессену, руководствоваться принципом «точно соответствующего включения объясняемого события в непосредственно охватываемое целое»^[103], осознавая при этом, что это только точка зрения, *определенный вид понятийной обработки* единой объективной действительности, а именно исторический, а не сама действительность. Гессен отмечает, что здесь разрабатываемый им трансцендентальный эмпиризм, определяющий философию как науку о ценностях, осознает, что он не может решать эмпирических проблем и примиряется с опознанием своих границ.

Специфика познания исторической причинности по отношению к причинности действительности состоит в *своеобразии выбора типа причины* на фоне их бесконечности: «она [историческая причинность] *персонифицирует* все эти *причины* (курсив мой. – Ю. М) в своем собственном лице. <...> История... как раз *исключает* непосредственные *действительные* причинные *связи*, чтобы *довольствоваться* “персонифицированной” *причиной*»^[104]. Гессен приводит пример смерти Цезаря, причиной которой стали «кинжалы заговорщиков» и которая означает больше, чем физический акт смертельного удара, она объясняет исторические события, дает им обоснование. Гессен соглашается с М. Вебером, который для понятийного объяснения исторических отношений использует понятие «реальной основы» (Realgrund) и противопоставляет его понятию «познавательной основы» (Erkenntnisgrund). После рассмотрения специфики исторической причинности по отношению к естественнонаучной Гессен констатирует, что «мы не можем знать», «где находятся границы между действительностью и двумя ее охватывающими мирами естествознания и истории»^[105]. Как нечто, являющее общее основание для двух типов действительности, естественно-научной и индивидуальной, Гессен первоначально, как это было показано выше, ввел новое понятие «*объективной действительности*», а затем новый тип причинности, поскольку необходимо мыслить конститутивную форму «*первичной причинности*», или же «*причинности действительности*» (Wirklichkeitskausalität), которую мы «включаем (erschliessen) как постулат». Гессен констатирует *противоречие*, возникающее из противоположных требований к *причинному объяснению исторического развития*: с одной стороны, это отношение к ценностям и *индивидуализация*, а с другой – подчинение ценностно

свободного *общим* *понятиям*. Решение этого противоречия Гессен видит именно в допущении *первичной причинной действительности*, которая позволяет, по его мнению, рассматривать противоречие между индивидуализацией и обобщением как противоречие между целями и средствами, что в результате приводит к объединению этих обеих форм в телеологическом понятии *первичной причинной действительности*. *Историческая причинность*, как *частный случай*, представляет собой сложный продукт понятийной обработки *первичной причинной действительности*. При этом для причинного объяснения выбираемых событий индивидуальность играет только ограничивающую роль, а выбираемая историческая причина является *персонифицированной* причиной.

Анализируя позицию Гессена, можно убедиться в том, что установка трансцендентального эмпиризма на укрепление эмпиризма в исторической действительности означает укрепление объективности индивидуального. Для этого он ввел понятие *первичной персонифицированной причинности*, усиливающее границу между естественно-научным и историческим теоретизированием объективной действительности. Здесь, как уже отмечалось, Гессен не соглашается со своим учителем Риккертом, у которого есть общие для обоих типов образования научных понятий установки на их генерализацию и индивидуализацию. Но Гессен не останавливается на усилении разграничения, а вводит субъективный элемент персонификации, который становится решающим для объединения в личности различных ценностных областей и для понимания иррационального, мистического основания реализации ценностей.

В *эстетической сфере* следует также выделить специфическую для нее причинность. Гессен показывает, как регулятивный принцип

преобразовывается в конститутивный, что дает ему основание утверждать относительность разделения на регулятивные и конститутивные принципы. Примером служит понятие «объективной действительности», которое является последним и к которому сводятся (редуцируются) все остальные, оно имеет регулятивное значение, является идеей, заданием, неразрешимым для теоретического сознания. Являясь последним, пограничным понятием теоретической сферы, оно одновременно указывает на то, что существует нечто за его пределами. Эта реальность, которую интуитивно постигает *intellectus archetypus* в ее наглядном многообразии и полноте, не нуждается в понятиях. В эстетической сфере понятие объективной действительности является сходным с определением эстетического объекта у Канта, с его четырьмя моментами прекрасного: 1) «*Вкус* есть способность судить о предмете или о способе представления на основании *благорасположения* или *неблагорасположения, свободных от всякого интереса*»; 2) «*Прекрасно* то, что всем нравится без [посредства] понятия»; 3) «*Красота* – это форма *целесообразности* предмета, поскольку она воспринимается в нем без *представления о цели*»; 4) «*Прекрасно* то, что без [посредства] понятия признается предметом *необходимого благорасположения*»^[106]. Объективная действительность в ее тотальности как единство, всеинность абсолютной необходимости обладает теми же характеристиками, что и эстетический объект. Таким образом, для *intellectus archetypus*, созерцающего объективную действительность, теоретическое воззрение совпадает с эстетическим, для него объективная реальность – это высшее знание и одновременно произведение искусства. Регулятивный принцип объективной действительности в эстетической сфере конституирует свой объект – произведение

искусства. С одной стороны, как регулятивный принцип, понятие объективной действительности указывает на принцип причинности, который является условием, установкой, необходимой для того, чтобы многообразие созерцаемых объектов могло быть выражено понятием. Более того, оно всегда указывает на границу и на наличие запредельного себе, на неразрешимую проблему, составляющую бесконечный научный поиск. Каждый объект такого поиска только звено в бесконечной цепочке взаимодействий объективной действительности. В то время, как произведение искусства завершено и представляет собой «самодостаточное целое, которое как таковое не требует особенной цели, ценность которого скорее покоится в нем самом; это маленький замкнутый мир в себе (Welt in sich), оно никогда не указывает за свои пределы. В определенном смысле оно означает образ вселенной, это микрокосмос»^[107]. Своеобразие эстетического объекта обуславливает специфику эстетической причинности. В теоретической сфере причинные ряды бесконечны и раскрытие одной причины влечет за собой поиск следующей, в ней не может быть места для эстетической причинности. Причинные ряды в эстетической сфере должны быть «конечными, замкнутыми», «художник должен выбирать определенные причинные ряды и извлекать их из всеобщей взаимосвязи, изолировать их. Как начальное звено эстетической причинной цепочки никогда не должно указывать за свои пределы на свою причину, так и конечный пункт – на свой эффект»^[108]. Если в науке *причинность* выражается закономерностью, то в эстетике *причинность*, как условие возможности образования эстетического объекта, выражается как *изоляция*. Примером возможности прерывания естественного причинного ряда в искусстве Гессен называет частое использование в нем чуда как

своеобразного момента в причинности. Повреждение естественного причинного ряда означает лишь то, что происходит перенос из естественного причинного ряда в другой причинный ряд. Произведение искусства представляет собой микрокосмос со своим собственным причинным рядом, т. е. нечто чудесное. Специфику причинности эстетической сферы Гессен определяет как «*«изолированную» причинность»*^[109] (курсив мой. – Ю. М.). Так Гессен расстраивает понятие причинности, теперь кроме действительной причинности есть еще и индивидуальная и изолированная причинности; последняя в определенном смысле также является и индивидуальной причинностью. К сожалению, Гессен не рассматривает детально отношение между индивидуальной и изолированной причинностью, подчеркивая только, что нельзя смешивать историю и искусство, историческую реальность и индивидуальную причинность с изолированной эстетической, это означает для Гессена привнесение в теоретизацию истории наглядности и переживания (натурализма).

В *этической* сфере масштабом является целеполагающая зависимость долженствования. Нравственно действующий человек задает себе причинную цепочку через постановку нравственной цели и осознание средств для ее реализации. С одной стороны, его действие имеет начало и конец, что дает основание говорить об определенном виде изолированной причинности. Данная причинность носит понятийный характер осознанных целей и средств, что опять же означает своего рода понятийную изоляцию. А с другой – этическая причинность не является «миром в себе», как это характерно для эстетической, в которой мир, произведение искусства противостоят личности как микрокосмос. В этической причинности мир, напротив, не изолируется от личности, она остается вовлеченной в него своими мыслями и действиями. За пределами

нравственной деятельности, т. е. этической причинности (цели и средств ее достижения личностью) *наличие* нравственного начала (*добра*), или его отсутствие в *мире, не является проблемой этики.*

Гессен вводит последний разбираемый им тип причинности – *религиозный*. Для религии в отличие от этики, наоборот, разрыв между сущим и должным в мире является основополагающим для его понимания. Причиной, началом разрыва является *грехопадение*, которое *задает причинный ряд* всему последующему *ходу развития мира и личности* верующего человека. В противоположность эстетической изолированной причинности религиозная причинность представляет установку на *всеобщую зависимость* всех от всех и всех от Бога, что делает всех ответственными и виновными во грехе. Религиозное сознание движимо первопричиной греха и установкой на его всеобщее преодоление. Так, «первичная причинность, идея абсолютной взаимосвязи, которая в теоретической сфере имеет значение регулятивного принципа для наук, в религии переживается как трансцендентное абсолютное бытие, как *наидостовернейшее, наиобъективнейшее, что вообще существует*»^[110]. Гессен ссылается на понятие теологической идеи у Канта. Наличие такой высшей объективной наглядности раскрывается, однако, только индивидуальному мистическому переживанию. Предельно общее достигается предельно субъективным переживанием единства, к которому можно пробиться и через «объективную религию».

Как и все представители трансцендентальной философии, Гессен переносит решение основных вопросов за пределы трансцендентального горизонта, сферой его исследований остается поиск укрепления объективности индивидуального посредством раскрытия его логических оснований, он не делает высказываний о действительности. Похвалу его учителю

Риккерт в уже упоминавшейся статье Фолькельта, в которой последний «охотно признает» Риккерта «мыслителем, со строгостью и последовательностью, которые надлежит приветствовать, старающегося установить в борьбе с релятивизмом и позитивизмом прочные, объективные условия познания»^[111], можно отнести опять также и к Гессену. Свою задачу Гессен видит в том, «чтобы между метафизикой и мистикой вырыть пропасть еще более глубокую, еще более непроходимую»^[112]. Путь усиления разграничения метафизики и мистики в борьбе за «научную философию» Гессен покажет в своей большой статье «Мистика и метафизика» в первом номере журнала «Логос».

Свою диссертацию Гессен закончил призывом к мистике, к тому, что подобно океану омывает остров знания, поэтому и не случайно он ставит себе задачу философски определить понятия мистики и метафизики. Первоначально он дает трактовку специфики философского определения, т. е. философии как особой науки. Так логика изучает формальные предпосылки закономерности вообще, то, что делает истинное знание истинным, а не само бытие, которое составляет предмет эмпирических наук, эстетика – это «наука о том необходимом» формальном «минимуме предпосылок, без которого одинаково невозможны и красота, и безобразие...». Но «из формы или арспп искусства нельзя вывести конкретного материального произведения искусства»^[113], а из законов логики нельзя вывести законов химии и физики. Гессен ссылается на определение философии, данное Г. Риккертом в работе «О понятии философии», «как теории ценностей», или формальной науки, которая «должна охватить все многообразие культурных благ и понять систему ценностей, лежащую в основе культуры»^[114]. Риккерт указывает на то, что «отделение

проблем ценности от проблем действительности приводит к очищению и выяснению собственно философских проблем»^[115]. Философия должна представлять, таким образом, «свободный от всяких специальных точек зрения минимум», «область формальных предпосылок эмпирической истины, воплощенной красоты, осуществленного добра и т. д.»^[116].

Гессен проводит четкую границу между чисто формальной философией и метафизикой, стремящейся соединиться с действительностью. Значение философии состоит в «разграничении» и «освобождении» различных областей науки друг от друга и отграничении ее от действительности. *Метафизика* же, в отличие от философии, выявляющей чисто формальные условия возможности различных наук, вращается всегда *в сфере бытия* имманентного или трансцендентного, совершая тем самым ошибку объединения. Она всегда «неизбежно удваивает проблемы», ищет абсолютного доказательства, по ее представлению, несовершенного доказательства частных наук. Отсюда и конфликты метафизики с частными науками, ибо они вращаются в одной и той же плоскости бытия.

После обоснования неокантианцами принципиального различия между естественными науками и науками историческими с различием их методов и многообразием понятий становится очевидным, что метафизика в области познания пользуется неправильной установкой на единство мышления и бытия, на так называемый Гессеном «метафизический монизм», она «обволакивает» «формальные предпосылки моментами имманентного бытия», и «правомерная в своих границах точка зрения» возводится в предполагаемое единство, в абсолютное бытие, и в этом смысле «метафизика всегда означала какой-нибудь «изм»: материализм, натурализм,

идеализм. *Философия* же как формальная наука о ценностях разграничивает отдельные области науки и «примирает противоречия», к которым привела метафизика, она *снимает проблемы*, возникшие от *неправильной постановки задачи на бытийное*, а не *формальное системное единство*. В этом заключается «полицейская роль философии», о которой говорит Кант, на которого неоднократно ссылается Гессен: «В этом смысле философия ничего не доказывает, она не дает настоящего “решения”. Предпосылка не разрешает проблемы, а заключает в себе проблему»^[117].

Но остается ли что-нибудь на долю метафизики? Для Гессена философия рассматривает «последние понятия», очерчивающие круг доступных философии проблем, они указывают «на недоступную» философии в смысле критического самоограничения область ее исследования. Философским понятиям не соответствует никакая реальность, они только придают философии единство системы, у Канта такими пограничными понятиями были идеи. Далее Гессен очерчивает *границы философии*, она ищет 1) формальные предпосылки общей значимости культурных ценностей и *не решает проблем бытия*. Вращаясь в сфере ценностей, 2) она «совершенно не в состоянии» ответить на вопрос, почему сфера культуры исчерпывается четырьмя областями «науки, общественности, искусства, догматической религии», а также 3) как реализуется ценность? Философия только указывает на невозможность достигнуть последнего решения проблем и эмпирического единства. Она *только обобщает проблемы*, концентрирует их в понятиях различной общности и дает *трансцендентально всеобщее*, но 4) *не дает всеобщность реального целого*.

Очертив границы философии и указав на то, что она так же, как и метафизика, не решает последних проблем, Гессен отдает *честь решения* последних

проблем и достижения чаемого единства *мистике*. Понятие «*переживание*» он заимствует у Риккерта, который справедливо отмечает, что уже само слово указывает на его связь с жизнью. Риккерт утверждает, что именно философия, как наука, «должна охватить все многообразие культурных благ и понять систему ценностей... Соответственно этому она должна также связать все эти ценности с действительностью...»^[118]. Для этого необходимо расширить границы действительности и проникнуть к более глубоким допонятийным структурам, которые находятся в сфере субъективного. Риккерт описывает «субъективный акт оценки», который как предшествующий разделению на «специальные точки зрения» должен быть донаучным и необъективированным понятием. Таким понятием становится «переживание», Риккерт дает его определение и раскрывает его основополагающее значение в донаучном образовании понятий. Данный отрывок раскрывает по сути все содержание концепции неокантианства, представляемой Риккертом: «Уже само слово переживание, как и всякое другое слово на его месте, далеко не точно означает то, что под этим словом подразумевается. Но в целях более резкого отграничения добытых таким путем понятий мы можем построить фикцию: мы можем предположить, что нашему *абстрактному миру*, разделенному на *ценности и действительность*, предшествует свободное от всяких понятий, *иррациональное* (курсив мой. – Ю. М) и безымянное переживание и что от последнего мы переходим к первому. Мы таким образом проникаем за состояние нашего мышления, для которого субъективный акт оценки есть вместе с тем объективированная действительность, и приходим к чему-то, что можно назвать чистым актом переживания. Это слово не обозначает еще, конечно, никакого готового понятия и тем менее истинного бытия, оно есть

только первый шаг (Ansatz) к понятию, полуфабрикат, требующий еще дальнейшей обработки. <...> Если же мы при этом будем предполагать понятие ценности и воспользуемся им в целях восполнения данного в акте переживания первого шага к образованию понятий, то мы в таком случае получим уже нечто большее, нежели простое переживание, мы получим тогда особого рода понятие, которое и будет заключать в себе искомое нами единство ценности и оценки. <...>...поскольку мы, исходя из ценности, “истолковываем” (deuten) его в его значении для ценности, т. е. видим в нем субъективное отношение к ней. Так приходим мы к совершенно особому роду образования понятий... не приводящему ни к чистой действительности объектов, ни к чистым ценностям, посредством которого мы и постигаем единство ценностей и действительности»^[119]. Таким образом вводится «третий род образования понятий», который раскрывается словом «смысл», означаящим «скрытое в акте переживания значение *для* ценности», а также единство действительности и ценности. Различение Риккертом трех царств (сфер) действительности, ценности и смысла влечет за собой различение и трех методов их постижения: объективирующего описания или *объяснения*, субъективирующего *понимания* действительности, и *истолкования*^[120]. Таким образом определяются границы и задача философии, она «может только понять значимость ценностей и истолковать с точки зрения этих ценностей акты переживания – это все, что можно от нее требовать»^[121] Риккерт не пользуется понятием метафизики, у него философия объединяет объективную действительность с субъективной ценностью.

Для Гессена философия начинается с факта реализованной ценности, которая представляет собой «иррациональный факт истории, который абсолютно дан, т. е. который можно только пережить, найти,

вскрыть»^[122]. «Последнее единство» да но лишь в иррациональном, в мистике, которая является отрицанием всякого формального знания, она не имеет формальных предпосылок своего существования и поэтому она находится вне философии, ее невозможно теоретизировать, а, следовательно, замечает Гессен, «ей не соответствует никакого тома философии», связанного с переживанием, она представляет собой общий переплет всей системы. Таким образом, по Гессену, только в мистике решаются те проблемы, которые традиционно считала своими метафизика. «Примирить, объединить оба мира [ценности и бытие] каким-нибудь рациональным доказательством нельзя, так как дуализм обоих миров есть предпосылка философии, как объективной науки. Можно только признать факт реализованной ценности и подвергнуть этот факт тому или иному истолкованию»^[123] в значении, данном Риккертом. Толкование относится к реализации ценностей в процессе истории, а уверенность «в их реализации в будущем – есть предмет веры, преимущественно религиозной»^[124]. Философия же ориентирована на объективирование знания, а мистика, находясь вне философии, отделяет слова от понятий, лишает их смысла. Гессен вновь обращается к образу океана иррационального, омывающего остров рационально оформленного знания. Он приводит пример из «Детства» Толстого: мир мистики открывается Николеньке, когда он слушает бессмысленные слова юродивого Гриши. Бессмысленные слова, по мнению Гессена, «сильнее и ярче выражают переживание и способны передать его другим»^[125], чем логически или эстетически оформленное обоснование, к которому стремится философия, соприкасаясь с переживанием. Гессен указывает на попытку романтизма найти пятую сферу, «особое место» жизни «в ряду творческих культурных ценностей», т. е. найти формальное

основание для ценности жизни. Романтики искали такую возможность исходя из индивидуального бытия, «гармонично и всесторонне развитая личность поэта и мудреца... должна была быть “местом” этой новой ценности»^[126], но, таким образом, субъективному, индивидуальному отводится максимум возможного значения, субъективное объективируется, интимнейшие переживания подводятся к общим формальным основаниям, становясь общими. Гессен предвосхищает здесь пути развития феноменологии к трансцендентализму, стремящейся, с одной стороны, укрепить индивидуальное, полнее охватить действительность, а, с другой, выявляя индивидуальное, объективируя и натурализируя его, тем самым отдалить индивида от его уникальности.

Гессен резюмирует, что по существу романтизм стремился «найти форму бесформенного, т. е. жизни», и с помощью разума прийти к «последнему синтезу мистического переживания», но такая попытка «необходимо должна была привести к “хаотическому рационализированию непосредственного переживания” и “произвольному смешению форм”», так и не достигнув синтеза жизни и разума и еще менее соединив в мистическом переживании саму жизнь. Он указывает на идеал романтиков – многогранную личность Гете, «который, не мудрствуя лукаво, действительно владел тем последним “синтезом” жизни, к которому они хотели прийти с помощью разума»^[127]. В то же время романтизм был необходим как направление мысли, а его философский смысл заключался именно в демонстрации невозможности философии жизни, т. е. ее рационализации.

Критика Гессеном романтизма направлена не в последнюю очередь на позицию Степуна, которую отличают именно смешение форм и хаотичность рационализирования переживания, за что его и будут

впоследствии не раз критиковать. Итак, попытка создать пятый том философии жизни оказалась безуспешной, но это, по мнению Гессена, не исключает его возможности через дальнейший поиск формальных оснований и предпосылок обработки иррационального. Смещение же существующих форм, на которое указывает Гессен, усилится и приобретет методологическую установку коллажа в постмодернизме, в котором системное единство, присущее философии, потеряет для нее свою значимость. В эстетике первичным условием эстетического восприятия станет не чувство, не созерцание предмета, а его предварительное понимание, толкование. Искусство настолько отдалится от жизни, что комментатор, в особенности, если это грамотный искусствовед, может, созерцая произведение, создать любой образ, и тем самым его пересоздать, или же стать его соавтором. Прекрасное уже не является необходимой формальной основой эстетического восприятия, условием создания художественного произведения становятся логические конструкции, и поэтому оно и *не воспринимается* как произведение искусства *без предварительного знания* и объяснения этих *конструкций*. Гессен улавливает наступающую «неразбериху» в использовании строго разделяемых им формальных оснований различных сфер культурных ценностей, он остается верен «полицейской» роли философии. Одновременно он не признает и установку на полную рационализацию жизни и остается верен своей изначальной позиции о невозможности рационального решения эмпирических проблем. Решение находится в абсолютной данности субъективности личности, в ее иррациональной способности, посредством которой достигается как чаемое единство всех сфер с действительностью, так и реализация ценностей. Философия же только

начинается с абсолютно иррационально данного факта реализованной ценности, с поиска форм его логического обоснования. Признавая пределом философии рациональность и одновременное наличие иррационального, Гессен проводит классификацию наук, которую из-за качественного различия их оснований он называет *плюралистической*: «Следует различать между тремя группами наук: науками отвлеченными (естествознание, математика, философия, история, филология), науками прикладными (техника, педагогика, политика) и науками гетерономными (право, богословие). Последние в своей достоверности и значимости зависят также от нелогических моментов (нравственного долженствования, религиозной веры), тогда как вторые, в своей достоверности и значимости зависят исключительно от логики, определяются нелогическими моментами только в своем содержании (техника – хозяйством, педагогика – образованием и т. д.). Постольку обе первые группы наук можно было бы назвать науками чистыми... т. е. такими, значимость положений которых определяется исключительно логическими основаниями»^[128]. Поскольку для Гессена философия основывается исключительно на логике, а метафизику отличает стремление к монизму, то проблемы совмещения логических и нелогических методов познания он переносит на право и богословие. Позднее, разрабатывая специфику педагогики, он ссылается на гетерологический метод Риккерта, в основе которого находится интуиция: «Поскольку существо философского метода для Риккерта заключается в утверждаемом во всяком философском понятии единстве “одного и другого”, причем, в отличие от традиционно понимаемой гегелевой диалектики, это “другое” не может быть получено из “одного” путем его простого отрицания в мышлении, но должно быть в нем найдено путем своего рода интуиции, – мы вполне

готовы согласиться с Риккертом. Если существо “гетерологии” в отличие от “диалектики” заключается в признании того, что отрицание, чтобы быть творческим, должно крыть в себе положительный момент интуиции, и что в философии “одно” не может быть даже помыслено как одно, без того, чтобы тем самым в нем не мыслилось “другого”, то мы можем тогда назвать наше исследование приложением к педагогике “гетерологического” метода»^[129]. Итак, после детального кропотливого разъединения различных сфер, укрепление этого разъединения понятиями объективной действительности и первичной причинности, определения специфики этической, религиозной и эстетической причинностей, а также углубления непроходимости границ между философией и метафизикой, Гессен спустя 14 лет пишет: «Задача моя сейчас заключается не в том, чтобы показать множественность качественно различных между собою видов понятий, а напротив в том, чтобы обнаружить сокрытое в этой множественности их единство»^[130]. Он делает важное замечание, характеризующее состояние философии его времени, и одновременно формулирует метод поиска искомого единства: «Показывать ныне множественность – это значило бы ломиться в открытые двери. Показать же, что общепринятый ныне в систематике понятий плюрализм ведет к обнаружению *сокрытой в нем иерархии*, – это значит не только охватить различные современной логикой понятия философским понятием-идеей, т. е. понять *понятия*, но и понять *понятие*, т. е. резче, чем это было сделано раньше, вскрыть его функцию в знании и, отграничив его от других логических функций, определить ему его место в системе логики»^[131]. Критика утверждения плюрализма может быть направлена против Б. В. Яковенко, который в своей книге «О сущности плюрализма» в том же 1928 г. все еще отстаивает свой

плюрализм, основные идеи которого сформулированы им, по его же замечанию, в 1910–1913 гг. и который он считает в «последующих теоретико-философских работах непревзойденным»^[132]. У Гессена речь идет в первую очередь о методологическом плюрализме, хотя и основанном на различении видов действительности. Новизна положений, изложенных в статье, состоит в том, что здесь он не делает ударения на разграничении действительности и познавательных понятий, а пытается найти их взаимосвязь; можно, используя терминологию самого Гессена, говорить о его движении в сторону «метафизического монизма».

Гессен отмечает плюралистические классификации наук, представленные Вундтом, Когеном, Мюнстербергом, Риккертом, которые признают, кроме естественных наук, наличие по своему предмету и методу особой группы гуманитарных, филологических и исторических наук, основанных на опыте, а также и философские науки. Ими вводится принципиальное разделение на «науки о природе» и «науки о духе». У Вундта первые основываются на математике, а вторые на психологии, у Когена и Наторпа первые – на логике и математике, вторые – на этике и праве. Риккерт различает науки о природе и науки о культуре. Все они отрицают наличие их иерархии и право за каким-либо направлением на единственный и безусловный идеал знания. Гессен, однако, стремится показать необходимое наличие такой иерархии, которая изначально была представлена Платоном, создавшим иерархию наук по единому принципу, по степени их «точности», т. е. совершенства^[133].

Первоначально общепринятое для науки *родовое понятие* является только одним из видов научных понятий, наряду с ним и *качественно* отличным от него *понятием-законом* в знании существенную роль играют и другие понятия. Так в историческом знании это понятие

индивидуального, а в философском знании, отличном от естественно-научного и исторического, это *понятие-идея*. Анализируя последнее, Гессен считает возможным показать наличие иерархии наук, т. е. знания. В основе всех четырех видов понятий в различной степени наличествует «сопряженность частного и общего», «наибольшее же единство одного-другого, их максимальное взаимопроникновение»^[134] достигается в философском понятии-идее. В первом случае, в *родовом* понятии, впервые разработанном Аристотелем как совокупности определенных неизменных признаков вещей, отношение между частным и общим есть отношение совокупности и подчинения. Общее понятие обладает меньшим числом признаков, чем частные, оно вмещает в себя подчиненные ему частные понятия. Последние образуются через прибавление к общему понятию частных признаков, не имеющих никакой иерархической связи между собой. Не происходит и постепенного роста или перехода понятий одного в другое. Общее и особенное мыслится как противоположное друг другу. Объединяя свойства и качества, родовое понятие является субстанциальным, но не связывает между собой частные признаки, оно с необходимостью приводит к вопросу «о логическом первородстве или *подлинной реальности*»^[135]. «От родового понятия существенно отличается *понятие-закон*», продолжает Гессен, его взял за основу своей иерархии наук О. Конт, оно усиленно разрабатывалось Лотце и Марбургской школой. В данном понятии общее становится законом «изменения частного, которое упорядочивается им в непрерывный ряд». Отношение частного и общего «есть отношение неопределенного переменного параметра к численно определенным значениям последнего», при этом расположенные в ряд частные значения переходят одно в другое. Понятие-закон есть понятие функциональное. Поскольку «общее

здесь пронизывает частное, частное же нанизано на общее», к понятию-закону стремятся все естественные науки. Отношение этого понятия к действительности Гессен определяет таким образом, что «нельзя сказать, что понятие-закон есть нечто отвлеченное от действительности. Скорее, природная действительность пронизана понятиями-законами»^[136]. Поэтому, по мнению Гессена, в понятии-законе все сводится к монистическому натурализму. Однако, кроме наук о природе, Коген и Натторп выделяют науки о духе, первые основываются на логике и математике, а вторые на этике и праве.

Третий вид понятий принципиально разграничивает естественно-научные понятия от *индивидуальных* понятий, составляющих предмет исторического знания, и тем самым обосновывает плюралистическую классификацию наук. Более детальное рассмотрение этих понятий Гессен сделал темой своей диссертации. «В индивидуальном понятии общее есть расчлененная целостность, а частное – незаменимый член этой целостности. <...> Чем богаче по содержанию частное, тем в большей мере выражает оно собою целостность»^[137], и наоборот.

После рассмотрения трех типов понятий Гессен обращает свой взор на специфическое философское понятие-идею, которое отличает то, что «общее в нем есть полнота (л/Дроща), или *усовершенние* (курсив мой. – Ю. М) частного. Частное же есть момент или ступень общего, которое, однако, не отделено от первого, а в нем (в частном моменте) просвечивает. Сопряженность общего и частного здесь максимальная, доходящая до их взаимной пронизанности. Попытка помыслить частное в отрыве от общего приводит к его вырождению, и точно так же общее есть не что иное, как усовершенние вливающегося в его полноту частного»^[138]. Итак, искомым критерием иерархичности

понятия-идеи становится усовершенствование. Для обоснования иерархичности и единства четырех видов понятий Гессен почему-то идентифицирует частное и общее с одним и другим, поскольку понятие – это всегда определение одного через другое. Но, как он сам указывал, сравнивая диалектику с гетерологией, не всегда другое состоит в отношении противоречия общего и частного, что собственно подтверждает и пример из педагогики, приводимый Гессеном об отношении игры и урока. Гессен констатирует, что «“одно” есть одно через присущее ему “другое”», в чем собственно и состоит диалектический характер идеи, в котором и здесь Гессен соглашается с Гегелем. Осуществляется «наибольшая сращенность одного-другого», почему Гегель был прав, когда называл понятие-идею *конкретным понятием*. Степень такой сращенности, конкретности является наименее выраженной в понятии рода, которое сохраняет противоречие к частному, «наибольшую отрешенность одного от другого». В понятии-законе конкретность, другое мыслится уже как *определенное* другое, а в индивидуальном понятии другое определяется через противоположность, но «не обнаруживается как другое». Далее Гессен, не совсем понятно почему, вводит понятие «абстрактного» вместо общего и говорит о том, что сращенность общего и частного это конкретность, а разъединенность это абстрактность. Так образуется иерархия понятий, в которой «различные понятия располагаются в меру убывания их конкретности и возрастания абстрактности»^[139]. Таким образом, все понятия представляют собой «разностепенные *умаления конкретного*, как *убывание* наиболее полного *единства* одного-другого»^[140]. Такое понимание системы понятий отрицает попытку объяснить «высшее из низшего», сложное из простого, организм из сочетания простых химических процессов, а

в социальной жизни – «богатство из бедности». Он критикует в первую очередь позитивизм и классификацию понятий О. Конта, в которой речь также идет об усилении конкретности, но как *сумме* различий. Последний, по мнению Гессена, односторонне исходил только из естественно-научного понятия, игнорируя своеобразие исторических и философских понятий и методов. Гессен считает, что только через признание философского понятия-идеи и связанного с ним метода *полноты* высшим в иерархии понятий возможно сочетать монизм и плюрализм.

Только от понятия-идеи как полноты конкретности, т. е. всеединства, можно перейти к меньшим степеням конкретности – к понятиям истории и природы. Представленный Гессеном иерархический ряд: родовое понятие, понятие-закон, индивидуальное понятие, понятие-идея имеет *«два предела: с одной стороны – чистую интуицию, в которой одно созерцается не только вместе с другим, но и не отдельным от последнего. В интуиции полнота всеединства дана сразу вместе со своими моментами, которые поэтому еще не мыслятся в отдельности от нее. <...> Все же в понятии-идее момент мыслится уже через полноту, здесь есть уже переход от одного к другому, от частного к общему, и постольку есть уже минимум дискурсивности»*^[141]. Другим пределом ряда от неразличенного единства является множество, чистая дискурсивность: «Средством восстановления этого отсутствующего единства между одним и другим и является силлогистическое умозаключение»^[142]. В силлогизме «знание находит переход от одного к другому» через среднее понятие, посредством которого частное подводится под общее. Преодоление дискурсивности, усмотрение связи между S и P достигаются через обнаружение связи между S и M и M и P; здесь опять же необходим минимум интуиции. Между пределами сращенности в интуиции и

раздельности в дискурсивности и располагается иерархия понятий по степени их сращенности от рода к идее. Прав В. В. Зеньковский, когда отмечает, что эти положения остаются у Гессена «собственно не аргументированными» и «дальше этих чисто формальных указаний» он не пошел, а также в дальнейшем «не пробовал развить “иерархическую систему понятий”»^[143].

Гессен всегда подчеркивал, что разработка им формальных оснований познания не имеет никакого отношения к действительности, подлинной реальности, его целью было «вырыть» границу между философией и метафизикой, поскольку последняя смешивает различные сферы и претендует на идентичность своих категорий и действительности, что определяется им как «натуралистический монизм». Теперь же в понятии-идее в философии мыслится полнота действительности, но какой? Введенной самим Гессеном объективной действительности или же рационально невыразимой, неформализованной жизни? Какую полноту представляет найденное понятие-идея? Полноту формально-логической системы или бытия? Гессен как бы между строк в отношении понятия рода говорит о том, что оно всегда приводит к проблеме подлинной реальности, а понятие-закон пронизывает природную действительность. Но что значит природная действительность, действительность естественно-научная? Гессен говорит о степени «раздельно-сращенности», которая представляет содержание и выражается различными понятиями, это содержание отличается от формального начала, оно-то и есть материя. Далее он делает вывод: «Непосредственная интуиция предмета, в которой нераздельно сращены друг с другом не только материальные моменты частного и общего, но в которой нераздельное единство составляют и материальный и формальный моменты,

одинаково находятся за пределами как понятия, так и суждения. Это последнее возникает на почве уже совершившегося *распада предмета* на материю и форму»^[144]. Означает ли это, что есть еще некая неизведанная форма предмета, существующая до суждения и допонятийная? О какой форме здесь идет речь? «Все это, – отмечает Зеньковский, – остается, по существу, неясно – и, конечно, оттого, что Гессен боится метафизики. <...>...тут есть лишь трансцендентализм и нет никакого онтологизма. Отдельные страницы у Гессена действительно кажутся пронизанными “онтологизмом” – особенно в виду “метода полноты” (т. е. Абсолютного Первоначала, из которого диалектически вытекает плюрализм категорий – но только категорий!)»^[145].

Обосновывая приоритет философского понятия-идеи, Гессен опускает существенный момент в первоначально данном им определении идеи, а именно идеи как – степени совершенства. Он ограничивается двумя критериями общего и частного, абстрактного и конкретного, и остается неясным, как они связаны с искомым совершенством. Однако теперь ясно то, что Гессен все-таки допускает возможность способности философского понятия-идеи привести к предельному единству понятий и методов, хотя *только* через *утверждение приоритета полноты*, поскольку «переход от полноты к бедности, от присутствия к отсутствию есть всегда нечто более понятное, чем обратный переход от бедности к богатству»^[146]. Конечный ответ не имеет под собой логической необходимости, а сводится к фразе «более понятно». Начиная с плюрализма методов и понятий, Гессену не удастся логически убедительно все свести к идее. Плюралистическая методология, изначально исходящая из множественности и *сосуществования различных интерпретаций* действительности, разграничивающая ее

на сферы их действия, не в состоянии быть достаточно представленной в единстве их связи.

Методология плюрализма в принципе позволяет вводить понятия из различных областей знания, так и у Гессена появляются понятия плеромы и совершенства, абстрактного и конкретного, богатства и бедности. К ним присоединяется необоснованное предпочтение идеи общему и абстрактному, а богатства – бедности. Становятся ясными приоритеты Гессена. В отличие от Яковенко, отстаивающего плюрализм, и от Степуна, постулирующего всеединство в «трансцендентальную идею положительного всеединства», Гессен стремится выйти за рамки трансцендентальной философии не посредством мистики и интуиции, а вводя понятие плеромы. Он указывает на то, что находится за пределом философии, т. е. формальной обработки действительности, и делает ход в сторону метафизики. Уже в диссертации он пишет, что «мыслимая метафизически завершенной действительность» представляет собой «всейность», «бесконечную, всеохватывающую вещь»: «причинная необходимость временной последовательности становится неутомимой необходимой связью, связанные с необходимостью друг с другом вещи становятся свойствами неутомимой вселенной, которая представляет эту достигнутую в своей идеальности действительность. В этой мыслимой завершенной объективной действительности нет больше причинности и субстанциальности, остается лишь недифференцированная необходимость как принцип ее синтеза...<...>Она (действительность. – Ю. М.) является царством абсолютной необходимости, где Ничто случайно, где Всё определено»^[147]. Свои *метафизические* положения Гессен заимствует не у Риккерта, а у Виндельбанда. Можно вспомнить и проследить сходство взглядов Гессена с пониманием

объективного разума у П. Я. Чаадаева, его «логическое самоотречение» в пользу Абсолютного.

В более же поздний период творчества по возвращении из Гейдельберга Гессен сталкивается со взглядами представителей религиозной философии и идеей всеединства Вл. Соловьева. Хотя Степун и писал свою диссертацию «Владимир Соловьев» у Виндельбанда, по всей видимости, она не обсуждалась в кругу соратников, хотя влияние Соловьева, как отмечалось, могло быть опосредованным. Осознавая необходимость поиска единства и невозможность его достижения в трансцендентализме, Гессен вводит понятие плеромы. Пользуясь выражением Степуна о том, что Кант «переложил горизонт философии так, что абсолютное осталось как бы за ее горизонтом»^[148], мы видим, что Гессен стремится «вернуть» абсолютное в горизонт философии, но логически обосновать такой ход ему не удается, он остается только предпочтением, «личной метафизикой», по выражению Виндельбанда.

О персоналистической склонности и имперсонализме трансцендентализма

Проявив себя как скрупулезный тонкий аналитик, разбирающийся в методологических хитросплетениях и перипетиях трансцендентализма, Гессен, о котором Риккерт пишет Паулю Зибеку, что он «один из моих одареннейших учеников, молодой человек весьма незаурядной интеллигентности и энергии»^[149], возвращается в Россию, где после сдачи экзаменов начинает в летнем семестре 1914 г. в качестве приват-доцента преподавательскую деятельность. Из его воспоминаний узнаем, что это были лекции по Канту, семинар по Фихте, а также логика, психология, педагогика. В это же время он пишет книгу по

философии Канта. Как уже отмечалось, все связанное с немецкой философией ввиду роста патриотических настроений во время войны с 1914 г. не вызывает особенного интереса, даже если это и относится к новейшим веяниям в философии, знатоком которых Гессен, несомненно, являлся. Он обращается к педагогике, которую он понимает как прикладную философию и поэтому всегда начинает с представления теоретической основы педагогики, «со схемы антропологии, лежащей в основе... философии воспитания». Представляется, что такой ход к антропологии не был для него трудным, ведь уже в диссертации его интересует индивидуальная причинность, трансцендентальное укрепление индивидуального не только как неповторимого, но в первую очередь как незаменимого. Сейчас же он сосредотачивается на разработке концепции личности. Возможно, Гессен и продолжил бы исследования в области методологии познания, а также в области социологии, этики и права, на темы, которые интересовали его изначально, но в то же время переход к педагогике, к воспитанию личности не требовал от него кардинального изменения его теоретических установок и симпатий. Введение неокантианством в философию ценностной установки означало в первую очередь усиление индивидуального. Гессен рассматривает в диссертации *индивидуализирующее ценностное отношение и субсуммирование (подведение)* под общие понятия *закономерности*. Как уже не раз отмечалось, в неокантианстве происходит разделение на науки о природе, в которых познание осуществляется через обобщающие понятия, закономерность, и историю, в которой познание осуществляется через установку на индивидуализирующую причинность, хотя Гессен и признает, вслед за Риккертом, необходимость общего как условия возможности исторического познания.

История как наука «всегда работает с общими значениями слова, которые in pace уже являются примитивными общими понятиями. Почти в каждом историческом изложении мы также находим массовые понятия, т. е. такие понятия, которые могут быть продемонстрированы на большинстве объектов, как их экземпляров»^[150]. Такие понятия, которые Гессен называет еще «коллективными», однако, не обладают «строгой общностью». Для индивидуализирующих понятий общим является индивидуальные группы. И в этой связи Гессен впервые теоретизирует понятие личности. Он отмечает, что индивидуальные понятия «никогда не встречаются в строжайшем значении слова» и добавляет: «Также личность в истории ни в коем случае не является абсолютно-индивидуальным, а только относительно индивидуальным понятием, поскольку под него, например, подводятся различные временные состояния той же самой личности»**. В дальнейшем он конкретизирует понимание относительности индивидуального, объясняя, следуя своей «квази-догматической предпосылке, что действительность никогда не повторяется» и, если глубоко вдуматься в последствия такого положения, окажется, что «только мимолетное состояние вещи “действительно” есть. Личность сама по себе, поскольку она схватывается теоретически, является продуктом абстракции, обработки действительности, она даже является, как это выводит Риккерт, чем-то относительно-историческим; абсолютно-историческим и единственно действительным является личность в том или ином мгновении»^[151]. Гессен видит в таком понимании личности и действительности схожесть позиции с позитивизмом, утверждающим, что «действительная вещь есть вещь-мгновение». И понятие личности, как индивидуальное понятие, также означает только «перенесение позитивистского понятия я, как

“практического, относительнопостоянного единства”, как его определили Авенариус и Мах, в трансцендентное»^[152]. Здесь собственно и заканчивается для Гессена действие «позитивистской тенденции» трансцендентального эмпиризма, для которого «действительным является только “ощущение”». Гессен ссылается на Канта, у которого «осознавание (apprehension), опосредованное ощущением, заполняет только мгновение». Дальнейшим ходом может быть возврат к метафизике, и Гессен обращается к античной философии. Следствием принятия определения вещи как вещи-мгновения является невозможность изменения, которое предполагает единство следования одного за другим, изменяющееся должно отличаться каким-то постоянством, и для этого в античной философии использовали понятие субстанции: «решение проблемы покоилось на метафизическом *гипоста-зировании понятий к реальностям* (курсив мой. – Ю. М). “Действительная вещь”, как вещь-мгновение, не изменяется. <...> Тем, что мы проникаем и со стороны категории субстанции к истинной действительности, изменение и одновременно и причинность опять снимаются. Причинность в чистой действительности теряет свой смысл, но одновременно и у самого понятия субстанции крадется его смысл, поскольку оно было образовано с целью показать неутомимое в изменении. Так, и с этой точки зрения оба понятия: субстанции и причинности совпадают, если мы мыслим действительность достигнутой»^[153]. Такая истинная действительность представляет собой «высшую форму необходимости».

В отношении личности это означает, что за относительноисторическим ее абсолютно-историческое значение представляет собой момент связи с высшей формой необходимости. Таким образом, личность

представляется Гессеном в двух планах: абсолютно и относительно индивидуальном. Первый план раскрывает личность в ее отношении к высшей форме необходимости, к абсолютному бытию, а второй – относительность индивидуального, его причинность и проявление индивидуального как постоянного.

Обращаясь к *метафизике*, Гессен отмечает, что она превращает категории в *реальности*, и это, как уже отмечалось, есть понятийно-реалистический монизм, в то время, как теоретико-познавательный монизм гипостазировывает «саму действительность к понятию формы, т. е. *взаимосвязи ценностей*»^[154] (курсив мой. – Ю. М.). Оба монизма являются результатом гипостазирования, следовательно, оба имеют и одинаковую правомерность. Оставаясь в рамках кантовской рациональной системы, достижение единства возможно только через гипостазирование. Риккерт, выходя за рамки рационализма, вводит вместо понятия слово, а вместо понимания – толкование для достижения единства мировоззрения. Гессен же воспользовался понятием-идеей и понятием полноты плеромы.

Следует помнить, что если речь идет о ценностях, то личность рассматривается исключительно с точки зрения ее теоретико-познавательной способности, хотя в теории ценностей и проводится различие на естественно-научное познание, практическую, эстетическую и религиозную сферы и *специфику познания действительности*. Образование же ценностей находится за пределами познания, «*реализованная ценность*» представляет собой «иррациональный факт истории», что обуславливается субъективностью личности, поскольку за фактом ничего нет, его существование начинается с оценки личностью переживания. В диссертации Гессен рассматривает личность в двух планах: в абсолютно и относительно

индивидуальном. Позднее в Петроградском университете, а затем (с 1917 по 1921 г.) в Томском университете, когда его основным исследовательским интересом становится педагогика, он более детально рассматривает относительно-индивидуальный, ценностный план личности, ее место и значение в культуре, включая в этот план тему свободы, которая получает более детальную разработку. После выезда из России Гессен издает в Берлине в 1923 г. «Основы педагогики». Здесь мы находим определение личности, которое уже предполагает зрелую концепцию: *«Личность обретается только через работу над сверхличными задачами. Она создается лишь творчеством, направленным на осуществление сверхличных целей науки, искусства, права, религии, хозяйства, и измеряется совокупностью сотворенного человеком в направлении этих заданий культуры»*^[155]. Но что представляет собой культура? *«Культура... <...> ...есть прежде всего рассудочность, совокупность того, что сделано людьми для достижения заранее ими принятых целей по заранее поставленным ими себе правилам.<...>...вся культура есть плод сознательной, рассудочной деятельности человека»*^[156]. Очевидно, что сверхличное представляет собой совокупность культурных ценностей, создаваемых также в культуре. И в то же время личность – это идея, она является *«“индивидуальным законом”, невыразимым в общем понятии, неисчерпываемым общей формулой какой-нибудь профессии или программы, но от того не менее законом, свидетельствующим о сверхличном начале, через устремление к которому и формируется личность человека»*^[157]. Здесь, по всей видимости, речь идет о другом начале, не связанном с ценностями культуры, но о каком, абсолютном? Ответа нет. Кроме того, что индивидуальное *«есть естественный плод устремления к сверхиндивидуальному», «подлинно индивидуальное*

есть прежде всего незаменимое, т. е. единственное в своем роде... Но незаменимость достигается лишь через обретение своего места в совокупном действии, направленном на разрешение сверхиндивидуальной задачи»^[158]. Таким образом, действие личности *ограничивается сверхличным заданием* – и возникает вопрос о свободе личности. Гессен оставляет сферу познавательного-теоретического и переходит в сферу практической деятельности. Тема свободы личности решается им в проблемном поле между индетерминизмом, или произволом, и законом я, долгом. Гессен принимает понимание долга Канта, как автономию и самозаконность, т. е. как подчинение закону, который личность сама на себя возложила. Это *ограничение личности долгом*, а не сверхличными рационально выработанными ценностями. Имеет ли «закон личности» ограничивающее ее свободу значение? «...Свободные действия могут быть уподоблены кривой, следующей в своем движении определенному, ей присущему внутреннему закону. <...> Свободный человек имеет свою устойчивую линию поведения, которой он остается верен в течение всей жизни»^[159]. Закон личности задает «идеальную линию поведения» личности, которое не всегда осуществляется. «Но это значит лишь, что свобода есть не столько факт нашей жизни, сколько встающий перед нами долг, задание, которое разрешить сполна мы, быть может, никогда не в состоянии, но к которому можем более или менее приближаться»^[160]. Возникает вопрос, имеют ли долг и закон личности рациональное основание, как считает Кант, или же закон личности и долг имеют под собой не только сверхличное основание, но и абсолютное? Гессен утверждает, что «свобода» возможна только «через закон долга», а «индивидуальность возможна через сверхиндивидуальное начало»^[161], личность, таким образом, ограничивается, при этом остается, однако, не

совсем ясно, что представляет собой сверхличное начало.

Возникает двойственность, которую мы наблюдали в проявлении сверхличного начала личности. Не находя ответа на этот вопрос, Зеньковский утверждает, что решение вопроса личности осуществляется Гессеном только в поле трансцендентальной философии, а это означает, что «все “ценное” в личности превосходит ее и должно быть связываемо с трансцендентальной “сферой”»^[162]. Зеньковский говорит о близости позиции Гессена и Соловьева в их тенденции к имперсонализму, а именно: «разрушение учения о личности, как замкнутом бытии, утверждение сверхличной сферы, которой питается отдельный человек»^[163]. Такое толкование Зеньковским антропологии Гессена, ограниченное его работой «Основы педагогики», можно считать правомерным, если не обращать внимания на «закон личности». Да и сам Гессен в воспоминаниях о написании этой книги пишет: «Моя собственная точка зрения в “Основах педагогики” не выходила за пределы гуманизма»^[164]. Только в примечаниях мы находим различие наук на три группы: отвлеченные, прикладные и гетерономные. К последним относятся право и богословие^[165]. Таким образом, ясно, что нравственное должествование не имеет под собой исключительно рациональную природу. Создается впечатление, что Гессен только отсылает к закону личности, не раскрывая его.

Что же представляет собой идея, закон личности? Гессен уже в диссертации провозглашает возможность разрешения всех неразрешимых в трансцендентализме противоречий через «укоренение их в глубиннейшей сущности личности», «в ее святейших святостях, где господствуют иррациональная вера и доверительная надежда... философия указывает на новое, чуждое ей царство субъективнейших переживаний, мистики или,

возможно, метафизики»^[166]. В более поздней работе «Правовое государство и социализм», включающей серию очерков по правовой теории либерализма, начатых Гессеном с выступления на заседании Русского научного философского общества в Берлине в 1922 г. и продолжавшихся до начала 30-х гг., он в статье «Кризис либерализма» (1924) настоятельно отстаивает «идею личности», «непроницаемость личности для другого лица», «безусловное ядро личности», о котором, однако, не дается никаких разъяснений за исключением того, что «*собственность есть материальное поприще личности*, основа личного хозяйственного и вообще культурного творчества, как бы самопродолжение личности в вещах»^[167], положения, которые диктуются заданной темой правового социализма.

Очевидно то, что Гессен мыслит личность как «непроницаемое лицо», «ядро», а в терминологии Зеньковского, «как замкнутое бытие», говорит о том, что Гессен не отдаляется от персонализма, а просто не затрагивает, или замалчивает, эту тему, сохраняя гуманитарную точку зрения, в то время, как и Зеньковский не замечает у него закона личности.

Общий упрек Зеньковского к трансцендентализму состоит в том, «что в линиях трансцендентализма мы движемся в сторону имперсонализма»^[168]. Для разъяснения своей позиции он отсылает к анализу мотивов имперсонализма у Соловьева, возникающих, по его мнению, также на пути гносеологизма, утверждающего достоверность только «субъективных состояний сознания», «общей логической формы мышления», «решимости познать истину»^[169] – все, как видим, в духе неокантианства. У Канта мы действительно находим не только я и утверждение его существования как условия возможности мышления вообще: «Разум есть способность создавать принципы. Утверждения чистой психологии содержат в себе не

эмпирические предикаты о душе, а такие предикаты, которые, если они имеются, должны определять предмет сам по себе, независимо от опыта, стало быть, определять благодаря чистому разуму. Следовательно, они должны были бы основываться, естественно, на принципах и общих понятиях о мыслящих существах вообще. Вместо этого мы находим, что всеми ими управляет единичное представление *я есмь*, которое именно потому, что оно (неопределенно) *выражает чистую форму* всего моего *опыта* (курсив мой. – Ю. М.), провозглашает себя всеобщим положением, значимым для всех мыслящих существ, и пусть, будучи во всех отношениях единичным суждением, оно содержит в себе видимость абсолютного единства условий мышления вообще и потому распространяется за те пределы, которых мог бы достигнуть возможный опыт»^[170]. Таким образом, *я* выражает чистую форму и является *единичным* условием возможности мышления вообще. У Гессена основным мотивом философствования было именно *укрепление* трансцендентализмом *единичного* как *индивидуального*, через которое определяется впоследствии и личность. Отказ от *я*, деперсонализация познания и бытия не являются определяющими для философии Гессена, в полной мере тенденция к имперсонализму трансцендентализма проявится у Яковенко.

Позиция Гессена проясняется, если обратиться к схеме неопубликованной работы Гессена «Философия воспитания», которая сгорела во время Варшавского восстания. Гессен дает схему антропологии, лежащей в основе философии воспитания. Он выделяет четыре плана *бытия* (не категорий, или системы понятий), в которых одновременно протекает жизнь человека, при этом определяет и состояние его единичности: биологическое бытие особи, социальное бытие индивида, духовное бытие личности, бытие души

Царствие Божие, «причем высшая плоскость человеческого бытия наслаивается на низшей, оформляет ее, не нарушая, однако, ее внутренней законосообразности»^[171]. Из схемы видно, что Гессен разрабатывает преимущественно два плана: социальный и личностный, последний связан с духовным общением, с ценностью. Он раскрывает в первую очередь внутренние законосообразности каждого плана и никогда не показывает, как «высшая плоскость наслаивается на низшей, оформляет ее», что приводит к обоснованным утверждениям о недосказанности и открытым вопросам.

Данное исследование творчества Гессена было сфокусировано на анализе третьего плана бытия: духовной культуры, связанной с теорией ценностей, возникшей в результате стремления превзойти философию Канта. Превосхождение Канта проводится Гессеном через трансцендентальное укрепление индивидуального посредством введения иррационального момента, образования ценностей, перед которым Кант останавливается. Гессену удастся показать границы развиваемого трансцендентализма и вытекающие из него противоречия: *невозможность решить проблемы двойственности, т. е. гносеологического и метафизического монизмов, а также дать определение закона личности, выходящего за рамки ценностного плана. Ему явно не удастся показать взаимосвязь всех планов бытия.* В задуманной «философии воспитания» Гессен все-таки решил заняться метафизикой, но, к сожалению, его работа осталась недоступной для нас.

Гессен последовательно проводит методологический плюрализм, но утверждает необходимость приоритета монизма над плюрализмом, что ему опять же не удастся сделать теоретически убедительно, несмотря на то, что он обращается к своеобразной диалектике. В результате

ему остается только ссылаться на свои предпочтения и очевидность преимущества полноты.

«Неакадемический» неокантианец С. И. Гессен В. Н. Белов

Такое название – «неакадемический» неокантианец – требует своего пояснения, поскольку использовано здесь в отношении общей характеристики творчества отечественного философа С. И. Гессена в не совсем привычном общераспространенному значению смысле. Обычно понятие «неакадемический» используют для того, чтобы с помощью него подчеркнуть особую неакадемическую сферу деятельности того или иного мыслителя, а именно то, что он не работал в структуре образовательных учреждений, а был, что называется, свободным художником^[172]. В отношении к творчеству С. Гессена это понятие будет использовано в другом смысле. На мой взгляд, оно удачно характеризует само содержание его учения. С одной стороны, Гессен, как никто другой из круга русских учеников немецких неокантианских школ, остался верен духу неокантианства, с другой же, никогда эту верность особо не подчеркивал, концентрируясь на темах и проблемах, в которых философу, по большому счету, и сказать, казалось бы, нечего.

Гессен – может быть, самый яркий образец того, как нешкольно (недогматически-школьно) воспринимали идеи двух основных направлений немецкого неокантианства их русские последователи. И дело не в том, что он учился и во Фрайбурге, и в Марбурге, но в том, что содержательно нашел продуктивность как теории ценностей баденца Риккерта, так и многих социальных и педагогических идей марбуржца Наторпа. Гессену присуща тонкая и глубокая интуиция, которая в, казалось бы, очень далеких друг от друга темах, темах

разноплановых, находит непрременную связь с одной фундаментальной темой всей его философии, темой человека в его индивидуальном, социальном и духовном бытии.

«Неакадемичность» творчества Гессена проявляется и в том, что у него нет привычных частей системы философии, то есть нет как таковых гносеологии, этики и эстетики и нет самой системы философии, и в то же самое время есть произведения, рассматривающие гносеологические, этические, эстетические и социально-философские проблемы и имеющие своим конечным содержанием проблему человека исторического, совершенствующегося, как проблему, концентрирующую вокруг себя все остальные темы и проблемы. «Неакадемичность» творчества Гессена заключена и в самих темах его произведений – индивидуальная причинность или закономерность вместо индивидуальной свободы; трансцендентальный эмпиризм вместо трансцендентального идеализма и рационализма; философская практика или конкретная философия вместо философской теории. И это не просто вроде такой интеллектуальной игры или ради некоего внешнего эффекта своеобразия или философского своеволия, для Гессена за такого рода объединениями несоединимых понятий стоит попытка открытия новых смыслов, оправдывающих философию и философский подход в его разнонаправленных претензиях. «Неакадемичность» творчества Гессена в его открытости не просто к диалогу с русскими религиозными философами, а признание естественности и закономерности в эволюции своей философской позиции в сторону этого направления русской общественной мысли.

Уже само название первой серьезной работы Гессена «Об индивидуальной причинности» (Über individuelle Kausalität), защищенной им в 1909 г. во Фрайбурге в

качестве магистерской диссертации^[173], можно смело делать, и в этом также виден знак научной прозорливости нашего автора, своеобразным девизом творчества С. Гессена. В этой диссертации русский философ определяет свои научные приоритеты, которые останутся для него таковыми на протяжении всей его активной творческой жизни. Он указывает на то, что научное познание, хотя и претендует на то, чтобы быть образцом объективного познания как такового, быть единственно верным путем к овладению истиной, на самом деле охватывает исследованием только ограниченную область человеческого существования и деятельности, наивно предполагая, что закономерности одинаковы и должны функционировать везде и всегда. А иначе, какие же это будут вещи или события, мерилom которых выступают законы, иными словами, какие же это будут закономерности!

Поэтому и философия, не должна здесь следовать в фарватере такого менторства науки, не должна ограничивать свой опыт лишь сферой научного опыта, но должна видеть специфику этического, эстетического, религиозного опыта, а в конце концов и опыта исторического, и в то же время видеть не просто специфику закономерностей различных сфер, но постигать глубинное единство этих различных закономерностей в опыте личности, в опыте ее переживаний, в опыте ее становления, в опыте возрастания ее духовных сил и способностей.

Еще одной знаменательной для анализа творчества С. И. Гессена работой является его статья на смерть П. Наторпа (1924), с которым, что отмечается всеми без исключения его исследователями, у русского философа сложились особые отношения. Каковы же эти главные характеристики философской деятельности марбургского неокантианца, которые выделяются Гессеном и которые можно смело адресовать и в

отношении характеристик его творчества? Прежде всего, это стремление к единству мысли и воли, творчества и жизни, слова и дела, когда творческая биография и биография жизни мыслителя неотделимы друг от друга, составляя неразрывное целое, свойственное истинным подвижникам духа. «Эта исключительная популярность Наторпа как писателя, – замечает русский философ, – объясняется не только существом защищавшихся им идей, но и общим характером его личности. Впрочем, эту последнюю трудно даже отделить от первых: главным свойством ее была благородная объективность, то, что немцы передают непереводаемым словом «Sachlichkeit». Наторп не только высказывал свои мысли, они составляли все содержание его жизни. Отсюда внешнее однообразие его жизненной судьбы»^[174].

Вторая не менее важная характеристика относится уже непосредственно к самому творчеству немецкого философа. Гессен указывает на то, что в отличие от своего марбургского учителя и коллеги Г. Когена П. Наторп не пытается сконструировать окружающий философа эмпирический мир, исходя из логики первоначала, но стремится в самой текучести и изменчивости эмпирического бытия найти и указать то, что связывает его с вечностью.

Первым серьезным испытанием на прочность для философской концепции Гессена, которая «оправдывает» эмпирию через ее связь с трансцендентальным началом, стала Первая мировая война. Для него, как и для большинства представителей русской интеллигенции, война стала шоком, потрясением. Ведь во врагов превратились бывшие учителя, коллеги, друзья. Кроме того, инициатором военных действий выступила именно Германия, то есть страна великих философских, педагогических и прочих культурных достижений.

В размышлениях Гессена война оказывается не только абсолютным злом и негативным явлением в жизни социума и человека, но и таким явлением, которое предоставляет повод критически отнестись к предыдущим устоявшимся, казалось бы, оценкам и мнениям. Война имеет и своеобразный очистительный характер, снимая наносное и поверхностное и требующее более глубоких и продуманных суждений и заключений.

В частности, С. Гессен в одной из своих работ военного периода полагает, что говорить о войне как справедливой или несправедливой, оценивать действия своих или чужих войск как необходимые или преступные, различать патриотизм истинный или ложный можно, только прояснив существо нации, национального. Он уверен, что каждый человек в глубине души знает, что такое его нация, и чувствует, что военные действия ведутся не для того, чтобы доказать превосходство силы одной нации над другой, но простого смутного понимания, опирающегося на движения совести и подсказок сердца, недостаточно для разговора с другим, для твердого осознания и действия. Необходима теоретическая разработка проблемы, убеждающая в правоте первоначального переживания.

Так в чем же суть нации, согласно Сергею Иосифовичу Гессену? Чтобы раскрыть содержание существа нации, русский философ, используя категории общего и частного (индивидуального), обращается к двум логическим стратегиям: противопоставления и синтеза. В первом случае, когда общее и частное противопоставлены друг другу, он указывает на такие социально-философские явления, как космополитизм и национализм. Во втором, когда задействуется принцип взаимопроникновения и взаимодополнительности общего и частного, Гессен прибегает к помощи своей

концепции творческого процесса в его исторической перспективе.

Каким же образом, согласно русскому философу, возможно приемлемое решение национального вопроса, то есть возможно определение сущности нации? По мнению Гессена, оно возможно только через понятие творчества. Получается, что нация – есть процесс творчества нации. Следует сказать, что понятие творчества является основополагающим для философских построений С. Гессена в целом. Он определяет его как «живое единство предания и задания»^[175]. Понятия «предание» и «задание» также важны для понимания философии русского мыслителя. Таким образом, творчество нации протекает в тесной взаимосвязи предания и задания. Предание в данном контексте Гессен определяет не просто как прошлое национальной истории и культуры, а как то прошлое, которое постоянно актуализируется и не умирает со временем. А таковым национальное прошлое может сделать только то, что творилось оно с ориентацией на вечные, абсолютные ценности. Следовательно, задание в творчестве нации, согласно русскому философу, может быть только сверхнациональным, общечеловеческим.

В результате С. Гессен приходит к следующему заключению в отношении характера творчества нации: «Создание национального предания – вот исторический момент в нации. Исходить из истории – его веление. Но нация – совокупная работа над сверхисторическим заданием... Включение национального предания в соборное предание всего человечества – вот сверхисторический момент в нации. Стремиться к вечному – его веление»^[176].

«Неакадемичной» в творчестве русского мыслителя, как уже было отмечено, стала последовательно и однозначно выдержанная ориентация на разработку

философии практики или конкретной философии. Данное утверждение требует необходимых пояснений.

С. И. Гессен обращается к практике, чтобы ее оправдать. Ведь в философском инструментарии всегда ощущалась нехватка связи теории и практики. Практики, на самом деле, требуют от философов не отвлеченной теории и не самой практики, а именно того единства, которого они сами, быть может, не видят по каким-то причинам. Русский философ разоблачает все разновидности отвлеченного теоретизирования, полагая таковое непродуктивным ни для самой теории, ни для практики.

Быть может, справедливо говорить о нереализованности С. И. Гессена как философа-теоретика, в том плане, что у него нет некой системы больших теоретических работ, но говорить о том, что данное обстоятельство его тяготило или было вынужденным в силу сложных жизненных обстоятельств, на мой взгляд, не совсем справедливо. Практико-теоретическая, если так можно выразиться, позиция Гессена была сознательной и определяющей как оригинальность его философии, так и дающей нам возможность вести речь о ее актуальности, так как опять же философское сообщество испытывает дефицит практических философов не в узком, но в широком смысле, мы вновь и вновь озадачиваемся поисками места философии в обществе.

Итак, «практика есть критерий истины» является избитым выражением, однако при этом потерявшим свой правильный смысл, заключающийся в том ограничении самой практики, которое содержится в этом определении: критерий истины, но не сама истина, то есть практика как критерий, что означает осмысление практики, понимание практики как критерия. Именно так понимает взаимосвязь теории и практики Гессен. Практика сама требует уровня критериальности и уже

на таком уровне может выступать своеобразным «фильтром» теории.

Каковы же самые общие штрихи, самая общая схема подобной практической философии русского мыслителя, какими философскими способами, приемами, методами он пытается «скрепить» практику с теорией?

Во-первых, русский философ отмечает, что мистика и метафизика – это две грани неверного «преодоления» пустого теоретизирования, которых следует избегать. Метафизика, по мнению Гессена, возникает там, где нарушаются границы между отдельными областями знания и культуры. Мистика грешит тем же самым и является поэтому разновидностью метафизического знания, но в отличие от метафизики рациональной она нарушает не внутренние границы философии и культуры, но границы внешние, стремясь разрушить границу рационального и иррационального^[177].

Но если теоретическое неверное преодоление пустой теории в целом вопрос опять же теоретический, то на практике такая абсолютизация теоретизирования приводит к плачевным результатам. В частности, во взглядах на историю – к утопизму, который дискредитирует саму теорию, чего, по мнению Гессена, допускать нельзя, ибо здесь нас ждет противоположная крайность «беспринципного и узкопрактического отношения к действительности»^[178].

Если говорить далее о существовании неокантианской методологии, то оказывается верной такая черта, подмеченная и русскими неокантианцами (в частности, Б. В. Яковенко писал о философской позиции Когена как синтезе Канта и Гегеля), как активное задействование диалектики. Здесь не место подробно останавливаться на специфике гегелевского и неокантианского понимания диалектики. Укажем только на то, что у неокантианцев диалектика подразумевает не однозначное «снятие» низшего высшим, то есть более

ранних философских идей более поздними, но возможность интерпретации той или иной идеи философа, исходя не только из конкретно-исторического контекста жизни и творчества этого философа, но и из контекста концептуальных построений самого интерпретатора.

Об этом, собственно, ведет речь и Гессен, когда он в Предисловии к своей работе «Основы педагогики» кратко замечает по поводу метода, которым он намеревается пользоваться: «Хотя в самой книге, – пишет он, – у меня не было возможности остановиться подробно на проблеме философского метода, я надеюсь, что читатель уловит существо защищаемой мной философской точки зрения из тех конкретных приложений ее к педагогическим вопросам, которые составляют собственный предмет настоящего исследования. Эту точку зрения можно было бы обозначить как попытку синтеза разума и интуиции, монизма и плюрализма, рационализма и иррационализма. Поскольку она приближается к “принципу гетерологии”, развиваемому Риккертом в его последних трудах и намеченному в своеобразной форме безвременно погибшим на войне Ласком. Впрочем, если существо “гетерологии” видеть в том, что противоборство двух начал она превращает в единство двух моментов, и что для нее “одно” постигает и сохраняет себя, как то же самое, лишь через обнаружение в нем “другого”, то можно сказать, что в ней в сущности обновляется вечный мотив философской мысли, мотив диалектики...»^[179].

Собственно, в проблеме философской практики мы у Гессена, как ни у кого другого из русских философов, сталкиваемся с проблемой разведения понятий практической философии и философской практики или «конкретной философии». Если практическая философия есть этика, то философская практика есть

педагогика. Здесь Гессен соглашается с мнением Наторпа, повторяя его слова из работы «Философия как основа педагогики» (М., 1910. Пер. и пред. Г. Г. Шпета) о том, что «педагогика вообще есть не что иное, как конкретная философия»^[180].

Но у того же Наторпа Гессен отмечает невыдержанность этого обозначенного выше различия и, собственно, сведение педагогики к этике. Краткие рассуждения о характере «Социальной педагогики» Наторпа дают нам возможность понять и характер того своеобразия, который должна иметь собственная концепция Гессена. Русский философ пишет: «В основе педагогики лежат, по его (то есть Наторпа. – В. Б.) мнению, логика, эстетика и этика. В своем главном педагогическом труде «Социальная педагогика» (русский перевод А. Громбаха, СПб. 1911) Н. дает систему такой философской педагогики. К сожалению, при фактическом развитии системы логика и эстетика отступают на задний план, и вся педагогика основывается на этике, в силу чего педагогика Наторпа сводится главным образом к теории нравственного образования»^[181].

Как конкретно Гессен понимает философскую практику, он демонстрирует и в своих размышлениях по поводу основных задач высшей школы. По его убеждению, в высшей школе естественным образом должны быть объединены процесс обучения и процесс научного поиска. Должен происходить взаимодополнительный процесс обучения для научной работы и научной работы для обучения. Таким образом обучающийся должен быть также вовлечен в исследование, а не получать истину, как уже готовую субстанцию. «Высшая научная школа должна быть поэтому прежде всего очагом научного исследования, ее преподаватель – активным исследователем, самостоятельным ученым, расширяющим своей научной

работой область познанного, студент – участником исследовательской работы преподавателя и постольку начинающим ученым, место занятий – аудитория, лаборатория, семинарий – местом, где открываются новые научные истины, излагаются и проверяются результаты только что сделанных открытий. Высшая научная школа, или университет, есть поэтому нераздельное единство преподавания и исследования. Это есть преподавание через производимое на глазах учащихся исследование»^[182].

Поскольку чтение лекций должно быть подчинено также совместному творческому процессу лектора и слушателей научной истины, то ораторские качества преподавателя отступают на задний план. Главное в этом процессе – сам процесс поиска истины, поэтому лектор – это не оратор, а прежде всего ученый. Не ораторское искусство важно здесь, а способность «мыслить во время речи, открывать на лекции новые доказательства и оттенки развиваемой им мысли. Поэтому внешняя шероховатость речи, поскольку она есть выражение борения мысли со словом, составляет часто подлинную прелесть научной речи»^[183]. Профессор, преподаватель, согласно Гессену, не должен опускаться до уровня вопрошания, чего изволите, «приспособление профессора к аудитории не только не улучшает преподавания научного курса, но вредит ему, отнимая у него характер научного исследования и тем самым низводя его до уровня систематического курса»^[184].

Но такой подход к преподаванию, как научному творчеству, возможен только при полной свободе к выбору читаемых курсов, предпочтения преподавателя не могут быть ограничены спущенными сверху программами и внешними предписаниями. С другой стороны, и у студента должна быть полная свобода в выборе преподавателя и курсов. Поэтому студенты

должны иметь возможность свободно перемещаться с отделения на отделение, с факультета на факультет, из университета в другой университет любой страны мира. С. Гессен пишет: «Единство университетов, взаимное признание ими даваемых зачетов и степеней является предпосылкой свободы учения»^[185].

Таким образом, идеи русского мыслителя по поводу развития университетского образования, а именно идеи связи обучения и науки, совместного творчества учителя и ученика, университетской свободы, свободы преподавателя в выборе читаемых курсов, свободы студента в выборе преподавателя звучат и сегодня чрезвычайно актуально. При всем схематизме и идеальности они ориентируют как преподавателя, воспитателя, ученого, так и воспитанников, учеников, студентов к совместному труду и утверждению благодаря таким совместным усилиям истинно человеческого в человеке.

Другой не менее важной сферой приложения философской теории для Гессена была сфера политики и права, в которой так же, как и в педагогике, в центр своего рассмотрения он ставит человека, условия его всестороннего совершенствования. Наиболее полное развитие его политико-правовые взгляды получили в серии статей в журнале «Современные записки», которые затем Гессен предполагал издать отдельной книгой под заглавием «Правовое государство и социализм».

Вынесенные в заглавие понятия «правовое государство» и «социализм» автор работы посчитал синонимичными, если только удастся дойти до сути каждого из них. Сущность же их, по мысли Гессена, противится общераспространенному отождествлению первого понятия с либерализмом, а второго – с коммунизмом. Коммунизм, включающий в себя абсолютный идеал человеческого общежития, есть

утопия, но никак не естественная ступень развития социализма. Последний Гессен понимает как «новый органически вырастающий из предания и уничтожающий конкретные виды социального зла правопорядок»^[186].

Что социальное зло имеет место при господстве классического либерализма – факт для Гессена, не вызывающий никаких сомнений. Возникнув на политической арене стран Запада как идеология капиталистических отношений, борющихся с феодальным устройством общества, либерализм естественным образом включил в себя и первоначальные интенции капитализма, которые тот развивает в противовес феодализму. А именно, капитализм в своей ранней стадии стремится «раскрепостить» человеческую волю и человеческое действие от внешне сковывающих его активность условий: требуется минимум государственного вмешательства в деятельность отдельного индивида, прежде всего хозяйственную.

Но простое отделение или разведение государства и личности, которое, высвобождая накопленную творческую энергию, на первых порах может принести и приносит ощутимые результаты в развитии общества, в дальнейшем проявляет и свои негативные моменты: внутриличностные отношения могут в миниатюре воссоздать феодализм (ведь, согласно Гоббсу, homo homini lupus est), и тогда провозглашенные либерализмом права и свободы граждан останутся пустым лозунгом. Капитализм не уничтожает эксплуатации, то есть оставляет основание для превращения человека в простое орудие, что и вызывает законную критику со стороны социалистов.

Таким образом, убежден Гессен, и либерализм, стремящийся сохранить свою позитивную энергию, то есть «социальный» либерализм, и социализм,

пытающийся реально содействовать благу граждан, то есть демократический социализм, не только не должны противостоять друг другу, но вынуждены развиваться навстречу друг другу. Тем более что для этого сближения есть все основания. Классическая модель либерализма должна быть подвигнута в сторону ее большей социализации, что естественным образом влечет за собой увеличение роли государства. Классическая формула признания и уважения индивидуальных прав, по мнению Гессена, должна быть дополнена соловьевским «правом на достойное существование»: «Признанием “права на достойное существование”, – подчеркивает Гессен, – включающего в себя... права на образование, труд и вспоможение в случае болезни, увечья и старости, и отличается, в первую очередь, новый либерализм от классического»^[187].

Принятие такой «поправки» к либерализму приводит к существенному изменению двух других главных идей классического либерализма: принципа равенства и института собственности. С подобной «поправкой» принцип равенства не будет допускать превращение конкуренции – основного стимула общественного прогресса – в «голое насилие», а развитие собственности не сможет «прикончить» конкуренцию через монополию. Усиление власти государства в деятельности граждан в вышеперечисленных процессах должно быть уравновешено более активным участием граждан в делах государства, которое, действительно, может стать демократическим.

В целом же программа обновления либерализма, согласно Гессену, заключается в восполнении идеи Права идеей Блага. Две идеи, характеризующие, собственно, две ипостаси человеческого существа, а именно: человека естественного, природного – идея Блага и человека общественного, социального – идея

Права, должны взаимопроникать друг в друга, при, однако, господствующем положении самого Права. То есть Право, как сущее, оказывается множественным, включая в себя две идеи – Права и Блага.

Но эти единые в своей сути идеи пока имеют различную «партийную прописку»: идея Права вдохновляет идеологов либерализма, идея Блага соответственно – социалистов. Причину, которая вызывает неприятие либерализмом «социальности», или по-другому, идеи Блага, Гессен видит в его философски ограниченной оценке общества как механического агрегата одинаковых «атомов-граждан», тогда как общество следует воспринимать в качестве живой целостности, как единство многообразия. Характерно, подчеркивает Гессен, что само понятие равенства «освобождается тем самым от своего привкуса фактической одинаковости и очищается до понятия равноценности фактически различных между собою личностей»^[188].

Не только либерализм, адаптируя идею Блага, делает шаг навстречу социализму, но и последний с неизбежностью приобретает все более правовой, «либеральный» характер. Примечательно, что Гессен, противопоставляя, примиряет либерализм не с консерватизмом, что более привычно, но с социализмом, в виду того, что в последнем находится родственное либерализму индивидуалистическое начало. То есть концепция Гессена исходит из множественной природы самого человека и необходимости общественно адекватного отражения этой природы, а не из противопоставления индивида и государства, которое обладает некой собственной, отличной от человека сущностью.

Гессен находит, что социализм, эволюционирующий не в сторону утопизма-коммунизма, а в сторону демократии, дает реальные образцы все большего

проникновения в первоначально социалистическую идею Блага либеральной идеи Права. По этому пути идут уже немецкие ревизионисты и французские синдикалисты, но дальше всего продвинулся в попытке построения «положительного (правового) социализма», по мнению Гессена, английский гильдеизм. Именно последний, обогащая Благо Правом, расширяет и углубляет саму идею Права.

Признавая государство и хозяйство за самостоятельные и самозаконные сферы общественного бытия и обращаясь к идее функционального распределения суверенитета, который в конечном итоге должен принадлежать «только самому неисчерпаемому никакими отдельными функциями “обществу”», именно «гильдейский социализм, – согласно Гессену, – обнаруживает себя как подлинный продолжатель и наследник либерализма»^[189].

Действительное расширение идеи Права, которое она получает благодаря адаптации идеи блага, приведет к изменению современного общественного устройства, в котором формально доминирует государство, а в нем главную роль играет хозяйство. «Материальный суверенитет государства» должен перерасти в «условный, качественный его суверенитет», то есть государство и общество больше не будут разделять трудно проходимые границы, а хозяйство будет низведено «с господствующего места в обществе на более свойственное самому существу его подчиненное положение»^[190], то есть в общественной организации возобладают духовные, а не материальные ценности.

Творческая биография С. И. Гессена демонстрирует очевидную эволюцию в его понимании важнейшего значения религии для фундаментальности философской позиции, оставляя в то же время философию и религию неслиянными. А. Валицкий, подчеркивая данную

тенденцию, указывает конкретное время, когда религиозная проблематика становится самым непосредственным образом вписана в концепцию русского философа – 1939 г., книга «О противоречиях и единстве в воспитании». Известным славистом верно подмечена и причина «появления в философии Гессена религиозной перспективы» – интерес к философским идеям Соловьева и Достоевского^[191]. Собственно, работы, посвященные анализу религиозно-философских идей Соловьева, Толстого, но особенно Достоевского отвечают и на поставленный самому себе в далекой молодости вопрос о характере и сущности индивидуальной причинности. В чем и каким образом может быть запечатлена неповторимость и незаменимость жизни каждого конкретного индивида?

Однако каково конкретно то философское основание, на котором эта религиозная перспектива утверждается? Ответ дает сам Гессен в автобиографическом очерке «Мое жизнеописание», написанном незадолго до смерти философа в 1947 г.: «Я же, будучи учеником Риккерта и опосредованно Канта, все более развивался в направлении платонизма, стараясь разработать многоэтажную теорию реальности, увенчивающуюся теорией духовного бытия, а в дальнейшей перспективе даже визией “Царства Божия”»^[192].

Таким образом, получается, что платонизм (неоплатонизм) становится точкой пересечения западной и религиозной философии: вспомним искусы платонизма и неоплатонизма о. Павла Флоренского, А. Ф. Лосева, С. Л. Франка, с одной стороны, и интерпретацию философии Платона как предтечи трансцендентальной традиции марбургской школой неокантианства^[193], с другой. Казалось бы, мы здесь можем вести речь о явной метафизической тенденции в последний период творчества русского

философа или даже о его участии в так называемом «онтологическом повороте» в европейской философии первой половины XX века.

Однако следует, по-видимому, согласиться с суждением В. В. Зеньковского о том, что Гессен всегда оказывался только на пороге метафизики и никогда за него не переступал^[194], потому что, видимо, интуитивно ощущал ее философский догматизм: сначала в отношении познания, как некое предусловие для исследования всех непредсказуемо-творческих познавательных идей, затем в период увлечения анализом творчества русских писателей, односторонностью и узостью метафизики в отношении разрешения этической дилеммы автономии добра и его формализма и пустоты в этой самой автономии. Таким образом, эволюционируя в сторону религиозной метафизики, Гессен, обладающий острым метафизическим чутьем, на ней не задерживается, полагая в основе Царства Божия не умозрение, но волезрение, не просто чувство, но действительную любовь. То есть и здесь он оказывается на пороге метафизики, но на пороге, если так можно выразиться, с другой его стороны, противоположной той стороне религиозно-философской метафизики, которая ведет уже в сферу богословия, признавая свершившимся фактом биографии не только «трагедию добра и зла», но и «трагедию философии».

Закат либерализма (Русская версия Сергея Гессена)[\[195\]](#) В. Б. Куликов

Современная политическая ситуация в России делает обращение к идее либерализма актуальной благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, образовавшаяся идеологическая пустота после краха Советского Союза автоматически замещается хорошо отработанным традиционным идеологическим образцом, в качестве которого чаще всего выступает либерализм. Психологические основания такого замещения очевидны: если прошлое общественное развитие было заклеено печатью тоталитаризма и социализма, то, следовательно, теперь, с точностью до «наоборот», к светлому будущему надо идти под знаком свободы личности и либеральных установок. Интерес к либерализму в политической науке чаще всего ограничен просветительскими тенденциями (главы в учебниках политологии, переводы классиков либерализма, комментарии переводов, разъяснительные материалы и т. д.). Но в значительной степени любопытны тенденции в современной политической российской жизни – и это второе обстоятельство, благодаря которому либерализм обращает на себя внимание. Речь идет о политической практике, и именно о практике формирования политических движений и партий, которые весьма вольготно наклеивают на себя ярлык «либерального» направления и с энергией делового задора и энтузиазма, не особо вдаваясь в либеральные «дух и букву», ведут активные избирательные кампании.

Итак, дело не в хрестоматийном интересе к весьма исторически яркому политическому течению, а в специфике его проявления на российской политической почве.

В этом отношении поучительна и плодотворна версия известного русского мыслителя - Сергея Иосифовича Гессена (1887-1950), изложенная в виде публикаций конца 20-х - начала 30-х гг.

Конечно, идеям либерализма отдавали должное и анализировали такие выдающиеся русские авторы, как Б. Чичерин, П. Новгородцев, И. Покровский, Б. Струве, но точка зрения Сергея Гессена на либерализм звучит наиболее современно. Наконец, Сергей Гессен - прекрасный и признанный педагог, поэтому его версия дидактична, подробным и ясным образом преподносит суть и эволюцию либеральных идей, именно в связи с развитием теории и практики русского социализма.

Сергей Гессен прозорливо предупреждает: «... крушение коммунизма должно повести к пересмотру социалистической теории, а отнюдь не означает торжество либерализма в целом... <...>.это показывает и несомненный для каждого беспристрастного наблюдателя факт распада либерализма, переживаемой им внутренней растерянности. Если в целом ряде стран, в том числе и России, либерализму в ближайшем будущем и предстоит еще пережить свой новый расцвет, то в масштабе мировой истории он, несомненно, вступит в полосу идейного кризиса, свидетельствующего уже о начале его заката»^[196].

В данном случае эволюция либерализма тесно увязывается с эволюцией коммунистических идей, и крах последних неизбежно свидетельствует о закате самого либерализма. Временный расцвет либерализма в той же России возможен в ближайшем будущем, но, по всей видимости, это начало распада призрака либерализма. Новое политическое время одинаково

чуждо как коммунизму, так и либерализму, поскольку они не в состоянии заимствовать друг у друга наиболее живые и плодотворные идеи. Более того, и либерализм, и коммунизм тесным образом сходились в понимании права как совокупности чисто отрицательных норм, которые препятствуют личностям в осуществлении их индивидуальной свободы действовать. Другим важным элементом, связывающим либерализм и коммунизм, являлся демагогический, доктринерский характер провозглашаемых принципов, не выходящих за пределы эмпирического минимума данности (эксплуатация, нищета, экономическое неравенство, классовое господство и т. д.). Теоретическая убогость обеих концепций (идеи свободы, равенства, братства) дополнялась лишь различными по степени интенсивности способами и методами осуществления этих идей на практике.

Определяющим моментом в закате либерализма, по мнению С. И. Гессена, оказалась внутренняя непоследовательность и противоречивость исходных установок, которая привела к образованию кардинально противоположных направлений в либеральном движении. К примеру, классический, или правоверный, либерализм мыслил отношение власти и личности как отношение взаимного безразличия, тогда как «новый либерализм» утверждает идею установления взаимных обязательств между государством и индивидом. Личность теперь вправе требовать от государства исполнения минимальных положительных обязательств (социальное страхование, право на труд, образование, пенсионное обеспечение и т. д.) в рамках коренных прав личности, в то время как основополагающей установкой классического либерализма была установка на невмешательство государства в частную жизнь индивида в какой бы то ни было форме. Свобода предполагала прежде всего невмешательство власти

или других лиц в сферу существования отдельной личности. Теперь же государство обязано помогать отдельному гражданину, точно так же, как последний берет на себя обязательства выполнения положительных действий в отношении государственных институтов и других граждан. Свобода меняет свой потенциал в новом либерализме с отрицательного на положительный.

Другой либеральный принцип – принцип равенства, который ранее означал отмену привилегий для одних социальных групп и запрещений для других групп, в новом варианте либерализма наделялся положительным содержанием. Так экономические отношения равенства или конкуренции теперь регулировались определенными со стороны государства правилами «честной игры».

Равенство детей в получении образования сводилось в новом либерализме не к требованию отмены каких-либо привилегий, но в установлении и обязательном получении некоторых обязательных, установленных государством норм и стандартов образования. Классическая идея равенства модифицируется в идею установления равных возможностей для каждого индивида со стороны государства.

Посягательство государства на право частной собственности считалось смертным грехом в классическом либерализме, но в новом либерализме государство обязано предпринимать все меры в ограничении монопольной собственности и установлении антимонопольного законодательства, создавая для всех производителей одинаковые условия в проявлении частной инициативы.

Итак, коренное изменение либеральной точки зрения на задачи государства, которые получили возрастающее общественное звучание, повлекло за собой пересмотр вопроса об участии граждан в осуществлении

государственной власти. Демократизация власти, путем расширения избирательных прав, совершенствования законодательной и судебной властей, означала не противопоставление власти народа и государства, но усиление государственных гарантий и обязательств перед каждым отдельным гражданином в осуществлении его прав на достойное существование. Но именно требование достойного существования и является основополагающим для практического содержания социалистической доктрины. Следовательно, новый либерализм сделал необходимый шаг, совмещая социалистические требования с идеей правого государства, к своему собственному исчезновению.

В то же время и классический либерализм, и новый либерализм остаются в рамках общего для них основополагающего принципа – принципа правовой свободы. Именно свобода является тем критерием, который позволяет либерализму модифицировать представления о собственности, власти, праве и т. д.

Отрицательное понимание свободы, характерное для классического либерализма, несет в себе необходимый элемент положительных обязательств как со стороны государства, так и со стороны индивида. Так, право отдельного гражданина на правосудие уже свидетельствует о притязании на помощь со стороны государства и сохранении готовой и зафиксированной сферы свободы, равно как сопутствующих, «прирожденных» прав – на труд, образование и т. д. Несомненно, что новый либерализм углубил понятие свободы, характеризуя последнюю как особое, качественное состояние личности, находящееся в постоянном изменении и развитии. Сфера личных прав понимается не в своих многочисленных конкретных формах, а в своем существе, как некое качество

принципиальной «непроницаемости личности» для другого лица государства.

Таким образом, не преуменьшая значение глубоких различий между классическим и новым либерализмом, Сергей Гессен признает и убедительно доказывает развитие идеи свободы как «возможности личного творчества», посредством которого личность обретает свою индивидуальность и неповторимость.

Наряду с идеей свободы в новом варианте либерализма модифицируется понятие социального равенства. Отрицательное понимание равенства как отсутствия сословных привилегий и социальных препятствий заменяется пониманием равенства как «равноценности фактически различных между собой личностей». В практическом смысле мотив борьбы за равенство без сословных и социальных привилегий был видоизменен на позитивную программу равенства стартовых возможностей, равенство индивидуальной ценности каждого человека, органично входящего в общественное целое и занимающего в нем свое уникальное место.

В отношении такого базового понятия, как собственность, либеральные представления также претерпели изменения, продиктованные реальным положением дел в политике и экономике. Так, отрицается все, что происходит из монопольного характера собственности. Сергей Гессен подчеркивает видимое противоречие, которое возникает при этом в плане нарушения «священного» либерального принципа незыблемости частной собственности. И хотя следует попытка интерпретировать это противоречие как возвращение к либеральному духу, к первоосновам, в том смысле, что собственность есть «материальное поприще личности», фундамент индивидуального творчества, но все же современная практика борьбы с монопольной собственностью и концентрация этих

усилий в руках государства свидетельствуют о невозможности преодолеть противоречия классической догмы и реального положения дел в рамках либеральной концепции.

Исчезновение любой политической теории сопровождается появлением мифов – миф об аутентичности, миф о совершенствовании и верности традициям и т. д. Новая версия либерализма внесла свой вклад в создание мифа о совершенствовании и сохранении духа либерализма. На примере с монопольной собственностью становится очевидным, что возвращение к справедливой конкуренции лишает собственность ее монопольного характера, возвращает личности «утраченную связь с вещью». Выдвигаются другие представления, которые в лучшем случае имеют целью привязаться к раскрученной, известной политической марке – либерализму.

Реальностью же после отрицания монопольного характера собственности становится признание чрезвычайного расширения полномочий государства, и новая версия «затухающего» либерализма именно этот шаг и делает. Конечно, можно говорить о диалектическом (в духе Гегеля) отрицании классических установок либерализма, что, собственно, и делает Сергей Гессен, но это похоже на создание очередной теоретической иллюзии. В действительности расширение деятельности государства, к примеру в ограничении монопольного характера собственности, в отношении решения задач культуры, образования, военной политики и т. д., происходит прежде всего не в связи с какими-то теоретическими и политическими принципами (например, «поднятие благосостояния народа» или «обеспечение права на труд», или «укрепление оборонной мощи» и т. д.), а в силу логики собственного экономического, политического и международного развития государства.

Что касается таких либеральных правовых установок, как «все, что не воспрещено законом, то дозволено», очевидно, речь идет о коренном принципе всякого правового государства. Точно так же следует признать, что государство, даже в условиях действия данного принципа, регламентирует и предписывает гражданину определенные стандарты, нормы и установления. Конечно, при этом используется вся возможная риторика по поводу личной свободы граждан, творческой инициативы общественных организаций и т. д. для обеспечения должного уровня свободы и творчества каждой личности.

Подобные допущения нового либерализма дают повод задуматься о незыблемости либеральных ценностей как таковых. Как признается Сергей Гессен: «Конечно, в действительности иногда очень трудно бывает соблюсти меру и не переступить той грани, за которой ограждающий право минимум блага переходит в игнорирующее право лица благо»^[197]. Иначе всевозможные новолиберальные оговорки по поводу лишь «минимального» вмешательства государства в обеспечение права личности на образование, социальную защищенность, заработную плату и т. д., создание так называемых «ограждающих» условий со стороны государства для развития частной инициативы и личной свободы отнюдь не гарантируют от произвола государственной власти в соблюдении даже минимальных («ограждающих») прав и свобод личности.

Рассмотрим последний пункт различия нового либерализма от классического – проблему демократической власти. Классическая модель либерализма в этом сложном вопросе не является однозначной. Демократия, понимаемая как «выражение общей воли», непосредственно согласовывалась (например, в «Декларации прав») со свободой отдельной личности, через процесс участия всех граждан в

выборах представителей законодательной и исполнительной властей. Во время якобинской диктатуры этот наивный оптимизм был существенно подорван, что выразилось в последующих либеральных установках на противопоставление свободы личности и демократии как выражения «общей воли». Как показывает С. Гессен, в этом вопросе либерализм неожиданно смыкается с позицией анархизма и социализма, также полагавших «общую волю» народа в качестве метафизической фикции.

Новая версия либерализма вынуждена признать «общую волю» народа», устанавливаемую всеобщим голосованием, но не в качестве готового политического факта, конструкции, но в качестве цели и задания политического акта. «Задача всякого акта государственной власти, – подчеркивает Сергей Гессен, – и заключается в том, чтобы создавать общую волю, искать ее путем отказа отдельных общественных групп от одностороннего господства в обществе их интересов, исключая все другие. Ирреальная как предмет знания, который совершенная система избирательного права сама собой отражает, общая воля реальна как задача действия, как регулятив, или метод властвования»^[198].

Принцип демократии определяется как творческий, со стороны всех общественных групп, процесс формирования действительно общей воли.

Важное практическое следствие из этого принципа формулируется Гессеном следующим образом: «Хотя и нет совершенной системы избирательного права, как нет и готовой общей воли, но расширение избирательного права и реорганизация его в направлении представительства интересов меньшинства необходимы для того, чтобы все слои общества принимали участие в законодательстве»^[199]. Следовательно, демократия как «самодержавие народа»

не может рассматриваться в качестве политической догмы, а расширение избирательного права есть всего лишь средство для выражения «качества права».

Поскольку «общая воля» народа не может быть установленным, реальным фактом, но существует в качестве цели и задания для многочисленных общественных групп, значит, все они участвуют в творении «общей воли», без права единолично выражать данную волю. Поэтому диктатура одной общественной группы или класса принципиально исключается, и всякая власть лишь потому власть, что она ограничена неким всеобщим компромиссом. На место «суверенитета народа» («самодержавия народа»), который не может состояться, так как нет факта общей воли, а есть подчинение интересов одной группы или класса над другими, выдаваемое за «общую волю», должен заступить «суверенитет права», которому и подотчетна созидаящая власть.

Демократия, по мнению Гессена, менее всего выражает властвование или самодержавие народа – «она есть принципиальное отрицание того, что никто не является обладателем абсолютной истины как воли народа, но что последняя есть только предмет общего искания, к процессу которого должны быть приобщены поэтому возможно более широкие круги народа»^[200].

Соответственно и роль государственной власти существенно изменяется согласно вышеизложенным представлениям.

Если роль государства до сих пор сводилась к своеобразному арбитражу между гражданами, то для нового либерализма государство уже не опускается до отдельного гражданина, но имеет дело с организованными группами экономического, политического или иного толка. Задача государства состоит в концентрации усилий всех общественных групп по созданию «общей воли» в поиске компромисса

между различными общественными интересами в рамках правового поля.

Итак, после всех попыток доказать, что новый либерализм есть продолжение и углубление фундаментальных либеральных принципов на некотором новом уровне развития общественной жизни, возникает вопрос о действительном вкладе нового либерализма в идею правового государства и о том, в состоянии ли этот новый уровень понимания разрешить проблемы общественного развития с учетом всего спектра изменившихся жизненных условий. Ответ на поставленный вопрос Сергей Гессен, до сих пор выступавший адептом нового дыхания либерализма, неожиданно помещает в отрицательную плоскость.

Во-первых, «практические требования», столь важные для любого политического движения, не осуществлены и не намерены осуществляться в политической деятельности. Во-вторых, новолиберальные тенденции не подвергались подлинно критическому рассмотрению, которое со времен Канта понимается как установление границ основаниям критикуемого явления. Эти пределы устанавливаются самим положением дел и той критикой, которую предпринимает социалистическая концепция против либерализма и эклектичности содержания и предрассудков отжившей теории.

«Продуманный до конца» либерализм движется к выводам, составляющим «реальное содержание большинства программ современных социалистических партий»^[201]. Такова перспектива, видимая С. И. Гессеном.

Преодоление границ осуществляется новым либерализмом прежде всего в фундаментальной проблеме собственности, решаемой в практическом плане половинчато. Современная либеральная трактовка исходит из отрицания монопольной

собственности и вместе с тем принципиально отрицает возможность дальнейшего процесса «социализации» собственности. Хотя именно собственность, оставаясь частной, в современный период несет на себе функцию общественного, социализированного хозяйства. Ценность частной собственности все более определяется рамками общественного хозяйства в целом. Исход либерализма за свои собственные пределы заключается в признании обобществления монопольной и земельной собственности и тем самым усилении государственного участия в этом процессе.

«Половинчатость нового либерализма и его ограниченность в том, – утверждает С. Гессен, – что он не освободился в полной мере от следов механической концепции общества», по-прежнему базируясь на связи собственности с идеей конкуренции^[202]. Общественный элемент составляет в действительности стержневую основу частной собственности, поэтому бессмысленно противодействовать правовому «опутыванию» частной собственности как таковой. С. Гессен называет такую акцию «методом правовой социализации» собственности.

Другой ограниченностью либерализма является «недостаточное признание им реальности коллективных лиц»^[203]. Процесс социального расслоения общества идет параллельно с процессом социальной консолидации. Эти взаимосвязанные процессы не укладываются ни в либеральную, ни в социалистическую модель. Появляются такие общественные образования или союзы, которые объединяют не механическую сумму граждан, а несут на себе консолидирующую общественную миссию. Университеты, просветительские ассоциации, церкви различных исповеданий выступают в качестве обобщенных личностей, единых не схожестью интересов или одинаковым видением мира, а единых «общностью служения» объективной задаче,

общностью миссии, функции сверхличного порядка. Общество консолидируется в форме так называемых «коллективных личностей», отличающихся различной степенью свободы. До сих пор существовавшие механически скрепленные союзы уступают место союзам-общностям, коллективным личностям, объединенным сверхличной идеей, общественной ценностью.

Поскольку имя такому общественному образованию еще не придумано ни одной из существующих концепций (либеральной, социалистической и т. д.), то Гессен предлагает назвать указанные представления «гильдейским социализмом». Гильдия – средневековое, прежде всего хозяйственное, образование – изображается в качестве подлинной «коллективной личности», целостного союза общностей – своеобразный прототип возникающих общественных образований нового типа.

«Ограниченность нового либерализма, – заключает С. И. Гессен, – не в том, что он продолжает защищать унаследованный им от своего предшественника индивидуализм, а в том, что он понимает этот последний слишком узко, не решаясь распространить его и на выросшие до степени коллективных личностей союзы»^[204].

Само сочетание «коллективное» и «личность» предполагает достижение определенной степени творчества, когда можно говорить об индивидуальном характере «коллективного лица». Но наиболее важным правовым компонентом является отношение к собственности. То, что новый либерализм не хочет признать собственность коллективных лиц (или коллективную собственность), представляется Сергею Гессену необходимым правовым аргументом в пользу существования коллективной личности – общности, преодолевающей противоречия либерализма и

социализма и открывающей новые горизонты индивидуализации.

С другой стороны, объективно происходит обобществление или социализация самой собственности, что неизбежно сопряжено с естественным перераспределением собственности.

Разнообразные формы коллективизации преимущественно охватят собственность, связанную со сферой потребления и с высокотехнологическими отраслями промышленности. Правовые рамки протекания этого процесса обязана обеспечить государственная власть.

Очевидно, что либерализм, основываясь на механистической концепции общества, не желает признавать изменившиеся общественные условия и остается в рамках демагогических представлений. В особенности это отставание проявляется во взглядах на политику.

«Ограниченность нового либерализма, - отмечает Сергей Гессен, - существенным образом заключается в том, что политическую форму государственной власти он слишком еще мыслит в терминах либеральной механической теории общества»^[205]. Хотя демократия уже не воспринимается им как готовая «общая воля», эквивалентная природным естественным правам человека, а скорее как процесс созидания, творения «общей воли» общественными группами и обществом в целом. Однако новейшая либеральная ограниченность продолжает проявляться в том, что демократия сводится к чисто количественному расширению избирательной массы, и, соответственно, их интересы механически суммируются. Поэтому столь разительно отличие между либеральным, демократическим пафосом и реальной избирательной практикой, ведущей к господству партийных комитетов над голосами избирателей, точнее, к господству «меньшинства

народа». Выявление общих интересов путем голосования некоторой количественной массой избирателей изжило себя и не отражает реальной политической атмосферы в обществе. Носителями общих интересов, по мысли Сергея Гессена, становятся союзы-общности, носители реальных культурных и хозяйственных ценностей: «Избирательное право должно быть поэтому распространено и на эти коллективные лица, и мы, по-видимому, вступаем в эпоху борьбы коллективных лиц за избирательное право, за признание преследуемых ими интересов в процессе сложения «общей доли» народа»^[206]. Разумеется, основная трудность в критериях отличия подлинного от механического союза-агрегата, но не менее важным является сочетание в избирательном праве личного представительства, которое есть, по преимуществу, представительство интересов потребителей и коллективных лиц, преимущественно представляющих «реальные интересы» производства. Идея Сергея Гессена о возможности соединения «личного» и «реального» представительства в форме двухпалатного парламента кажется весьма актуальной для современной политической практики.

Практика всеобщего личного избирательного права оправдывала себя именно тем, что избирались, как правило, компетентные кандидаты, носители «объективного интереса», но столь же распространена до сих пор и практика попадания во власть людей случайных и некомпетентных. Все же основная угроза системе личного представительства грядет со стороны усиления роли партийных организаций в избирательном процессе, которые порождают в представительской власти огромный бюрократический слой, поглощающий саму демократию.

Сохранение демократии соотносится, по мнению Сергея Гессена, не с либеральной схемой

«общественного договора» и не с консервативной схемой общества как «организма», но с представлением общества в качестве «средневекового собора», объединяющего творческий труд различных коллективных лиц – общностей, имеющих свое уникальное, индивидуальное место. Поэтому развитие демократии связано с распространением избирательного права на коллективные личности как единственных выразителей объективных культурных и экономических интересов в самом обществе. Господство «объективности», т. е. объективных интересов, и есть фактор повышения компетентности демократии, фактор участия в принятии решений всех общественных групп, представляющих интересы производства и культуры. При этом личность и ее свобода являются безусловным фундаментом всякой демократии. Следовательно, проблема состоит в соединении общности (коллективного лица) и личности (индивидуального лица), в сочетании объективности целого со свободой отдельного, индивидуального, входящего в это целое человека.

Ограниченность либерализма и необходимость преодоления его рамок, наконец, связаны с решением проблемы эксплуатации, а в широком смысле – характера человеческого труда в современном обществе.

Либерализм обращает преимущественное внимание на обеспечение прав личности на достойное существование, развитие правовой свободы, равенства, правоохранительной деятельности. Но остается без внимания другой аспект человеческого труда, который постепенно усиливается по мере решения вопросов минимального благополучия и его правового обеспечения.

Сергей Гессен имеет в виду тенденцию обезличивания человека в процессе товарного производства. Результатом этого процесса является

превращение человека в подобие вещи. Отождествление живого труда с безжизненным товаром выражается в безучастности рабочего к процессу производства. Условия труда определяются даже не субъективными желаниями предпринимателя, а обстоятельствами рынка.

«Дух капитализма» заключается в неопределенности конечной цели производства, которое ориентировано не на потребителя, а на «неопределенный рынок», на процесс бесконечного накопления и наживы: «Обезличение человека есть обратная сторона господства безличного товара ради самого товара, скорее предупреждая потребности, чем удовлетворяя их. Иначе говоря, оно есть следствие ложного экономизма жизни: хозяйство, забыв свою служебную роль в культуре, свое подчиненное положение в иерархии культурных ценностей, объявляет себя в капитализме самоцелью»^[207]. Человеческий труд вовлечен в бездушную круговую гонку безличного производства и наживы.

Принципиальным недостатком либерализма является его отказ от борьбы с «духом капитализма», поскольку борьба с «гегемонией хозяйства в общественной жизни» усилила бы роль государства в управлении всей хозяйственной деятельностью. Впрочем, на практике, занимаясь вопросами охраны труда, тарифных соглашений, трудовых договоров, защитой прав потребителя и т. д., либералы вынуждены противоборствовать бездуховности хозяйственной доминанты.

Весьма актуальным звучит положение Сергея Гессена об ориентации современного производства на потребителя и начале эпохи так называемого «потребительского хозяйства», в котором роль труда, безусловно, в корне изменится. «Социализация» собственности с неизбежностью ведет к метаморфозе

«хозяйственной жизни в направлении потребительского хозяйства», занятию им соответствующего места в иерархии ценностей культуры. Победа, в конечном счете, над «духом капитализма» предполагает замену психологии наживы и стяжания на психологию исполняющего гражданский долг индивида, усиление творческого начала в труде и подчинение вещи реальной общественной потребности как носителя высших культурных ценностей.

Одновременно с процессом «индивидуализирующей социализации» в сторону «потребительского хозяйства» идет обратный процесс «освобождения вещей». Для Сергея Гессена этот процесс означает «одухотворение вещей» и превращение рабочего труда в творческий акт, а самого рабочего – в активного и заинтересованного участника производства.

Означает ли вышеописанная версия возврат к средневековью и преодоление психологии собственника в направлении религиозного обновления души? Почему нет, если, как показал Макс Вебер, дух капитализма происходит из духа пуританской этики, следовательно, проникновение и достижение религиозных оснований в преодолении закрепощения современного человека вполне возможно.

Основным же средством разрабатываемой Сергеем Гессеном версии является не упование на религиозное движение, а опора на всемогущество права. Именно право «способно обуздать хозяйство, поставить его на надлежащее место в культуре и расчистить почву для новой «органической» эпохи, в которой господствовали бы «объективные начала»^[208].

Потенциал скрытых в праве идей свободы, личности, собственности, равенства только поверхностно был затронут в либерализме. Не отрицая исторических заслуг либерализма, следует видеть его половинчатость, приверженность механической

концепции общества, нерешительность в своих выводах, историческую ограниченность и в конечном счете закат. Уход либерализма частный, наиболее яркий случай ухода из современной политической реальности других «измов» – социализма, консерватизма и т. д.

Версия общественного обновления Сергея Гессена признает не появление очередного «изма», а восстановление подлинной иерархии человеческих ценностей. Это господство истинных проявлений; *свободы* – как растущей силы творческой активности; *личности* – как движения к сверхличным, объективным началам жизни; *равенства* – как равноценности незаменимых в своем различии личностей; *собственности* – как служения общности^[209].

Статус права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена

М.Ю. Загирняк

Постановка проблемы

Гессен в «пражский» период творчества^[210] уделял большое внимание философско-правовым исследованиям^[211]. К середине 30-х гг. прошлого века он на основе аксиологии Риккерта разработал собственное социально-философское учение, в котором определил значение и место права в социокультурном развитии. Исследователи философии русского неокантианства Н. А. Дмитриева, М. В. Воробьев и К. Ю. Миронова справедливо отмечают, что для многих представителей русского неокантианства характерно выделение «главенствующей роли права в деле нормализации общественных отношений на ненасильственной основе»^[212].

Согласно Гессену содержание культуры конституируется в процессе взаимодействия индивидов. Правовые регламентации определяют уровень эффективности взаимодействия индивидов в процессе формирования культуры. Поэтому право – важнейший фактор социального прогресса.

Подобно Риккерт, Гессен отводит индивиду важнейшую роль в формировании культуры. Индивид проявляет свою свободу только в творчестве, и степень реализации его творческого потенциала зависит не только от культурного контекста, в условиях которого это происходит, но и от регламентации возможностей

для самоактуализации в определенном обществе. Таким образом, Гессен в своих эмигрантских философско-правовых текстах решает проблему, которую, по мнению Н. А. Дмитриевой, поставил перед собой еще в докторской диссертации: проблему «объективности и общезначимости индивидуального»^[213].

Эффективность реализации ценностей в культурной действительности, таким образом, находится в прямой зависимости от обеспечения условий реализации свободы воли. Потенциально существует неограниченное множество вариантов раскрытия понятия свободы воли, каждый из которых предполагает определенные ограничения в актуализации индивида в культуре. Возникает вопрос, каким образом каждый индивид осознает возможность творчества в условиях конкретной культуры. Поскольку самоактуализация каждого человека в обществе сопряжена с контактами с другими людьми, то закономерно возникает вопрос обеспечения правопорядка: как произвести социальную регламентацию, чтобы минимально ограничить векторы самоактуализации отдельного человека?

В поисках ответа на эти вопросы я обращусь прежде всего к работам Гессена по политической философии и философии права, поскольку в них он объясняет особенности функционирования и развития социума. Принимая во внимание интеллектуальные истоки философии Гессена в целом^[214], мне предстоит выяснить, на какие принципы и положения аксиологии баденского неокантианства он опирался при создании модели анализа динамики социальных феноменов. Решение этой задачи требует не только выявить значение теории ценностей Риккорта в формировании социально-философского учения Гессена, но и произвести анализ философско-правового контекста возникновения учения о праве Гессена.

Забегая вперед, следует отметить, что развитие правовой системы Гессен определяет как процесс уменьшения ограничений для самоактуализации отдельного человека в исторических социокультурных условиях. По убеждению Гессена, взаимодействия людей создают культуру, которую можно помыслить только в исторической перспективе как динамику воплощения идей^[215]. Обобщить множество индивидуальных творческих решений в единую прогрессивную последовательность, не-редуцируемую до интересов отдельного человека, позволяет диалектический метод. Благодаря диалектике Гессен обосновывает исторический прогресс в любой сфере культуры, в том числе – и в развитии права. Соединение аксиологии баденского неокантианства с диалектическим методом позволило ему создать универсальную схему для оценки истории какой-либо локальной культуры как прогрессивного (либо регрессивного) процесса. Алгоритм исследования генезиса предваряет выявление специфики справедливости, сформированной на основе трактовки свободы воли в исследуемой локальной культуре. Поэтому исследование философско-правовых разработок Гессена дает возможность проанализировать специфику его понимания механизмов культурного развития как такового.

Аксиологическая основа социальной философии Гессена

Гессен развил предложенную Риккертом модель культуры, акцентируя внимание на континуальности становления культуры, развитие которой зависит от социально обусловленной свободы воли индивида. Анализ условий деятельности индивида дает

возможность оценить эффективность развития культуры, в рамках которой он проявляет себя как член социума.

Риккерт, учеником которого был Гессен, настаивал на едином универсальном алгоритме раскрытия культурного содержания и предложил аксиологическое обоснование социальных феноменов как условий, необходимых для создания культуры. В основу своей концепции он положил понятия:

1) *ценности* (Wert) – вневременного образования, находящегося за пределами взаимодействия субъекта и объекта^[216] и никогда содержательно во всей полноте не совпадающего с действительностью^[217];

2) *благ* (Güter) – проявления ценности в действительности в определенных артефактах^[218];

3) *оценки* (Wertung) – обнаружения индивидом в каком-либо объекте проявления ценности, т. е. выявления благ^[219].

Таким образом, культура, согласно Риккерту, представляет собой «совокупность благ», в которых «как бы осела, выкристаллизовалась множественность ценностей»^[220]. Существование же вневременных ценностей не позволяет ограничить набор возможных актов оценки. Этим неограниченным объемом ценностей, что дает возможность индивиду сформировать собственную оценку любого феномена и выявить новое благо, обосновывается у Риккерта свобода индивида.

Еще одним важным понятием в аксиологии Риккерта является *смысл* (Sinn), который всякий раз порождается оценкой и содержит в себе раскрытое значение ценности по отношению к определенной действительности^[221]. Смысл дает каждому индивиду возможность истолкования (Sinndeutung) акта оценки по отношению к тому, что обладает значимостью^[222].

Причем каждый человек сам обретает смысл в результате актов оценки, т. е. в процессе определения значения с точки зрения ценностей существующих благ. Поэтому верно замечает Б. Кроу, что в философии Риккерта смысл актуализируется персонально^[223]. Смысл дает возможность толковать культуру как историю воплощения ценностей в благах^[224], т. е. выявлять то, что существенно и симптоматично для определенного этапа культурного развития. Согласно Ч. Бамбаху, Риккерт был убежден, что аксиология позволяет преодолеть разрыв между субъективной оценкой культуры и объективным пониманием культуры^[225]. Однако несомненно, что в концепции Риккерта главную роль в развитии культуры играет субъект, который путем осмысления ценностей создает объект – культурное содержание, позволяя ценностям проявиться в действительности в форме благ. Таким образом, раскрытие содержания культуры требует постоянного взаимодействия индивидов, которое обосновано общими для всех людей ценностями, служащими основой для оценки и последующего формирования смыслов.

Гессен, как пишет Н. Ханс, основательно переработал теорию ценностей Риккерта^[226]. С одной стороны, как и в теории ценностей немецкого мыслителя, культура у Гессена осмысливается как процесс реализации в действительности ценностей, содержание которых принципиально безгранично, «неисчерпаемо»^[227]. Но, с другой стороны, опираясь на аксиологические категории ценности и благ, Гессен идет дальше и разрабатывает понятия *цели-задания* и *предания*. *Цель-задание* – это вектор развития определенной сферы культуры с неисчерпаемым содержанием^[228], тогда как *предание* – это существенные культурные феномены прошлого,

представляющие собой последовательность осуществления цели-задания и совершенствования ее реализации^[229]. Риккертowskiе акт оценки и смысл стали у Гессена основой понятия *творчества*.

Творчество, согласно Гессену, – это деятельность индивида, которая заключается в выявлении значения цели-задания применительно к существующему преданию и в последующем его качественном изменении. Как справедливо замечает М. В. Воробьев, в социальной философии Гессена творчество «становится воплощением свободы»^[230]. Каждый индивид получает возможность осознать, каким образом были осуществлены цели-задания в условиях определенной культуры, и на основе этого определить векторы возможного развития содержания предания как направлений собственного творчества. Только в результате творческих действий индивид утверждает себя в действительности как свободное существо^[231], осознает множество дискретных моментов собственной жизни как некую единую последовательность^[232]. Гессен обосновывает взаимодействие цели-задания и предания через творчество, все индивидуальные вариации которого являются проявлениями общего целого, представляя собой разные решения одного и того же задания^[233]. Таким образом, Гессен обосновывает свободу воли как возможность *самоактуализации* индивида в пространстве культуры^[234].

Культурное содержание (предание) представляет собой результат творчества множества индивидов, но благодаря целям-заданиям может иметь значение вне связи с каким-либо конкретным индивидом^[235]. Ведь *каждый* индивид может осмыслить ограниченную часть цели-задания и актуализировать ее в действительности^[236]. Это позволяет каждому индивиду

актуализировать свободу и соединить из множества разрозненных кусков прошедшего времени свою жизнь как континуальность воплощения целей-заданий, оценить собственную жизнь как единую траекторию самоактуализации в условиях определенной культуры. Формирование личного прошлого, таким образом, зависит от осмысления индивидом целей-заданий, выполняющих роль критериев по отделению существенных событий прошлого от несущественных сопутствующих фактов. Поэтому возможна оценка чье-либо жизни как следствия установления уникальности творческих результатов^[237]. А поскольку цель-задание неисчерпаема, то каждый индивид обладает шансом актуализировать себя в творчестве как свободное существо, внося вклад в культурно-историческую динамику.

Итак, творчество – это стремление индивида в условиях фактологии определенной культуры реализовать связанный с существующим содержанием новый элемент, который воплощает цель-задание. Ведь, согласно Гессену, каждый отдельный индивид не создает уникальную культуру только для себя, но совместная деятельность людей приводит к формированию культуры, поскольку в собственном творчестве люди предлагают вариации реализации одинаковых для всех разумных существ целей-заданий. Поэтому культура – продукт творческого взаимодействия множества индивидов, и потому она не зависит от субъективных интересов и стремлений какого-либо отдельного человека. Соответственно, у культуры формируются собственные векторы развития, которые являются *ценными сами по себе*^[238]. При этом каждый отдельный человек не утрачивает свободу, не превращается в безвольный элемент или винтик механизма культурной динамики. Но возникает вопрос, каким образом Гессен устанавливает корреляцию между

возможностью реализации свободы воли отдельным индивидом и процессом культурного развития?

Универсальные ценности, или – в терминологии Гессена – цели-задания, выступают в качестве необходимого условия взаимодействия между людьми, поскольку эти цели-задания осознаются принципиально *каждым* отдельным человеком как пути самоосуществления. Чтобы обосновать свободу воли отдельного человека, Гессен вслед за Риккертом отказал обществу в самостоятельном онтологическом статусе. Социум – это только система коммуникаций. Любая социальная общность, равно как и ее институционализация, согласно Гессену, не более чем инструментальное образование, задача которого – обеспечивать возможность самоактуализации личности^[239], участвуя, таким образом, в создании культуры. Поскольку создание культуры напрямую зависит от свободы воли индивида, то обеспечение свободы воли рассматривается как главный критерий качества функционирующей системы коммуникаций, т. е. социума. Гессен предлагает для характеристики социальных феноменов использовать понятие *общей воли*^[240]. Общая воля – это созидательный процесс постоянного поиска компромисса^[241] для максимально возможного развития разных социальных групп. Эти группы выражают разные векторы самоактуализации индивидов таким образом, чтобы в наименьшей степени ограничить свободу каждого индивида. Поэтому эффективность развития культурного содержания, или – в терминологии Гессена – предания, зависит от отсутствия препятствий для творчества.

Однако возникает вопрос: как связать между собой разрозненные элементы предания и представлять их как *последовательности* в реализации целей-заданий? Как Гессен пытается придать динамику творческим решениям, сформированным индивидами в условиях

свободы воли, понимаемой определенным образом? Другими словами, каким образом можно обосновать личное творчество как часть процесса формирования предания всей культуры? Гессен внедряет в предложенную модель диалектический метод, который позволяет разные воплощения цели-задания в действительности представить как *прогрессивную* континуальность формирования предания.

Диалектический метод в философии Гессена

Каждый индивид, согласно Гессену, проходит стадии принятия культурного содержания, его критического переосмысления, *отрицания* уже имеющегося содержания предания, выработки векторов его изменения и последующей деятельности, направленной на достижение поставленных задач. Данная модель позволяет не нарушать линию демаркации между ценностью и действительностью, оставляя субъекту культуру как объект структуризации содержания в соответствии с целями-заданиями.

Гессен отмечает, что специфика раскрытия цели-задания зависит от национальной традиции, которая представляет собой непосредственную окружающую творческую среду^[242]. Прошлое индивида, актуализированное как канва последовательных событий, которым можно дать оценку, т. е. сопоставить с общим объемом предания и определить их значение, всегда возникает в условиях *определенной культуры*. Творчество способствует созданию культурной традиции^[243] и, как следствие, формированию и упрочнению социальных коммуникаций, которые и представляют собой бытие нации^[244]. Диалектика же позволяет правильно осмыслить былое и избежать ошибки исключения элементов прошлого, которые

кажутся разнородными, при подведении их к общему знаменателю – критерию обеспечения свободы воли.

Свобода воли становится для Гессена вообще важнейшим критерием для оценки развития какой-либо культуры: определение степени, насколько самоактуализация личности ограничена в конкретной культуре, позволяет сравнивать различные периоды ее истории и обнаруживать в этих периодах прогрессивное / регрессивное движение в обеспечении свободы воли. Причем Гессен акцентирует внимание на предании как постоянной континуальности, в которой можно выделить этапы с помощью диалектического метода^[245]. Предание – постоянно формирующееся содержание культуры, которое принципиально не может достичь статичного состояния. Завершение формирования предания означало бы содержательную ограниченность цели-задания, что противоречит существенному признаку данного понятия – неисчерпаемости. Предание находится в состоянии постоянного формирования. Именно данная особенность позволяет нам понимать прошлое как историческую перспективу в реализации целей-заданий. Завершение формирования предания означало бы не что иное как смерть культуры.

В работе «Правовое государство и социализм» Гессен применяет диалектический метод для определения стадий развития политических учений. Положив в основу разграничения этапов развития политической мысли обеспечение свободы воли, Гессен выделил следующие стадии в развитии политических учений в европейской культуре: 1) либеральные учения, 2) социалистические учения, 3) социальное право. В соответствии с диалектическим методом данная прогрессивная тенденция представляет собой последовательность смены *тезиса*, *антитезиса* и *синтеза*^[246]. Диалектика позволяет акцентировать внимание на недостатках предания в раскрытии цели-

задании и тем самым определить направление для дальнейшего совершенствования в его воплощении. Поэтому совершенно справедливо В. В. Зеньковский отмечает, что трансцендентализм в философии С. И. Гессена тесно связан с диалектическим методом^[247].

В хронологически более поздних работах Гессен применяет диалектический метод для того, чтобы связать различные политические учения в одну прогрессивную последовательность развития правового государства, подчиненную критерию улучшения условий для самоактуализации личности, т. е. создания максимально благоприятной ситуации для творчества. С точки зрения Гессена раннего эмигрантского периода, *абсолютизм* — это первый этап в развитии правового государства^[248], который сыграл роль тезиса в развитии государства и права. Либерализм, согласно русскому неокантианцу, должен был возникнуть на почве абсолютизма^[249] как критика условий самоактуализации свободы воли в абсолютистском государстве, как расширение и углубление понятия свободы^[250], как попытка ограничить вмешательство государства в личную жизнь, т. е. как антитезис. Однако либеральные принципы свободы и равенства остались в статусе провозглашенных, но не обеспеченных государством, которое не должно было вмешиваться в сферы экономики и социальной жизни. Поэтому последующая стадия *синтеза* представляет собой в соответствии с диалектическим методом соединение условий, содержащихся в *тезисе* и *антитезисе*.

А. Валицкий по этому поводу пишет, что для Гессена «диалектика была средством борьбы с релятивизмом и защиты ценностей от уничтожения: она позволяла ему обнаруживать преемственность и постоянство в исторических переменах, видеть отражение абсолютных ценностей в области относительного»^[251]. Таким же

образом Гессен применяет диалектический метод для трактовки всего многообразия фактов прошлого как составляющих культуру процессов реализации целей-заданий. Необходимым условием реализации последних оказываются социальные коммуникации, регламентацию которых обеспечивают, согласно Гессену, государство и право.

Диалектическое развитие права в философии Гессена

На протяжении всего своего философского творчества Гессен отстаивал идею безусловной ценности свободы воли^[252]. Право и государство – важнейшие индикаторы и инструменты обеспечения свободы воли. Гессен непосредственно связывает возможность реализации свободы воли отдельным человеком и процесс развития культуры, превращая государство и право в механизмы, чья функциональность не превышает решения служебной задачи – оптимизации социальных коммуникаций для максимизации реализации свободы воли отдельным человеком. Однако неисчерпаемость целей-заданий как фактор возникновения новых вариаций творчества приводит к ситуации постоянного запаздывания системы государственного права по отношению к развитию социальных коммуникаций.

Право – одна из сфер реализации культуры, представляющая собой взаимодействие предания и цели-задания. Право позиционируется Гессеном как инструмент налаживания общественных отношений, как средство поддержания и укрепления общественного порядка, главным критерием которого остается создание и поддержание условий для самоактуализации

каждого индивида, сформировавшегося в данной культуре.

Соответственно, возникает вопрос: каким образом определить границы свободы воли, как регламентировать взаимодействия людей? Идею справедливости как фундамент правовой системы невозможно представить в виде универсальной инструкции по логистике в сфере социальности, поскольку в различных культурах и в разное время содержание свободы воли раскрывается по-разному. В этом Гессен следует за Б. Констаном, опираясь на его идеи об изменчивом содержании свободы^[253]. Следовательно, специфика справедливости как критерия обеспечения свободы воли зависит от особенностей развития определенной культуры, в условиях которой индивид был сформирован.

Развитие *предания* права осуществляется в соответствии с диалектикой Гегеля – на основе *отрицания* уже существующего предания. Критике, последующему за ней отрицанию и формированию новой ступени в раскрытии предания подвергается решение проблемы свободы личности: Гессен систематизирует философско-правовые учения второй половины XIX – первой трети XX в. в единый вектор прогресса, выделяя стадии *тезиса* (либерализм), *антитезиса* (социализм) и *синтеза* (социальное право) в развитии европейского права.

Стремление выстроить политические учения в единую диалектическую последовательность связано с симпатиями Гессена по отношению к разработкам, предложенным в *новом либерализме*. Гессена вдохновляют идея социальной политики государства, предложенная Гербертом Луисом Сэмюэлем, вариант построения социального равенства Л. Brentano, решение проблемы соотношения индивида и общества А. Мишеля. Разработки французского солидаризма (Л.

Дюги), революционного синдикализма (Г Лагарделль, Ж. Сорель, А. Лабриола) и английского фабианства (гильдейского социализма) (Дж. Коул, А. Пенти, близкие к их идеям Дж. Гобсон и Э. Бернштейн) становятся ориентирами при формировании оценки философско-правовых учений, а политика Д. Ллойд-Джорджа и Ж. Клемансо становится примером осуществления идей социального либерализма, сочетающего в себе достоинства либеральных и социалистических учений. Поэтому учение о социальном праве Гессен позиционирует как стадию синтеза диалектического развития права и предваряет критическим анализом либеральных и социалистических разработок.

Оценивая идеи классического либерализма с позиции представителей нового (или социального) либерализма, Гессен схематизирует его важнейшие достоинства и недостатки. Это создает возможность Гессену обосновать развитие социалистических учений как поиск более эффективных решений в философии права, построенных на диалектическом отрицании идей либерализма. В классическом либерализме сформулировано право как равенство людей вне зависимости от происхождения. Данное понятие права является существенным достижением с точки зрения обеспечения свободы личности. Деятельность каждого индивида не ограничена сословным происхождением. Формируется идея естественного права – данного каждому по факту существования. Главный недостаток теории классического либерализма заключается в том, что при провозглашении равенства людей не учитывается, что все люди обладают разными политическими и экономическими возможностями. В итоге, замечает Гессен, отмена сословных привилегий не приводит к свободе представителей низших сословий, поскольку, для реализации своих прав, они вынуждены вступать в новое экономическое рабство [\[254\]](#).

Данное обстоятельство приводит в истории политической мысли к отрицанию либерализма и утверждению новой стадии предания в теориях социализма.

Социалистические учения объединяет стремление на основе понятия *блага*, которое должно заменить несовершенное либеральное понятие *права*, преодолеть главный недостаток классического либерализма. Идея *равенства прав*, предложенная в либерализме, заменяется идеей *равенства благ*. Каждому индивиду отпускается равная норма благ, определенная государством. И в данном подходе С. И. Гессен отмечает несомненный плюс традиции социализма: государство активно способствует достижению равенства возможностей, которое должно привести к преодолению эксплуатации человека. Главный недостаток данной стратегии обеспечения свободы личности заключается в том, что государство вкладывает определенное содержание в понятие свободы личности и данное определение считает единственно правильным. Тем самым нарушается принцип свободы личности: каждый человек не выбирает те варианты деятельности, которые стремится актуализировать в собственной деятельности, а следует предложенным вариантам реализации. Официальное представление о свободе личности становится прокрустовым ложем для нее. Потенциально идея замены прав на блага может привести к патернализму, которое превратит общество в *казарму*^[255]. Упрек социализму в регламентации свободы становится для С. И. Гессена основой для критики и отрицания социализма как стадии предания.

Стадия *синтеза* в диалектическом развитии права, согласно Гессену, должна объединить сильные и нивелировать слабые стороны либерализма и социализма. Гессен объединяет важнейшие принципы либерализма (равенство прав человека, вне зависимости

от происхождения) и социализма (государственное обеспечение равенства возможностей каждому человеку) в модели *социального права*^[256]. Гессен пишет в «Идее социального права» о том, что социальное право – это способ устранения противоречия социализма и либерализма, поиска источника права либо в воле индивида, либо в воле Государства^[257], шаг вперед в развитии правового государства^[258]. Идея социального права сформулирована следующим образом: «Государство обязано не только не вмешиваться в частную жизнь граждан, но и помогать им положительным образом в ряде определенных случаев»^[259]. Синтез лучших решений либерализма и социализма приводит к созданию правовой модели, благодаря которой каждый отдельный человек получает от государства помощь для самореализации в качестве социального субъекта. Критерий для оценки государства – это эффективность обеспечения равенства возможностей людей.

Таким образом государство не использует право в качестве инструмента собственного укрепления и процветания, а, наравне с социальными организациями, содействует формированию социального права, отражающего интересы всего народа и каждого человека. Государство должно сглаживать интересы, находить компромисс для выражения свободы^[260], т. е. – оптимизировать систему социальных коммуникаций.

Гессен позиционирует концепцию социального права как важнейший инструмент для критической оценки регламентаций социальных коммуникаций любой локальной культуры. Государство 1) гарантирует необходимый минимум для обеспечения прав каждого человека, оставляя возможность для развития и улучшения собственного положения; 2) для сохранения *целостности* общества устанавливает известный

уровень общественно-корпоративной активности, ее формальные требования^[261].

Поскольку не существует внешних по отношению к культурам вневременных универсальных факторов оценки качества обеспечения равенства, то оценить варианты реализации социальной справедливости возможно только на основе тех понятий о свободе, которые сформированы в данной культуре^[262]. Осмысление трактовки свободы воли в любой другой культуре предполагает прежде всего коммуникацию, в ходе которой сравниваются вариации обеспечения идеи свободы в конкретных культурах, порождающие разные (возможно, нередуцируемые к общему основанию) трактовки социальных конструкторов.

Следует отметить, что Гессен в работе «Правовое государство и социализм» применяет диалектический метод в рамках аксиологической модели социокультурного развития для анализа развития права в Новое и Новейшее время истории Европы. И приходит к выводу, что правовые регламентации должны способствовать формированию алгоритмов социального взаимодействия таким образом, чтобы предоставить возможность каждому максимально реализовать свой потенциал свободы и соответственно внести собственный вклад в содержание культуры. Но выявленные критерии прогресса в развитии европейского права он не предлагает применить для оценки права других регионов мира.

Бытие социальных феноменов всецело зависит от трактовки свободы воли в исторических условиях какой-либо культуры. Изменение понятия свободы воли влечет за собой коррекцию в понимании регламентаций личного творчества и как следствие – смену алгоритмов взаимодействия отдельного человека с другими людьми. В свою очередь изменение социальных практик взаимодействия приводит к формированию

соответствующей, наиболее функционально удобной системы средств социальных коммуникаций – институтов, организаций, сообществ и других социальных феноменов.

Диалектический метод в рамках неокантианской модели социокультурного развития может быть применен для анализа развития права в истории любой локальной культуры. Все многообразие социальных феноменов – это вариации развития коммуникативной инфраструктуры, назначение которой – оптимизировать социальные практики в процессе созидания культуры. Предложенная Гессеном диалектическая схема создания предания позволяет оценивать прогресс культуры без внешних по отношению к ней критериев, и только на основании поддерживаемой в ней трактовки свободы воли. Поэтому диалектика развития права Гессена может быть актуализирована в этнополитических разработках в сфере идеологии мультикультурализма^[263].

Культурный релятивизм

Согласно Гессену, об уровне (не)свободы в определенной культуре можно судить, только исходя из того, как идея свободы воли раскрывается в условиях данной культуры^[264]. Пока не доказано ограничение свободы, считающееся непозволительным в рамках функционирующего в данной культуре понятия свободы, нельзя считать, что какое-либо действие нарушает свободу. Данная позиция содержит установку на культурный релятивизм и, положенная в основу международного законодательства, может служить основой международных отношений в случае принципиальных расхождений в трактовке свободы воли.

Аксиологические конструкты «цель-задание» и «предание» задают динамическое понимание общества и культуры, прогресс которых зависит от следования тенденции уничтожения искусственных ограничений для самоактуализации индивида. В основе культурной динамики Гессеном положена творческая активность отдельного индивида, чья самоактуализация зависит от неограниченности его свободы воли в условиях эффективно регламентированного пространства социальной коммуникации. Концепция Гессена позволяет выработать принципы международного права, в котором все культуры по умолчанию признаются эквивалентными, обладающими равенством, независимо от политических и экономических ресурсов.

В аксиологической модели истории воплощение идеи права как цели-задания в условиях разных локальных культур может привести к созданию социально-культурных систем, правовые системы которых основаны на совершенно различных трактовках свободы воли. Неисчерпаемость целей-заданий означает неисчислимое многообразие культур, единственным общим фактором в которых является соблюдение диалектической последовательности развития предания. Анализ генезиса права в аксиологической модели социокультурного развития Гессена дает возможность обосновать важнейшие принципы его социальной философии: социологический номинализм и культурный релятивизм, что в свою очередь позволяет оценить эвристическую ценность методологических социально-философских решений Гессена в свете современной международной политической проблематики.

В связи с этим вспоминаются вопросы, поставленные У. Эко: «Вмешиваться, если в этой стране тысячелетиями существует ритуальное людоедство, которое для нас

кошмар, а для них – нормальное богослужение? Не так ли прошел по лицу земли белый человек со своим тяжеловесным просвещением и растоптал древние, хотя и не похожие на нашу, цивилизации?»^[265]. С позиции философии Гессена можно однозначно ответить на эти вопросы: уровень свободы в обществе определяется не внешними по отношению к культуре критериями, а исходя из максимальных ожиданий, обусловленных возможностями самоактуализации личности в данной культуре. В противном случае представитель культуры, который решит судить обеспечение свободы воли в другой культуре, потенциально может испытать на себе киплинговское *бремя белого человека*. Поэтому нельзя не признать справедливым замечание В. Н. Белова, что неокантианство для современности – это «обоснование нового гуманизма эпохи различий и дифференциаций, сознание человеческой культуры, философия диалога и коммуникаций»^[266].

Заключение

Общество, понятое как система социальных коммуникаций, образующихся и развивающихся как средство формирования культуры, способно обеспечить условия для актуализации свободы воли. Поэтому право как инструмент регламентации свободы воли в процессе самоактуализации индивида в обществе получает в философии Гессена значение одного из главных факторов развития культуры. Именно оно обеспечивает (или не обеспечивает) условия для самоактуализации каждого человека с учетом особенностей понимания свободы воли в той культуре, в которой данный человек сформировался как участник социальных отношений.

Поскольку культура понимается Гессеном как континуальность структурирования социальной сферы,

представляющей собой систему социальных коммуникаций, то социальный субъект осознает себя как личность только в процессе приобщения к уже существующему культурному содержанию. Творчество возможно как переосмысление уже существующего культурного содержания, или, выражаясь в терминах Гессена, – как соотнесение индивидом предания с целями-заданиями. Согласно концепции Гессена, культура конструируется в процессе взаимодействия индивидов, в которое они вступают ради творчества, т. е. для воплощения целей-заданий в предании. Это возможно только в условиях регламентаций, определяемых государственно-правовой системой, в основе которой лежит то или иное понятие свободы воли. Поэтому обеспечение свободы воли каждого человека – это неременное условие культурного развития вообще. Данное условие приводит к номиналистической трактовке социальных феноменов: Гессен пишет, что все функционирование и развитие социальных феноменов должно удовлетворять требованию – не нарушать свободы воли отдельного человека.

Диалектический метод изучения истории права в рамках неокантианской аксиологической социокультурной модели может послужить основой для инструменталистской трактовки социальных феноменов. Система государственных учреждений – это часть социальной инфраструктуры, и ее назначение заключается в оптимизации взаимодействия отдельных людей и улучшении его эффективности в процессе творчества. Несоответствие функциональных возможностей государства уровню требований социума приводит к диалектическому отрицанию действующей модели и ее последующему преодолению. Причем власть имущие не должны испытывать иллюзий по поводу статуса государства: если свобода воли

отдельного человека может стать средством для достижения какой-либо сферы, то государство получает возможность обоснования любой жестокости по отношению к человеку. Государство, как и другие социальные феномены, – всего лишь инструмент оптимизации взаимодействия цели-задания и предания в творчестве каждого отдельного человека.

Особенности обеспечения порядка в обществе зависят от понятия права, которое в свою очередь обосновывается в результате трактовки свободы воли. Поэтому право – это только инструмент оптимизации социальных коммуникаций, регламентации взаимодействий, позволяющий максимально эффективно каждому отдельному человеку реализовать собственную свободу воли. Гессен предложил схематическую модель развития права, которая может быть применена как для определения особенностей трактовки свободы воли какой-либо культуры, так и для оценки развития любой культуры без использования внешних по отношению к ней критериев.

**С. И. Гессен и история пражского
журнала «Логос» (по
неопубликованным архивным
материалам) [\[267\]](#)
А. М. Шитов**

Один из важных эпизодов богатой творческой деятельности С. И. Гессена – его участие в создании и издании русского журнала «Логос». Роль Гессена в истории дореволюционного «Логоса» изучена и освещена достаточно полно. А вот его заслуги в подготовке и выпуске первой книги пражского «Логоса» и его настойчивые усилия добиться издания второй книги «Логоса» еще предстоит изучить и по достоинству оценить.

Настоящая статья представляет собой попытку реконструировать события, связанные с возобновлением издания журнала «Логос» в Праге. Архивные материалы (в первую очередь письма Сергея Иосифовича Гессена к Борису Валентиновичу Яковенко) позволяют уточнить многие обстоятельства подготовки и выпуска первой книги «Логоса», более верно оценить роль Гессена и его вклад в издание журнала.

Статья не претендует на полноту охвата темы уже потому, что опирается и использует только материалы из архива Б. В. Яковенко. Возможно, в будущем автором будет предпринято дальнейшее исследование для дополнения и уточнения данных с использованием всех сохранившихся документов, т. е. более широкой базы источников и материалов (в первую очередь мы надеемся на то, что удастся дополнить сведения и уточнить обстоятельства, связанные с сокращением так называемой «Русской акции» в Чехословакии и судьбой

издательства «Пламя»), Кроме того, важно изучить сведения и материалы, относящиеся к частному издательству Ладыжникова, поскольку как в письмах С. И. Гессена, так и в других материалах пражского архива Б. В. Яковенко имеются доказательства сотрудничества редакторов «Логоса» не только с пражским издательством «Пламя», но и с издательством Ладыжникова в Берлине.

С. И. Гессен и Б. В. Яковенко – наиболее важные участники, ключевые фигуры этого предприятия, редакторы старого русского «Логоса» (1910–1914), международного ежегодника по философии культуры. Оба они были заметными представителями русского неокантианства и познакомились еще в студенческие годы в Германии, в Гейдельберге. Тем не менее Гессен и Яковенко были очень разными людьми: разными по воспитанию, по характеру, по менталитету, по пониманию предмета философии, по политическим взглядам и убеждениям, по отношению к революции, событиям в Советской России и жизни в эмиграции.

С. И. Гессен был открыт для сотрудничества с различными эмигрантскими объединениями, умел найти подход к разным людям и общался с представителями разных взглядов и убеждений. Б. В. Яковенко в Чехословакии ощущал себя «белой вороной». Например, в письме к А. Т. Павлову (сотруднику С. И. Гессена по журналу «Русская школа за рубежом») Яковенко нелестно отзывался о тех, с кем ему приходилось общаться в Чехословакии.

Борис Валентинович Яковенко был инициатором возобновления издания «Логоса» в Праге. С. И. Гессен в своем жизнеописании вспоминал о событиях тех лет: «Упомяну еще о научной попытке Б. В. Яковенко возобновления в Праге издания “Логоса” при моем активном участии. Нам удалось выпустить только один номер (в 1925 г.)»^[268]. Сергей Иосифович лаконичен, но

точен в формулировках... Его участие, действительно, было активным. Более того, подробное изучение писем, на наш взгляд, приводит к выводу, что без его деловых качеств, настойчивости и усилий «Логос», скорее всего, вообще не вышел бы в свет. Именно Гессен сумел добиться своевременного предоставления всех материалов издательству, он подстегивал редакцию и типографию, решал множество текущих вопросов.

Предельно ясен, на наш взгляд, и ответ на вопрос об участии и третьего соредактора, чье имя указано на титульном листе первой книги ежегодника, Ф. А. Степуна. Никакого практического участия в подготовке первой книги журнала он не принимал. Во всяком случае, доказательств его вклада в возобновление издания журнала отсутствуют. Убедительнее всего об этом свидетельствует составленный С. И. Гессеном расчет сумм гонораров за первую книгу «Логоса». Имени Степуна в нем нет. Скорее всего, с его стороны дело ограничилось моральной поддержкой и согласием быть соредактором... Впрочем, судя по письмам Гессена к Яковенко, Сергей Иосифович извещал Степуна, который жил во Фрейбурге, а затем переехал в Дрезден, о подготовке издания журнала. Кроме того, он, конечно же, получил несколько экземпляров журнала и написал Гессену и Яковенко о впечатлении от изданного номера «Логоса».

Архив философа, историка философии, переводчика, редактора и издателя международных философских журналов Бориса Валентиновича Яковенко, который использован в данной статье, сохранила в пражской коммунальной квартире дочь философа Наталия Борисовна Яковенко, опираясь на поддержку братьев... Нелегкие времена для архива настали после так называемых «бархатных» перемен в жизни Чехословакии. К счастью, все наиболее ценное из хранящихся в архиве материалов удалось сохранить.

Архив Б. В. Яковенко в Праге – это 29 папок (единиц хранения), в которых находится более тысячи страниц рукописных и машинописных текстов, корректуры и верстки подготовленных к изданию книг, черновые наброски и типографские оттиски книг и статей, переписка с издательствами и учреждениями, деловые и личные письма, фотографии, газетные вырезки, книги с дарственными надписями и пометами Яковенко, другие материалы.

В архиве Б. В. Яковенко, в папке с карандашной надписью «Logos», хранятся как статьи и рецензии, не вошедшие в первый выпуск «Логоса» из-за превышения обусловленного договором с издательством «Пламя» объема номера (по договору объем одного выпуска не должен был превышать 10 печатных листов, но С. И. Гессену удалось уговорить руководителя издательства Е. А. Ляцкого оставить в первом номере журнала 12 печатных листов), так и новые материалы для «Логоса».

Кроме того, в отдельных папках хранятся необработанные и неизданные письма С. И. Гессена^[269] и Ф. А. Степуна^[270] к Б. В. Яковенко. Изучение этих материалов дает возможность воссоздать события, связанные с возобновлением русского издания «Логоса» в Праге, понять обстоятельства подготовки как первого, так и второго номеров русского «Логоса» и, если не полностью раскрыть, то пролить свет на причины задержки с печатанием второй книги журнала, а затем и краха надежд на его издание в пражском издательстве «Пламя».

Все обнаруженные в архиве материалы свидетельствуют о том, что второй русский выпуск международного философского журнала был подготовлен к печати, но не был издан. Можно утверждать, что второй номер «Логоса» должен был выйти в издательстве «Пламя», но ряд обстоятельств этому помешал. Большинство рукописей пришлось

вернуть авторам. Например, была возвращена статья «Гегель и Французская революция» Д. И. Чижевскому.

Первые письма, в которых обсуждаются вопросы, связанные с «Логосом», были направлены Сергеем Гессеном Борису Яковенко в Рим, где он тогда жил со своей семьей, а все последующие – в Марианские Лазне (Мариенбад) в Западной Чехии.

Чтобы понять историю и судьбу возобновления «Логоса», следует принять во внимание: 1) внешние обстоятельства; 2) внутренние обстоятельства.

Изучение сохранившихся материалов архива позволяет сделать вывод, что главной причиной прекращения издания пражского «Логоса» было сокращение, а затем и прекращение финансовой поддержки издательской деятельности «Пламени» со стороны правительства Чехословакии.

Известно, что русский «Логос» должен был выпускаться издательством «Пламя» в Праге. Директором издательства в это время был Евгений Александрович Ляцкий, в эмиграции – первый профессор русского языка и литературы Карлова университета в Праге. Издательство «Пламя» было создано 3 марта 1923 г., когда состоялось заседание Легиобанка и представителей издательства «Наша речь». «Пламя» купило издательство и книжный магазин «Наша речь», став их преемником.

Решение о возобновлении русского издания международного философского журнала «Логос» было принято в 1924 г. В том же году началась подготовка к изданию. Б. В. Яковенко в это время жил в Риме. Это обстоятельство вызывало сомнения как М. Слонима, которому было поручено составить проект договора об издании журнала, так и самого Е. А. Ляцкого. Руководители Совета издательства хотели, чтобы договор был подписан с лицом, живущим в Чехословакии.

В 1924 г. Борис Яковенко несколько раз приезжал в Прагу для переговоров и встречался как с Гессеном, так и с руководителями издательства. Однако следует иметь в виду, что во время подготовки к изданию журнала «Логос» в Праге из редакторов возобновляемого журнала в Чехословакии жил только С. И. Гессен. Как уже отмечалось, Ф. А. Степун находился в Германии, а Б. В. Яковенко после переезда из Италии в Чехословакию жил в г. Марианские Лазне и в Праге бывал редко. Переезд семьи Яковенко в Чехословакию, первоначально в Марианские Лазне, был связан и с надеждами на возобновление русского «Логоса». Этот переезд состоялся, судя по письмам, в конце декабря 1924 г. Документы архива свидетельствуют о том, что в начале января 1925 г. все члены семьи Яковенко получили виды на жительство в Чехословакии (в своем письме от 14 января 1925 г. С. И. Гессен поздравил Б. В. Яковенко с новосельем).

Переехав в Чехословакию и рассчитывая на получение гонораров за свои переводы на итальянский язык, Яковенко поселился в вилле. Но «итальянские деньги» не приходили, и у него зачастую не было денег даже на поездку в Прагу. Из-за этого практически все дела, связанные с подготовкой к изданию «Логоса» в Праге, вел Сергей Иосифович Гессен, который в это время жил под Прагой, первое время во Вшенорах, а затем в Радошовицах (сегодня это район городка Ржичаны).

В архиве Яковенко имеется более 20 писем С. И. Гессена, который, имея опыт редактора педагогического журнала «Русская школа за рубежом» и используя свои знакомства, взял на себя всю тяжесть переговоров с руководителями издательства «Пламя» в Праге. Напомним, что именно Сергей Иосифович Гессен обладал замечательными деловыми качествами, которые делали его незаменимым и неоценимым

соредактором журнала, такими как ответственность и обязательность, дисциплинированность, настойчивость в достижении поставленной цели, соблюдение сроков, других условий договоров и соглашений. Ответственное отношение к делу, трезвая оценка ситуации, учет объективных и субъективных условий – все это выделяло С. И. Гессена как редактора.

Хотя инициатива возобновления издания русского «Логоса» исходила от Б. В. Яковенко, его замысел был поддержан как Ф. А. Степуном, так и С. И. Гессеном. Борис Яковенко рассчитывал на публикацию четырех выпусков журнала в год. Однако составленный М. Слонимом проект договора с издательством предусматривал издание двух выпусков журнала в год с перерывом в полгода, причем объем одного номера не должен был превышать 10 печатных листов (авторских, указывает Гессен, – 21). После набора материалов первого выпуска выяснилось (издательство приняло все представленные рукописи), что объем номера составляет более 15 печатных листов.

Приведем отрывок из письма С. И. Гессена от 6 августа 1924 г., относящийся к переговорам о заключении договора с издательством «Пламя». В нем Гессен сообщает о том, что он ведет переговоры с М. Слонимом, входившим в Совет издательства «Пламя», который передал ему условия договора с издательством: «С «Пламенем» все уладилось как нельзя лучше. Совет издательства окончательно и официально принял «Логос»»^[271]. В этом же письме Гессен сообщает Яковенко условия договора, согласованные со Слонимом: в письмо к Яковенко, отосланное в Рим, был вложен подготовленный издательством текст официального сообщения, подтверждающего согласие редакции журнала с условиями договора, которое должны были подписать Гессен и Яковенко как редакторы «Логоса». Срок действия договора остался

неясным... В конце того же письма имеется указание на то, что переговоры об издании «Логоса» велись и с издательством Ладыжникова в Берлине.

Первый номер пражского «Логоса» был составлен и подготовлен Яковенко. Но Гессен как редактор и лицо, фактически взявшее на себя все дела по изданию журнала, сделал все возможное для его подготовки и выхода в свет. Роль Степуна, как следует из всех его писем к Яковенко, была номинальной. В качестве причины своего неучастия Степун указывает на то, что «“Логос” находился между жизнью и смертью»^[272]. Правда, в том же письме к Яковенко от 10 октября 1924 г. Ф. А. Степун сообщал: «Во втором номере Логоса Бердяев пойдет безусловно, статью же “О структуре философской объективности” придется, вероятно, отложить на третий. Сейчас читаю для нее Ясперса, Дильтея, Вебера и др. Хочется также перед ее опубликованием прочесть второй том Кронеровского Гегеля»^[273].

Все материалы для «Логоса» находились у Гессена. С. И. Гессен посылал корректуры Яковенко. Тот возвращал их с многочисленными исправлениями и авторскими дополнениями, меняя целые абзацы, что противоречило договоренности с издательством. Компромисс приходилось искать Гессену, который, пользуясь правами редактора, вносил минимальные изменения так, чтобы избежать переверстки. Было решено подготовить материал для двух выпусков «Логоса», поэтому в портфеле редакции журнала было большое количество статей и рецензий.

В 1925 г. удалось издать первый выпуск «Логоса». Причем возобновление издания русского «Логоса» было скоординировано с редактором немецкого издания Р Кронером, которого посетил С. И. Гессен во время поездки в Германию. Итальянское издание «Логоса» продолжало выходить... Борис Яковенко поддерживал

связь с его редакцией. В первом выпуске русского издания международного философского журнала сообщалось о выходе в свет и содержании немецкого и итальянского изданий «Логоса»^[274].

Издательство «Пламя» в Праге работало до 1926 г., затем, как уже упоминалось, издательская деятельность «Пламени» была прекращена, и предприятие находилось в состоянии ликвидации. В главе, посвященной издательству «Пламя», в сборнике «Русские в Праге» (1928) сказано: «Неблагоприятное положение зарубежного русского книжного рынка и те затруднения, которые встретили книги “Пламени” на пути в Советскую Россию, поставили “Пламя” в 1926 году в необходимость приступить к сокращению, а затем и к приостановке издательской деятельности по выпуску русских книг. В настоящее время “Пламя” впредь до лучших времен новых книг не выпускает, ограничивая свою деятельность оптово-розничной продажей русских книг, зарубежных изданий, советских и довоенных (антикварных)»^[275]. Не только «Логос», но и другие журналы (например, педагогический журнал «Русская школа за рубежом») и книги издавались при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Чехословакии. Быть или не быть «Логосу», зависело от специального Комитета, который принимал решение о финансовой поддержке издания. Необходимо было обеспечить финансовую поддержку издания – получить субсидию Министерства иностранных дел Чехословакии.

Роковое, как оказалось, значение для судьбы журнала имели и внутренние причины – существенные разногласия между редакторами «Логоса», которые привели к тому, что подготовленные Б. В. Яковенко для второй книги журнала статьи и рецензии не были сразу же переданы издательству.

Анализ писем Гессена и Степуна к Яковенко показывает, что столкнулись два взгляда, два подхода,

два понимания целей и задач нового «Логоса». Возобновляя «Логос» и определяя состав выпусков, Яковенко, который, хотя и осознавал изменившиеся обстоятельства, во многом исходил из первоначального замысла и ориентации философского журнала. Он считал, что следует продолжать публиковать переводы наиболее значительных философских работ.

С. И. Гессен и Ф. А. Степун справедливо отмечали, что в изменившихся условиях следует изменить цели и задачи русского издания. Одной из главных целей прежнего «Логоса» было систематическое ознакомление русского читателя с достижениями зарубежной философской мысли, с ее последними новинками – прежде всего, немецкой философии, которую редакторы считали высшим достижением современной мысли. Напомним, что и дореволюционный «Логос» не был коммерчески успешным изданием. Теперь же ситуация кардинально изменилась. Рассчитывать на широкое распространение журнала в Советском Союзе не приходилось.

Следует принять во внимание потерю прежней аудитории, прежнего читателя. Читатели-эмигранты, интересующиеся развитием зарубежной философии, могли сами по оригиналам следить за новыми философскими публикациями. Кроме того, как и прежде, при издании первого пражского номера были допущены досадные промахи и просчеты. Подводя финансовые итоги, С. И. Гессен в письме от 4 апреля 1925 г. сообщал Яковенко: «Из расчета, увы, видно, что мы авторам должны больше денег, чем предполагали и, кажется, получили»^[276]. Придавленные нуждой, часто нищенствующие, не вылезавшие из долгов авторы статей для «Логоса», проводящие бессонные ночи в размышлениях не о философских проблемах, а о том, как выжить, о куске хлеба, ждали обещанных гонораров. Обещания следовало выполнять.

В письмах Гессена и Степуна как первый номер «Логоса» в целом, так и статья Яковенко «Мощь философии» были подвергнуты достаточно строгой критике. И Гессен, и Степун как соредакторы «Логоса» возражали и против предложенного Яковенко состава второго номера. В письме от 24 июня 1925 г. Гессен писал Яковенко: «Что касается “Логоса” то я считаю, что нам надо хорошенько обсудить 2-ой №. Ваш план мне решительно не нравится. Да и спеху большого нет»^[277]. В письме к Яковенко из Дрездена от 26 сентября 1925 г. Ф. А. Степун делится с ним своими критическими соображениями: «...должен сказать, что не понравилась мне Ваша статья («Мощь философии». – А. Ш.) своей суммарностью, приблизительностью и чрезмерною общностью. Мне представляется, что такого типа статьи не своевременны... (философия жаждет сейчас конкретности, а не программности). С точки зрения наших специальных логосовских задач мне также представляется неверною взятая Вами тональность. Не кажется ли Вам, что в Вашу последнюю статью проникла стилистика наших “исторических” супротивников?.. Мне кажется, что 1 № Логоса не удачен с точки зрения редакторской режиссуры»^[278]. Спорным был и вопрос об участии в журнале философов из СССР. Яковенко настаивал на сотрудничестве с ними. Кроме того, обнаружались не только серьезные идейные, но и стилистические расхождения между Степуном и Гессеном, с одной стороны, и Яковенко – с другой. Яковенко пытался переубедить Гессена, считая, что тот просто попал под влияние Степуна.

Уже при написании редакционной статьи Гессен был вынужден принять изменения, внесенные Яковенко, но критически высказался о его стиле: «Что касается того, что Ваша философия есть только исповедание веры, – я стою на этом. Раньше в систематических (не исторических) Ваших статьях преобладало всегда тоже

исповедание над доказательствами. Поэтому стиль Вашей философии тот же, что у Бердяева»^[279].

Почти в каждом письме Гессена, написанном Яковенко в следующем 1926 г. содержатся обнадеживающие известия о «Логосе». В письме от 13 февраля 1926 г. Гессен писал: «Относительно “Логоса” могу сказать, что, по-видимому, он устроен»^[280]. В апреле, после встречи с Гайным, он извещал Яковенко о том, что будет добиваться увеличения объема второй книги «Логоса» до 12–15 печатных листов. Столь же оптимистично и письмо от 31 мая 1926 г., в котором Гессен сообщал Яковенко: «Сегодня мне Гайный сказал, что “Логос” не только принят “Пламенем”, но что “Пламя” хотело бы поскорее издать его, т. к. председатель комиссии М[инистерст]ва иностранных дел, д-р Макса два раза передал Тайному, что “Логос” – лучшее, что “Пламя” до сих пор издало, и продолжение “Логоса” – вещь совершенно необходимая»^[281]. В письмах к Яковенко Гессен смотрит на перспективу издания второй книги «Логоса» оптимистически и успокаивает его, уверяя, что дело издания не безнадежно.

Яковенко, который крайне нуждался в деньгах и рассчитывал на гонорары за «Логос», предлагал форсировать издание второго выпуска, используя все, что осталось от первого выпуска и подготовленные им новые материалы. В архиве Б. В. Яковенко сохранились материалы для издания второй книги пражского «Логоса»: статья Н. Гартмана «Как вообще возможна критическая онтология?», статья А. Тильгера «Искусство, как своеобразие», продолжение статьи В. Шкраха «Масарик и позитивизм», рецензии А. Койре и В. Сеземана на книги А. Бергсона, Э. Жильсона и М. Шелера. Гессен, ссылаясь на мнение Степуна, возражал: «Я продолжаю решительно настаивать на отложении статей: Гартмана, Белого, Шкраха, Шварца и др. Сейчас,

когда «Логос» единственное философское издание на русском языке, мы обязаны предоставить его страницы для оригинальных статей русских авторов, а не для переводов. 96 страниц переводов из 176, т. е. больше половины (как Вы предлагаете)... ни я, ни Степун на это никогда не согласимся... Макса прямо мне сказал: Логос они поддерживают потому, что это определенное философское направление в русской философии. А вместо русских авторов мы печатаем иностранцев»^[282].

Только в августе 1926 г. Гессен согласился с предложенным Яковенко вариантом. Из Вены, где он лечился, Гессен направил Яковенко письмо, предлагая по дороге в Прагу остановиться в Марианские Лазне, чтобы поговорить о «Логосе». Он разъяснял свою позицию и обосновывал свои взгляды на направление журнала. Прежде всего, Гессен отмечает необходимость считаться с точкой зрения Степуна, подчеркивая, что совпадение его взглядов со взглядами Степуна не говорит о том, что он находится под его влиянием.

Гессен был не против того, чтобы включить в «Логос» статьи авторов, живущих в России. Что касается статьи Гартмана, Гессен писал: «...ведь Вы, ссылаясь на “Новые идеи в философии”, совершенно не хотите понимать, что нынешнее положение совершенно несравнимо с довоенным. Тогда были “Вопросы фил[ософии и психологии]”, “Логос” и тысячи читателей. А теперь русск[ий] “Логос” читают только те, кто Гартм[ана] может прочитать по-немецки. Он уже напечатан, а русские авторы нигде не могут печататься»^[283]. В вопросе о напечатании статьи Н. Гартмана Гессен пошел на уступку, учитывая ее значительность, но на будущее он твердо настаивал на том, чтобы избегать переводов. Гессен назвал «скандальным» включение во второй выпуск статьи В. Шкраха. Он писал: «При таких условиях я, скрепя сердце, соглашаюсь на Ваше содержание №: Гартман,

Яковенко, Гессен, Степун, Гурвич, Чижевский. Ставлю только в очередь Ландау, если чья-нибудь статья (моя или Степуна) не состоится»^[284].

В письме от 29 июля 1926 г. Гессен еще смотрит на перспективу издания второй книги «Логоса» оптимистически и успокаивает Яковенко. Многие письма Гессена, написанные во второй половине 1926 г., содержат обнадеживающие известия относительно «Логоса». Вместе с тем, напечатание «Логоса» по разным причинам, а может быть, и под разными предложениями откладывалось...

В письме к Яковенко от 17 октября 1926 г. Гессен сообщал: «Несмотря на все мои усилия, пока Логос не сдвинулся с места совершенно. По словам Г. [Тайного. – А. Ш.] “Логос” принят к печатанию, будет напечатан, но в типографию все же его не сдают»^[285]. Но... отсрочка оказалась роковой, так как в 1926 г. пражское издательство «Пламя» фактически прекратило свою деятельность.

Для полноты картины приведем те фрагменты из писем Гессена к Яковенко в 1927 г., которые относятся к нашей теме. Из письма от 9 января 1927 г.: «Тайный все время просит поскорее ликвидировать дело с “Логосом”, т. е. дать ему официальный ответ на его письмо. Если у нас есть еще претензии, то мы можем представить счет. Я думаю, надо это сделать и включить в счет все неуплаченные еще гонорары... и признать расторжение договора. Все равно, если нам удастся добиться выхода “Логоса”, то это будет уже в новом издательстве и на новых основаниях»^[286]. Из письма Гессена от 21 января 1927 г. следует, что деньги за «Логос» были получены и разосланы, а договор с издательством «Пламя» был расторгнут. В направленной Б. В. Яковенко открытке от 19 апреля 1927 г. Гессен сообщает, что папка со статьями «Логоса» находится у него, но в ней нет статей В. В. Зеньковского (о воображении) и А. Белого. Часть

рукописей из портфеля «Логоса» была возвращена их авторам.

В письмах С. И. Гессена 1927-1928 гг. встречаются указания на то, что рукописи второго номера «Логоса» были переданы в Берлин, в издательство Ладыжникова, которое в 1918 г. было приобретено Б. Н. Рубинштейном, но до конца своей деятельности сохраняло старое название. Там след рукописей теряется... В письме к Яковенко Гессен сообщал о том, что в Берлине он встречался с руководителями издательства Рубинштейном и Берманом, и они пообещали разыскать рукописи «Логоса». Но обещание не было выполнено.

В мае 1928 г. С. И. Гессен читал лекции в Риге, Двинске, Ковно и других городах прибалтийских государств. Вернувшись в Берлин, он пишет Яковенко о том, что посетил издательство Ладыжникова, разыскивал Рубинштейна и Бермана, но их не застал. Последнее упоминание о «Логосе» мы находим в письме Гессена к Яковенко от 18 января 1928 г., в котором он пишет: «О “Логосе” сейчас не может быть и речи»^[287].

Очевидно, что роль С. И. Гессена в попытке возобновления «Логоса» более значительна, чем это могло показаться на первый взгляд. Во-первых, само количество писем Гессена, затрагивающих различные стороны подготовки к изданию первой и второй книг журнала, свидетельствует о широком и во многих отношениях решающем, определяющем его участии в решении практических задач, связанных с изданием «Логоса». Во-вторых, убедительным доказательством такого вывода является простое перечисление того, что было сделано Гессеном как редактором этого издания:

- 1) переговоры с руководителями издательства «Пламя» и составление договора с издательством;

- 2) переписка с Ф. А. Степуном, В. Э. Сеземаном, В. В. Зеньковским, привлечение Д. И. Чижевского и других авторов;

3) участие в принятии решений о графическом оформлении выпуска и изменениях корпуса первой и второй книжек журнала;

4) обеспечение своевременного предоставления материалов редакционному отделу издательства «Пламя»; 5) корректуры текстов статей и рецензий; 6) контроль за выполнением работ типографией; 6) расчеты гонораров редакторов и авторов; 7) ведение переговоров с новым руководством издательства «Пламя» и представителями Министерства иностранных дел Чехословацкой республики; 8) попытка найти другое издательство для продолжения издания «Логоса».

Учитывая горький опыт пражского «Логоса», в своем письме от 20 ноября 1933 г. к А. Т. Павлову Яковенко, мечтая о русском философском журнале и об издательстве, которое бы содействовало свободному философскому творчеству находящимся за границей философов, заявил: «"Логоса" возобновлять нет смысла».

Надеемся, что эта статья и приведенные в ней архивные материалы помогут лучше понять роль С. И. Гессена как редактора пражского журнала «Логос» и дадут толчок к анализу более глубоких причин, которые обрекли продолжение издания журнала на неудачу.

**О философско-культурной
ориентации журнала «Логос»
(Статья С. И. Гессена об А. И.
Герцене)[\[288\]](#)
А. А. Ермичев**

Имя Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950) стало появляться на страницах справочников и периодической печати только с недавних пор. Особенно внимательны к нему – и с полным на то правом – историки отечественной педагогики. Переиздана первая книга С. И. Гессена – «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (М., 1995), состоялись обсуждения его педагогического наследия[\[289\]](#). Философы несколько припозднились, и первый большой том философских «Избранных сочинений» С. И. Гессена появился только в 1998 г. Он был подготовлен польско-американским исследователем русской философии и учеником С. И. Гессена А. Валицким. Можно надеяться, что теперь наследие С. И. Гессена философы будут изучать в более широком контексте, чем было до сих пор, когда он однозначно определялся в качестве неокантианца, да еще в связи с русской редакцией журнала «Логос».

Однако и то надо признать, что в пределах краткого русского периода творчества (1908–1921) С. И. Гессена значение его – энтузиастического организатора философской жизни – явно перевешивает достоинства его философских выступлений. В это время в качестве философа С. И. Гессен – не более, чем автор нескольких статей, написанных в духе своего почитаемого учителя Генриха Риккерта. Его выступления в отечественной прессе («Предисловие переводчика» к изданию

«Философии истории» Г. Риккерта (1905), очерк о политических идеях жирондистов в «Русской мысли» (1909), статьи «Мистика и метафизика» (1910) и «Философия наказания» (1912-1913) в «Логосе», большое количество газетных статей, рецензий и отзывов на выходящую в России философскую литературу), так и остались бы только прочитанными, не возбудив к их автору особого внимания, если бы... Если бы среди опубликованного не было знаменитой статьи «От редакции», предпосланной вышедшему в мае 1910 г. в Москве первому номеру русской редакции «международного ежегодника по философии культуры» журнала «Логос». Статья эта была им написана совместно со своим другом по учебе в Германии Ф. А. Степуном.

История издания «Логоса» (иногда именуемого альманахом) с достаточной полнотой описана в наличной литературе^[290]. Напомню только, что он был создан по инициативе гейдельбергско-фрейбургского содружества русских (Н. фон Бубнов, С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко) и немецких (Р Кронер, Г. Мелис, А. Руге) студентов при благосклонном участии Г. Риккерта. Наиболее активны при этом были русские, а среди них особенно деятелен и инициативен был С. И. Гессен.

Содержание восьми выпусков русской редакции (они вышли в 1910-1914 гг.) образовало некую параллель немецкому изданию «Логос». Наиболее существенные статьи немецкого издания переводились и печатались у русских и наоборот; впрочем, последнее происходило реже. В России времен «ренессанса», когда общий тон мировоззрения задавался вероисповедной философией, «Логос» стал местом своеобразной концентрации сторонников рациональной научно-исследовательской философии.

Программа журнала была единой для двух редакций и была разработана вместе с немцами, так что, хотя упомянутая редакционная статья была написана С. И. Гессеном и Ф. А. Степуном, в ней было выражено общее (вместе с немецкими участниками) мнение. Впрочем, сравнение содержания этой статьи с другими декларациями журнала, написанными теми же авторами (речь идет о выступлении Ф. А. Степуна «Логос» в журнале «Труды и дни» (1912. № 1) и С. И. Гессена «Издания “Логос”» (в «каталоге издательства «Мусагет»)) свидетельствуют, по-видимому, о большом вкладе С. И. Гессена в редакционную статью, или, во всяком случае, о том, что он полнее выражал коллегиальную неокантианскую установку.

Инициаторы русского «Логоса» рассчитывали произвести некоторый эффект в головах русских читателей («мы были твердо намерены постричь волосы и ногти московским славянофилам», – вспоминал Ф. А. Степун^[291]) – так оно и случилось. Справедливости ради, однако заметим, что шумная известность, которая сопровождала вхождение «Логоса» в русскую философию, – не столько заслуга его молодых авторов, сколько В. Ф. Эрн, который не пожалел ни таланта, ни страсти на развенчание «эпигонов эпигонов» немецкой классики.

Профессионально вооруженные немецкой, то есть современной техникой философствования и используя ее, инициаторы «Логоса» самонадеянно поставили своей целью «создание [Sic! – А. Е.] и упрочение русской философской традиции», пребывая при этом в полнейшей уверенности, что «основные принципы русской философии никогда не выковывались на медленном огне теоретической мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из темных недр внутренних переживаний^[292].

Это вызвало возмущение В. Ф. Эрна, который особенно негодовал на использование имени «Логоса» – этого символа восточно-христианского мышления и культуры – на обложке журнала, абсолютно чуждого таким реальностям. Дадим слово В. Ф. Эрну: «... Они приехали в Россию и тут, окруженные варварством, почувствовали себя носителями высшей культуры, обладателями той единой, в себе согласной, столь блестяще в Германии разработанной научной философии, во имя которой все бывшее в России объявляется не бывшим, все настоящее не настоящим, а будущее признается лишь в той мере, в какой философская Россия успеет заpastись германскими фабрикатами и преодолеть ими, как неким лекарством, свою хаотическую стихийную иррациональность»^[293].

Наиболее ярким эпизодом полемики между сторонниками разных философских ориентаций стал спор В. Ф. Эрна и С. Л. Франка на страницах «Русской мысли» в 1910 г., но, по существу, она продолжалась и позже, достигнув своей высшей напряженности с началом Первой мировой войны, когда тот же В. Ф. Эрн многим «открыл глаза» на генетическое и содержательное «родство» между меонистическим Кантом и агрессивным Круппом. В осенние месяцы 1914 г. общекультурное значение философских принципов выявлялось с радикальной остротой. Напротив, до наступления этих роковых для России событий, полемика скорее велась в плоскости теоретической философии, чему и способствовал отчетливо выраженный трансцендентализм и даже гносеологизм «Логоса». Благодаря этому настоящим механизмом развития русской мысли начала XX века стали считать взаимодействие религиозных онтологистов и трансцендентальных идеалистов. Русскому читателю журнал предстал в облике «узкого и фанатичного» органа «некоторых форм современного

немецкого неокантианства, что-де совершенно неуместно в международном ежегоднике по философии культуры»^[294].

Нужно признать частичную справедливость таких порицаний. Действительно, когда в русских философских исследованиях на первый план выдвинулась гносеологическая проблема как таковая, то ее культурная проекция как-то стушеввалась, хотя декларация «Логоса» говорила именно о культурном значении гносеологических принципов. Именно «Логос» настаивал на том, чтобы русское сознание национальных ценностей и их творчество «заботливо направить по могучему и широкому руслу мировой культуры» и в этом отношении «философия как рациональное знание, ведущее к научно доступному единству, может и должна сыграть... далеко не последнюю роль»^[295]. Вот как об этой роли рассуждают авторы цитируемой статьи. Русский синтез (да, он имеется; он предложен славянофилами, В. С. Соловьевым и философами из «Пути») – все же предложен в форме данности переживания, а не заданности осознания, возможного как результат дифференцирующей работы культуры. Целью может быть только такой подлинный синтез, когда разделенные области культуры почувствуют его необходимость. В Европе время для него пришло – «наше время снова волнуется жаждою синтеза»; – в России это время нужно приближать на путях культурного строительства – то есть на путях дифференциации и профессионализации сфер культуры. Осмысление этого процесса – дело философии, понимаемой так, как ее понимал В. С. Соловьев в качестве «безусловно независимой и в себе уверенной деятельности человеческого ума». Тогда понятно, почему на первый план в первоначальном восприятии «Логоса» выдвигаются вопросы теоретической

философии – на его страницах философия освобождалась от чуждых ей одеяний социального учения, литературы, естествознания и религии. Освободившись сама, философия освободит культуру. Таким образом, философия является самоцелью только сейчас, но в перспективе философская задача ценилась только в той мере, в какой она была задачей культурной. Инициаторы «Логоса» говорили: русскому содержанию мы должны придать ясную, рациональную европейскую форму. Сейчас мы овладеем техникой современной философии, затем мы отшлифуем и ограним русский синтез и вот тогда по-настоящему мы создадим русскую философию.

Первый оппонент «Логоса» В. Ф. Эрн это превосходно понял, но синкретическому европеизму «логосцев» противопоставил свое представление о различии культуры и цивилизации, найдя «месторазвитием» первой православную Россию, а второй «прогрессивную» Европу. Теперь понятно, что начавшаяся с середины 1910 г. (первый номер «Логоса» вышел в мае, а в июле в «московском еженедельнике» уже началась публикация «разгромного» выступления В. Ф. Эрна) полемика «онтологистов»-«неославянофилов» с «трансценденталистами»-«неозападниками» была продолжением споров о достоинствах принципов, образующих культуру России и цивилизацию Европы, споров, которые велись со времен А. С. Хомякова и И. В. Киреевского.

Предлагаемая читателю статья С. И. Гессена тем и интересна, что в ней, так сказать, в свернутом виде содержится целостнокультурный потенциал журнала «Логос». Статья была опубликована в сборнике «Vom Messias. Kulturphilosophische Essays von R. Kroner, N. v. Bubnoff, G. Mehlis, S. Hessen, F. Stegun» («О мессии. Очерки по философии культуры Р. Кронера, Н. фон Бубнова, Г. Мелиса, С. Гессена, Ф. Степуна»), вышедшем

в известном издательстве В. Энгельмана в Лейпциге в 1909 г. Рождение идеи сборника в гейдельбергско-фрейбургском содружестве русских и немецких студентов (а они и были авторами его), решение об издании, само издание и реакция на сборник – все это составило предысторию «Логоса». Об этой предыстории рассказывает Ф. А. Степун: «Сборник “О Мессии” писался с вдохновением, почти с восторгом, в убеждении, что из скромного начала выйдет настоящее дело»^[296]. Этим настоящим делом было видение просвета в кризисном состоянии современной культуры, вера в возможность превозмочь такое состояние, как это уже не раз случалось в истории человечества. Ф. А. Степун пояснял: «Ни о христианстве, ни тем более о православии в нем не было и речи, но в нем определенно звучало то в основе романтически-славянофильское отрицание александрийски-эклетической культуры XIX века, которое неизбежно ведет к занятию религиозных, а в последовательном развитии и христианских позиций в историософии»^[297].

Члены содружества не искали «стрижали новых ценностей», а «нового первосвященника ценностей древних и вечных» и в сборнике нарисовали образы тех, кто для них, тоже переживая социально-культурный кризис, обнаруживал в себе силы противостоять распаду. В сборнике «О Мессии» Н. фон Бубнов нарисовал портрет И. Г. Фихте, Г. Мелис – Конта, Ф. Степун В. С. Соловьева, а С. И. Гессен – Герцена. Р. Кронер предпослал этим очеркам «Ein Blatt aus dem Tagebuche unserer Zeit» («Листок из блокнота нашего времени»), а издатель написал очень важное «предисловие» – «Vorwort».

В. Энгельман, издатель сборника, пояснил, что, предложив в подзаголовке «очерки по философии культуры», авторы намеренно дистанцировались от религиозного содержания этого термина. Их понимание

«мессии» вполне в рамках культуры; речь идет просто «о великих обновителях мысли», о том, что любой народ исполняет свое культурное предназначение через действие отдельных личностей. Издатель также пояснял, что русским «обновителям» отведено так много места (два очерка из четырех) потому, что именно у них «глубины мистики сохранили творческую силу» и что в России «пророческая тоска по новой правде звучит сильнее, чем на Западе».

Для понимания общего настроения авторов сборника многое даст «Листок из блокнота нашего времени» Р Кронера. Это «наше время» он оценивает как «переходное», «ожидание будущего и поиска пути». Материализм – идейная база тех, кто создавал Германию, теперь, по исполнении своего предназначения, исчерпал себя – он не может овладеть сознанием эпохи. Душа отдельного человека, не находя пищи для удовлетворения метафизических запросов и платонического эроса, обращается к старым истинам, подвергая их в то же самое время скепсису материалистического наследия. Дух религии преодолевается как наследие детского возраста. Секуляризация и экспансия естественнонаучного знания без общего смысла его приобретения и использования делают людей машинами. Но с таким воззрением невозможно жить ни в обществе, ни в государстве. Стремление к новой жизни остается. Кто наполнит его знанием?

В этом предисловии все подкупает современного исследователя русской философии потому, что поражает сходство духовной ситуации в Германии с тем, что переживалось русскими людьми времени Ренессанса: ощущение переходного характера времени, разрыва традиции, осознание необходимости отказа от материализма и трудности такого самоотречения, смутное ожидание упомянутого «нового

первосвященника». Речь, значит, шла о том, чтобы создать новое ободряющее мировоззрение, чтобы сделать жизнь сознательной, а сознание – жизненным.

Энтузиазм овладел авторами. Они уже грезили журналом, который был бы назван «Иоанном»! Речь шла о мировом спасении – не меньше! Да, их «мессия» – не «Мессия», но настроение было сродни религиозному. Впавший в крайность В. Ф. Эрн, громя «Логос», не почувствовал этого настроения, а вот Е. К. Герцык, «одна из самых замечательных женщин начала XX века, утонченно культурная, проникнутая веяниями ренессансной эпохи» (Н. А. Бердяев), его почувствовала и, обращаясь к суровому противнику научной философии, написала так: «...за своей справедливой и воинствующей Истиной вы не видите, почему дерзают они (пусть заблуждаясь) выступать под знаменем Логоса, не видите, что они не выродки рационализма, а Сыны, взбунтовавшиеся, верящие в Творчество, но не в покой Седьмого дня.»^[298]

Много позже, в своих воспоминаниях, Ф. А. Степун, рассказывая о просветленной и возбужденной атмосфере, царившей в их гейдельбергско-фрейбургском содружестве, – она, наверное, очень напоминала атмосферу кружков 40-х годов XIX века, о чем поведал И. С. Тургенев в «Гамлете Щигровского уезда», – предположил, что для С. И. Гессена, кому в содружестве принадлежала первая роль, «идея воплощения Логоса философии в многоязычном журнале. представлялась. чем-то вроде трансцендентального Троицыного дня»^[299].

Ценностно-культурный потенциал сборника «О Мессии» стал реализовываться в «Логосе», вошедшем в отношения партнерского союзничества с таким же культурно-ориентированным издательством «Мусагет». Основной тезис «Мусагета» был близок замыслу «Логоса» – «культура, воздвижение статуй (пусть даже

идолов) культуры существующей и чужой для облегчения исканий культуры своей и будущей, которая (разумеется, в отдаленном будущем) должна определить социально-политический строй, а не определяться им»^[300].

Другое дело, обстоятельства сложились так, что свой культурный синтез «Логос» начинал с разделения, с требований автономизации и профессионализации философии, чему особенно способствовала ригористическая позиция Б. В. Яковенко, заполнившим своими статьями выпуски журнала. Он более, чем кто-либо из его молодых редакторов, был философом *sui juris*. Зато два других инициатора – С. И. Гессен и Ф. А. Степун свободнее себя чувствовали именно в области культуры, что и показывают их работы русского периода. Ф. А. Степун поворачивает к литературной и театральной критике; С. И. Гессен – к прикладной философии, то есть к педагогике. Именно в этой области исследовательской и практической деятельности он стяжал себе общеевропейскую известность.

Его эссе о Герцене примечательно по многим причинам: нарисованный им портрет русского западника – это зеркало, в которое глядится автор портрета и рисует автопортрет, на нем исправляя некоторые черты облика своего великого предшественника. В очерке у С. И. Гессена русский западник и космополит становится националистом и панславистом, потому что усомнился в возможности европейской культуры собственными силами противостоять процессу энтропии, омещаниванию Европы, потому что решающий механизм жизни культуры – демократия того времени оказалась несостоятельной для решения такой громадной задачи. Европе достало ума придумать идею социализма, но не достало сил для ее реализации. Вот почему в поисках выхода из исторического тупика Герцен, повинувшись безотчетному чувству родины, обращается к своему

народу – своей истории (и истории культуры), не имеющему, но могущему дать новую жизнь древней европейской цивилизации. Бродилом новой жизни станет патриархальный мир, общинный русский социализм.

Отдавая дань уважения благородной личности Герцена, автор очерка не может с ним согласиться, ибо отчетливо видит порочный методологический механизм его рассуждений: «Пережитое, приняв форму могучего иррационально подспудного движения души, выступило мощным формирующим началом его теоретического убеждения и насильственно определило его мировоззрение». Напротив, С. И. Гессен – рационалист с головы до пят, признающий иррациональное как границу культуры и потому – как внекультурное явление. Оно имеет свою реальность, которая может быть осмыслена рационально и только в таком реформированном виде введена в мир культуры.

В содержании этого очерка мы слышим отзвуки идей русского духовного ренессанса – трактовка личности как культурного явления, восприятие самой культуры как бремени, ее бессилия разрешить социальную проблему, обращения к докультурным истокам культуры в надежде разрешения ее кризиса. Когда С. И. Гессен сформировался как социальный мыслитель, то все эти проблемы он сделал своими, в ходе исследования сгруппировав их вокруг триединства «личность – культура – демократия». В печати русского зарубежья и главным образом в «Современных записках» и «Русской школе за рубежом»

С. И. Гессен пытается разрешить традиционный для русских западников (и для инициаторов «Логоса») вопрос о том, как остаться идеалистом и приверженцем абсолютных ценностей, не впадая в утопии, и как уметь быть по европейски рациональным, не опускаясь до потребительского практицизма. Решая эти вопросы,

мысль С. И. Гессена движется в двух направлениях – педагогики или прикладной философии («Основы педагогики», выступления в «Русской школе за рубежом», теоретико-педагогическая деятельность в Польше) и разработки теории правового социализма (публикации работ «Крушение утопизма», «Проблемы правового социализма», «Генрих де Ман как теоретик социализма», «Правда демократии» и др. в «Современных записках»). Главной целью образования и воспитания он ставит приобщение личности к культуре так, чтобы человек стал ее сознательным творцом. В концепции правового социализма С. И. Гессен ищет такой вариант общественного устройства, при котором идеал соборности мог стать регулятором общественной жизни столь же точным, как и право, а право исполняло бы свою роль без претензий на подавление или уничтожение личности. Так, еще долгие годы после прекращения издания русского «Логоса» С. И. Гессен продолжал пробиваться к его универсальным целям – достижению настоящего всеобъемлющего синтеза, в который был открыт вход также и религиозным ценностям^[301].

Для инициаторов «Логоса» время его издания было прекрасным временем. «Перечитывая как-то недавно главу, озаглавленную «Первая встреча с Европой», – писал Ф. А. Степун Б. В. Яковенко 29 апреля 1944 г (тогда он завершал работу над своими воспоминаниями, известными в русском переводе как «Бывшее и несбывшееся»), – я задумался о всех тех чаяниях и планах, с которых начиналась наша с Вами жизнь. Как много расхаживали мы с Вами по ночам – сначала по Гейдельбергским, а потом по Фрейбургским улицам, как много говорили чуть ли не до утра. Как странно кончается жизнь всех нас»^[302]. Конечно же, юноша С. И. Гессен, завершая свою статью словами об А. И. Герцене,

который обреченно приветствует новый мир, не думал,
что он писал о себе.

О религиозно-метафизических мотивах в российском кантианстве: С. Гессен и Вл. Соловьев В. В. Сербиненко

Трудно переоценить роль и значение именно религиозной метафизики в философской культуре русского зарубежья. Наиболее ярким изданием, несомненно, был *религиозно-философский* журнал «Путь», к сфере религиозной метафизики относится творчество русских мыслителей, связанных с парижским Православным богословским институтом. Религиозно-метафизические мотивы достаточно явно проявились и в творчестве русских философов-кантианцев, оказавшихся в эмиграции. Впрочем, и в собственно российском, дореволюционном кантианстве метафизические интенции проявлялись вполне отчетливо. Например, в философских позициях таких «классических» кантианцев, как А. Введенский и П. Новгородцев (прежде всего, в их поздних трудах). Тем более это касается тех, кто быстро и легко прошел путь от Канта к религиозной философии (Бердяева, Булгакова и др.). Но в последнем случае имел место радикальный отказ от прежних философских убеждений. Иначе обстояло дело у С. Гессена, остававшегося в течение всей жизни последовательным кантианцем.

Последние творческие усилия философа, как известно, были связаны с замыслом книги «Философия воспитания». Гессен работал над ней в оккупированной нацистами Польше. К сожалению, «рукописи горят». Во всяком случае, уже практически законченная книга сгорела во время Варшавского восстания в 1944 г. Из воспоминаний С. Гессена мы узнаем, что «Философия

воспитания» состояла из четырех частей: 1) воспитание как биологический процесс, 2) воспитание как социальный процесс, 3) воспитание как духовный процесс, 4) воспитание как спасение. Соответственно «апофеозный» раздел книги непосредственно предполагал обращение к метафизическим и религиозным вопросам.

По словам Гессена, в своей работе в качестве основных направлений в философии образования он выделял натурализм, социологизм и гуманизм. По его же признанию, именно в «Философии воспитания» он сам выходит «за пределы гуманизма» и движется в направлении религиозной педагогики, для которой абсолютные ценности религии оказываются несоизмеримыми с миром ценностей культуры. Задачи же воспитания предполагают и возможность *спасения*, спасения человеческой души. Такого рода «сотериологический» выбор в сфере педагогики уже сам по себе, безусловно, говорит о пережитой мыслителем духовной эволюции. Близкий друг С. Гессена Ф. А. Степун писал в статье, посвященной памяти философа, что они оба признавали необходимым «религиозно-мистическое дополнение трансцендентальной философии»^[303].

У нас нет оснований не доверять всем этим свидетельствам. Вероятно, религиозный «поворот» в мировоззрении позднего Гессена действительно имел место. Однако не менее важно и интересно то, что русский философ-неокантианец не только в последние годы, но и на протяжении всей жизни не был равнодушен к метафизической проблематике, в том числе и религиозной. Последовательно следуя принципам кантианского трансцендентализма, Гессен мыслил, можно сказать, в русле персоналистической метафизики, которая никогда и не была чужда кантианству. «Личность обретается только через работу

над сверхличными задачами... - заявлял Гессен в «Основах педагогики». - .Могущество индивидуальности коренится не в ней самой, не в природной мощи ее психофизического организма, но в тех духовных ценностях, которыми проникаются тело и душа и которые просвечивают в них как задания ее творческих устремлений».

В. В. Зеньковский совершенно справедливо отмечал определенную близость этих мыслей Гессена принципам философской антропологии Вл. С. Соловьева (имелась в виду, прежде всего, «Теоретическая философия»)^[304]. Однако он же подчеркивал и принципиальные различия: в антропологии и философской педагогике Гессена в полной мере свои права сохраняет трансцендентализм. Философ признавал, что «мир не исчерпывается физической и психической действительностью; кроме физического и психического, есть еще третье царство - царство ценностей и смысла». Но, конечно, «царство ценностей и смысла» совершенно вписывается в контекст кантианского «критицизма» и имеет не так уж много общего с *онтологией* всеединства. Становясь полноправным «гражданином» «царства ценностей», индивид «созидает» себя как личность. Для Гессена, как и в целом для кантианства, путь познания - это и есть сугубо человеческий выбор, определяющая особенность именно человеческого бытия. «Познающий ребенок, делая свои первые наблюдения над действительностью и выводы из них, бессознательно подчиняется уже тем законам и правилам, которые регулируют и работу ученого»^[305]. Человек - «существо познающее», и любая философская антропология не может не учитывать данного обстоятельства. Здесь С. Гессен, в существенной мере, близок Вл. Соловьеву, признававшему «потребность метафизического познания» неотъемлемым свойством человеческой личности (человек, совершенно лишенный такой

потребности, – это, в соловьевской версии, уже не личность, это, буквально, «монстр»).

В целом весьма положительно оценивая философское творчество С. Гессена, В. Зеньковский, по сути, упрекал его только в одном, в том, что тот «постоянно на пороге метафизики – но только лишь на пороге» и даже «боится метафизики»^[306]. Что касается «порога», то, на наш взгляд, это верно, если речь идет о *религиозной* метафизике, поскольку в пределах кантианской метафизики Гессен чувствовал себя замечательно. Слова о «страхе» будем все-таки воспринимать скорее как метафору, хотя, конечно, и не лишенную определенного смысла. Тем более, что в своих трудах Гессен не раз и вполне «бесстрашно» вступал на почву религиозной метафизики. Другое дело, что он делал это как исследователь, но исследователь не равнодушный и далеко не враждебный. Может быть, в первую очередь это относится к «русским» сюжетам в его творчестве. Мы имеем в виду прежде всего работы «Лев Толстой как мыслитель», «Трагедия добра в “Братьях Карамазовых”», «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Достоевского и Соловьева». Последняя статья, на наш взгляд, имеет особое значение именно в аспекте особенностей метафизической проблематики в творчестве Гессена.

Проблема личных отношений Ф. Достоевского и Вл. Соловьева и, конечно, духовных связей между ними – это очень важный и интересный вопрос для самосознания отечественной культуры. Биографические факты обладают, как всегда в подобных случаях, своей несомненной ценностью. Но столь же несомненно и то, что они способны не только открывать нечто важное, но и нечто еще более важное скрывать. Например, могут, вопреки даже самым благим намерениям, исказить образ личности. Мнения достаточно близких людей и просто современников, отправленные и неотправленные

письма, черновики и непредназначенные для общественного внимания записи – все это имеет значение, но в определенном и, по сути, крайне ограниченном смысле. «Архив» же биографических деталей дружеских отношений Достоевского и Соловьева невелик, что, на наш взгляд, совсем неплохо. Особенно приятно то, что в нем совершенно отсутствуют детали, которые могли бы спровоцировать воображение биографически ориентированного исследователя. Впрочем, путь биографии – это уж, во всяком случае, не историко-философский путь. Надо сказать, что С. Гессен делает именно философский выбор и в своей работе ищет ответы там, где их только и можно найти: в творчестве обоих русских мыслителей.

Размышляя об их утопических увлечениях, он делает непосредственным предметом анализа содержание последнего романа Достоевского «Братья Карамазовы» и докторской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал». Выбор кажется оправданным, поскольку обе книги увидели свет в 1880 г. и даже печатались в одном и том же журнале («Русский вестник», 1879–1880). По версии Гессена, Достоевский именно в своем последнем произведении уже бесповоротно порывает с утопической идеологией любого типа. Практически не касаясь вопроса об увлечении писателя в молодые годы социалистическими идеями, Гессен рассматривает его идейную эволюцию последних лет жизни (70-е годы – это как раз период дружбы с Соловьевым). Он совершенно справедливо признает, что оба, писатель и философ, были близки к славянофильству, хотя Достоевский с ним и «не солидаризировался окончательно». Заметим, что в отношении позиции Соловьева последнее замечание было бы также вполне уместно. Впрочем, дело не в славянофильстве (подлинном или мнимом) двух мыслителей. Их общий «утопизм», согласно С. Гессену,

это прежде всего идеал «свободной теократии». С. Гессен был убежден, что Достоевский в своей последней книге разоблачает именно эту утопию (в прошлом «свою заветную мечту»). В то время как Соловьеву предстояло, уже после смерти своего старшего друга, еще много лет борьбы за осуществление утопического проекта, от которого он отказывается лишь в конце жизни (в «Оправдании добра» и в «Трех разговорах»).

Для Гессена «Братья Карамазовы» – это настоящее философское произведение, «целостная» «философия Добра». В романе он готов был видеть окончательный метафизический приговор утопизму. Причем в проекте «свободной теократии» философ-кантианец усматривал едва ли не ключевую особенность утопического сознания. И в своей критике «яда утопии» он использует аргументы метафизические и даже религиозные: «Существо всякой утопии, в том числе и утопии “свободной теократии”, заключается в смешении абсолютного и относительного, в понимании абсолютного как последней, совершенной стадии временного развития, завершающей исторический процесс как бы все в том же горизонтальном плане исторического бытия. В утопии свободной теократии Царствие Божие действительно мыслится осуществленным на земле в виде непосредственного продолжения конкретных общественных и государственных форм, как они исторически сложились в России. Мысля абсолютное пребывающим в том же самом плане бытия, что и относительное, всякая утопия означает окоченение абсолютного, придание ему случайных черт, заимствованных из сферы временного существования. В “Братьях Карамазовых” Достоевский решительно порывает с этим соблазном положительного богословия. Царство Божие мыслится им здесь определенно вознесенным над трагическими противоположностями земного существования. Источник

и основание Добра, оно мыслится как пребывающее выше самого Добра, по ту сторону трагической противоположности, которая в земном существовании делает добро неизбежно сопряженным со злом. В этом смысле философия “Братьев Карамазовых” вплотную приближается к традиции отрицательного богословия, существо которого заключается не столько в простом отрицании познаваемости Абсолютного, сколько в утверждении запредельности Абсолютного, невыразимости его никакими формами нашего земного существования»^[307].

Конечно, сам опыт прочтения последнего романа Достоевского в свете традиции отрицательного богословия представляется достаточно спорным. Слишком многое говорит о том, что его герои ищут ответ на «проклятые вопросы» отнюдь не в «утверждении запредельности Абсолютного». Однако еще больше сомнений вызывает то, что С. Гессен резко противопоставляет собственную версию отрицательной теологии «соблазну положительного богословия». В конце концов, «отрицательное» и «положительное» богословие – это не различные богословские пути (тем более, не альтернативные), а неотъемлемые части традиции христианского богословия. Более того, опыт «положительного» богословия на языке теологии говорит о самой сути христианства как религии «благой вести», религии, утверждающей веру в неразрывность (и, безусловно, неслиянность) богочеловеческих отношений (классическая формула «Бог есть любовь»). Христианство апеллирует к Христу-Богочеловеку, а не к «запредельному Абсолюту». В то же время, в христианской теологии столь же обязательным и необходимым является признание «запредельности» Божества, невозможности *окончательно* запечатлеть и выразить Божественную природу на языке человеческих чувств и разума. Исключительно же отчужденный и

противостоящий всему «слишком человеческому» Бог – это божество какой-то иной религии, но, во всяком случае, не христианства.

Конечно, С. Гессен, рассуждая об отрицательном богословии, никакого очередного проекта «нового христианства» не планировал. В своей интерпретации последнего романа Достоевского философ-кантианец (кантианские мотивы в данном случае прослеживаются совершенно отчетливо, с ними прежде всего связано и предпочтение, отдаваемое «отрицательному богословию») последовательно выступал против смешения «небесного» и «земного», усматривая в таком смешении метафизическую основу утопического «оптимизма» («оптимизм, без которого не обходится никакая утопия»). Вполне логично и то, что он увидел глубокую и даже метафизическую критику «оптимистическо-утопической» идеологии в «Легенде о Великом Инквизиторе». «Великий Инквизитор верит в Бога умом, но утратил веру в него сердцем. Он не атеист, но он не принимает мира, созданного Богом, он не верит в то, что Добро действительно укоренено в Боге и потому само по себе, без принуждения, привлечет к себе свободное сердце человека и одолеет зло в мире. Утопизм оптимистичен, но безрадостен, это есть “несчастное сознание” по преимуществу. Не веря в благостную силу самого добра и не доверяя свободе человека, утопизм подменяет ее механической силой внешнего принуждения. Отрицание им автономии добра и свободы человека имеет своим последним корнем маловерие, тот атеизм воли и сердца, который Достоевский с такою глубиной отграничивает от атеизма ума и из которого проистекают в последнем счете и самозванство, т. е. подмена Абсолютного относительным, и деспотизм, т. е. поглощение мнимым Абсолютным всех прочих относительных сфер культуры, – эти оба главных порока утопизма»^[308].

Принцип *автономии* добра и, конечно, различных культурных сфер был для С. Гессена исключительно важен. Собственно, в отрицании такой автономии он и усматривал определяющие черты утопического сознания^[309]. Согласно Гессену, Достоевский в конце жизни преодолевает утопизм окончательно и делает это, в решающей степени, благодаря пониманию самоценности добра и признанию нравственной «автономии». Поэтому его роман и, в особенности, «Легенда» – это своего рода метафизическая антиутопия, поразительно философичная, в которой раскрывается «законченная последовательность диалектики, с которой поэт-мыслитель прослеживает трагическую судьбу воплощенных им идей, философская отточенность формулировок и, наконец, систематическая полнота изображенного в них мировоззрения». По мнению Гессена, все эти аспекты позднего творчества Достоевского оказали влияние на Вл. Соловьева. Однако преодоление последним утопизма с этого момента только начинается и начинается именно с «Критики отвлеченных начал».

В «Критике» Соловьев признает «независимость добра от познания Абсолютного», что по Гессену и означает признание принципа «автономии добра». Однако, в конечном счете, в докторской диссертации Соловьева делается вывод о принципиальной «зависимости этики от метафизики», а это, в версии русского кантианца, означало отступление от принципа автономии нравственности и, соответственно, уступку утопическому сознанию. Следующий и гораздо более решительный шаг в преодолении утопизма Соловьев, как считал Гессен, делает уже в «Оправдании добра».

Полтора десятилетия потребовались Вл. Соловьеву, чтобы «приблизиться», по мнению С. Гессена, к «символике» «Братьев Карамазовых». В «Оправдании добра» эту «символику» критик обнаруживает прежде

всего в соловьевской характеристике трех ступеней добра: добро как оно непосредственно явлено в природе человека (такого рода «природное добро», считал С. Гессен, «символически» соответствует образу Дмитрия Карамазова в романе); рациональное или *автономное* добро; «высшее» добро, имеющее божественный источник (добро как любовь). Рассматривая основные принципы метафизики нравственности Соловьева, Гессен особо отмечает в целом положительную оценку в «Оправдании добра» кантовской этики: «разложение» нравственности на автономный и гетерономный элементы, кантовская формула нравственного закона, признание «самозаконности» нравственности. Тем не менее, С. Гессен признает, что Соловьев отнюдь не «превратился» в кантианца и по-прежнему критически оценивал «ригоризм» и «субъективизм» нравственной философии Канта. Незыблемым остается и основной религиозно-метафизический постулат: «добро от Бога». В этом отношении между «Критикой отвлеченных начал» и «Оправданием добра» никакого кардинального противоречия нет.

Впрочем, вполне очевидно, что «нерв» статьи С. Гессена далеко не только в критике или положительной оценке тех или иных аспектов соловьевской метафизики и даже не в сопоставлении ее с художественной философией романа Достоевского. Обратившись к творчеству русских мыслителей, философ-кантианец по сути искал ответ на вопрос, который для него, лично для него, имел едва ли не определяющее значение: возможно ли совместить представление о божественном источнике добра с признанием «свободы человека и, значит, автономии добра». Казалось бы, положительный ответ найден: он в последнем романе Достоевского. Соответственно не страшны теперь и «соблазны утопизма». Однако все оказывается не так просто. Ведь это сам Гессен «приближается» к религиозной

метафизике. Ведь это он себя, прежде всего, убеждает в том, что в романе достигнут некий метафизический «баланс» между религиозной нравственностью и «автономной» моралью. В действительности же, ему приходится делать выбор и выбор этот, по существу, предрешен, поскольку определяется особенностями его философского стиля и мировоззрения.

Гессен выбирает свободу личности и независимость (автономность) ее нравственной позиции. И разве могло быть иначе? Эти принципы определяли если и не все, то, во всяком случае, самое важное, в его философском творчестве и, в частности, в философско-педагогическом учении, «прикладной философии». Любая педагогическая концепция, так или иначе игнорирующая или ограничивающая личностно-свободное начало в человеке, по убеждению философа, не может претендовать на истинность, причем, как в теоретическом отношении, так и в своем практическом приложении. С. Гессен признает, что в метафизике всеединства Вл. Соловьева человеческая личность обладает абсолютным смыслом, но только как «необходимое и незаменимое звено в абсолютном порядке бытия». Иными словами: не сама по себе, не как самостийное или, даже, *автономное* начало.

Мы все навек незримыми цепями
Прикованы к нездешним берегам.
Но и в цепях должны свершить мы сами
Тот путь, что боги очертили нам.

С. Гессен приводит эти поэтические строки Вл. Соловьева как свидетельство «колебаний» философа «между свободой и теократией». Он настаивал на том, что тот и в «Оправдании добра» «склонялся к тому, чтобы видеть в личности только модус всеединого

бытия»^[310]. И действительно, в поэтической форме Вл. Соловьев выразил свое понимание *онтологического* смысла человеческого существования и свободы человека. Смысл этот дан (или, скорее, задан) только в перспективе абсолютного всеединства, «незримые цепи» которого как будто бы не допускают даже возможности свободы воли и «автономности» личности, т. е. всего того, что имело столь принципиальное значение для «автономной этики» кантианства. Интересно, что С. Гессен, фактически признавая *незыблемость* самого принципа всеединства в метафизике Соловьева в ранний и поздний периоды творчества, тем не менее настаивает на кардинальных изменениях в позиции философа. И он был совершенно прав, по крайней мере, в одном, но очень важном моменте: в конце жизни Соловьев, ни коим образом не отрекаясь от онтологии всеединства, критически оценивает именно *утопизм* собственного теократического проекта. «Понимание абсолютного начала нравственности как метафизического бытия привело в первой философской системе Соловьева не только к утрате добром его автономии, но и к поглощению Царством Божиим земных государства и права. Обратной стороной этого поглощения права добром, а добра – абсолютной любовью было искажение Царства Божия в теократическое государство. В “Оправдании добра” Соловьев не только ни разу не упоминает термина «свободная теократия», но и, по существу, совершенно порывает с утопическим идеалом своей молодости. Восставая против разобщения государства и церкви, он требует, однако, определенного *различения* их функций в обществе. Соловьев решительно восстает против смешения сфер права и нравственности, признавая тем самым относительную автономию этих сфер»^[311].

Все верно. Сомнение вызывает только вывод о том, что в понимании «идеи Царства Божия» Вл. Соловьев «приближается вплотную к учению старца Зосимы и к традиции отрицательного богословия»^[312]. Даже не касаясь вопроса о возможности сопряжения образа старца Зосимы с «традицией отрицательного богословия» (в конце концов, в отношении художественного образа возможны любые интерпретации), трудно согласиться с тем, что сам Соловьев «вплотную» приблизился к данной традиции. Во-первых, потому, что она никогда и не была для него чуждой и, тем более, чуждой^[313]. А, во-вторых, в силу того, что слишком многое в позднем творчестве философа указывает, скорее, на углубление связи с опытом богословия «положительного». Уже после «Оправдания добра», в «Трех разговорах», стремясь к «положительному» истолкованию православной эсхатологии, Соловьев последовательно опирается на традицию христианской экзегетики в опыте прочтения евангельских текстов. С. Гессен, впрочем, специально подчеркивает, что «менее всего отрицательное богословие, к которому приближается Соловьев, означает ночь безразличия»^[314]. Самого Гессена также невозможно заподозрить в том, что в своем опыте сближения кантианства и отрицательного богословия он стремился к чему-то подобному «ночи безразличия». Напротив, русский кантианец решительно выступал против самой тенденции к смешению всего и вся, с неизбежностью ведущей, как раз, к полнейшему *безразличию*, на почве которого и рождаются всевозможные мнимости утопизма.

Принципиальная же разница в позициях двух русских философов состояла в том, что если Вл. Соловьев и в своих последних произведениях оставался всецело в русле онтологизма, признающего иерархию бытия и отказывающего в истинной бытийственности

фантомам всякого рода, выпадающим из этой иерархии (в «Трех разговорах»: пустота-дыра, зло-обман, «подделки» христианства, сам антихрист, наконец), то С. Гессен, безусловно, выступал как критик этого самого онтологизма и последовательный сторонник преимущественно гносеологического подхода, который один только и способен, по его убеждению, различать отдельные, «автономные сферы» жизни и культуры, совершенно не обязательно *иерархически-онтологически* выстроенные, но всегда обладающие сложной внутренней организацией и постоянно вступающие в разнообразные связи и отношения.

Несомненной ценностью обладает вывод С. Гессена о том, что в последних работах Вл. Соловьева с особенной силой проявилось стремление философа (не чуждое ему и в молодые годы) к более последовательному разграничению различных сфер духовной, культурной и исторической жизни. Однако стремление это никоим образом не посягало на *онтологию всеединства*. Последняя, заметим, никогда и не мыслилась Соловьевым как безликое, тотальное единообразие. Тем не менее, в конце жизни он действительно уделяет принципу разграничения гораздо большее внимание. Символично, что антихрист в «Трех разговорах» словно пародирует заветную мечту философа об объединении церкви и, фактически, пытается (к счастью, безрезультатно) инициировать не столько их объединение, сколько, вполне механическое смешение. В «Оправдании добра» Вл. Соловьев утверждал, что недопустимо устанавливать «одностороннюю зависимость этики от положительной религии, или же от умозрительной философии, – такую зависимость, которая отнимала бы у нравственной области собственное содержание и самостоятельное значение»^[315]. С. Гессен совершенно справедливо придавал этим словам особое значение. При всех

фундаментальных различиях их метафизических позиций мы можем со всей философской искренностью утверждать, что независимость (автономность) нравственного начала в человеке и, соответственно, свобода личности были исключительно важны для обоих русских философов (равно, как и для Достоевского).

Тем более, что не только Соловьев с его онтологией всеединства, но и Гессен, эту онтологию критиковавший, в равной мере были против *абсолютизации* самого принципа автономности, в том числе и автономности морального сознания. Русский кантианец прямо предупреждал, что «автономия вырождается в своеволие, когда добро провозглашается самодостаточным, покоящимся только на себе самом, не нуждающимся ни в каком высшем начале»^[316]. Независимость же этики от метафизики он был склонен трактовать в феноменологическом ключе: как «непредвзятость этического анализа, его свободу от всех метафизических точек зрения». Однако в то же время для С. Гессена было очень важно показать связь этики с теоретическим знанием и, прежде всего, со знанием философским. Поэтому он настаивал на том, что «будучи наукой, этика, как всякое знание, зависит от логики, в частности, от логики философии».

В статье «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева» Гессен, возможно, наиболее решительно вступил в сферу религиозной метафизики. Более того, он самым серьезным образом отнесся и к аргументации теологического характера, которую он привлекает и анализирует. В то же время совершенно очевидно, что мыслитель и в данном случае остался верен принципам «критической философии». Представленный им образ русской религиозной метафизики – это, в сущности, еще один опыт кантианского «освобождения места вере», соответствующий внутренним методологическим

задачам одного из самых значительных направлений
мировой философии.

Раздел II
Сергей Гессен и современные
проблемы философии
образования

Жизнь и педагогическое наследие Сергея Гессена Е. Г. Осовский

Сергей Иосифович Гессен – человек драматической и во многом загадочной судьбы, скиталец и изгнанник, ученый, в течение всей своей жизни обращенный к России, к ее культуре, образованию, истории. Советская педагогика «не приняла» Гессена, оценивая его по разряду «антисоветчиков» и «фальсификаторов», приписывая ему «проповедь пресловутой автономии школы от государства»^[317], хотя он был умеренным «государственником», сторонником правового государства и даже «правового социализма». Ему выпало полной мерой пройти тяжкий путь познания Истины, философских и педагогических исканий.

В «Curriculum vitae», написанном в 1914 г. для получения должности приват-доцента Петербургского университета, он пишет: «Я родился 7 августа 1887 года в г. Усть-Сысольске Вологодской области, где и был окрещен по православному обряду. Детство (с двух до девяти лет) прожил в Одессе...»^[318]. За этими скупыми строками скрыта трагедия и тайна его рождения, которую приоткрыл его отец – Иосиф Владимирович Гессен, один из лидеров партии кадетов, депутат Второй Государственной думы, видный деятель российской эмиграции, в своем «жизненном отчете»^[319]. «Незаконнорожденный» ребенок, плод любви ссыльного студента-юриста и дочери его квартирных хозяев – Анны Макаровой. Под давлением семьи молодая мать отказалась от ребенка. Несколько лет мальчик переходил из одной ссыльной семьи в другую, пока наконец, отец, к тому времени известный юрист, не

усыновил собственного ребенка. Личная драма придала особую остроту восприятию И. В. Гессеном проблем усыновления: он принял участие в разработке соответствующего законопроекта, принятие которого позволило ввести сына в новую большую семью, которая состояла из трех детей его жены от первого брака и общих детей. К этому времени семья жила в Петербурге. Она оказалась счастливой для мальчика. О своей настоящей матери он узнал лишь в год окончания гимназии, и это не повлияло на близкие духовные связи с любимыми им мачехой и сводными братьями.

В 1896 г. Гессен поступил в Первую Петербургскую гимназию, хорошее впечатление о ней он сохранил на всю жизнь. В старших классах он был исключен из нее за участие в нелегальном «Северном союзе учащихся средней школы», и экзамен на аттестат зрелости сдал на год позже. Это был 1905 г. Большое влияние на его становление оказали семейное окружение, друзья и коллеги отца, политики и ученые: П. Н. Милюков, Л. И. Петражицкий, В. М. Гессен, В. Д. Набоков и др. Молодой человек всерьез погрузился в изучение литературы, истории, философии.

Осенью 1905 г. С. И. Гессен становится студентом философского отделения Гейдельбергского, а затем Фрейбургского университетов, обучается у известных философов Германии Г. Когена, П. Наторпа, В. Виндельбанда, Б. Ласка, Г. Риккерта и др., сближается с М. Вебером. Под руководством Г. Риккерта им была написана и защищена «с отличием» в марте 1909 г. диссертация «Об индивидуальной причинности». Гессен стал доктором философии.

По возвращении в Петербург молодой и деятельный Сергей Гессен, активный сторонник и пропагандист неокантианства, участвует в многочисленных философских баталиях, сталкивавших представителей различных направлений философского модернизма.

Вместе со своими друзьями Б. В. Яковенко и Ф. А. Степуном он создает русскую секцию международного журнала по философии истории «Логос». Андрей Белый писал, что ими был предложен привлекательный для значительного круга русской интеллигенции «неозападнический» идеал, вызвавший, однако, критику со стороны «славянофильски-ориентированных философов»^[320]. В эти годы молодой ученый активно занимается переводческой деятельностью. Он публикует переводы философских трудов Г. Риккерта, А. Бергсона, А. Мейерсона и др. В предисловии к книге Г. Риккерта «Философия истории» он выступил в защиту своего учителя от «партийной» критики, которая прозвучала со страниц «Правды» (М. Н. Покровский, А. В. Луначарский), утверждая ценностный, общечеловеческий, а не классовый, научно-логический подход. «Не существует ни буржуазной, ни пролетарской логики», – так парирует С. И. Гессен критические посылы оппонентов Риккерта^[321].

В 1914 г., после сдачи магистерского экзамена на историко-филологическом факультете Петербургского университета, С. И. Гессен начал свою педагогическую деятельность в университете. Его коллегами по кафедре были известные философы А. И. Введенский, Н. О. Лосский, И. И. Лапшин, С. Л. Франк, В. Э. Сеземан и др. Со многими из них он потом встретится в эмиграции. В архиве Петербургского университета сохранился перечень лекций и семинаров приват-доцента Гессена, где наряду с сугубо философскими темами – «Этика Канта», «Философия Бергсона», «Проблема иррационального в современной философии», значится и курс «История педагогических систем в связи с общей историей философии», положивший начало построению системы философской педагогики Гессена^[322]. Именно в этот период зарождается серьезный научный интерес Гессена к педагогике. «Педагогика была для меня

совершенно неизведанной областью, однако я намеревался заняться ею всерьез. Спустя два года я уже нисколько не думал, что занялся несвойственным мне делом», – писал он спустя много лет в автобиографическом очерке «Мое жизнеописание»^[323]. Педагогика становилась его призванием и делом жизни.

В годы мировой войны начинается и практическое знакомство С. И. Гессена с русской школой. Он ведет занятия в женской гимназии М. Н. Стоюниной, в Петершуле и др., читает там лекции по логике, педагогике, психологии.

Воспитанный на идеалах свободы, демократии, правового социализма Гессен стал активным участником февральских событий 1917 г. Он встречался с Г. В. Плехановым, выступал перед рабочими. Стремление осмыслить события с философско-правовых и психологических позиций, понять трудности становления подлинной демократии дало толчок к написанию не потерявших своей актуальности и сегодня брошюр «Политическая свобода и социализм», «Свобода и дисциплина», «Демократия и демагогия» (1917) и др. Впоследствии Гессен расценил свою политическую деятельность как «бесславную» и навсегда отошел от практической политики, однако идея Свободы до конца жизни остается стержнем его философско-педагогических и правовых воззрений.

Открытие в Томском университете историко-филологического факультета потребовало и притока новых научных сил. Министерство народного просвещения предложило молодому петроградскому приват-доценту возглавить кафедру философии и логики. Позднее он стал деканом этого факультета. 6 (18) ноября 1917 г. на открытии факультета Гессену было предоставлено право прочтения актовой лекции «Идея науки». Томск, который недаром называли «Сибирскими Афинами» за его научную и культурную

атмосферу и особенно университет, оказал огромное влияние на Гессена как ученого и педагога. Не случайно свою первую большую книгу он посвятил «Памяти историко-филологического факультета Томского университета (1917-1921)». По инициативе Гессена здесь была сделана попытка создания университетского педагогического образования как новой научно-образовательной структуры, дополняющей классический университет. В учебные планы были введены курсы педагогики, психологии, гигиены, физического воспитания. Он активно сотрудничал со студентами, поддерживал идеи автономии и академических свобод. Гессен был избран деканом Народного университета имени П. И. Макушина.

В Томске продолжала складываться и шлифоваться его «система философской педагогики», которую он излагал студентам университета, высших женских курсов, народного университета. Важно отметить, что еще в России, в сибирских журналах, начали публиковаться главы и отдельные фрагменты будущих «Основ педагогики». И они сразу получили отклик в центре: в конце 1921 г. известный оппозиционный петроградский журнал «Педагогическая мысль» дал обширную рецензию на его очерк «Что такое трудовая школа».

После падения правительства Колчака и прихода советской власти началась политизация историко-филологического факультета, а затем его заменил факультет общественных наук, избавлявшийся от «буржуазных» ученых. Пришло решение вернуться в Петроград. Еще в 1920 г., во время краткосрочной командировки в столицу, Гессен был утвержден Наркомпросом профессором кафедры педагогики Петроградского университета. После возвращения в Петроград ему предложили читать лекции по введению в философию в пединституте имени А. И. Герцена.

Гессен испытывал душевное смятение: в Сибири он был свидетелем колчаковских зверств, но для него были неприемлемы и «коммунистическая доктрина», борьба с инакомыслием, практика военного коммунизма. И в декабре 1921 г. он вместе с семьей перебирается в Финляндию, где уже были его отец и братья, надеясь на то, что это ненадолго... Так началось долгое изгнание.

Коротким, но важным для Гессена становится двухлетний берлинский период жизни. В Германии Гессен сотрудничал с Русским научным институтом, выступал с лекциями и докладами. Он был также приглашен для преподавания логики в Берлинский университет, увлеченно работал в библиотеках Берлина, Фрейбурга, Йены, завершая свой фундаментальный труд – «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», изданный на русском языке издательством И. В. Гессена «Слово» в 1923 г. Книга с триумфом прошла по Европе. По свидетельству Ф. А. Степуна, Гессен составил «себе в Европе, в особенности в славянских странах, крупное имя своими философско-педагогическими трудами»^[324]. В последующем книга в авторской переработке издавалась на латышском, сербском, болгарском, чешском, дважды на итальянском и трижды на польском языках. Отечество же постаралось не заметить этот труд, и лишь в журнале «Педагогическая мысль» появилась небольшая рецензия Г. Зоргенфрея, отметившего как основной недостаток книги то, что «она появилась не в России».

К середине 1920-х гг. одним из важнейших культурных и научных центров российской эмиграции становится Прага. В ней находят прибежище многие деятели культуры, науки и образования. Одни из них были принудительно высланы из России в 1922 г. на известном «философском пароходе», другие ушли через Турцию с Белой армией или другими путями, третьи – уехали легально... Так формировалась «Русская Прага» –

колония, анклав российских беженцев численностью до 30 тысяч человек, обосновавшихся по преимуществу в столице Чехословакии и ее окрестностях. Среди эмигрантов было до 3 тысяч представителей интеллигентских профессий, общественных и политических деятелей и около 600 писателей, журналистов, ученых, деятелей искусства^[325]. Они составили ядро русского культурно-образовательного пространства в Праге. «Русская акция» президента ЧСР Т. Масарика, включавшая финансовую поддержку российской профессуры, на некоторое время обеспечила жизненную стабильность для научных работников и педагогов^[326]. В 1923 г. Гессен был приглашен в качестве профессора педагогики создававшегося Русского высшего педагогического института имени Я. А. Коменского и вскоре возглавил в нем кафедру педагогики. Ему принадлежит разработка целостной концепции института, его психолого-педагогических блоков.

Гессен принимал активное участие в научной и общественной жизни эмиграции. Как писал В. В. Зеньковский, разносторонние дарования, живой темперамент и общественная деятельность выдвинули его «в первые ряды русских людей в эмиграции»^[327]. Он вошел в правления Союза писателей и жур – налистов, Философского общества, Славистского общества, Общества Канта в Праге, Русской академической группы, был связан с Обществом сибиряков в ЧСР, психоаналитическим кружком доктора Н. Е. Осипова и др., был профессором ряда учебных заведений Европы, выступал с лекциями в Париже, Берлине, Вене, Лондоне, Варшаве.

Особую страницу составляет его участие вместе с В. Матезиусом, Р. О. Якобсоном, С. И. Карцевским, Н. С. Трубецким в организации и деятельности Пражского лингвистического кружка, известного в мировом

языкознании центра, положившего начало структурной лингвистике. Помимо педагогической проблематики Гессен выступал по вопросам философии, этики, государства и права, литературоведения, славистики. Он участник международных и национальных конгрессов по философии, моральному воспитанию, педагогике ненасилия и др. В середине 1920-х гг. он принял участие в организации в Праге Международной конференции «Мир через школу», на которой директор женевского Института Ж.-Ж. Руссо профессор А. Бове сделал доклад «О воспитании в целях мира». Гессен выступил с докладом «Принцип всеобщности в педагогике» на VIII Международном философском конгрессе в Праге, участвовал в конгрессах по вопросам образования взрослых в Англии.

Особенно велика заслуга Гессена в создании и упрочении общественно-педагогического движения эмиграции. Его, как и многих других, заботила судьба детей и молодежи, брошенных в чужие страны, опасность утраты русской культуры и родного языка, проблемы школьного образования, учительства, ученых и интеллигенции в целом. В 1923 г. на Первом съезде деятелей русской эмиграции он был избран в состав Педагогического бюро по делам средней и низшей русской школы за границей и активно в нем работал. «Бюллетень» этого органа зафиксировал интересные выступления и реплики Гессена по самым различным вопросам образования и педагогики. Мнение историка и теоретика образования привлекало внимание. Он участвовал в разработке содержания образования для русских гимназий зарубежья, был автором программы по философской пропедевтике для старших классов [\[328\]](#).

При участии Гессена шли сложные процессы становления русской зарубежной школы, создания профессиональных объединений учительства, студенчества, ученых, он был среди докладчиков и

организаторов съездов деятелей русской школы и дошкольного образования за рубежом. Интерес вызывали его доклады о состоянии и проблемах школы и педагогики в советской России, о процессах развития образования в странах Европы, имеющих там инновациях. Он стоял у основания педагогической журналистики эмиграции, был соредактором журнала «Русская школа за рубежом» (1923–1929), входил в состав редколлегии журнала «Русская школа» (1934–1940), в которых опубликовал десятки статей, обзоров, рецензий.

Гессен был членом Совета Русского народного университета (РНУ) в Праге, редактором отдела философии издававшихся там «Записок». Вот тематика лекций, прочитанных им в РНУ в 1928/29 учебном году: «О братьях Карамазовых (в связи с работой В. А. Комаровича)», «Толстой как мыслитель», «Философия святого духа Бердяева», «Классификация наук», «Философский характер естественных наук». Несколько докладов он сделал в Семинарии А. Л. Бема по изучению Достоевского. Он вел Русский педагогический кружок при пединституте, написал учебник русского языка для чехов. Одновременно Гессен был профессором Варшавского университета, Русского научного института в Берлине, Немецкого университета в Праге и ряда других вузов.

Гессен, несомненно, был одним из ярких публицистов российского зарубежья. Работы под криптонимами «С. Г.», «С», «S-S», псевдонимами «Sergius», «С. Макаров» (по фамилии матери) и др. появлялись в самых разных изданиях эмиграции. Авторитет Гессену как ученому и общественному деятелю придавали его многочисленные статьи, публиковавшиеся в зарубежных журналах «Die Erziehung» (Лейпциг), «Ucitel» (Белград), «L'Educazione Nazionale» (Рим), «Kultura pedagogiczna» (Краков),

«Common Room» (Лондон), «Современные записки» и «Новый Град» (Париж) и др.

В эти годы Гессен оказался в бурном водовороте политической борьбы в стане российской эмиграции, разноречия в научной, педагогической, профессиональной жизни эмиграции, однако сторонился всяких крайностей. Будучи далеким, как сторонник правового социализма, от тех сил, которые мечтали о реванше любым путем, он, по словам Г. П. Струве, был также «далеким от сменовеховства»^[329]. Веря в Россию, в ее будущее, он все более убеждался в невозможности возвращения на родину. Резонанс вызвали серия его статей о проблемах правового социализма и критика идей евразийства. Близким для него был круг парижского журнала «Современные записки», а затем «Нового Града» (И. И. Бунаков-Фондаминский, В. В. Руднев, Ф. А. Степун, М. В. Вишняк, Г. П. Федотов, Н. О. Лосский и др.), стоявших на достаточно прогрессивных позициях. Им владело беспокойство по поводу «кризиса демократии» и распространения в Европе идеологии нетерпимости, тоталитаризма, примата идеологии над мировоззрением, политизации образования. Он резко не принимал «государственного социализма», «большевизма», классового подхода к школьному делу, господствовавших в 1930-е гг. в России, и стремился объективно анализировать происходившие на родине процессы, особенно в области образования и педагогики, рассматривая их с точки зрения теории «правового социализма».

С середины 1930-х начался последний, пятнадцатилетний, период жизни Гессена в Польше. Причин для переселения в Польшу было немало. После прекращения финансовой поддержки русской профессуры чешским правительством резко ухудшилось материальное положение, кризис надежд на возвращение в Россию требовал интеграции в западное

общество. После 1926 г. у Гессена установилось научное сотрудничество с видными деятелями польской педагогики Еленой Радлинской, организатором и директором Вольной Вшехницы польской, Марией Гжегожевской, основателем и директором Института специальной педагогики, и др. В Варшаве он уже был известен как педагог, философ и блестящий лектор. В 1927 г. Гессен выступил на Втором всепольском философском съезде с докладом «Развитие физики Галилея и ее отношение к физической системе Аристотеля». Изданные дважды на польском языке «Основы педагогики» принесли ему известность среди польской научной общественности, подготовив почву для переезда в Польшу. Еще одной из причин переезда было охлаждение отношений в семье. В Варшаве Гессен познакомился с Марией Немыской, которая вскоре стала его женой. С ним поселился и второй сын – Дмитрий, ставший позднее известным польским русистом, одним из авторов польско-русского словаря.

По приезде в Варшаву Гессен получил кафедру философии воспитания в Свободном университете в Варшаве, в также преподавал в Варшавском университете и Институте специальной педагогики. В Варшаве Гессен активно занимается наукой и постепенно находит свое место в польском научно-педагогическом мире. Главными в этот период для Гессена, по его признанию, были проблемы построения демократической школы и философии воспитания. Все эти годы Гессен внимательно изучал историю и факторы развития образовательных систем многих стран Европы и Америки – Англии, США, Чехословакии, Франции, Польши, Швейцарии и др., стремясь понять общие тенденции и механизмы демократизации образования, становления единой трудовой школы. Целый ряд работ этого периода он посвятил вопросам философии воспитания, намереваясь написать на эту тему книгу. В

центре его внимания проблема целей и сущности нравственного образования, которому он придавал особый, инфраструктурный, статус. Об этом его книги «Школа и демократия на переломе» (Вильно, 1938), «О противоречиях и единстве воспитания» (Варшава, 1938) и др. В 1937–1939 гг. он возвращается к проблемам критической дидактики, контуры которой наметил еще в «Основах педагогики», готовит к печати книгу «Структура и содержание современной школы. Очерк общей дидактики», однако издать ее он смог только после Второй мировой войны – в 1947 г.

Многие статьи Гессена публикуются в польских журналах «Культура и воспитание», «Воспитание», «Предшкола», «Специальная школа», «Ручной труд в школе» и др. На страницах журнала «Социологическое обозрение» он вступает в полемику с польским социологом З. Халасинским по поводу опасности чрезмерного социологизма в педагогике. Принимает участие в составлении польской «Энциклопедии воспитания».

Тяжелым испытанием для Гессена стали Вторая мировая война и фашистская оккупация Польши. Несмотря на опасности, он не утратил связи со своими учениками и коллегами, продолжал преподавательскую деятельность в подпольных учебных заведениях, «комплетах», дававших знания за среднюю и высшую школы. В 1942 г. во время поездки на занятия он попал в облаву, был арестован и случайно вырвался из рук гестапо, избежав отправки в концлагерь. Затем скрывался в деревнях, участвовал в Варшавском восстании. Не прекращал Гессен и занятий наукой, подготовил ряд книг, однако большинство из них погибло в пламени восстания. Пережил он и страшную личную трагедию: в концлагерях погибли его старший сын Евгений, талантливый русский поэт, и первая жена Нина Лазаревна Минор, жившие в Праге, сводный брат,

работавший в Париже, и скрывавшийся в его семье участник Варшавского восстания студент Юрий. Он потерял многих друзей в разных странах и глубоко переживал это.

С 1945 г. с открытием Лодзинского университета Гессен был приглашен на заведование кафедрой педагогики его ректором, известным польским философом и логиком Тадеушем Котарбиньским (1886–1981), с которым был дружен с 1920-х. Здесь он читал курсы педагогики, истории философии, философии воспитания и права. Ему посчастливилось создать свою научную школу, на которую он возлагал большие надежды, видел в молодежи свою смену. «Я выполню этим свой долг перед Польшей, в которой нашел столько для себя благожелательности, искренней приязни, сердечной дружбы, подлинной любви. А может быть, среди моих учеников найдутся и такие, которые продолжат мое дело и выполнят то, что я сам уже не успею закончить», – писал он на закате жизни^[330]. Его надежды сбылись. Известными польскими педагогами стали В. Оконь, Т Новацкий, А. Валицкий, А. Каминский, В. Щерба и др. Он остался в их памяти человеком высоких научных и нравственных идеалов, искателем Истины и глашатаем Правды^[331].

Гессен органично вошел в национальную педагогику Польши, сыграл важную роль в развитии польской школы и науки. Хотя перенесенный в 1947 г. инфаркт резко ограничил его возможности, он продолжал научные занятия. Была отредактирована и издана подготовленная еще в предвоенные годы одна из значительных работ «Структура и содержание современной школы. Очерк общей дидактики». Ему удалось реализовать свой давний замысел изучения феномена связи образования и хозяйства, экономического образования. В Англии в ежегоднике «The Yearbook of Education» в 1949 г. вышла статья

«Педагогика и мир экономики», частично опубликованная еще в 1930-е гг. в эмигрантской периодике. Она вскоре была переиздана в Италии, повлияв на разработку концепции профессионального образования.

С последним периодом жизни Гессена связаны два важных факта его биографии, характеризующие не только его научную известность, но и высокий нравственный авторитет. В 1949 г. в связи с созданием ЮНЕСКО возникла проблема привлечения крупных ученых для разработки «Всеобщей декларации прав человека». По просьбе Генерального директора ЮНЕСКО профессора Д. Хаксли совместно с такими мыслителями, как М. Ганди, Ж. Маритэн, П. Тейяр де Шарден, Б. Кроче и др., он принял участие в работе Комитета по философским основам прав человека, на который возлагалась задача разработки теоретических основ «Всеобщей декларации прав человека»^[332]. Работая в Комитете экспертов, Гессен представил свои соображения по этим вопросам. В официальных изданиях ЮНЕСКО на английском и французском языках была опубликована его статья «О правах человека в либерализме, социализме и коммунизме».

Педагогические идеи Гессена оказали значительное влияние на становление итальянской педагогики и демократизацию школы Италии. Интерес к творчеству Гессена возник здесь еще в 1920-е гг., благодаря полемике, развернувшейся между Гессеном и Дж. Ломбардо-Радиче, профессором Высшего педагогического института в Риме, а также группой немецких сторонников Г. Фребеля по поводу гессеновского анализа и критики «монтессоризма» и «фребелизма» на страницах трех журналов: итальянского «L'Education Nazionale», немецкого «Die Erziehung» и «Русской школы за рубежом». В начале 1930-х Гессен обратился к анализу тоталитарной

педагогике фашизма итальянского философа и педагога Дж. Джентиле. Но особое значение имело издание по инициативе профессора Римского университета Л. Вольпичелли в серии «Проблемы педагогики» многотомника основных работ Гессена. Работы были подготовлены самим автором незадолго до кончины, однако многие из них ему уже не удалось увидеть. В 1970-е гг. в г. Вадо-Лигуре (Итальянская Ривьера) при учительской семинарии создана педагогическая библиотека имени Гессена с постоянным центром информации о его творчестве^[333]. Последние годы жизни Гессена омрачены изменением политического климата в Польше, давлением коммунистической идеологии и гонениями на довоенную профессуру. Его причисляют к «реакционным эмигрантам», отстраняют от руководства кафедрой, а затем и от преподавания в университете^[334].

Таков многотрудный жизненный путь Сергея Гессена. Он скончался 2 мая 1950 г. в Лодзи, здесь же похоронен «по православному обряду», а затем, по желанию жены, перезахоронен в Варшаве. Провожая ученого в последний путь, его друг и оппонент известный философ Т. Котарбиньский сказал: «Нас оставил человек редкостного благородства и мудрец, мудрец, без сомнения»^[335].

Долгие годы имя и наследие Гессена на родине фактически были под запретом. Сегодня же оно органично входит в контекст европейской и российской истории образования, науки и культуры^[336].

* * *

С. И. Гессен - особое явление в отечественной педагогике. Для русской педагогике, для Н. И. Пирогова, для К. Д. Ушинского и др. всегда было характерно

обращение к ее философским истокам, однако Гессен поставил философию в центр своей педагогической концепции. Это звучало как заявка на дальнейшее развитие педагогики Канта, Г. Риккерта и П. Наторпа. Пауль Наторп утверждал, что «педагогика вообще есть не что иное, как конкретная философия»^[337]. Основным трудом Гессена «Основы педагогики» имел принципиальный подзаголовок «Введение в прикладную философию», подчеркивавший эту взаимосвязь. Свои лекции он называл очерками «философской педагогики».

Разъясняя свою позицию, Гессен писал: «Как теоретика педагогики меня привлекала задача показать, что даже самые частные и конкретные вопросы педагогики возводятся в последних своих основах к чисто философским проблемам, и что борьба различных педагогических течений между собой есть только отражение более глубоких философских противоположностей. <...> Как философа меня именно привлекала возможность явить в этой книге практическую мощь философии, показать, что самые отвлеченные философские вопросы имеют практическое жизненное значение и что пренебрежение философским знанием мстит за себя в жизни не менее, чем игнорирование законов природы»^[338].

Позднее Гессен неоднократно обращался к проблеме взаимосвязи философии и педагогики, хотя его представления об этом эволюционировали вместе с отходом с позиций ортодоксального неокантианства. Ф. А. Степун писал, что Гессен «постепенно преодолевал тот трансцендентальный формализм, тонким исследователем и блестящим защитником которого начал свою жизнь»^[339]. В. В. Зеньковский считал Гессена представителем направления теоретической педагогики, которое назвал «педагогическим идеализмом». Это верно лишь отчасти: Гессен отнюдь не

был скован рамками философии трансцендентализма, был склонен к широкому и реальному видению, обобщению педагогических явлений и теорий с точки зрения их философского исследования.

Отстаивая философско-антропологический, ценностный подход к образованию Личности, он привлекал идеи критической онтологии Н. Гартмана, с которым был близок со студенческих лет. Гессеном была усилена метафизическая составляющая его педагогической концепции, которая обогатила ее научный реализм. Однако какие бы проблемы теоретической и практической педагогики ни рассматривал Гессен, он стремился показать, что любые педагогические вопросы в конечном счете имеют глубокий философский смысл.

Всю жизнь он оставался на позициях философской педагогики или, говоря современным языком, стал зачинателем отечественной философии образования, к осмыслению которой мы только приближаемся.

В работе «В защиту педагогики» Гессен писал: «Педагогика отличается от философии тем, что изучает цели культуры в процессе их постепенной реализации личностью и образованным обществом. Задачи образования растут одновременно с ростом детей и молодых людей и в различные периоды развития принимают различные формы, чтобы суметь соединиться, как можно ближе, на более высоком уровне развития человека, с конечными формами различных культурных ценностей, структуры которых изучаются философскими дисциплинами»^[340]. В то же время в 1930-е гг. Гессен писал об опасностях философского подхода в педагогике, способного ее схематизировать или, выражаясь словами В. В. Зеньковского, «омертвить» своим трансцендентализмом. Он резко выступал против ее «де-философизации», которая наметилась в мировой педагогике в 1920-е. В

такой же мере, признавая важным в педагогике изучение процессов социализации и индивидуализации личности и человеческих сообществ, он воспротивился набравшему силу и утверждавшемуся социологизму в педагогике.

Стержнем педагогической концепции Гессена является антропологическая трактовка структуры личности, на основе которой он дал свое понимание воспитания. Критический анализ основных направлений современной философии, педагогики, психологии, психофизиологии – педагогического натурализма, экспериментальной педагогики и психологии, социологии образования и социальной педагогики, теории свободного воспитания, гуманистической педагогики и др. позволил Гессену целостно представить Личность и ее структуру и на ее основе показать свое видение воспитания как феномена. Более того, он полагал, что антропологический подход может лечь в основу научной классификации педагогических течений и позволит глубже понять сущность процесса воспитания. Следует отметить, что именно такой подход применен Б. М. Бим-Бадом в работах по педагогической антропологии [\[341\]](#).

Сложность воспитательного процесса неминуемо отражает сложность человеческого бытия, различные его уровни и ипостаси, в которых он выступает, утверждает Гессен. «Воспитание – сложный процесс, состоящий из нескольких слоев, один поверх другого, подобно геологической структуре земной коры» [\[342\]](#). В эссе «В защиту педагогики» Гессен дал всесторонний анализ как структуры личности, так и наук, исследующих каждый отдельный иерархический пласт личности. Вначале он выделил три пласта или плана человеческого бытия – биологический, социальный, и духовно-культурный, а в конце 1930-х ввел четвертый – благодатный, который он, следуя за Вл. Соловьевым,

определял как Царство Божие. Последнее отражало изменение его отношения к религии, переход с просветительско-атеистических на религиозно-антропологические позиции. Названным выше пластам человеческого бытия и соответствуют «четыре уровня воспитания: как психофизического организма, как общественного индивида, как личности, включенной в культурную традицию, как члена царства духа»^[343]. По Гессену, иерархически воспитание выступает разными своими уровнями и ипостасями, выполняющими свои определенные функции в развитии личности. Нижний пласт – это план биологического бытия, в котором воспитание выступает как биологический процесс, реализуясь через физическое укрепление организма, опеку и дрессировку. Второй пласт – план общественного бытия, где воспитание рассматривается как социальный процесс обработки и развития человека как члена социальной группы. Третий пласт – план духовной культуры, это пласт образования, духовного развития личности и ее приобщения к ценностям культуры. Четвертый пласт, высший, – это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, осуществляемое через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведет человека к личному бессмертию.

В этом высшем, эсхатологическом смысле, для Гессена образование есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передается культурное наследие, живой поток творчества. Взгляд Гессена, несомненно, оптимистичен: образование несет человеку бессмертие, помимо всего воплощаясь в продуктах его творчества, в его учениках. Так же как все проявления человеческого бытия взаимосвязаны между собой, так и в реальном образовательном процессе все «планы воспитания» взаимопроникают друг в друга, «предчувствуются», как замечал Гессен, друг в друге и нуждаются в гармонизации.

Как философ и историк педагогики Гессен стремился четко обозначить направление педагогической мысли, к которому себя относил. В работах «Русская педагогика в XX веке» и «В защиту педагогики» он подчеркивает свою принадлежность к «педагогике культуры». Давая анализ этого направления, он ставит знак равенства между ней и «гуманистической педагогикой», называя ее еще и «персоналистической педагогикой». При этом он прямо перечисляет своих единомышленников и соратников, известных педагогов и реформаторов образования в разных странах – Г. Кершенштейнера, Э. Шпрангера, Д. Дьюи, Т. Литта, Дж. Ломбардо-Радиче, С. Росса, Б. Суходольского и др. Педагогическое кредо этого направления Гессен сформулировал так: «Воспитание – творческий процесс, который не может быть механизирован. Каждый воспитатель и преподаватель вырабатывает свой собственный метод, который изменяется в новой конкретной ситуации и по отношению к данному конкретному ребенку (эту мысль в 60-е годы прошлого столетия ясно выразил Лев Толстой). Педагогика не рецептура ремесла, а наука о воспитании как творческом процессе, в котором и наставник, и воспитанник не повторяют раз и навсегда данный лучший образец, а действуют как неповторимые и творческие личности. Педагогика описывает стадии этого процесса, цели и задачи, выдвинутые перед ребенком в процессе его роста»^[344].

Принципиально новым в концепции Гессена было решение подойти к предмету и задачам педагогики, к пониманию сущности образования с точки зрения аксиологии, т. е. с точки зрения философского учения о природе ценностей, прежде всего «подлинных», «вечных» ценностей культуры. Он ставит актуальную для нашего времени проблему взаимоотношения между культурой и образованием и утверждает, что в конечном счете образование есть не что иное, как культура

личности. «Задача всякого образования – приобщение человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, права, хозяйства, превращение природного человека в культурного»^[345]. А отсюда и структура педагогики как теории образования должна состоять из частных теорий нравственного, научного, художественного, религиозного, хозяйственного образования. Над этим он плодотворно работал, однако в конце жизни с сожалением признал, что не смог завершить разработку двух из них – теорий художественного и религиозного образования. С этой точки зрения, говоря современным языком, педагогика Гессена носит ярко выраженный личностно-ориентированный характер. Философско-образовательная система Гессена может быть расценена как культурологическая, а если иметь в виду ее историзм, то как культурно-историческая.

Гессен прозорливо обратил внимание на то, что начался процесс дифференциации педагогики на стыке с другими науками и появления новых отраслей педагогического знания – педагогической физиологии, педагогической психологии, педагогической социологии и социологии образования, теории организации школьного дела, сравнительной педагогики, школьной статистики, истории педагогики. Последняя, как подчеркивал Гессен, должна изучаться в связи с историей философии, политики и культуры.

Педагогика как прикладная философия культуры должна выражать содержание культурной жизни человека и его эпохи. В культуре он различал три слоя: образованность, гражданственность и цивилизацию, поразному укорененные в истории человечества и тесно связанные между собой. За каждым слоем стоит свое содержание культурной жизни. В частности, образованность включает науку, искусство, нравственность, религию. За гражданственностью –

право и государственность, за цивилизацией – экономика и техника. Эти ценностные слои изучаются различными отделами философии и, соответственно, «каждой философской дисциплине соответствует особый отдел педагогики в виде как бы прикладной ее части: логике – теория научного образования; этике – теория нравственного образования; эстетике – теория художественного образования и т. д.»^[346]. Так протягиваются линии связи философии и педагогики, образования и культуры, номенклатура абсолютных культурных ценностей определяет и количество видов образования.

Методологию философского анализа Гессен распространяет и на историю педагогики, в которой он видит отражение тех или иных философских концепций, историю развития культуры в целом. Тенденцией исторического процесса ему видится взаимодействие и столкновение различных культурных ценностей, в результате «междоусобной борьбы» одна из них обретает господство, налагая отпечаток на развитие культуры данной эпохи. Так, в условиях теократии средневековья – религиозная система воспитания, элитизма античности – государственно-правовая система воспитания, интеллектуализма эпохи Просвещения, тоталитарных режимов Новейшего времени – соответствующие им системы воспитания. Идея столкновения и взаимодействия культур, типов и систем воспитания близка концепции «диалога культур», позднее блестяще разработанной М. М. Бахтиным. Такой подход позволял Гессену, выявляя уникальность и неповторимость педагогических идей и систем прошлого, проследить историческую преемственность, связь прошлого, настоящего и будущего. Глубине философско-педагогического и исторического анализа способствовала

использовавшаяся Гессеном система методов исследования.

Гессен, без сомнения, один из первых русских компаративистов. Сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы широко представлены во многих работах ученого. Сопоставительному анализу подвергаются философские и педагогические системы разных эпох, разных стран Европы и Америки, воззрения различных философов и педагогов – И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дьюи, П. П. Блонского, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, Ф. Фребеля, М. Монтессори, различные педагогические категории – личность и индивидуальность, свобода и дисциплина, игра и труд и т. п.

Гессеном-философом владела идея преодоления односторонности известных классических педагогических концепций и реализации в педагогике синтеза разума и интуиции, монизма и плюрализма, рационализма и эмпиризма. Осуществление ее ученый видел в приложении к педагогике «гетерологического» метода, предложенного Риккертом. Диалектическая суть гетерологии заключалась в признании не просто противоборства двух начал и отрицании «одного» «другим», а затем снятия положительного момента, как это сделано Гегелем, но в том, что «этот положительный момент в отрицании есть не что иное, как творчество, открывающееся нам как единство отрицания и утверждения, как будущее, сохраняющее в себе прошлое...»^[347] В новом «Другом» Гессен видел вечный мотив обновления и использовал для объяснения сущности педагогических явлений идеи герменевтики, которую называл «математикой исторического знания».

С этих позиций Гессен как педагог-компаративист обращается к советской школе и педагогике как к объекту историко-сопоставительного анализа. Он публикует ряд статей и совместно с соотечественником

Н. А. Ганцем, ставшим позднее известным английским историком образования, книгу «Educational Policy in Soviet Russia» (Лондон, 1930), переведенную на другие европейские языки и вошедшую в круг авторитетных работ по педагогической советологии. Как «либеральный историк педагогики», Гессен, по мнению немецкого советолога О. Анвейлера, «не хотел ни возвеличивать, ни обвинять школьную систему Советского Союза», стремясь дать по возможности объективный анализ развития теории и практики советского образования^[348]. Однако это был анализ «истории современности», анализ по горячим следам, когда не утих пыл противостояния, не устоялись образовательные институты. Вместе с тем Гессен подвергал критике принцип партийности образования и классовый подход к школьной политике, политизацию и бюрократизацию образования, утрату заявленных в первых документах советской власти о школе общечеловеческих ценностей. В таких условиях «личность ребенка и автономия образования приносятся в жертву абсолютизму государства, превращаемого в плацдарм классовой борьбы...»^[349]. Его тревожила индоктринация авторитарного мировоззрения, когда «политике, понятой, как уничтожение врага, хотят предоставить примат в образовании»^[350]. Достаточно жестким был анализ тоталитарной педагогики немецкого и итальянского фашизма, взглядов философа и педагога Дж. Джентиле. При этом Гессен подчеркивал важность гражданского, или «государственного» воспитания, которое должно строиться на основе уважения прав человека и гражданина.

В традиции русской педагогики, вослед Ушинскому, Каптереву и др., одной из главных философских проблем педагогики Гессен считал целеполагание. К целям образования Гессен подходил с позиций аксиологии, выявления «вечных» и «абсолютных»

ценностей образования и культуры и признания личности как высшей ценности. Главная педагогическая категория «образование» трактовалась им как раскрытие и оформление «внутреннего человека», духовное созревание личности, формирование им собственного «Я» на основе законов морали. Гессен рассматривал личность, ее индивидуальность и неповторимость в межличностных и коллективных взаимодействиях, в социальном и историческом контексте как цель, процесс и результат образования.

Провозглашая примат духовных ценностей, ценностей культуры, Гессен в конечном счете рассматривает образование как культуру личности, как процесс приобщения человека (изначально «природного человека») к культурным ценностям науки, искусства, религии, нравственности, права, экономики. В этой парадигме цели образования выступают как цели-задания, составляющие совокупность культуры и неисчерпаемые по своему содержанию, поскольку отражают не внешнее давление, а внутреннее психологически мотивированное устремление личности. В этом залог непрерывных достижений личности и бесконечного развития человечества. Гессен тонко видит диалектику образовательного процесса: «... подлинное образование заключается не в передаче новому поколению того готового культурного содержания, которое составляет особенность поколения образовывающего, но лишь в сообщении ему того движения, продолжая которое оно могло бы выработать свое собственное новое содержание культуры»^[351].

К целям образования Гессен подходит многосторонне, выстраивая иерархию целей-заданий. Это и частные цели постижения ценностей отдельных отраслей культуры. Это и более общие цели-задания. Среди них выделяются прежде всего такие: образование «рыцарей Духа», богатых в своей целостности, ярких в

своей индивидуальности свободных и творческих личностей; образование «к свободе», воспитание личности, способной жить в свободном и демократическом обществе; укоренение в личности жажды к творчеству, приобщение к творческому потоку, методу научного мышления.

Становление личности для Гессена – это работа над осуществлением целей-заданий. Однако для своего движения к индивидуальности личность должна задаваться не сиюминутными, а «сверхличными задачами. <...> Могущество индивидуальности коренится не в ней самой, не в природной мощи ее психофизического организма, но в тех духовных ценностях, которыми проникаются тело и душа в процессе его образования и которые просвечивают в них, как задания его творческих устремлений»^[352]. Не отбрасывая других факторов, прежде всего социальных, Гессен отдает приоритет в образовании самой личности, ее мотивационно-деятельностному началу.

Гессен одной из важных идей своей философско-педагогической концепции считал идею Свободы личности. В качестве главнейших ценностей он определял Свободу, Личность, Индивидуальность, рассматривая их как ценности образования и культуры. Вера в свободу, вера в творческое начало личности дает ей возможность возвыситься над «самой собой». По Гессену, свобода светит человеческой душе, не как реальность, но как возможность, как цель-задание. Диалектика свободы в том, что это великий Дар, но и Дар страшный. Без свободы не раскрывается потенциал личности, но в свободе заложен и мощный источник трагедий и испытаний для человека. Анализу этой проблемы посвящены философские и социологические труды «Философия наказания» (1912), «Свобода и дисциплина», «Политическая свобода и социализм» (1917) и др. Одна из задач образования, в первую

очередь нравственного образования, – «развитие в человеке свободы», воспитание и образование «к свободе» и через свободу. Ему близко утверждение И. Канта: «Свобода есть подчинение, которое личность сама себе возложила». Но к этому лежит непростой путь, который личность проходит сама через творчество, через становление индивидуальности, через работу над целями-заданиями.

Восхищаясь идеями Руссо и Толстого, неувядаемым идеалом свободного воспитания, Гессен дал блестящий анализ его противоречивости и... нереальности. «После Руссо и Толстого уже нельзя стоять за принудительное воспитание и нельзя не видеть всей лжи принуждения, оторванного от свободы»^[353]. Ошибочной он считает альтернативу свобода/принуждение, ибо свобода в воспитании это не отказ от принуждения, не его простая отмена, как это имеет место у Руссо и Толстого. Принуждение есть факт жизни, созданный природой.

Социально и психологически значима иная альтернатива – свобода/произвол. Свобода и принуждение внутренне взаимосвязаны, и поэтому в образовании всегда присутствует элемент принуждения. Дисциплина выступает как организованное принуждение, необходимое, чтобы жить и побеждать. Но у свободы есть «двойник», личина, «имя ей произвол», формой произвола является муштра, дрессура как искажения дисциплины, основанные на страхе перед наказанием. Дисциплина же обращена к разуму и воле, она связана с ответственностью и уважением к личности. Дисциплина, лишённая свободы, разрушает себя самое. Для Гессена неприемлемы установки «экспериментальной педагогики» на инструментальное, «технологическое», приспособление ребенка к жизни, упор на выработку у ребенка социальных навыков и «хороших привычек». Эти задачи находятся вне ребенка как субъекта образования.

Для теории нравственного становления личности Гессен считал важными философские проблемы Добра и Зла. Ему были близки в этом отношении идеи и произведения Ф. М. Достоевского. Об их этической педагогической трактовке говорят названия статей Гессена - «Трагедия добра в “Братьях Карамазовых” Достоевского», «Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и В. Соловьева», «Трагедия Зла: философский образ Ставрогина».

В образах братьев Карамазовых он увидел, по выражению Н. О. Лосского, «воплощение трех ступеней Добра и соответствующие им три искушения Зла»: в Димитрии проявляются естественные основы нравственности, стыдливости, жалости, благоговения, в Иване - автономное добро, служащее рациональности и поиску смысла жизни, в Алеше - воплощение высшей ступени Добра, выраженное в его любви ко всему живому, стремлении к соучастию в жизни других людей. В проявлении их человеческих слабостей - гневливости, неустойчивости у Димитрия, гордыни и чувства вседозволенности - у Ивана, колебании веры в силу добра - у Алеши, Гессен видел искажения идеи Добра. Смердяков же для него носитель трех искаженных Злом «личин» Добра.

Первостепенным фактором, определяющим «развитие в человеке свободы» является сама школа, которая должна быть правовым государством в миниатюре, соблюдающим права ребенка, воспитывающим в нем способность уважать право другого и отстаивать свое собственное. В учебном процессе свобода личности реализуется через творчество, через овладение методом научного знания, свободу критической мысли, через дифференциацию обучения и «фуркацию». Самоуправление, учитывающее особенности молодежной субкультуры, удовлетворяющее только ее (а не взрослых или

государства) интересы, также готовит к свободному самоопределению личности. Гессен обращается к анализу свободы в условиях школы, свободы мировоззрения в авторитарном и демократическом обществах, осознает опасность социального и политического давления личности, трудности сохранения свободного «Я».

Отдавая дань романтизму теоретиков «свободного воспитания», Гессен утверждает, что образование принудительно по своей сути, но оно свободно по цели, каждый шаг образовательного процесса есть уничтожение принуждения. Гессен вслед Руссо, провозглашает требование косвенного воздействия на личность. Что же касается наказания в школе, то оно должно принимать форму правового акта. Гессен подробно рассмотрел философский и психологический механизм наказания. В конечном счете, и это верно, задача воспитателя провести питомца между Сциллой свободы и Харибдой конформизма и принуждения.

Понимание Гессеном образовательного процесса как процесса духовного созревания личности, протекающего на основе внутренних закономерностей, привело его к анализу возрастной динамики психического развития детей, которая должна учитываться при структурировании системы образования, его содержания и методов.

Еще в «Основах педагогики» Гессен, вслед за И. Кантом и П. Наторпом, применил к образовательному процессу диалектическую триаду социализации и образования личности, в основе которой лежит нравственное созревание растущего индивида по ступеням – аномии, гетерономии и автономии. На ступени аномии («беззакония») ведущими факторами являются факторы природы, а не социума, произвольного существования ребенка. На ступени гетерономии («чужезаконности») идет процесс

активного познания социальной жизни, ее законов и требований. Третья ступень развития личности, по Гессену, – это ступень автономии («самозаконности»), этап завершения формирования собственного «Я», нравственных императивов личности, убеждений и мировоззренческих позиций, независимых от идеологии и политики, внешних и случайных по отношению к нравственности целей, интересов, условий. Это ступень свободного самообразования и творчества, выбора форм университетского и внешкольного образования.

Аномия, по Гессену, это период дошкольного образования, в котором ведущей является игровая деятельность. Анализируя этот период, Гессен на основе изучения теорий игры Ф. Фребеля, М. Монтессори, Дж. Ломбардо-Радиче, русских педагогов Е. И. Тихеевой, Ю. И. Фаусек и др. показал недостатки и достоинства фребелизма и монтессоризма, их возможности в психобиологическом и социальном развитии детей. Его главный тезис: игра не должна вырождаться в забаву, в пассивное механическое упражнение отдельных функций и свойств. В ней должен «просвечивать» будущий урок, культивироваться творческое начало личности. На ступени гетерономии осуществляется освоение законов и требований социальной жизни. Это этап школьного образования. Это наиболее разработанный Гессеном возрастной этап.

Гессен разработал целостную теорию школы. Он многократно обращался в своих трудах к этой проблеме, ее историческому анализу и пришел к выводу, что идея единой школы прошла исторический путь развития – от отвлеченной механической всеобщности у Кондорсе до конкретной целостности и многообразия, учитывающих индивидуальность личности в системах образования развитых капиталистических стран 1920–1940-х гг. Философ права, он обратился к правовому обоснованию идей равенства образовательных возможностей.

По мысли Гессена, современная школа базируется на принципах равенства образовательных возможностей и демократической всеобщности, единства и целостности, многоуровневой дифференциации и фуркации образования и широко понимаемом трудовом начале. Она должна быть доступной для всех, ее содержание должно быть ориентировано на самостоятельный творческий труд, обеспечивающий самоактуализацию личностных потенциалов детей.

Если многие из этих принципов носят философско-правовой характер, то принцип дифференциации и фуркации образования помимо этого имеет важный теоретико-прикладной смысл, определяя собой главную тенденцию развития образовательного процесса. Проанализировав опыт функционирования современных систем образования, Гессен обратил внимание на то, что несмотря на многообразие типов школы и их структуры в мировой практике вырисовывается некий инновационный тип образования, тип школы будущего – трехступенная единая трудовая школа, построенная на тройной дифференциации, обеспечивающая целостность и единство многообразия.

Он видит тенденцию «вертикального» и «горизонтального» подхода к дифференциации школьного образования. Вертикальная дифференциация отражает ступени психофизиологического и социального становления личности школьника. Развивая эти идеи, Гессен предложил природоведческую, родинovedческую, дифференциацию на первой ступени, психологическую – на второй и профессиональную – на третьей. Горизонтальная дифференциация предусматривает индивидуализацию образовательного процесса с учетом особенностей содержания образования на каждой ступени, возрастных особенностей интересов и потребностей школьников. В начальной школе пропедевтический курс строится на

основе родиноведческой (краеведческой) дифференциации, требует освоения природы, истории и культуры родного края, языка и народных традиций. Средние классы решают задачу психологической дифференциации, т. е. понимания и развития индивидуальности, учета особенностей и своеобразия характеров, способностей, интересов. Старшая ступень – это школа социально-профессиональной ориентации, которая строится на принципе фуркации и создании отделений (профилей), вбирающих многообразие конкретных профессий, которые целостно отражают культурное (в широком смысле) содержание социальной жизни. Такая школа «становится поистине единым органическим целым, в котором примиряются личный интерес отдельного индивида и общий интерес социального целого...»^[354]. Отстаивая идею дифференциации обучения (или фуркацию), Гессен в то же время предостерегал против слишком узкого подхода к выбору специальных отделений, поскольку это может «взорвать» целостную систему знаний.

Надо признать, что Гессен прозорливо увидел те тенденции в развитии образовательных систем, которые только в последние десятилетия наиболее ярко и полно проявились в просвещении крупных зарубежных стран. В этом направлении развивается и современная школа России.

Гессен заявил о себе как сторонник трудовой школы, которая стала господствующей в мировой и российской педагогике конца XIX – начала XX в. (Г. Кершенштейнер, С. А. Левитин, П. П. Блонский и др.). Оригинальной трактовке трудовой школы была посвящена одна из первых его работ томского периода – статья «Что такое трудовая школа?» (1920). В ней он вступил в полемику с идеями раннего П. П. Блонского, высказанными в книге «Трудовая школа» (М., 1919). Ему была ближе позиция Д. Дьюи и Г. Кершенштейнера, чем представленный

Блонским утопический образ индустриально-трудовой школы будущего, и Гессен критиковал его за узкотрудовое понимание «трудовой школы», ее исключительно производственную направленность, за ее оторванность от труда интеллектуального. Трудовая школа – это школа, в которой образование и труд не противопоставляются друг другу, это школа, где в центре стоят интересы личности, реализуемые через практическую деятельность, в процессе которой познается культурная жизнь человечества. Своему пониманию трудовой школы как школы интеллектуальной и физической активности Гессен противопоставляет школу пассивную (а не просто словесную), с одной стороны, и школу утилитарную, ремесленную – с другой. Он согласен с Г. Кершенштейнером в том, что неправомерно противопоставлять общеобразовательную и профессиональную школы, потому что единство образования определяется не столько содержанием, сколько формой и способами организации образовательного процесса. И главным в нем должно быть движение от труда к профессии. Труд для Гессена в его широком понимании выступает как источник гармонического развития личности. Гессен подчеркивал, что необходимо научное образование, не сводимое лишь к умственному, ибо «путь знания и истины не есть путь одного только ума, знание есть процесс, захватывающий целого человека»^[355]. А оно есть труд ума.

Важнейшим средством социализации молодежи этого возраста, по мнению Гессена, является школьное самоуправление. Он сделал анализ накопленного многими странами первого опыта самоорганизации школьников – школьных общин, сеттльментов, префекториальной системы и др., увидев в них тенденции демократизации школы. «Задача школьного самоуправления состоит в том, чтобы распыленную

ученическую среду претворить в целостный расчлененный организм, внутри которого каждый школьник приучался бы к добросовестному выполнению определенной общественной функции»^[356]. Гессен справедливо подчеркивал, что юность имеет свои собственные интересы и задачи, которые школа должна признать и использовать в образовательных целях. Внесение в школьное самоуправление чуждых интересам молодежи задач ведет к его разрушению. Проблемы, решаемые самоуправлением, должны быть «проблемами самой молодежи», а не проблемами управления или соуправления школой. Самоуправление должно помочь организации широкой общественной жизни молодежи в различных формах – в союзах, кружках, публицистике и т. д. Эти замечания Гессена не утратили своего значения и сегодня.

Таким образом, в период «гетерономии» осуществляется сложный процесс социального становления и индивидуализации личности, владения законами окружающего мира.

На третьем этапе – «автономии» – личность, познав законы природы и общества, возвышается до самоутверждения своего «Я», осознания своей самооценности, сознательного и добровольного подчинения Долгу и Праву и высшего понимания Нравственности, основанной на ненасилии. Гессен не отрицает, как полагали некоторые его критики, зависимости личности от общества. Для него период юности – это период зрелости и ответственности за принимаемые решения и выбор судьбы, это период критического восприятия и оценки действительности, упрочения мировоззрения и творчества. Для этой ступени Гессен предлагает свои теории: внешкольного образования и университета. Нужно иметь в виду, что становление теории и практики внешкольного образования и за рубежом, и в России относится к

началу XX в., и Гессен счел важным высказаться по этой проблеме. В развитии внешкольного образования Гессен в контексте своей концепции свободы видел ступень перехода личности от образования, в котором сохраняется элемент принуждения, к образованию как свободному самообразованию, основанному исключительно на духовных и профессиональных интересах личности, на ее общественных устремлениях, самообразованию как способу самоутверждения и самореализации. Он подвергает анализу образовательный потенциал путешествий, библиотек, музеев, журналистики, народных университетов, школ для взрослых и даже профессионального движения. Обращаясь к опыту русского народничества, американских библиотек, Гессен приходит к выводу, что эти формы могут действовать успешно только при условии понимания массовой психологии читателя, зрителя, слушателя, учета уровня их подготовленности и запросов и отказа от попыток управления и навязывания им извне «политически окрашенного мировоззрения».

Гессен по праву может быть причислен к тому узкому кругу ученых начала XX в., которые приступили к разработке педагогики высшей и, в частности, педагогической школы, с трудом преодолевая исторический предрассудок эпохи, утверждавший, что педагогу высшей школы достаточно лишь знать свой предмет. Он предлагает идеальную теорию университета или высшей научной школы, исходя из того, что это «не просто учебное заведение, хотя бы и высшего типа, но очаг научного исследования и только в меру развиваемой им научной деятельности также и высшая научная школа»^[357]. Задача педагога здесь не в том, чтобы учить, а высказывать публично свои научные взгляды. Студент не просто учится, а занимается наукой. Таким образом, учение и исследование

совпадают как для профессуры, так и для студентов. «Студент тем лучше, чем больше он выказал самостоятельности в научной работе, чем больше надежд подает он как будущий ученый. Профессор тем лучше, чем выше он как ученый...»^[358]. Научное и логическое изложение ученым своей науки Гессен ставит выше его ораторского таланта. Идеальная же сущность университета характеризуется тремя принципами, основанными на идеях университетской автономии: полнотой научного знания, свободой преподавания и учения, студенческим самоуправлением.

В конце 1930-х гг., характеризуя от третьего лица свою концепцию педагогики в работе «Русская педагогика в XX веке», Гессен критически отнесся к использованию заимствованной им ранее у П. Наторпа «схемы ступеней» как возрастной модели социализации личности, отмечая, что ему «не всегда успешно» удавалось избежать опасности схематизма и вообще схем, имеющих в педагогике «чисто эвристическое значение». Но от использования этой «триады» Гессен так и не освободился. Правда, в книге «Структура и содержание современной школы» (1947), во многом опираясь на идеи Ж. Пиаже, Гессен предложил иную периодизацию, выделив шесть фаз психического развития, основанную на идее неравномерности развития психики детей. До 5 лет – это фаза интенсивного развития, с 5 до 7 – фаза «первого застоя»; с 7 до 11 лет – вновь фаза интенсивного развития, до 14 лет – фаза «второго застоя»; с 14 до 17 лет – третья фаза интенсивного развития, «дозревания» и, наконец, до 21 года – фаза гармонизации или медленного развития.

В ряде работ ученый уделил внимание проблеме мировоззрения личности, являющегося, по его убеждению, результатом сложных взаимоотношений идеологии, образования и социализации, считая ее

одной из стержневых для теории и практики. Остро эта проблема возникла в условиях «кризиса демократии» в начале 1920-х гг., когда в таких странах, как Италия, Советская Россия, позднее Германия, начала утверждаться «мировоззренческая», т. е. моноидеологическая школа и одновременно стали возникать школы, основанные на «автономии мировоззрений» (Голландия, Бельгия). И те, и другие отвергали исторически сложившуюся «нейтральную» школу. Выражая свою позицию, Гессен утверждал: «Без мировоззрения как жизненного отношения субъекта к мировому целому, отношения, включающего в себя наряду с представлением о мире и оценку его с точки зрения ценностей, а значит и некий жизненный идеал, без такого мировоззрения нет самосознания, а стало быть, нет и бытия человека как личности»^[359]. Однако подлинное мировоззрение вырабатывается самой личностью, вооруженной методами научного познания бытия, в свободной духовной атмосфере.

Гессен дал возрастной анализ становления мировоззрения личности, показав, что в младшем и среднем возрасте оно складывается под воздействием социокультурной среды, духовного окружения и школы. В юношеском возрасте мировоззрение становится формой выражения «Я» и в условиях догматизма и индоктринации может быть подменено идеологией, муштровкой мысли и духа. Нужно подчеркнуть, что, выступая против политизации образования, Гессен отстаивал политическое образование, политическую культуру личности как составную часть гражданского образования. А как же быть в таком случае учителю? Учитель, по твердому убеждению Гессена, просто обязан иметь свою мировоззренческую позицию, не может быть безразличным, иначе у него не будет авторитета. Но он также обязан быть терпимым к другим точкам зрения, толерантным, не позволять своему мировоззрению

«отвердеть», стать идеологически зашоренным. В гражданском обществе консолидирующим началом должно быть образование, в основе которого лежит чувство солидарности, согласия.

Дидактическая концепция Гессена является составной частью его философско-педагогических воззрений, основанных на личностно-ориентированном и аксиологическом подходах к образовательному процессу. Ее цель сформулировать научные основания возможностей актуализировать интеллектуальный потенциал личности, заразить творчеством и, в конечном счете, заменить образование его высшим пределом – самообразованием. Осуществление идей личностно-ориентированной дидактики Гессен видел в создании целостной, единой и в то же время дифференцированной многоступенчатой системы образования, учитывающей особенности, интересы и потребности детей.

Для Гессена образовательный процесс – это процесс духовного созревания личности, протекающий на основе внутренних закономерностей, это процесс личностного взаимодействия учителя и учащихся, направленный на решение общих образовательных задач. Такой процесс требует от учащихся и учителя совместного активного деятельностного участия в решении наполненных жизненным и личностно значимым культурным содержанием проблем.

Современную («старую», как говорил сам Гессен) дидактику, связанную с именами Гербарта, Рейна, Циллера и др., Гессен считал формальной, игнорирующей эти и другие закономерности образовательного процесса и развития личности ученика. Дидактика, определяющая общие принципы и методы обучения в независимости от дифференцированных возрастных и типологических характеристик учеников и образовательно-

воспитательных задач на каждой ступени обучения, становится безличностной и вырождается в абстрактную нормативную теорию принципов и методов образования.

Он дал глубокий анализ противоречий современной дидактики и сделал попытку их разрешить на основе педагогической интерпретации критической философии И. Канта, идей П. Наторпа, Г. Кершенштейнера и других представителей гуманистической педагогики. Само название предложенной им концепции – «критическая дидактика» – было по существу вызовом гербартианской дидактике.

В некрологе, посвященном памяти В. Рейна, ученика и последователя Гербарта, он приводит следующую ее характеристику: «Плод либерально-гуманитарного воззрения, она была индивидуалистична по своему направлению и, ставя своей задачей воспитание нравственной личности учащегося, она мыслила этот процесс как усвоение каждым учеником в отдельности некоего готового, вне его пребывающего культурного содержания. Облегчить учащемуся это усвоение, сделать его возможно “наглядным”, вызвать в ученике “интерес” к нему, – этими задачами определялось решающее значение, придававшееся Рейном технике преподавания»^[360]. Педагогическая система Гербарта – Рейна исходит из того, что есть некое «общее образование» и есть приемы наилучшего усвоения каждым учащимся этого унифицированного «общего образования». В дидактике Гессена на смену этой традиционной предметно-ориентированной парадигме образования и порождаемым ею субъект-объектным отношениям приходит новая парадигмальная структура, основанная на личностной ориентации образовательного процесса и субъект-субъектных отношениях, выступающих и как цель, и как содержание, и как процесс, и как результат обучения.

Одним из препятствий в развитии дидактики Гессен считал исторически сложившуюся антиномию формального и материального образования, которую назвал трагической. Анализируя эмпиризм и рационализм как их альтернативные философские основания, он предлагает «третий путь» разрешения этой антиномии – «критицизм», исходящий из критической философии и педагогики Канта. Главное отличие критицизма от эмпиризма, с одной стороны, и от рационализма, с другой, Гессен видел в следующем: научное знание не полезное орудие жизни и не замкнутое в себе оправдание разумности и справедливости мира. Смысл, сущность и назначение знания заключено в нем самом. Оно не зависит от происхождения – из опыта или *a priori*, которые не объясняют его достоверности. Хотя и то, и другое при определенных условиях обеспечивают целостное и синтетическое единство знания. И, наконец, наиболее существенное – задача обучения отнюдь не в приобретении сведений и обучении наукам и не в формальном развитии мышления.

Задачей обучения должны стать овладение учащимися «методом научного знания» и исследования, превращение его в «живое орудие мысли», благодаря которому они смогут познавать самостоятельно окружающий мир. «Методом научного знания можно овладеть только на сведениях, в связи со сведениями, а не отвлеченно от них... Но так как сведения приобретаются путем их открытия учащимися заново, путем их самостоятельного построения, одним словом – путем работы ума, то тем самым неизбежно также достигается и дисциплинирование ума, его способность анализировать и дедуцировать, как достигается и возможное совершенствование его, как чисто психической способности»^[361]. Проблемность, таким образом, выступает как важнейшая черта

образовательного процесса, которая характерна использованием методов сравнительно-сопоставительного анализа и «метода заразы» как способов создания проблемных ситуаций. Очевидно, что Гессен стоял у истоков теории проблемного обучения. И не случайно первыми эти идеи подхватили его ученики (В. Оконь и др.).

С точки зрения цели обучения Гессен предложил и методологию отбора состава научного образования, положив в ее основу логический анализ наук. Научное знание Гессен рассматривал как важнейшее средство образования, вводящее личность в мир культурных ценностей. Необходимо конструировать содержание образования таким образом, чтобы оно имплицитно задавало личности ценностное отношение к действительности. Допуская обсуждение вопроса о конкретных предметах и разделах, с точки зрения их развивающей ценности, он показал, что для формирования научно развитого человека необходимо его приобщение ко всем пяти ветвям научного знания – естественнонаучной, математической, философской, филологической и исторической с их методами познания.

Особое внимание Гессен уделил вопросу о сущности образовательного процесса и о путях и средствах трансляции содержания образования и способах развития активности и самостоятельности личности.

Анализируя сущность процесса обучения и развивая свою критику гербартианства, с одной стороны, и экспериментальной педагогики, с другой, Гессен обнаруживает две крайности в дидактике XIX в., представленные им в антиномии «педагогизм» / «психологизм». Гербартианскую технологию обучения он называл «педагогизмом» (иногда «методизмом»). «Педагогизм» Гессен характеризует как концепцию, рассматривающую дидактику как совокупность

универсальных методов или технических приемов, призванных наиболее эффективно передать учащимся сумму знаний и умений, которые им потребуются в будущем, и сформировать в готовом виде принятые в обществе идеалы. В конце столетия умирающему «педагогизму» пришел на смену «психологизм» в лице экспериментальной психологии и педагогики Меймана и Лая, которые однако продолжали рассматривать ребенка как психофизиологический объект воздействия и занимались более тонким психологическим анализом и отбором тех же технических приемов, обеспечивающих эффективное усвоение готовых знаний, низводя дидактику на уровень ремесла и рецептуры под видом науки^[362].

Критикуя оба направления, Гессен проводит резкую грань между педагогикой двух эпох. Он пишет, что в отличие от принятого в XIX в. толкования педагогики как нормативной науки «педагогика XX столетия не верит в существование “наилучших методов” передачи готовых знаний и вдалбливания готового идеала»^[363]. Он предлагает новую, «критическую» технологию обучения.

Гессен по-новому определяет сущность методов учения и преподавания: метод является для него средством стимулирования ученика к самостоятельной активной и творческой деятельности, развития в нем потребностно-мотивационной сферы. Сердцевиной любого метода является пробуждение интереса. Гессен ведущим считает метод, который называет методом «заразы». Он должен пронизывать весь образовательный процесс и влиять на другие методы. Для Гессена интерес – это не занимательность, которая выступает как «личина», как суррогат интереса, а захватывающее личность погружение в деятельность, созидание нового для личности продукта мысли или труда.

С этой точки зрения его привлекли получивший распространение в США и Европе Дальтон-план и лабораторный метод, которым он посвятил ряд своих работ. Однако он сразу высказался против их универсализации, считая, что для их использования необходимы некоторые условия: выбор материала, выражающего суть темы или проблемы, наличие познавательного интереса у учащихся, доступность материала для самостоятельной работы, подготовленность учителя и др. Их ценность Гессен усматривал в том, что учащиеся не заучивают готовые выводы, а получают возможность осмыслить те приемы и способы научной работы, которые привели ученых к их научным открытиям. В этом он видел и воспитывающий момент: предостережение от всезнайства, от поспешных выводов и стимул к самостоятельному осмыслению и мышлению. Умение точно передавать чужую мысль, добросовестно наблюдать с помощью уже известных приемов, применять и развивать принятые положения – таковы требования к самостоятельному уму школьника.

Гессен поставил весьма актуальную в наши дни проблему чрезмерного увлечения «технологиями образования», соотношения технологического и эвристического подходов в образовательном процессе. Ученый дал динамичный анализ основных форм организации образовательного процесса, применив к нему гетерологический подход. Рассматривая в динамике три взаимосвязанные формы, «триаду»: игра – урок – творчество, он показал, что они, присутствуя на всех возрастных ступенях (аномии – гетерономии – автономии), являются ведущими видами деятельности для одной из них и изменяют свою функцию на двух других, обеспечивая единство, целостность и преемственность образовательного процесса.

Урок рассматривается Гессеном как основная форма организации образовательного процесса,

обеспечивающая продвижение личности от образования к самообразованию. Ее особенность в том, что между активным ребенком и окружающим его внешним миром, стоит учитель как «посредник» между миром культурных ценностей и личностью. Постепенно по мере развития личности идет процесс ее «автономизации» и индивидуализации, благодаря которому посредническая миссия взрослого уменьшается, а затем вообще исчезает. Правильно организованный урок, с его точки зрения, предполагает пронизанность его творчеством как учителя, так и ученика, совместная деятельность которых направлена на решение единой образовательной цели (принцип совместно-разделенной деятельности). Результатом этого является постепенный переход урока из образовательной формы в самообразовательную.

Несколько особняком стоит третья стадия организации образовательного процесса, названная стадией «творчества». Это не форма в узкодидактическом смысле слова в отличие от урока или игры, а активный процесс включения личности в жизненно значимые для нее разнообразные формы деятельности, в идеале отражающие ее потребностно-мотивационное ядро и жизненные планы. В работах Гессена дан анализ таких форм проявления и организации творчества, как «образовательное путешествие», где раскрываются возможности послешкольного развития личности, и студенческое самообразование как основа становления творчески мыслящего специалиста.

Гетерологический метод анализа образования позволил Гессену показать преемственность и взаимопроникновение доминирующих на разных ступенях форм образования, проследить, как на предшествующей ступени появляется зародыш последующей, как следующая ступень впитывает

ценное из предыдущей. Любимое, часто повторяемое слово Гессена – «просвечивает». Так, в игре должен «просвечивать» урок, в уроке «просвечивать» творчество, в дисциплине – свобода и т. п. Замедление или ускорение имманентного процесса созревания ведет к искажению: игра становится формальной, урок сводится к технологии, свобода обретает личину произвола.

Представляют интерес взгляды Гессена на проблемы связи теоретической педагогики и школьной практики. Рассматривая педагогику как науку о должном, как прикладную философию, Гессен считал ее теоретической педагогией, которая должна формировать профессиональное мышление учителя, его способность искусно разрешать конфликты внутри образования. «Теория образования однако должна быть довольна, если, с возможной точностью установив требования и задачи отдельных видов образования, она поможет педагогу-практику увидеть эти конфликты, так часто сокрытые под толщей педагогических двусмыслиц и предрассудков»^[364]. Ученый не отрицал и возможность целостного педагогического видения реальной практики, образцом которого считал «Яснополянскую хронику» Л. Н. Толстого.

Уход Гессена в область «чистой» теории иногда подвергался критике, в частности, В. В. Зеньковским. Однако было бы неверным считать, что он замыкался в «башне из слоновой кости». Гессена привлекали важнейшие проблемы практической педагогики, и на них он стремился дать не рецептурный, а методологически и теоретически весомый ответ. Это можно видеть и в его анализе теории игры, и подходе к проблеме мировоззрения, и в характеристике технологии обучения грамоте и др. Польские ученики и последователи Гессена подчеркивают плодотворность философской методологии образования своего учителя

для понимания как глобальных, так и прикладных проблем образования (В. Оконь, Т. Новацкий, А. Каминский и др.).

Гессен не мог пройти мимо проблемы учителя, т. к. «критический» подход в обучении требует и другого учителя – учителя, способного мыслить научно, давать образцы приложения научного метода, демонстрировать нюансы, тонкости научного анализа, «заражать». Это естественно, ибо метод научного мышления передается как образец – от человека к человеку – «путем заразы». Он подверг критике учительские семинарии, особенно Германии, называя их «бастионами педагогизма» за установки на подготовку учителя, владеющего ограниченным знанием предмета и суммой «наилучших» технических приемов обучения и воспитания.

Гессен в «Основах педагогики» дал первый набросок концепции педагогического образования. Это не было схоластическое умозрение. Работая в Томске, а затем в Русском педагогическом институте им. Я. А. Коменского в Праге, он смог частично реализовать свои идеи на практике. И в польский период он не выпускал из поля зрения проблемы педагогики высшей школы и подготовки учителя. В 1947 г. в журнале «Рух педагогичны» он опубликовал вызвавшую большой интерес статью «Педагог», в которой предложил свое понимание связи гуманистической педагогики и воспитания, организационной структуры и сущности педагогического образования, формирующего творческого педагога.

Философско-педагогическая концепция Гессена, пронизанная идеями гуманизма, педагогического сотворчества, духовности, устремленная в будущее и утверждающая идеи Добра, Истины и Красоты, несомненно, актуальна в наши дни. Обобщая сказанное в «Основах педагогики», Гессен писал: «Не сделать новое поколение таким же, каковы мы сами, но сделать

его самим собой – задача поколения, дающего образование». Новому поколению предстоит обновить мир открытием «новых культурных достижений». И на этом зиждется преемственность поколений. Образование будущих поколений, идущих нам на смену, и есть забота о Смерти и забота о Жизни. И, в конечном счете, о Бессмертии. «Преодолеть прошлое через приобщение к вечному, составляющему его истинный смысл, и является подлинной задачей образования»^[365]. Эти мысли, венчающие главный труд ученого, выражают суть жизненного и педагогического кредо и творческого подвига Сергея Гессена.

Философско-педагогические взгляды С. И. Гессена [\[366\]](#) Л. Е. Шапошников

Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) – один из интереснейших отечественных мыслителей. Получив прекрасное образование на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета, он затем увлекся философией и изучал ее в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах. Учеба завершилась защитой в Германии докторской диссертации «Об индивидуальной причинности», написанной в духе неокантианства, развивающей идеи Г. Риккерта. Активно сотрудничал с журналом «Логос», пропагандируя на его страницах, по оценке А. Белого, «неозападнический идеал», привлекательный для определенного интеллигентского круга [\[367\]](#). В 1914 г. С. И. Гессен избирается на должность приват-доцента Санкт-Петербургского университета, в 1917 г. становится профессором Томского университета, в 1921 г. – снова в Петрограде, а с 1923 г. – в эмиграции, работает преподавателем в различных учебных заведениях.

Анализируя специфику образовательной и воспитательной деятельности, С. И. Гессен стремится рассмотреть этих проблем «поставить на прочную методологическую основу». Именно такой подход, по его мнению, позволит раскрыть «понятия и сущность образования», а эта задача имеет не частный, а «общий интерес». Все дело в том, хотя люди этого или не хотят, но «все мы участники всеохватывающей деятельности образования», однако большинство индивидов занимается образованием и воспитанием «безотчетно,

стихийно». Только наука вносит в эти сферы «сознательность и критическое отношение», и «наукой этой является педагогика»^[368].

Все науки, как считает мыслитель, разделяются на теоретические и практические: первые исследуют бытие как «оно существует независимо от наших целей и желаний» – их задачей является установление закономерностей или выявление «причины и следствия»; вторые устанавливают правила или нормы нашей деятельности, они выступают как «науки не о сущем, а о должном, исследующие не то, что есть, а то, как мы должны поступать»^[369]. Педагогика относится именно к этим практическим наукам. Однако непроходимой границы между этими видами знания не существует, так как теоретические положения в конечном итоге могут найти практическое применение и, напротив, у практических наук существуют «часто теоретические предпосылки». Так, теоретическими основаниями педагогики выступают психология и физиология. Мы не будем останавливаться на анализе этих теоретических предпосылок, поскольку эти проблемы выходят за пределы нашего предмета исследования.

Для правильного понимания образовательного процесса принципиальное значение имеет определение целей, которых он стремится достигнуть. С. И. Гессен, на наш взгляд, справедливо отмечает, что «цели образования тесно связаны с целями жизни данного общества». Более того, по его мнению, «понять систему образования данного общества – значит понять строй его жизни»^[370]. У современного человека целью жизни является не только самосохранение, но и превращение ее «в достойное, то есть культурное, существование». Хотя само понятие культуры имеет множество определений, для Гессена важно соотнести этот феномен с понятиями «цивилизация» и «образованность». С его точки зрения, цивилизация –

это «внешний слой культуры», к которому «относятся хозяйство и техника». Напротив, образованность характеризует внутреннее, или духовное, содержание культурной жизни, «включающее в себя науку, искусство, нравственность и религию»^[371]. Между цивилизацией и культурой существует взаимодействие, так как обычно «развитие цивилизации влечет за собой и развитие образованности». Однако такое взаимодействие не является обязательным, и могут быть такие исторические обстоятельства, когда «образованность не измеряется цивилизацией». К тому же между образованностью и цивилизацией имеется «еще один промежуточный слой культуры: это – право». За правом закрепляются прежде всего характеристики, которые относятся к гражданственности, то есть те внешние условия, «при наличии которых только и может развиваться образованность».

Итак, С. И. Гессен «в составе жизни» современного человека выделяет «три слоя: образованность, гражданственность и цивилизация»; и все они в совокупности определяются словом «культура»^[372].

Культура связана с ценностной ориентацией личности, но ценности не возникают все время заново, они «передаются из поколения к поколению, как неотъемлемое достояние». Иными словами, культура связана с традицией, или преданием, то есть с «чудом истории». При этом сохраняется не весь массив прошлого, а лишь то, что «имеет отношение к культурным ценностям», – в этой связи «всякая история есть поэтому история культуры»^[373].

Следовательно, культура является осуществлением определенных ценностей, или «безусловных целей знаний». Исходя из этого понятно соотношение целей культуры и образования: между ними «имеется точное соответствие». И если культура не может достигнуть финальных целей, то и образование «по отношению к

индивиду есть неисчерпаемое задание». Можно согласиться с С. И. Гессеном, что «только необразованный человек может утверждать, что он сполна разрешил для себя проблему образования»^[374].

Соответствие целей культуры и образования приводит, по мнению мыслителя, и к тому, что «видов образования должно быть столько же, сколько имеется отдельных ценностей культуры». Отсюда классификация образования на нравственное, научное (или теоретическое), художественное, правовое, религиозное, наконец, вполне возможно и самостоятельное «хозяйственное образование». В то же время С. И. Гессен высказывает весьма спорную мысль о том, что «физического и национального образования, как особых видов образования... нет и не может быть, ибо им не соответствует никаких культурных ценностей»^[375]. История педагогики и современная педагогическая мысль, напротив, подчеркивают специфику и важность упоминаемых выше видов образования – о необходимости национального компонента в образовательном процессе мы будем говорить специально.

Виды образования составляют основу теории образования, которая подразделяется на обозначенные направления. Эта теория также опирается на цели образования, в основе которых лежат, как мы уже отмечали, по мнению Гессена, культурные ценности. Но есть только одна наука «о самих этих ценностях, их смысле, составе и законах» – это философия. Более того, по мере развития человеческого мышления происходит дифференциация философского знания, и со временем для каждой культурной ценности определяется соответствующий философский раздел: логика соответствует науке, этика – «смыслу и составу нравственности», эстетика – художественному творчеству и т. д.

С. И. Гессен, на наш взгляд, делает слишком категоричный вывод о том, что каждой философской дисциплине соответствует особый раздел педагогики. Так, логика есть теория научного образования, или дидактика, но последняя гораздо шире чисто логических построений. Да и сам исследователь вынужден признать: «...нормы, установленные педагогикой, конечно, не могут основываться на одних этих философских дисциплинах, но предполагают также привлечение психологического и физиологического материала»^[376]. Однако для Гессена ясно, что существует тесная связь между философией и педагогикой, и последняя для него есть «прикладная философия». Более того, «история педагогики есть часть или, если угодно, отражение истории философии»^[377]. С этим выводом мы согласны лишь частично: конечно, педагогика черпает из философии «руководящие принципы», ибо последняя является методологией частных наук, однако методологические основания никогда не исчерпывают предмет науки, и поэтому история педагогики не может сводиться к истории философии. Уже само отнесение мыслителем педагогики к практическим наукам показывает ее отличие от философии, которая является наукой теоретической.

Рассуждения о целях образования неизбежно приводят С. И. Гессена к проблеме личности, так как именно через воздействие на нее реализуются «общественные задачи». Личность в отличие от темперамента не является «природным даром», она «непрерывно растет или вырождается в своих действиях, усложняется или беднеет качеством тех целей, которые человек последовательно ставит себе в жизни, и тех задач, которые он в своей деятельности разрешает»^[378].

Цель же и задачи, которыми живет личность, с одной стороны, зависят от самого индивида, они в какой-то мере «продукт его самовоспитания». Однако самовоспитание нельзя понимать индивидуалистически: своеобразие личности «достигается лишь через обретение своего места в совокупном действии, направленном на разрешение сверхиндивидуальной задачи»^[379]. Но для Гессена «сверхиндивидуальные задачи» неразрывно связаны с культурой и – более точно – с «культурным слоем образованности», поэтому и целью образования является формирование «индивидуума как члена социальной группы». Это формирование предполагает выработку у личности определенных аксиологических установок, но сложность состоит в том, что ценности действуют не принудительно, они лишь требуют от человека определенного «решения, при этом он свободен принять его или отвергнуть»^[380].

Однако сразу возникает проблема, связанная с пониманием свободы, с выделением ее характерных признаков. Действительно, данная тема является для мыслителя одной из главных. С его точки зрения, во-первых, свободные действия отличаются от произвольных: последние характеризуются неустойчивостью, зависимостью от внешних воздействий, случайностью и т. д. В силу этого свобода, понятая как произвол, «есть в сущности иллюзия». В действительности же свободные действия «носят устойчивый характер, кроют в себе некоторую внутреннюю последовательность и неуклонность», то есть им «присуща внутренняя закономерность».

Во-вторых, свободный поступок «есть не столько факт нашей жизни, сколько встающий перед нами долг, задание, которое разрешить сполна мы, быть может, никогда не в состоянии, но к которому можем более или менее приближаться»^[381].

В-третьих, свободное действие выступает необходимой основой выработки нового «особого пути», более того, «свобода и есть творчество». В этой связи понятно, что она служит «развитию индивидуальности» человека.

Итак, воспитательная сторона образования связана с «развитием в человеке свободы», а значит, и с выработкой чувства ответственности за свои поступки, которое является основой нравственного поведения. Однако общим местом педагогических систем является тезис о необходимости принуждения в воспитательном процессе. С этим положением С. И. Гессен не согласен, он даже считает, что «задача нравственного воспитания состоит в том, чтобы отменить это принуждение, которому подвержен ребенок»^[382]. Однако, противореча самому себе, философ вынужден признать, что для получения эффекта в любой деятельности требуется «согласование усилий», а это в свою очередь «необходимо требует дисциплины». Но с этой точки зрения, принуждение при определенных условиях выступает как антагонист свободы, а дисциплина сочетается с ней, и если принуждение трансформируется в дисциплину, то тогда оценка его роли в воспитательном процессе изменяется.

Все дело в том, что такой сложный феномен, как принуждение, может включать в свой состав и дрессировку, которая «уничтожает в человеке его личность», имеющую «собственную волю и разум». В этом случае у индивида отсутствует «простор для самостоятельного, по собственному почину выполняемого действия», и на него воздействуют «посредством физической силы и страха». Если же принуждение сопрягается с дисциплиной, то тогда оно «обращается к собственным воле и разуму подвластных: требует действий, не предусмотренных в своем мелочном однообразии. И оставляет место для личной

инициативы»^[383]. Следовательно, в таком понимании принуждение не исключает «ответственности исполнителя», он остается лицом, то есть обладает свободой, хотя и в «меньшей степени», но это обстоятельство не отменяет «выбор средств и путей» достижения им общей цели, поставленной властью. Поэтому принуждение только тогда враждебно нравственности, когда элиминирует свободу, дисциплина же обладает «высшей целью», которой «служат равно и власть и подвластные»^[384].

Исходя из изложенного понимания свободы и дисциплины, Гессен рассматривает взаимоотношения «учитель и ученик». Мыслитель отстаивает тезис о том, что образование индивида не должно быть «просто воспроизведением модели», которая директивно навязывается извне. В то же время образование, являясь «процессом формирования личности», не может обойтись без «принципа авторитета», к которому «присоединяется реакция послушания со стороны ученика»^[385]. Эта антиномичность иногда приводит к трактовке отношений между учителем и учеником как аналогичным отношениям «между начальником и подчиненным». Последнее взаимодействие формализовано, и низший по должности человек должен в силу инструкций, регламента выполнять предписания высшего – начальника. При правильной постановке образовательного процесса «отношения между учителем и учеником превосходят отношения начальника и подчиненного», так как они «составляют духовную общность, единство взаимного стремления к высшим сверхиндивидуальным ценностям и прилагают общие усилия для их реализации»^[386]. Иными словами, формальное взаимодействие заменяется содержательным общением, и в результате появляется способность не только усваивать воздействие извне, но и самому стремиться к выработке «собственных

суждений и способов их обоснования», то есть в ученике рождается стремление к самообразованию.

Итак, развитие личности ученика невозможно без его субъективного участия в этом процессе. Но образование также неразрывно связано с «объективным аспектом», основанным на том, что «культура личности обеспечивает непрерывность культурного сознания в различных областях искусства, науки, техники, так же как и творчество в области морали»^[387]. Эти объективные обстоятельства могут способствовать реализации внутренних потенций ученика, а могут их сдерживать и даже подавлять. Особенно это заметно в период господства в обществе какой-либо одной идеологии. Последняя «ревниво замыкается», отвергая всю ту проблематику, которая не подходит к ее «готовым формулам». В результате вместо раскрытия личности учащегося идеология ориентирует его на механическую внешнюю активность, отвращая воспитуемого от «внутренней работы над собой». Следовательно, для процесса образования идеологический авторитаризм «является губительным». Его следствием выступает навязывание учителем воспитуемым своего мировоззрения как «истины в последней инстанции», по отношению к которой недопустима никакая дискуссия, ибо она носит «характер непогрешимой догмы». Однако есть и другая крайность, которой также «заражены» некоторые педагоги, – это «безразличный нейтралитет», предоставление молодежи исключительного права самостоятельно разбираться в сложных проблемах. Но практика образования показывает, что если учитель воздерживается от ответа на вопросы, которые ощущаются юношеством как жизненно важные, то он теряет свой авторитет. Успешный педагог воспринимается как «живой носитель научного

предания», он выступает как личность, имеющая свои убеждения, важные для учащихся.

Данный анализ взаимоотношений учителя и ученика дает возможность С. И. Гессену сделать следующий вывод: «Ни воздержание от мировоззрения, ни владычество мировоззрения, вылившегося в идеологию, одинаково не способны быть факторами подлинного образования»^[388]. Эффективным средством формирования личности воспитуемых педагогом является, с одной стороны, «существенное исповедование своего мировоззрения», с другой стороны, умение избегать «навязывания его». Только в этом случае юношество сможет ощутить «мировоззрение как форму выражения личного бытия».

В связи с высокими требованиями к профессии учителя возникает важнейший вопрос о его подготовке. Прежде всего, по мысли Гессена, необходимо выяснить, есть ли у будущего педагога задатки для образовательной деятельности, то есть «любовь к ребенку и любовь к ценностям науки и искусства». Без этого базиса успешная работа в школе, общение с детьми просто невозможны. Все соглашались с тем, что учителю необходима серьезная теоретическая подготовка, дающая возможность квалифицированно разбираться в предмете преподавания. Даже учителя начальных классов, от которых часто не требуется наличие высшего образования, в связи с прогрессом школьного дела должны будут иметь «законченное университетское образование».

В обществе существует определенная недооценка собственно педагогического образования, однако в действительности оно очень важно, так как позволяет «защитить принятые решения и предупреждает от упрощенного и независимого “открытия Америки”». Учитель не может также игнорировать методику преподавания своей дисциплины и «психотехнику»: это

«помогает ему реализоваться». В то же время педагог должен понимать, что «не существует универсальной панацеи», которая решает все образовательные задачи. Подобная «наивная вера» часто «ломает жизнь и наносит тяжкий ущерб, поскольку всегда несет разочарование»^[389]. В силу этого опытный преподаватель, понявший, что «нашел свое призвание», может чаще «осмеливаться на эксперименты», то есть на реализацию своего творческого потенциала. При этом изучение предшествующего педагогического опыта помогает ему избежать «ненужных экспериментов и разочарований».

Наконец, у учителя возникает необходимость в периодическом повышении квалификации (так остро эта проблема ощущается еще только в одной – врачебной профессии). При этом сама переподготовка должна осуществляться в двух формах: каждые пять лет учителю необходимо проходить кратковременные курсы, а раз в десять лет получать «годовой оплачиваемый отпуск, чтобы освежить свой ум в атмосфере академической учебы»^[390].

Итак, подготовка учителя – это сложный и трудоемкий процесс, и она не может обойтись без университетских педагогических факультетов или специальных учебных заведений, в которых осуществляется данный вид образования. В этих учебных подразделениях, по мнению С. И. Гессена, необходимо иметь следующие кафедры: 1) педагогической физиологии, физического воспитания и школьной гигиены; 2) педагогической психологии, психопатологии ребенка и специальной педагогики; 3) педагогической социологии и социальной педагогики; 4) педагогики в узком смысле слова (как прикладной философии), дидактики различных учебных дисциплин, как научных, так и творческих; 5) истории педагогики, которая включает в себя историю образовательных

институтов и педагогических учений; б) организации школьной системы и администрирования, финансов и школьной статистики^[391].

Перечисленные дисциплины составляют «общий минимум», являются базисными для педагогической деятельности; в то же время «возможно углубленное изучение того или иного раздела педагогики сверх названного перечня», когда речь идет о той или иной специализации.

Предложенные к изучению будущими учителями дисциплины дают не только психолого-педагогическую подготовку, но и содержат другие необходимые знания. В этой связи призывы ряда современных чиновников к закрытию педагогических университетов, так как якобы любой человек, окончивший вуз, после кратковременной подготовки может работать учителем, выглядят как проявление некомпетентности в образовательной сфере. Напротив, по убеждению С. И. Гессена (а он писал свои труды в первой половине XX в.), технический и научный прогресс потребует совершенствования как теоретической, так и практической подготовки педагога, а для этого необходимы специальные учебные заведения.

Наконец, еще одна проблема, которую С. И. Гессен активно обсуждает, – это вопрос о «национальном образовании». Он отмечает, что эта тема обычно связывается с консервативными кругами, и приводит имена М. Н. Каткова и Д. А. Толстого, которые «боролись за придание среднему образованию национального характера посредством... классических языков»^[392]. Однако в действительности названные деятели насаждали западную систему образования: по меткому замечанию В. В. Розанова, в гимназиях вводится «не столько классицизм, сколько германизм». Поэтому, хотя и декларировалась «самобытность русского народа», в то же время не давалось «никакого конкретно-

самостоятельного историко-активного задания русскому государству»^[393].

О необходимости национального образования писали А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, К. Д. Ушинский, В. В. Розанов и др. Однако для С. И. Гессена рассуждения «славянофильской метафизики о самобытной душевной субстанции, составляющей характер народа», являются несостоятельными. С его точки зрения, выявление специфики того или иного национально-образовательного процесса всегда носит поверхностный характер, оно исходит «из одностороннего, исключительно на прошлое направленного взгляда». В реальной же жизни развитие нации есть «не простое выявление какого-то готового начала, но непрерывное развитие», которое не может «быть выражено каким-нибудь одним “принципом”». Нация никогда не закончена, но всегда творится»^[394]. Одним из элементов этого творчества является приобщение нации к образованию, опирающемуся на универсальные ценности и общечеловеческие начала. Конечно, С. И. Гессен не отрицает необходимости «организации школ для национальных меньшинств в государстве», преподавание в которых осуществляется на родном языке, но это не отменяет его главного вывода о том, что «народность не является высшей целью образования, она лишь следствие и естественная форма хорошего образования»^[395].

Итак, согласно изложенной концепции усвоение человеком ценностей мировой культуры автоматически делает его и укорененным в национальные традиции, то есть процесс образования идет от общего к частному. В действительности, на наш взгляд, просвещение должно начинаться с приобщения к национальным традициям, к отечественной культуре. Н. А. Бердяев прав, когда подчеркивает, что общечеловеческие ценности можно усвоить лишь «через национальную индивидуальность»,

ибо «культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная»^[396]. Более того, общечеловеческими ценностями становятся не какие-либо абстракции – они являются «вершиной национального творчества».

Конечно, достижения естественных наук, технические изобретения легко усваиваются всеми народами, так как носят «отвлеченно-человеческий характер», но это не отменяет того факта, что существуют «коренные мировоззренческие начала», определяющие и ценностную ориентацию личности, и образ ее жизни. Они неразрывно связаны с органическим развитием нации, генезисом национального самосознания и сохранением исторической памяти. Без усвоения этих начал нельзя считать человека ни образованным, ни воспитанным. Более того, с важностью формирования национального самосознания соглашается и С. И. Гессен. Противореча в определенной мере своим собственным тезисам, он утверждает, что творчество, в том числе и в образовательной сфере, плодотворно лишь тогда, когда оно «субстанционально», то есть «вытекает из народного духа». Мыслитель соглашается с тем, что «искусство, право, религия в величайших своих достижениях глубоко национальны»^[397]. Отсюда все-таки более логичным является рассмотрение национальной формы просвещения как элемента не только необходимого, но и первичного по отношению к глобальному процессу образования. В то же время можно поддержать позицию философа, осуждающего «последовательно проведенный национализм». Такая политика в образовательной сфере приводит к изоляционизму, к «господству великодержавия» и утверждению «своей исключительности за счет других». Понятно, что подобный подход был чужд

главным представителям отечественной философской традиции, они называли его «ложным национализмом», противоречащим русскому призванию, так как Россия – многонациональное и поликонфессиональное государство.

Итак, даже краткое знакомство с философско-педагогическим наследием С. И. Гессена дает возможность сделать вывод о его актуальности. Действительно, и сегодня важно решение педагогических проблем «поставить на прочную методологическую основу». И в этой связи необходимость разработки философии образования, вопрос о целях образования, понимание его как непрерывного процесса в течение всей жизни человека, особое значение самообразования и самовоспитания также находятся в центре внимания философской и педагогической мысли. Наконец, проблема соотношения свободы и принуждения в ходе социализации личности также сейчас становится все более важной темой как в педагогике, так и в философии.

«Мне и в голову не приходило, что я покидаю Россию навсегда» (Два эпизода из педагогической биографии С. И. Гессена 1920-х годов) [\[398\]](#)

О. Е. Осовский, В. П. Киржаева

Более чем за 30 лет существования истории школы, образования и педагогической мысли российского зарубежья как педагогической эмигрантики было сделано многое: определены ключевые фигуры и события научно- и общественно-педагогической деятельности русской эмиграции, ее практический вклад в строительство новой системы образования XX в., даны первые оценки теоретических достижений С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, А. В. Жекулиной, Г. Я. Трошина, проанализировано их педагогическое наследие, обозначены контуры российского педагогического зарубежья как целостного историко-педагогического феномена, возвращены на родину и представлены читателю сочинения крупнейших представителей интеллектуальной мысли русской эмиграции.

В то же время остались нерешенными многие вопросы педагогической истории российского зарубежья: до сих пор не выстроена целостная картина эволюции эмигрантской педагогической мысли, не определена до конца роль русской эмиграции в организации образовательного пространства Европы, прежде всего славянских стран. Стала очевидной необходимость разработки биографического поля, поскольку ни отечественная, ни зарубежная история

образования до сих пор не предложили полномасштабных жизнеописаний ключевых персонажей педагогики российского зарубежья. Здесь, видимо, необходимо пояснить, что мы понимаем под педагогической/научно-педагогической биографией, поскольку данный термин вряд ли можно считать устоявшимся в современной науке. Педагогическую/научно-педагогическую биографию мы рассматриваем как разновидность биографии исторического лица, внесшего очевидный вклад в педагогику и образование. Представление очерка его жизни с акцентированным вниманием к его педагогическому/научно-педагогическому вкладу, соответствующей стороне деятельности, определению его роли и места в научно-образовательном и воспитательном процессе, восприятию его педагогических и научно-педагогических идей современниками и их рецепции последующими поколениями – вот в чем видится главная задача данного типа историко-педагогического исследования.

Сложности создания биографий деятелей русской эмиграции объективны: проблемы с доступом к документальным источникам, гибель эмигрантских архивов в годы Второй мировой войны и в послевоенный период, утрата значительной части периодических изданий и неполнота сохранившихся требуют выработки специальных подходов и особого инструментария, позволяющих осуществлять более или менее достоверную реконструкцию жизни и деятельности выдающихся педагогов эмиграции. Особую роль здесь играют дошедшие до нас свидетельства личного характера – эпистолярный, дневники и мемуары. В этом контексте очевидна особая ценность публикации воспоминаний С. И. Гессена, В. В. Зеньковского, Ф. А. Степуна, историко-архивных разысканий А. А.

Гапоненкова, О. А. Коростелева, А. М. Шитова, М. Шрубы, В. В. Янцена и др. [\[399\]](#)

Представленные в нашей статье эпизоды имеют важное значение не только в связи с воссозданием научной биографии С. И. Гессена, но и педагогической истории русской эмиграции 1920-х гг. Напомним, что личность и научное наследие

С. И. Гессена занимают особое место в российской интеллектуальной истории 1910—1940-х гг., равно как и в истории европейской философии и педагогики XX в. Сын известного российского политического и общественного деятеля, правоведа и публициста, одного из создателей кадетской партии И. В. Гессена, после окончания гимназии он был отправлен отцом получать высшее образование в немецких университетах. Отметим, что среди причин решения отца была и увлеченность юноши идеями социализма. Впоследствии интерес С. И. Гессена к социалистическим идеям сделает его одним из известных теоретиков социализма, сблизит с Г. В. Плехановым в Петрограде в 1917 г., послужит основой для цикла его статей по проблемам философии права и европейского социализма в 1920–1930-е гг. В 1905 г. он отправляется в Германию, где начинает изучать философию в Гейдельбергском университете. Вторая половина 1900-х гг. проходит под знаком неокантианства, в тесном общении с ведущими представителями этого направления немецкой мысли Г. Риккертом, П. Наторпом, Э. Ласком и др. Тогда же завязывается дружба с другими русскими участниками неокантианских семинаров, несколькими годами его старше, прежде всего Б. А. Кистяковским, Ф. А. Степуном, Б. В. Яковенко. В своем жизнеописании С. И. Гессен вспоминал: «В начале осени 1908 г. я закончил работу «Individuelle Kausalität» («Об индивидуальной причинности»), которая была принята Риккертом с большой доброжелательностью, а через несколько

месяцев основательной подготовки, в марте 1909 г., получил степень доктора *summa cum laude*»^[400].

Вернувшись в Петербург, молодой доктор философии избирает научно-педагогическую стезю, совмещая подготовку к магистерским экзаменам и защите магистерской диссертации с активной деятельностью по созданию международного философского журнала «Логос». Этот журнал сыграл важную роль в обновлении неокантианской философии в России, стал средством диалога новейшей русской и немецкой философской мысли своего времени, ярким выражением европейского начала формирующейся усилиями С. И. Гессена и его единомышленников парадигмы гуманитарных наук. Впоследствии опыт «Логоса» сыграет свою роль в восстановлении и расширении научных связей С. И. Гессена с европейскими коллегами и ляжет в основу его деятельности на посту соредактора журнала «Русская школа за рубежом».

С летнего семестра 1914 г. С. И. Гессен избирается на должность приват-доцента кафедры философии историко-филологического факультета Петербургского университета. Он читает лекции и ведет семинарские занятия по различным аспектам истории философии, педагогики и психологии и др., преподает в петроградских средних учебных заведениях. «Кроме лекций в Университете, я имел еще лекции в женской гимназии М. Н. Стоюниной, а также в мужских и женских классах Петер-Шуле при лютеранском приходе. Я читал логику, психологию и педагогику, а на факультете начал чтение лекций по истории педагогики. Педагогика была для меня совершенно неизведанной областью, однако я намеревался заняться ею всерьез. Спустя два года я уже нисколько не думал, что занялся несвойственным мне делом. Летом 1916 года на курсах, организованных в Петербурге для учителей основной школы, я с большим

успехом прочел свой первый курс лекций по педагогике. Понятно, что преподавание в средней школе очень помогло мне в изучении педагогической теории»^[401], – вспоминает он.

Этот педагогический поворот в значительной степени определил характер деятельности С. И. Гессена в Томском университете, профессором которого он избирается осенью 1917 г. В Томске С. И. Гессен сделал блестящую университетскую карьеру. Вот сведения, которые он приводит в немецкоязычной Curriculum vitae, сохранившейся в лондонском архиве его друга и соавтора Н. А. Ганца: 1917–1921 – ординарный профессор философии в Томском университете; 1918–1920 – директор университетских педагогических курсов; 1919–1921 – декан историко-филологического факультета^[402]. Сам С. И. Гессен подчеркивает особую значимость томского периода в формировании его как ученого и педагога: «В течение четырех лет я прочитал следующие курсы: логика, история греческой философии, этика и философия права, философия Канта, основы педагогики. <...> Кроме университета, я каждое лето должен был еще читать лекции по педагогике на учительских курсах, а также в Педагогическом институте, основанном при университете для будущих преподавателей средних школ. <...> Томск, однако, оставил неизгладимый след на моем научном развитии. Здесь окончательно сложилась моя система педагогики. Мои “Основы педагогики” были только детальной разработкой постепенно расширявшегося конспекта моих лекций»^[403].

Ухудшение политической ситуации в стране, большевистский террор на местах, угасание университетской жизни привели к тому, что летом 1921 г. С. И. Гессен примет решение покинуть Томск. «Я колебался еще между Москвой и Петербургом, и если в

конце концов – уже в Томске – решил вернуться в Петербург, то потому, что мне все с большей и большей настойчивостью преподносился план отъезда моего за границу. Мне казалось, что в условиях все более прикручивающейся диктатуры я не смогу открыто высказывать своей точки зрения на марксизм, социализм, правовое государство, цели воспитания и реформу школьной системы. А так как не смогу и затаить своих мыслей на эти темы, то неминуемо попаду в конфликт с правительством, что в лучшем случае окончится удалением меня из университета»^[404], – писал он много лет спустя. Недолгое пребывание в Петрограде, где С. И. Гессен получил должность профессора кафедры педагогики Петроградского университета педагогического института имени А. И. Герцена, прошло в подготовке к неминуемому отъезду. Судя по воспоминаниям, в том скудном наборе вещей, с которым семья покидала город, был и «маленький чемодан с рукописями (конспектами лекций и начатыми работами.)»^[405]. Как и многие его коллеги, в роковую минуту С. И. Гессен думал продолжать свои занятия. Вряд ли будет преувеличением сказать, что свой «маленький чемодан с рукописями» был у каждого ученого, покидавшего родину, – об этом свидетельствуют и старые бумаги, сохранившиеся в архивах В. В. Зеньковского, Ф. А. Степуна, Д. И. Чижевского, Н. А. Ганца, П. М. Бицилли, А. В. Флоровского и др. Но, покидая Петроград, С. И. Гессен воспринимал свой отъезд как исключительно временную меру и был уверен в своем возвращении, когда прежний порядок будет восстановлен: «Покидая Петербург, я разделял общее убеждение большинства моих друзей и знакомых, что Советская власть не продержится долго. Мне и в голову не приходило, что я покидаю Россию навсегда. Впоследствии я не раз еще жестоко поплатился за свой легкомысленный оптимизм, который

соблазнял меня выдавать собственные желания за реальную действительность и жить все время на бивуаке, вместо того чтобы примириться с жизнью на чужбине и стараться войти в эту жизнь, не рассчитывая на скорое возвращение на родину»^[406].

Относительно короткий немецкий период, открывавший жизнь С. И. Гессена в эмиграции, сыграл важнейшую роль в его становлении как одного из ведущих представителей философской и педагогической мысли российского зарубежья и мыслителя европейского масштаба. После недолгой остановки в Финляндии он вместе с семьей перебирается к отцу в Берлин и начинает предпринимать усилия для обретения своего места в научной и педагогической жизни Германии 1922–1923 гг. Следует помнить, что речь идет уже о состоявшемся профессионале с серьезной научно-педагогической репутацией, известном своими достижениями не только эмигрантскому научному и педагогическому сообществу, но и немецкой философской корпорации. Можно предположить, что С. И. Гессен всерьез рассчитывал именно на связи последней и на возможность карьеры на кафедре философии или педагогики одного из немецких университетов. Этим, по-видимому, объясняется то, что большую часть 1922 г. он проводит не столько в Берлине, сколько во Фрейбурге и Иене.

При этом воспоминания С. И. Гессена о пребывании в Германии более чем лаконичны. Вряд ли это объясняется только тем, что после Второй мировой войны ученому, пережившему ужасы нацистской оккупации Польши и потерявшему в концлагере старшего сына, не хотелось возвращаться в свое берлинское прошлое. В условиях Германии, погружавшейся в тяжелый экономический кризис, университеты практически не имели возможности

предоставлять места эмигрантам, так что в один момент у С. И. Гессена возникает план занять профессорскую должность в Каунасе^[407]. Ф. А. Степун так описывает состояние друга в письме из Берлина от 19 ноября 1922 г.: «Сережа – грустен, озабочен, неприкаян и ущемлен. Радость и блеск томской деятельности и славы отошел. В доме Иосиф-Владимировича он никак не поставлен в размер своей сущности и заслуг. В семье будни, безденежье и забота <...> В философии – религиозно-онтологические поветрия; – Сережин стиль – в опале <...> В связи со всякими здешними планами и начинаниями. я пытаюсь связать Сережу с нами, но это мне не удастся. Он почему-то никем по-настоящему не ценится. Все ощущают его гносеологическим скопцом. Может быть, выход его книги изменит дело»^[408].

Непростые условия существования не становятся, однако, препятствием для интенсивной научной работы. Главная задача С. И. Гессена-ученого – реализовать планы, намеченные еще в Томске и Петрограде, в частности, сформулировать свое видение педагогики как прикладной философии, конспективно представленное уже в томских лекциях. «Остановившись у отца, засел за писание книги “Основы педагогики”. Книгу эту я написал в Прусской государственной библиотеке, куда ходил ежедневно, как на службу, в течение нескольких месяцев. Закончил я ее во Фрейбурге, где провел лето 1922 г.»^[409], – вспоминает он. Пребывание во Фрейбурге позволило С. И. Гессену не только восстановить связи с немецкими друзьями, но и завязать новые с русскими эмигрантами, в частности, с С. И. Карцевским и Д. И. Чижевским, которым в ближайшем будущем предстояло стать заметными фигурами общественно-педагогической, научной и культурной жизни российского зарубежья. Именно Д. И. Чижевский, с подачи Ф. А. Степуна и самого С. И. Гессена, станет автором рецензии на «Основы

педагогике» в «Современных записках». «Рецензию на “Педагогику” Гессен просит передать Чижевскому. Он в Берлине уже говорил с ним об этом. Думаю, что Вы ничего против не имеете, и передам»^[410], – пишет Ф. А. Степун соредактору журнала М. В. Вишняку 29 июля 1923 г. В следующем году рецензия известного философа и историка литературы была опубликована. В ней прежде всего отмечалась новизна авторского подхода к педагогике как «прикладной философии»: «В книге С. И. Гессена философия не является “введением” в педагогику или “вспомогательной” ее наукой, но – пропитывает, органически пронизывает или, говоря словами автора, “просвечивает” во всех элементах педагогической науки, хотя бы самых частных и детальньх. Благодаря этому педагогика получает право быть – а не только в традиции считаться – философскою наукой»^[411].

Напомним, что основные интеллектуальные и педагогические силы российской эмиграции в Германии были сосредоточены в Берлине, где в начале 1920-х, по разным подсчетам, находилось более 300 тысяч русских беженцев. Особому феномену «русского Берлина» посвящены не только специальные исследования последних десятилетий^[412]. Он был достаточно подробно описан современниками в начале 1920-х: образ города-муравейника с блуждающими по нему русскими эмигрантами ярко представлен на страницах произведений А. М. Толстого, В. Б. Шкловского, И. Г. Эренбурга, Андрея Белого, М. И. Цветаевой, В. В. Набокова.

Деятельность русского педагогического сообщества в Германии приобретала формы, ставшие традиционными для русской эмиграции в Европе: союзы и общества, благотворительные организации, общественные советы и т. п. активно обсуждали проблемы воспитания и образования эмигрантской

молодежи, понимая насущную необходимость институционализации процесса образования и поиска финансовых источников. Фактически происходила самоорганизация эмигрантской научно-педагогической жизни, осознанное конструирование научно-педагогического пространства российского зарубежья. Особая роль в этом процессе принадлежала Русской академической группе в Германии, организационное заседание которой состоялось 3 июня 1920 г. по инициативе профессора А. И. Каминки. В соответствии с принятым уставом, в состав группы входили профессора и преподаватели российских высших учебных заведений, а также известные своими трудами ученые; кроме того, «академическая группа на широких основаниях принимала, в свою среду в качестве сотрудников» тех, кто находился на стадии подготовки к ученой и учебной деятельности^[413]. Примечательно, что свою главную задачу Русская академическая группа в Берлине видела не только в сохранении научного общения и поддержке научной деятельности в Германии, но и в педагогической работе: «Группа считала своей обязанностью, помимо взаимной моральной поддержки и поддержки в научной работе, принять меры как к облегчению русскому юношеству получения образования в средней школе, так и к помощи русскому юношеству, обучающемуся в высших учебных заведениях. Во исполнение этих заданий группа помогла организации в Берлине учебного заведения, которое должно дать возможность юношеству получить среднее образование, по программе русских средних учебных заведений; эта школа является таким образом хранительницей традиций русской средней школы»^[414]. Не случайно начавший в апреле 1921 г. свою работу в Германии Российский Земско-Городской Комитет указывал на уже организованные культурно-просветительные учреждения, в которых обучаются до

250 человек и которые он частично финансирует. Среди них и открытая в Берлине 10 февраля 1921 г. гимназия Русской академической группы^[415].

Таким образом, приезд С. И. Гессена в Германию в значительной мере совпадает с обустройством инфраструктуры эмигрантской научно-педагогической жизни, и его готовность участвовать в ней сдерживается лишь ограниченными возможностями получения работы. В то же время, как отмечал И. А. Ильин, «в Берлине, русского духовно-культурного очага еще нет»^[416], и принять эту миссию на себя должны были учебные заведения для эмигрантской молодежи. Добавим, что идея создания русского университета активно обсуждалась в начале 1920-х гг. практически во всех центрах беженства, и нам уже приходилось писать о попытках организации университета в Белграде и в Лондоне, закончившихся безрезультатно^[417]. До определенного момента организация его в Берлине кажется вполне реальной. Во второй половине 1922 г. вопрос этот активно обсуждается эмигрантским сообществом в Берлине, и самую активную роль в этих обсуждениях играл И. В. Гессен, главный редактор газеты «Руль», один из самых влиятельных общественных деятелей «русского Берлина», на квартире которого проходило первое заседание учредительного комитета будущего учебного заведения. Среди наиболее острых проблем была очевидная нехватка профессоров по значительной части университетских специальностей, но высылка из Советской России «пассажира философского парохода» заметно облегчила решение этой задачи.

Примечательно, что имя С. И. Гессена не потерялось на фоне обретающих к этому времени европейскую известность имен Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, А. А. Кизеветтера, Ф. А. Степуна, С. Л. Франка и др. Не случайно Б. П. Вышеславцев в меморандуме о

публикации религиозно-философских работ в издательстве YMCA, касаясь «изданий высшей категории», которые «предназначаются для высшей интеллигенции и высшего студенчества (наиболее образованного)», пишет в апреле 1923 г.: «Круг авторов. группируется вокруг Академии духовной культуры, развивающей свою деятельность в духе православного христианства. Сюда относятся прежде всего профессора Бердяев, Франк, Карсавин, Вышеславцев, Сеземан, Арсеньев. Затем еще можно наметить ряд авторов, не принимающих участия непосредственно в деятельности Академии, но в общем сочувствующих ее направлению. Таковы: проф. Алексеев, Яценко, Гессен, Степун (в Берлине).»^[418].

Однако отсутствие юридических и финансовых возможностей для организации университета в его традиционном виде привело к принятию решения о создании учреждения скорее культурно-просветительного, нежели учебного – Русского научного института, который был открыт в Берлине 17 февраля 1923 г. Сохранились примечательные свидетельства в письмах Ф. А. Степуна к О. А. Шор, позволяющие судить о надеждах, которые были связаны с его открытием у научно-педагогического сообщества в целом: «Кроме религиозно-философской академии организуется грандиозный русский Институт. Немцы дают помещение и отопление. Но гонорар необходимо получить от валютных стран»^[419], – и у И. С. Гессена, в частности: «Гессен переезжает в Берлин. Нашел квартиру – 4 комнаты. Пока он здесь. Нештатный профессор Научного института и секретарь ученого совета. Материально он тем самым устроен»^[420].

Деятельность в Русском научном институте, в частности, чтение курсов логики и «Истории нового русского искусства»^[421], С. И. Гессен совмещает с интенсивными научными занятиями и сотрудничеством с

журналами. В публикациях в «Современных записках» он выступает своего рода транслятором достижений русской мысли в Германии для эмигрантского сообщества в Европе. Так, он публикует ряд рецензий на берлинские издания, в том числе на подготовленный Н. А. Бердяевым выпуск сборника «София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии», на книгу Г. А. Ландау «Сумерки Европы» и немецкий журнал «Философия и право». В это же время упрочиваются связи С. И. Гессена с педагогическими организациями «русской Праги», постепенно становящейся центром научной и педагогической жизни русской эмиграции: С. И. Гессен входит в состав руководящих органов Объединения русских учительских организаций за границей, становится соредактором журнала «Русская школа за рубежом».

Обострение политической обстановки в Европе, экономический кризис и последовавший за ним промышленный спад серьезно осложнили условия пребывания российской эмиграции в Германии и привели к заметному оттоку беженцев в другие страны. Тенденция к этому обозначилась еще раньше, однако не казалась катастрофической, хотя уже в октябре 1922 г. в «Информационном листке» Земгора отмечалось: «Политическое состояние Германии таково, что побуждает русских, имеющих средства и надежду на заработок вне Германии, уезжать отсюда. Почти все состоятельные люди, уехали или уезжают во Францию, а менее обеспеченные в Висбаден, в Баварию и в Чехословакию. В последнее время замечается и отъезд в Италию, где жизнь считается дешевле, чем во Франции»^[422]. Происходящее не могло не сказаться и на деятельности Русского научного института: уменьшалась платежеспособность студентов, урезались жалование штатных и гонорары внештатных лекторов, прекратилось приглашение лекторов из других стран.

Наглядным свидетельством этих проблем становится письма С. Л. Франка Н. А. Бердяеву. Так, 3 сентября 1923 г. он отмечает: «В настоящее время в Берлине жизнь, как говорили мне компетентные лица, в два-три раза дороже, чем в Вене, но дешевле, чем в Италии, и лишь немногим дешевле, чем во Франции и Англии, где, однако, больше шансов получить соответственный заработок. Русская молодежь из технических] учебн[ых] заведений почти сплошь поехала на каникулы на работы во Францию, и многие, вероятно, там и останутся»^[423]. А 29 августа 1924 г. пишет: «С долгами профессорам Институт надеется расплатиться в сентябре. Тогда и Вы получите 120 марок (и с долгом за лето 1923 г. еще больше). Вашу просьбу о немедленной высылке Вам этих денег, к сожалению, удовлетворить не удалось, т[ак] к[ак] в настоящий момент реально касса пуста, мы живем только надеждами»^[424].

В этих условиях начинает задумываться о переезде в Прагу и С. И. Гессен, тем более что открывающийся там Русский педагогический институт имени Я. А. Коменского готов предложить ему должность профессора педагогики. Отметим, что именно необходимость позаботиться об остающейся в Берлине семье определяла размер запрашиваемого С. И. Гессеном жалованья в письме директору института С. А. Острогорскому. 7 августа 1923 г. он писал: «Не претендуя на что-нибудь особенное, я все-таки просил бы Вас по возможности добиться для меня такого вознаграждения, которое позволило бы мне не только самому прожить семестр в Праге, но и устроить мою семью в Берлине (7.000—7.500 крон на семестр устраивали бы меня в Праге на два месяца и семью в Берлине на полгода). Конечно, это максимальные мои пожелания, и я пишу Вам о них в совершенно частном порядке, чтобы Вы знали, какое вознаграждение позволит мне смотреть на мою работу в Институте не

только как на главное поприще моей деятельности, но и как на основную базу моего существования»^[425].

В начале октября 1923 г. С. И. Гессен прибывает в Прагу^[426], где до середины ноября он читает лекции и ведет практические занятия в Русском пединституте. Так начинается пражский период его педагогической биографии, продлившийся более десяти лет. В 1924 г. он окончательно переезжает в Прагу, сохраняя научно-педагогические связи не только с русской эмиграцией в Германии, но и с немецкими коллегами. Так, в 1925 г., по рекомендации своего учителя Г. Риккерта, немецкое издательство заключает с ним «очень выгодный», по его собственным словам, договор на издание «Основ педагогики» на немецком языке^[427]. Совместным проектом пражской и берлинской эмиграции становится возобновление издания журнала «Логос» в Праге усилиями С. И. Гессена, Ф. А. Степуна и Б. В. Яковенко. Примечательна настойчивость, с которой С. И. Гессен и Ф. А. Степун отстаивали в спорах с Б. В. Яковенко новое направление журнала, главную цель которого они видели не столько в презентации немецких – шире – европейских достижений в области гуманитарных наук, сколько в превращении его в трибуну для русских авторов^[428]. В 1926–1932 гг. он читает лекции на русском языке по приглашению Русского научного института, на немецком – по приглашениям университетов в Бреславе и Мюнстере, Учительских союзов в Дрездене, Берлине и Лейпциге^[429], а также Союза русских евреев в Германии^[430].

Одним из важнейших этапов пражского периода биографии ученого становится его работа в журнале «Русская школа за рубежом». Несмотря на то, что С. И. Гессен публиковался в таких пражских изданиях педагогической направленности, как «Бюллетень Педагогического бюро по делам средней и низшей

школы», «Вестник самообразования», выступал по проблемам воспитания и образования в пражской русской периодике («Своими путями», «Воля России» и др.), журнал «Русская школа за рубежом», без преувеличения, остается главным средством трансляции его педагогических идей. Инициатива пригласить С. И. Гессена в качестве редактора журнала принадлежала ее организатору – известному лингвисту и педагогу С. И. Карцевскому^[431]. Очевидно, что это решение было продиктовано и авторитетом ученого как ведущего теоретика педагогики, и его опытом редакторской деятельности и журналистской работы. С. И. Гессен в 1910–1914 гг. входил в состав редакции международного философского журнала «Логос», в юности исполнял технические обязанности в петербургской газете «Речь», которую редактировал его отец вместе с П. Н. Милюковым, и в период своего пребывания в России, и в первые годы эмиграции активно публиковался в русской политической и педагогической прессе. Свидетельством незаменимости С. И. Гессена может служить то, что он входил в состав редколлегии на протяжении всего периода издания журнала. Много лет спустя он вспоминал: «.педагогические статьи, я писал по-русски, преимущественно для “Русской школы за рубежом”, и по-немецки (для “Erziehung” и других изданий).

В “Русской школе за рубежом” я печатал также большое количество рецензий и обзоров, да и самое редактирование журнала отнимало очень много времени, хотя я делил труд редактирования сначала с своим другом С. И. Карцевским, а по отъезде его в Женеву с Н. Ф. Новожиловым»^[432].

«Русская школа за рубежом» стала ведущим органом педагогического сообщества эмиграции, зеркалом, отражавшим не только важнейшие тенденции развития педагогической мысли, но и жизнь беженской школы в

регионах русского рассеяния, освоение в школьной практике новых методов и приемов преподавания, анализ состояния школы и теории образования и, что чрезвычайно важно, по возможности объективную оценку школьного дела в СССР. Уже в первом номере миссия журнала была сформулирована редакцией так: «.работать над возможно большим объединением русских зарубежных школ, русского зарубежного учительства»^[433].

Среди постоянных авторов были ведущие философы, педагоги, общественные деятели-эмигранты В. В. Зеньковский, А. Л. Бем, П. М. Бицилли, А. В. Жекулина, И. И. Лапшин, А. Т. Павлов, Г. Я. Трошин и др. В разделе «Науки философские и общественные» сборника «Русские в Праге: 1918–1928» С. И. Гессен так характеризует свое издание: «Журнал этот, являющийся в настоящее время единственным свободным педагогическим журналом на русском яз[ыке], отводит большое место не только теоретическим вопросам педагогики и психологии, но и смежным с педагогикой дисциплинам (работы С. Карцевского о языке) и научному изучению школьных систем и законодательства о детях Западной Европы и Америки, в частности школы славянских стран и лимитрофов. Много места отводится в нем также систематическому изучению школы в Сов[етской] России. Кроме хроники и обзоров советской школы, в каждом номере имеется статья, разрабатывающая ту или иную сторону сов[етской] школы»^[434]. Эта характерная для ученого способность к рефлексии, несомненно, была тем качеством, которое обеспечивало ему как редактору журнала способность к объективной оценке представляемых материалов, острокритическому суждению, невзирая порой на дружеские связи.

В этом смысле показательна история с публикацией другом и соавтором С. И. Гессена, впоследствии

крупнейшим английским педагогом-компаративистом Н. А. Ганцем рецензии на сдвоенный номер «Русской школы за рубежом» в «Современных записках». Осознавая необходимость распространения информации о своем журнале в эмигрантской среде, С. И. Гессен активно использовал связи с редакцией «Современных записок» для размещения в них рекламных объявлений (соответственно – в пражском журнале печатались аналогичные объявления по поводу «Современных записок») и рецензий на отдельные номера. 23 января 1925 г. в письме к М. В. Вишняку он замечает: «Вкладываю также объявление “Рус[ской] школы”. Для рецензии на нее Ганц вполне подходит. В последнем № как раз нет его статей»^[435]. Предложение Н. А. Ганца в качестве рецензента не случайно: он уже выступал в «Современных записках» рецензентом на первую книгу «Русской школы за рубежом»^[436]. Следует признать, что второй отклик в 1925 г., по-видимому, из-за нехватки времени, оказался гораздо лаконичнее и скорее напоминал аннотацию^[437]. По крайней мере, рецензия Н. А. Ганца на несколько номеров пражского журнала, написанная и опубликованная в следующем году в «Славоник Ревью», была глубже по содержанию и интереснее^[438]. Недовольство С. И. Гессена текстом Н. А. Ганца было сформулировано достаточно откровенно и, как можно понять из контекста, вполне разделялось редакцией «Современных записок», посчитавшей тем не менее возможным ее опубликовать. «Заметка Ганца, – пишет С. И. Гессен еще одному редактору «Современных записок» В. В. Рудневу 20 марта 1925 г., – действительно неудачна, но все же не бесполезна для нашего журнала»^[439]. Несмотря на то, что публикации Н. А. Ганца больше не появятся в «Современных записках», имя его не раз будет упоминаться в переписке, а книги

рецензироваться в этом журнале, в том числе и самим С. И. Гессеном.

Редакторская настойчивость С. И. Гессена проявляется и в рекомендации парижскому журналу «своих» авторов, и в приглашении В. В. Руднева и М. В. Вишняка публиковаться в Праге. Так, в том же письме В. В. Рудневу читаем: «А отчего Вы не напишете для нас ничего? В частности, я очень просил бы Вас написать для след[ующего] № «Русской школы» некролог (на 3–4—5 страниц) о кн. Львова, как заступнике русской заруб[ежной] школы. Вы можете прислать его мне в течение 3 недель. Этот № уже закончен печатанием и выйдет на днях, а след[ующий] (13/14) выйдет в начале мая. Ответьте на это тотчас же, пожалуйста.

У нас сейчас мало материала о заруб[ежной] школе. Вы могли бы дать что-либо из того, что у Вас имеется. Очень прошу»^[440].

Обширный некролог появился в майском номере; позднее С. И. Гессен опубликует несколько рудневских статей по проблемам эмигрантской школы, а в 1928 г. В. В. Руднев, по его инициативе, станет членом редколлегии «Русской школы за рубежом»^[441].

Не менее показательна и та быстрота, с которой С. И. Гессен реагирует на любой интересный для редколлегии «Русской школы за рубежом» материал. Так, сразу после поездки М. В. Вишняка в Бессарабию и появления в «Современных записках» его очерка «Из бессарабских впечатлений» С. И. Гессен 18 марта 1927 г. пишет ему: «А Вас я очень прошу прислать мне для “Рус[ской] школы за руб[ежом]” статью о бессарабской школе. Для нас материалы эти представляют большой интерес. Недавно в М[инистерст]ве мне дали знать, что журнал наш будет поддержан и в этом году. Вопрос еще только в размере субсидии. Ваша же статья пойдет в первую очередь»^[442]. Как следует из письма от 13 апреля, С. И. Гессен высоко оценил присланную статью, хотя и не

удержался от критической реплики: «Она для нашего читателя очень интересна, и я собираюсь ее пустить в следующем №-е. Внимательный читатель мог бы только возразить, что Вы, очевидно, за недостатком данных о русских школах, слишком часто пользуетесь аналогией с еврейскими. Но 1) и еврейских школ положение само по себе представляет интерес, 2) еврейские школы фактически полурусские. Гонорар смогу Вам выслать, как сдам № в печать, а для этого надо еще некоторое время подождать с окончательным формальным решением вопроса о субсидии»^[443].

Расширяя круг авторов своего журнала, С. И. Гессен настойчиво добивается у В. В. Руднева подробностей о заинтересовавшем его В. И. Талине (один из псевдонимов известного социал-демократического журналиста и публициста С. О. Португейса): «И кто такой “Талин”? Его статья о “Шкрабе” превосходна, и я хочу просить его написать для “Рус[ской] школы за руб[ежом]” одну и серию статей о фактическом состоянии школы в России. Пожалуйста, передайте ему эту мою просьбу или сообщите мне его имя, отчество и адрес»^[444]; «Кстати, не откажите мне сообщить адреса Ст. Ивановича и А. П. Маркова. Мне надо им написать от “Рус[ской] школы за руб[ежом]”»^[445]. Отметим, что Ст. Иванович – еще один псевдоним С. О. Португейса, сотрудничество с которым так и не состоялось, а вот статья «Бюджет народного образования в советской России» А. П. Маркова, печатавшегося в парижских газетах «Дни» и «Последние новости», появилась в «Русской школе за рубежом» в 1926 г.

Естественно, деятельность С. И. Гессена-редактора не ограничивалась его контактами с парижскими корреспондентами журнала. Материалы архива «Русской школы за рубежом» наглядно свидетельствуют о его роли в разработке общей концепции издания, тематики отдельных номеров и даже рубрик, о систематической

работе с авторами, необходимых контактах с чешскими чиновниками и представителями чешской педагогической общественности и т. д. Несмотря на загруженность редакторской работой, активную научную и педагогическую деятельность, С. И. Гессен на протяжении всех 9 лет существования журнала остается одним из основных его авторов. Вряд ли будет преувеличением сказать, что именно материалы С. И. Гессена определяли лицо «Русской школы за рубежом». Спектр его публикаций чрезвычайно широк – от фундаментальных научных статей по проблемам теории и истории образования до обзоров, рецензий, некрологов и информационных заметок о съездах и конференциях.

Уже в первом номере публикуется статья «Фребель и Монтессори: очерк философской теории игры», журнальный вариант главы из еще не вышедших «Основ педагогики». Автор не случайно избирает именно этот сюжет, понимая важность идей европейских педагогов-новаторов для практики современной школы. Спор между сторонниками фребелизма и монтессоризма, по мнению ученого, составляет одну из ключевых проблем новой педагогики, а его разрешение путем сопоставительного анализа этих систем делает реальным широкое применение теории игры в практике воспитания. Несложно заметить, что С. И. Гессен-педагог сохраняет верность логическим построениям в неокантианском духе и его анализ конкретной проблемы в значительной степени опирается на методологические принципы, усвоенные у Г. Риккерта. «Чтобы разобраться в этом вопросе, – пишет он, – необходимо прежде всего установить ту плоскость, на которой ведется самый спор, выделить то бесспорное, что несомненно удержится в обеих системах. Тогда только удастся противопоставить обе системы друг другу в их действительной противоположности. Сделать это

возможно, лишь наметив хотя бы в общих чертах, в чем заключается самая проблема организации детской игры»^[446]. Автор не ограничивается сугубо философской и педагогической интерпретацией старого и нового подходов к теории игры. Его интересует и прагматический аспект: насколько синтез лучшего из обеих систем пригоден для современного дошкольного воспитания. И вывод, к которому он приходит, не лишен определенной метафоричности: воспитательница детского сада, «артистка своего дела, не должна быть ни фребеличкой, ни монтессоркой, она должна быть прежде всего сама собой. Не выполнять чужие рецепты, а беспрестанно творить должна она, используя педагогический опыт других и применяясь к окружающей ее обстановке. А для этого она должна знать теоретические основания своего дела, обладать как философской, так психологической подготовкой. Воодушевление и мудрость хорагета должна она сочетать с холодным бесстрашием наблюдателя-натуралиста»^[447].

Переведенная на немецкий и итальянский языки статья вызвала полемику в европейских педагогических кругах, что побудило С. И. Гессена выступить на Первом съезде по дошкольному воспитанию за границей (1927) со специальным докладом, опубликованным затем в «Русской школе за рубежом». Автор дает критический обзор новейшей литературы, «мало доступной сейчас русскому читателю»^[448], при этом подчеркивая как принципиальное не противостояние неофребелизма и монтессоризма, но «формулирование существа детской игры», которое и есть «основной вопрос теории дошкольного воспитания», поскольку «отношение к Фребелю и Монтессори по необходимости определяется той теорией детской игры и ее организации, которую мы явно или скрыто принимаем»^[449].

Важнейшим постулатом его теории игры становится подлинная свобода ребенка в пространстве дошкольного воспитания – то, что было определено автором в «Основах педагогики» как «положительная свобода» в противовес «отрицательной свободе» в теории М. Монтессори, суть которой заключается в создании иллюзии свободы через принуждение ребенка посредством игры к выполнению указаний взрослых. «Положительная свобода» оказывается не только частью философско-педагогического понимания С. И. Гессеном воспитательного потенциала игры, но и важной составляющей гессеновской философии свободы.

Следует отметить, что политический вектор «Русской школы за рубежом» был достаточно специфичен. Редакция старалась держаться политического нейтралитета не только потому, что немалая часть сотрудников разделяла, как С. И. Гессен, социалистические взгляды, категорически не принимая правоконсервативной позиции, но и из опасения, что активная «антисоветская» позиция может привести к прекращению субсидий чехословацкого правительства, которое настаивало на исключительно гуманитарном, а не политическом характере своей поддержки русской эмиграции. Не случайно в письме В. В. Рудневу от 20 марта 1925 г. С. И. Гессен подробно объясняет свое неприятие точки зрения писателя и публициста М. А. Осоргина, который в статье «Денационализация детей и взрослых» выступил с критикой «правого уклона» в Педагогическом бюро по делам средней и низшей школы за границей как раз в период подготовки Второго съезда педагогов русских школ в Праге: «обвинение всего Бюро в этой тенденции было и несправедливо, и нецелесообразно, поскольку оно затрудняет борьбу руководителей Бюро с его составом за аполитичность Бюро. Кроме того, появление такой статьи в “Днях”

накануне съезда, во время переговоров Бюро с чешским правительством о съезде, было очень не своевременно. Оно могло испортить все эти переговоры. А съезд нужен как раз для того, чтобы дать победу аполитичности зарубежной школе»^[450].

Письмо С. И. Гессена не частная история взаимоотношений конкретных людей внутри русской эмиграции. Оно отражает его позицию в целом и служит аргументом в пользу того, что любая критика оппонентов (правых и левых) в его публикациях в «Русской школе за рубежом» носила объективный и конструктивный характер: резкие оценки состояния советской школы и педагогической мысли, политики советской власти в области образования были продиктованы искренним переживанием за происходящее, пониманием катастрофичности осуществляемых реформ.

В этом смысле показательна статья «К открытию Русского Педагогического Института в Праге», где размышления о месте и роли, задачах высшего педагогического образования сочетаются с конкретными предложениями по содержанию учебных программ и планов открывающегося института, оценками состояния советской педагогической школы. Фактически С. И. Гессен высказывается за подготовку учителя как «живого носителя научного предания» на базе уже полученного им университетского образования, поскольку, по его глубокому убеждению, «приобщиться к научному преданию возможно лишь в университете, представляющем собой очаг научного знания, изучение которого не ограничено в нем никакими посторонними науке соображениями профессионально-практического характера»^[451]. С. И. Гессен в своем подходе опирается не только на современную европейскую практику (Германия, Австрия и др.) и разработанную им в «Основах педагогики» теорию педагогического

образования, но и на собственный опыт: предложенные в статье схемы образовательной структуры института «соответствуют в общем выработанному в 1918–1919 гг. Томским Университетом, на основе развитого выше воззрения (самого С. И. Гессена. – *О. О., В. К.*), плану Педагогического] Института при Томском Университете»^[452]. Более того, с учетом сегодняшних условий он полагает целесообразным подготовку в институте не только выпускников университета, но и студентов-старшекурсников, совмещающих университетскую подготовку с педагогической.

С болью пишет С. И. Гессен о происходящем в советской России, где «высшее педагогическое образование окончательно разрушено, испытав на себе более всех других видов высшего образования коммунистический эксперимент»^[453]. Результатом этого эксперимента становится то, что «проникнутая узким духом профессионализма (свойственным, впрочем, всякому абсолютизму) университетская политика Советской власти вернулась вновь к идее заменяющих университеты специальных педагогических институтов, явно стремясь даже оба теоретические факультета университета превратить в специальные школы, выпускающие “работников просвещения”»^[454].

Одной из важнейших составляющих данной статьи является ее прогностический компонент. С глубоким знанием проблемы С. И. Гессен пишет о роли, которую должны будут сыграть подготовленные пражским институтом кадры в деле воспитания детей эмиграции, сохранения их национальной и культурной идентичности. Для него – это проект, рассчитанный не на годы, а на десятилетия, предполагающий особые условия подготовки учителей для русских школ в том самом будущем, когда начнут уходить помнящие реальную Россию преподаватели. «Кто станет на место тех, кому осталось еще так не долго жить и работать на

своем посту, отстаивая русскую культуру в соседних с Россией государствах и в Европе?»^[455], – восклицает он.

Сохранение и развитие образовательного пространства русской эмиграции видится С. И. Гессену той целью, достижение которой может объединить все общественно-политические и интеллектуальные силы зарубежной России, невзирая на их политические симпатии. Именно здесь политическая нейтральность является залогом соединения общих усилий для достижения конкретного результата – обеспечения воспитания и образования подрастающего поколения. Важнейшим инструментом достижения этой цели и должен стать открывающийся педагогический институт.

Способность С. И. Гессена соединять глубокую теорию и острую политическую и культурную актуальность осмысливаемых им явлений современной жизни (от краха прежних социальных утопий и устаревших правовых норм до происходящего в политической, культурной и профессионально-педагогической сферах) сделала его одним из ярких и востребованных авторов-публицистов, обеспечила широкий интерес к его текстам не только соотечественников, но и зарубежных авторов и издательств. Эта способность как нельзя лучше проявляется в его текстах, посвященных проблемам советской школы. Так, в статье «Идея трудовой школы и лабораторный план» содержится детальный анализ набирающего все большую популярность в советской России Дальтон-плана. С. И. Гессен точно формулирует причины этой востребованности и, что особенно важно, реально возникающую угрозу выхолащивания его сути и превращения в пустую декларацию. Характерная для практики советской школы тенденция к упрощению любого метода, предпочтению лозунгов реальной работе заставляет автора опасаться, что идеи лабораторного метода разделят судьбу единой трудовой школы.

Примечателен учет С. И. Гессеном интересов своего журнала и его аудитории: в качестве важнейшего источника сведений о Дальтон-плане он отдает предпочтение не многочисленным англо-американским работам, с которыми хорошо знаком, а ранее опубликованной в «Русской школе за рубежом» статье. «Наши читатели знакомы уже с тем, что представляет собою Дальтонский план, из прекрасного изложения его в статье Н. Ганца (Русск[ая] Школа [за рубежом], № 2-3), - напоминает он. - Поэтому, во избежание повторения, мы ограничимся здесь только напоминанием основных его положений»^[456]. Близко к тексту С. И. Гессен воспроизводит приведенные Н. А. Ганцем характеристики Дальтон-плана, однако уходит глубже в проблему соотносительности нового метода со столь важной для советской системы среднего образования идеей трудовой школы. Если последняя в советском варианте реализации практически не состоялась, то соединение ее с Дальтон-планом могло бы дать положительные результаты. Немаловажно, что аргументы в этом споре заимствуются из той же статьи Н. А. Ганца. Одно из кажущихся противоречий между теорией трудовой школы и лабораторным методом видится автору в однозначном неприятии идеи класса как работающего целого, и этот момент имеет не только практическое, но и идеологическое значение, поскольку именно класс, с точки зрения коммунистического воспитания, оказывается инструментом воздействия на любую личность, подчинения ее коллективу в ущерб индивидуальности, на формирование которой изначально направлен Дальтон-план.

С. И. Гессен не скрывает иронического отношения к теории и практике советской школы, к возможностям советской педагогики адекватно оценить новаторство предлагаемого метода: «Если бы представители официальной советской педагогики были менее

забывчивы и могли мыслить последовательно, то они поистине должны были бы в распространении Дальтонского плана увидеть один из симптомов надвигающейся реакции “индивидуализма” против “социализма” и, вместо того, чтобы переводить книгу Паркхерст, осудить Дальтонский план как порожденный буржуазной Америкой и несогласуемый с осуществленной коммунистическим государством трудовой школой»^[457].

Наглядной иллюстрацией последнего тезиса становится рецензия С. И. Гессена на двухтомную «Педагогику» А. П. Пинкевича, одного из ведущих теоретиков образования советской России в 1920—1930-е гг. Эта книга представляется рецензенту симптоматичным примером второго этапа становления советской школы, который приходит с нэпом на смену «анархокоммунистическим настроениям» первых революционных лет. Сарказм и беспощадная ирония здесь вполне органичны, хотя, казалось бы, жанр научной рецензии их не предполагает. Автор позволяет себе гораздо больший объем текста и наблюдения и выводы, заметно расширяющие идеологический контекст рецензии. Такова, например, характеристика советской школы переходного периода как «привилегированно-классовой», знающей «только коммунистическое “самоуправление”», «попутчиками» которой становятся «уже не мечтатели-прожектеры, непризнанные новаторы всякого рода вплоть даже до бывших толстовцев, а озлобленные неудачники и расчетливые дельцы, берущие не столько энтузиазмом, сколько усердием»^[458]. К числу последних С. И. Гессен относит и А. И. Пинкевича, демонстрируя редкий для его публикаций «переход на личности». Его герой предстает таким Молчалиным от советской педагогики: его не покидают «умеренность и осторожность <...> Враг всяких крайностей, он стремится придать советской

педагогике внешне благообразный вид, сгладив крайние требования своих товарищей. В нем нет ничего “скифского”, по всей натуре своей он – прилично одетый “западник”. Конечно, задача советской школы в сущности чисто интеллектуалистическая: “внедрить в головы подрастающего поколения коммунистическую идеологию”. Но в противоположность Замнаркому М. Покровскому, который откровенно заявляет: “при чем же в таком случае тут еще – трудовая школа?”. А. Пинкевич признает и “трудовые процессы”, Дьюи и Дальтон-план, подвергаемый им во многом правильной критике»^[459].

Политическую остроту и даже памфлетность приобретают гессеновские обзоры итогов развития советской школы за десятилетие. Так, критически оценивая реформирование советской системы управления народным образованием, автор акцентирует внимание читателя на заметном расхождении деклараций о роли местного самоуправления в деле школьного образования и реальной жесткой централизации всей школьной системы путем передачи, в частности, Главпрофобру Наркомпроса самых разнообразных учебных заведений – от университетов до технических училищ. В этом конфликте – общая проблема советского строя, при котором попытки «либерализации» и «европеизации» государственного механизма создают мнимые конструкции, подлинная сущность которых определяется установками партийной идеологии. «Для превращения советской лжедецентрализации в децентрализацию подлинную необходимо прежде всего, – делает он неутешительный вывод, – освобождение идеи права от идеи целесообразности, упрочение законности и разграничение компетенций, – что, однако, означает отмену самых основ советского строя»^[460].

Окончательный диагноз советскому образованию поставлен в масштабном очерке «Десять лет советской

школы», написанном в соавторстве с известным историком образования и деятелем общественно-педагогического движения, соредактором «Русской школы за рубежом» М. Ф. Новожиловым. Авторы четко формулируют свою позицию, стараясь дать по возможности объективный анализ происходящих в России процессов: «Сейчас, когда исполнилось десять лет существования советской школы, пора, наконец, отнестись к ней со всевозможной объективностью как к факту жизни, в котором добро и зло по необходимости перемешаны друг с другом»^[461]. Они детально исследуют 10-летний процесс строительства новой школы, роль политических институтов, коммунистической пропаганды, партийного контроля в выборе методов обучения, включая экспериментальные, и в определении содержания учебных предметов и циклов. Образовательная ситуация в СССР 1927 г. позволяла высказывать относительно оптимистические прогнозы: как казалось авторам, в условиях либерализации режима на фоне нэпа, достаточного числа учителей-энтузиастов, готовых к образовательному эксперименту при сохранении лучшего из дореволюционной педагогики, возможно изменение системы. Залог успеха им видится в том, что «все это движение педагогической мысли и практики идет совершенно независимо от советской педагогики, а часто и в оппозиции к ней. Оно в лучшем случае только терпит советской властью, и во главе его стоят не советские педагоги, а представители прежней русской педагогической традиции, до войны боровшейся за обновление русской школы»^[462].

Подобная позиция из дня сегодняшнего воспринимается как утопическая. Приближающийся «великий перелом» перечеркнет надежды, а меры, которые будут предприняты в ближайшие годы, окончательно превратят школу в часть тоталитарного

механизма. Но пока авторы надеются на силу педагогической традиции: «Это педагогическое движение свидетельствует о том, что русский учитель понимает “труд” не так, как то ему предписывает коммунистическая педагогика, а так, как его понимают во всем мире, т. е. как самостоятельность и активность учащегося. К развитию этих начал в школе, т. е. к идеалу подлинно трудовой школы, общему у него с лучшими представителями западноевропейской и американской педагогики, а не к разрушенному прошлому русской школы обращен взор русского учительства. Им определяются и его интересы, и его попытки самостоятельного творчества. Пожать плоды этого процесса – пока еще только процесса брожения и неоформившихся начинаний – сможет, однако, только то поколение, которое освободится и в области школы от мертвящего гнета коммунистической диктатуры»^[463].

Добавим, что основанием для надежд на перерождение советской школы стал и взгляд на нее иностранных педагогов, посещавших СССР. Не случайно С. И. Гессен сопрягает материал своего обзора «Иностранцы-очевидцы о советской школе» именно со статьей о «Десятилетии.»^[464]. Эти публикации интересны ему потому, что их авторы свободны от ограничений, с которыми сталкивается педагог-эмигрант: «Зарубежный исследователь советской школы в двойном отношении ограничен в своем исследовании: он принужден, во-первых, пользоваться исключительно данными советской печати, которая хотя и представляет собою при внимательном и постоянном чтении вполне надежный источник, все же не может заменить непосредственного соприкосновения с действительностью; и, во-вторых, даже при всем желании сохранить всю возможную объективность и беспристрастие, ему очень трудно подняться над своим положением простого зрителя, насильно оторванного от

соучастия в жизни родной ему школы»^[465]. Недавние книги и статьи американских и европейских педагогов – богатый материал для анализа реально происходящего с советской школой и того, что показывается иностранным визитерам. С. И. Гессену понятны механизмы представления гостям «образцового» советского опыта, что вызывает авторскую иронию. Случай С. Т. Шацкого, «переведенного» из экспериментаторов, подвергаемых огульной критике за мелкобуржуазность, в образцовые советские педагоги, – тому наглядный пример. Впрочем, и с оценкой определенных достижений С. И. Гессен также готов согласиться.

Повторим еще раз: годы появления этих статей – время некоторых надежд, которое скоро закончится. И уже в начале 1930-х гг. Д. Дьюи будет писать о работах С. И. Гессена и Н. А. Ганца, опубликованных по-английски, как об избавляющих западных интеллектуалов от иллюзий по поводу советской России и ее школы.

Расставание с надеждами и критическая оценка происходящего с советской школой в центре второй статьи С. И. Гессена и М. Ф. Новожилова «Школьная политика советской власти за 1927–1930 гг.», которую сами авторы воспринимают как продолжение первого – «юбилейного» – очерка. Отказ от позитивных преобразований политического и экономического характера становится причиной окончательного поворота к тоталитарно-репрессивным методам управления школой. Хотя авторы оперировали фактами последних трех лет, их выводы опирались на аналогии, воспринимавшиеся в большом историческом времени. Так, «сталинская заморозка» сравнивалась с соответствующим периодом николаевской эпохи и давала основания говорить о пагубности коммунистического типа образования и воспитания для

будущего российской школы. «Коммунистический идеал образования начал с того, что, выставляя идеал неограниченной свободы, он хотел совершенно растворить школу в жизни. Но, понимая жизнь как коммунистическое общество будущего, он с самого начала уже жертвовал активностью ребенка, его конкретной реальностью, в пользу отвлеченной утопии будущей гармонии»^[466], – отмечают авторы. При этом в статье продолжается полемика с тем почти идеальным образом советской школы, который сформировался у левой западной педагогики. Советская школьная политика окончательно перечеркивает надежды эпохи нэпа, превращая школу в орудие классовой борьбы, а образование – в удел привилегированного класса, в качестве которого на этот раз выступает пролетариат. Вместо широкого политехнического образования вводится узкий монотехнизм подготовки профессиональных кадров для конкретных отраслей промышленности, а формирование большевистского мировоззрения оказывается важнее профессионального знания.

Яркая, но страшная метафора будущего советской школы завершает статью: «И личность ребенка, и автономия образования приносятся в жертву абсолютизму государства, превращаемого в плацдарм классовой борьбы. <...> Они вынуждены отступить перед новым натиском воинствующего коммунизма, разжигающего классовую борьбу в новую гражданскую войну и ставящего свою последнюю ставку на мировую войну. Но и коммунистический идеал образования гибнет при этом как образовательный идеал. Он разъедается своей собственной отрицательностью. Никакие педагогические идеи не прикрывают уже более Молоха красного милитаризма, в жарком дыхании которого исчезают последние остатки того, что можно было бы еще назвать образовательным идеалом»^[467].

Эта статья С. И. Гессена и М. Ф. Новожилова стала последней в «Русской школе за рубежом»: 34-й книгой закончилось издание журнала, и, несмотря на попытки педагогического сообщества русской эмиграции его возобновить, успеха они не имели. Издание А. Т. Павловым в Праге журнала «Русская школа», в редколлегию которого входил и был активным автором С. И. Гессен, ограничилось на протяжении 1934–1940 гг. всего 12-ю номерами. С. И. Гессен по-прежнему остается автором «Современных записок», публикуется на страницах «Нового Града», в чешской, польской, югославской педагогической прессе, в английском «Педагогическом ежегоднике», расширяя тем самым круг своих читателей.

Просветительская деятельность С. И. Гессена. Профессор во главе Томского городского им. П. И. Макушина Народного университета (конец 1918 - начало 1919 г.)^[468]
Л. М. Найбороденко, С. Ф. Фоминых

Значительные силы и внимание в 1918–1919 гг. С. И. Гессен уделял народному университету. Он был открыт 16 января 1918 г., его по праву называли детищем, созданным и взлелеянным П. И. Макушиным. Директором университета был выбран заведующий кафедрой церковного права Томского университета профессор П. А. Прокошев. Занятия начались в здании университета, поскольку Дом Науки, специально построенный для народного университета, был занят. Первую лекцию о жизни и творчестве Шекспира прочитал профессор А. А. Гвоздев. Самая большая аудитория университета не смогла вместить слушателей. Занятия велись на трех факультетах: историко-филологическом, юридическом и естественно-историческом^[469].

В конце 1918–1919 гг. народным университетом заведовал С. И. Гессен. Краткая информация об этом содержится в интересной статье С. Ф. Фоминых и С. А. Некрылова^[470], причем ученые ссылаются на источники из Государственного архива Томской области. Авторы данной работы располагают отчетом о деятельности Томского городского народного университета им. П. И. Макушина в конце 1918/1919 учебного года, написанным С. И. Гессеном и опубликованным в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1919 г., в сдвоенном номере 1–2. С. И. Гессен указывает на

трудности в работе Университета, проблемы с аудиториями и отсутствие «специального кадра лекторов», несмотря на то, что лекции читали преимущественно профессора вузов Томска и преподаватели средних учебных заведений. Недовольство С.И. Гессена вызывалось тем, что не могло быть и речи о регулярных занятиях систематического характера, «Университет мог предложить... только целый ряд эпизодических лекций и курсов»^[471].

Цикл гуманитарных наук в университете включал лекции по искусству, литературе, психологии, социологии, истории. Так, профессор П. Г. Любомиров осветил слушателям историю русского освободительного движения, профессор М. М. Хвостов раскрыл вопрос о том, «чему учит нас, русских, опыт Великой Французской революции», профессор С. И. Гессен выступил по проблеме «Социализм, анархизм и коммунизм» и т. п. По циклу естественных и технических наук слушателям были предложены такие темы, как «Живой мир как целое» профессора В. В. Сапожникова, «Открытие полюсов земли и жизнь полярных стран» профессора М. Д. Ружского и др. Всего с 8 декабря 1918 г. по 10 апреля 1919 г. была прочитана 41 лекция. Посещаемость лекций колебалась от 13 до 480 человек на лекции. Общее число посетителей в учебном году составило 5834 человека. Университет работал, отметили бы сейчас, «на хозрасчете», хотя имела место и субсидия Министерства народного просвещения в размере 5000 руб. Истекший учебный год дал даже излишек дохода. Весь доход с лекций равнялся 5731 руб. 65 коп.

Расход же выразился в сумме 5005 руб. Труд всех лиц, участвовавших в организации и чтении лекций, был оплачен: вознаграждение лекторам за двухчасовую лекцию составляло 60 руб., делопроизводитель получал от 100 до 150 руб. в месяц, другие сотрудники также

имели плату за труд. Важный факт: «заведующий народным университетом не получал вознаграждения, но ему были возмещены его расходы в размере 200 рублей в год». Кроме отмеченных доходов, университет имел основной капитал, состоявший из пожертвований, субсидий и т. п., и он был довольно значительный – 135 тысяч руб., правда, по тем временам был невелик, пишет С. И. Гессен. Чем ценна для нашей проблемы информация о народном университете, какое отношение она имеет к томскому учительству? Прямое. Гессен и его коллеги профессора активно работали «на учителей» и, конечно, на старшеклассников томских гимназий, студентов. Их стимулировали низкой платой за билет: за посещение отдельной лекции взималась плата в 90 коп., «учителя же начальных училищ платили только 15 коп. за хранение платья», т. е. они слушали лекции бесплатно. Кроме того, профессиональным обществам, а учителя имели свой профсоюз, и воинским частям делалась скидка в 20 %^[472].

По статье С. И. Гессена видно, что народный университет в Томске работал не первый год и имел планы на будущее. У него был попечительский совет, главное – у него была своя аудитория, можно предположить, в значительной мере учительская, студенческая, в нем была потребность, а это было основой успеха университета в последующие годы. Так, после некоторого перерыва в работе, Томский городской университет открылся вновь уже в 1925 г.^[473] Авторам известно, что в 1960–1980-е гг. в Томске активно действовал университет культуры с традициями, заложенными еще в годы революции и гражданской войны томскими профессорами, среди которых лидером был Сергей Иосифович Гессен.

Интерес томичей, особенно, молодежи, учителей к лекциям ученых Томского университета, Технологического института, вероятно, навел С. И.

Гессена на мысль об открытии при Томском университете Института социальных знаний. «Целью его являлось развитие и проведение в демократические мыслящие круги общества Сибири точного знания главным образом в области экономики, социологии, государственного управления, биологии и смежных дисциплин».

В проекте были определены все организационные нормы работы Института. Планировалась работа двух отделений – социального и биологического. На социальном отделении предполагалось чтение следующих предметов: на первом курсе – история религии; новейшая история Западной Европы; история России, в связи с развитием общественных движений; политическая экономия; статистика; социология; энциклопедия права; кооперативное дело (история и теория коопераций); основные формы государственного строительства. На втором курсе предполагалось чтение курсов: основы финансового хозяйства; история политических учений; гражданское право; уголовное право; государственный и социальный строй России; аграрный вопрос; земское и городское дело; рабочий вопрос; социальное страхование; право и кооперация; кооперативная статистика. На биологическом отделении подлежали преподаванию следующие предметы: сравнительная анатомия; физиология; основы химии; социальная гигиена; история и энциклопедия медицины; гистология и эмбриология; физика и метеорология; минералогия; геология и палеонтология; биология; география и этнография (фольклор); агрономия; социология; политическая экономия; государственный и социальный строй России; первая помощь при несчастных случаях; основы ветеринарии; гигиена семьи; ботаника; мироведение; горное дело Сибири; основы химической технологии.

Преподавателями Института могли быть лица из преподавательского состава высших учебных заведений,

а также известные своими научными трудами по данной специальности. Студентами Института могли быть лица обоего пола, имеющие свидетельство об окончании не менее 4 классов гимназии или высшего начального училища. Лица, не удовлетворяющие этому условию, могли быть приняты в Институт в качестве вольнослушателей. С каждого студента и вольнослушателя предполагалось взимать за слушание лекций и практические занятия по 3 руб. за полугодовой час и сверх того, независимо от числа слушаемых лекций, по 10 руб. в пользу Университета в полугодие. На каждом отделении студенты могли прослушать полный курс лекций не менее, чем за два года. Студентам Института, прослушавшим полный курс наук по одному из отделений и выдержавшим установленные испытания, планировалось выдавать от имени Института надлежащее в том удостоверение.

В отмеченный период работа народных университетов включалась в сферу деятельности органов народного образования и определялась как «дело внешкольного образования народа». В Томске этой проблеме уделялось внимание Томским губернским школьным отделом еще в 1917 г., в частности, планировалось проведение курсов по образцу курсов при народном университете Шанявского в Москве для подготовки «деятели по внешкольному образованию и инструкторов». Важность дела подтверждалась выделением приличной суммы на внешкольное образование в Томской губернии в размере 25 тыс. руб., о чем товарищ министр Народного просвещения П. И. Преображенский уведомил Томский отдел, поручив 24 октября 1917 г. Департаменту Народного просвещения перевести указанную сумму «по статье 39 сметы 1917 года». Курсы планировались на длительный срок с 1 января по 1 июня 1918 г., был подготовлен проект положения о курсах, учебный план, была создана

комиссия по их организации. В силу нестабильности политической обстановки, смены власти весной 1918 г. в Томске курсы были перенесены на конец лета 1918 г. На них предполагалось пригласить лекторов из университета Шанявского^[474].

Итак, проблема внешкольного образования народа была актуальна, она решалась в Томске и Томской губернии, профессор С. И. Гессен был в контексте этой проблемы, сам активно работал над просвещением народа. Авторы предположили, что это не могло не отразиться на научном творчестве Сергея Иосифовича, и попытались найти этому подтверждение в его монографии «Основы педагогики». Предположение подтвердилось. В главе VII «Ступень свободного самообразования (автономии), или теория внешкольного образования» два раздела специально посвящены внешкольному просвещению народа, есть и сюжет «Народные чтения и народный университет». С. И. Гессен отмечает, что движение популяризации университетских знаний, зародившись в Англии в 1880-х гг., получило распространение в Европе. Америке, а также в России. История этого движения показывает, пишет Гессен, что простого научения сверху недостаточно, что только популяризация науки наталкивалась на индифферентность людей, преодолеть которую не мог даже «пламенный энтузиазм инициаторов дела». Каково же мнение профессора, имевшего практический опыт руководства народным университетом в Томске, по поводу преодоления этой стены безразличия? Он считал, что «истинная популяризация предполагает слияние с духовными запросами человека, вытекающими из его повседневной деятельности», особенно профессиональной. Народный университет должен быть поэтому «чувствилищем духовных запросов местного населения», откликаться на его интересы. Как этого достичь? С. И. Гессен отмечал,

что для этого университет должен стоять «возможно ближе к местным общественным союзам, представители которых должны входить в заведующий им орган». Сам И. С. Гессен был тесно связан, как видно по документам и изложенной выше информации, и с Томским школьным Советом, и с Томским Губернским учительским Союзом. Профессор считал, что народные университеты могут внести большой вклад в «развитие культурного сознания личности через воспитание ее внутренней свободы». В завершение сюжета отметим, что в указанной выше главе профессор упоминает, правда, косвенно, Томский уезд, крестьянам которого «можно рассказать про открытие электрического тока», но это их не интересует, пока лектор не покажет практического его применения на мельнице или на току и т. п. [\[475\]](#) Напоминаем читателю, что в основу книги легли лекции, читанные автором в Петроградском и Томском университетах, на СВЖК и многочисленных учительских курсах в Томске в 1918–1920 гг. Издана книга была в Берлине в 1923 г., он мысленно перерабатывал свой практический опыт, используя, конечно, и обширную европейскую философскую и педагогическую литературу, исторический опыт европейского просвещения.

«Томский след» в добром смысле этого выражения проявился и в примечании к главе XIV «Основ педагогики» С. И. Гессена, посвященной проблеме физического образования. Раскрывая новейшие течения в области физического воспитания, профессор пишет, что «старый тип учителя гимнастики, военного... или спортсмена, заменяется специалистом физического воспитания, с качествами спортсмена, соединяющего элементарное медицинское образование». В России, отмечает ученый, кроме П. Ф. Лесгафта, стоявшего на этой точке зрения, «взгляд этот... защищал и проводил в жизнь с особой энергией в Сибири деятель д[окто]р В. С.

Пирусский, создатель разрушенного во время революции в Томске “Института физического развития” и преподаватель б[ывшего] Педаг[огического] Отд[еления] Сиб[ирских] Высш[их] Ж[енских] Курсов»^[476]. Владислав Станиславович Пирусский, крупная фигура в сибирском, томском просвещении, был активным организатором оздоровления народа, свои обширные знания он отдавал развитию физической культуры в Сибири, особенно в Томске, с середины 1880-х и до начала 1930-х гг. Им было создано в конце XIX в. Общество содействия физическому развитию, по инициативе которого в 1902 г. была открыта школа физического развития – манеж, что обошлось Обществу в 131 тыс. руб. В трехэтажном здании школы – манежа (сейчас в нем находится первая горбольница) размещалось три отдела, в которых было организовано до 16 различных видов занятий, ежедневно по всем отделениям в манеже обучалось до 160 детей; Обществом летом и зимой в пригородах Томска открывались «колонии» (лагеря) для оздоровления детей. В. С. Пирусский издавал в 1917 г. журнал «Здоровье для всех», он осуществил целый ряд других важных мер по оздоровлению томских школьников. Для проведения столь серьезной работы нужны были специалисты. Пирусский проводил курсы по их подготовке, но они не были достаточно эффективны. Поэтому педагог выступил с идеей организации высшей школы для подготовки работников физического воспитания. Институт физической культуры был открыт в 1921 г., его планы утверждались в Москве вместе с планами аналогичных Московского и Ленинградского институтов^[477]. В 1922 г. Пирусский был приглашен в Наркомпрос.

Своими идеями он заинтересовал Н. К. Крупскую и А. В. Луначарского, они одобрили планы педагога^[478].

Институт работал успешно, он получил содействие профессоров ТГУ, Технологического института, врачей города; в нем было три отделения: медико-педагогическое, тренировочных и трудовых процессов^[479]. Сведения о В. С. Пирусском, почерпнутые в литературе, совпадают с высокой оценкой, данной ему профессором Гессеном, явно они были знакомы – общались, вместе читали лекции на СВЖК, Гессен был свидетелем активной просветительской деятельности доктора, педагога Пирусского. Все это позволило ему поставить имя этого томича рядом с выдающимся П. Ф. Лесгафтом. Следует только внести коррективу в сведения о разрушении «во время Революции в Томске Института физического развития». Как уже отмечалось, Институт был открыт в 1921 г. органами советской власти, но, как пишет К. И. Журавлева, «вскоре был закрыт из-за финансовых затруднений, обусловленных последствиями империалистической и гражданской войн». Дату закрытия Института авторы обнаружили у Ф. Ф. Шамахова – 1923 г.^[480]

Итак, Сергей Иосифович Гессен активно потрудился для просвещения томичей, особенно томских учителей. Как видно из вышеизложенного, и томские педагоги, особенно выдающиеся из них, заметно повлияли на ученого. Но было ли влияние на профессора, на его творчество простого томского учительства? Оказывается, было. С. И. Гессен пишет об этом проникновенно, искренне в предисловии к книге «Основы педагогики». Он отмечает, что отсутствие на русском языке издания, которое можно было бы предложить слушателям-учителям на курсах, а также внимание, которым там его «неизменно вознаграждали», побудили его взяться за изложение лекций в виде книги. Однако участие педагогов не ограничивалось только моментом «побуждения и одобрения». Многочисленные беседы, которые велись по

поводу лекций на курсах с учителями, были тем более поучительны, что среди них были люди-практики, «имевшие за собой долгий опыт учительской работы». Эти беседы, знакомя профессора «с волнующими учителей вопросами и указывая пробелы» в его лекциях, заставляли его углублять взгляды, дали ему возможность наполнить «часто слишком отвлеченные построения конкретным жизненным содержанием». Профессор пишет, что он с благодарностью обращается «душою к тем счастливым часам... лекций», каждая из которых была для него «источником новых педагогических открытий». Одновременно профессор отмечает роль атмосферы «научного воодушевления», которая составляла важнейшую черту историко-филологического факультета университета и сделала его одним из центров научно-педагогической мысли в Сибири^[481].

Таким образом, документы о сотрудничестве С. И. Гессена и томского учительства показывают, что его система педагогики выростала не на голом месте, она впитывала живые соки педагогической мысли томского учительства, шло взаимное обогащение и профессора и томских педагогов.

Участие профессора Томского университета С. И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и Гражданской войны [\[482\]](#)

Л. М. Найбороденко

Важное место в деятельности С. И. Гессена томского периода занимала подготовка и проведение курсов для народных учителей. Примером могут служить летние курсы 1918 г. Цель их состояла в том, чтобы подготовить «учащих [так называли учителей в тот период. – Л. Н.] к занятиям в новой реорганизованной школе». Как отмечалось в резолюции второго Западно-Сибирского краевого делегатского учительского съезда весной 1918 г., задачи курсов заключались в «освежении знаний, приобретении некоторых общих сведений по новейшим течениям науки и создание стимулов для творческой деятельности учащихся на местах» [\[483\]](#). Кроме того, курсы должны были «показать средства для исправления школьных недостатков, научить учащихся преподаванию новых предметов», – писал один из организаторов летних курсов 1918 г. для томских учителей П. А. Васильев [\[484\]](#). В программе курсов были четко указаны методические вопросы по всем школьным предметам, причем среди них следует выделить новые дисциплины, такие, как сибиреведение, геология и минералогия, история революций, политическая экономия, право.

Курсам планировалось придать практическую направленность, поэтому учителя должны были быть

обучены умениям, «необходимым для занятий в новой школе»: художественному чтению, лепке, педагогическому ручному труду, пению, производству различных опытов и практических работ по природоведению, устройству экскурсий исторических, географических и естественно-исторических, приготовлению моделей геометрических тел, простейших приборов по физике, химии. Практические занятия «курсистов» в лабораториях, мастерских, музеях и на выставках учебных пособий должны были сопровождаться и теоретическими сообщениями. Методические указания предполагалось иллюстрировать уроками в образцовой школе [\[485\]](#).

Как свидетельствуют документы, подготовкой летних учительских курсов 1918 г. занималось Губернское правление совместно с уездным. П. А. Васильев разработал проект курсов. Очень важно отметить, что этот проект обсуждался Правлением с профессором Гессеном и «был принят с небольшими изменениями». Хотя и косвенной, но значительной была роль С. И. Гессена и в решении финансовых вопросов этих курсов. Доклад о курсах был подготовлен для губернской земской управы, и смету расходов на курсы должно было утвердить и осуществить губернское земское собрание. Земское собрание не состоялось вследствие упразднения земства, и губернскому правлению пришлось искать иной выход. Благодаря тому, что С. И. Гессен получил предложение от культурно-просветительских организаций Омской и Томской железных дорог устроить для их учителей курсы, представители этих организаций, правление губернского учительского союза и профессор Гессен «решили для сокращения расходов и экономии преподавательских сил организовать совместные курсы». Дело было в том, что Губернский учительский союз своих средств не имел, он обратился за

ассигнованиями на курсы в размере 300 тыс. руб. к Совету депутатов. По сведению Ф. Ф. Шамахова, имели место трения между Учительским союзом и Томским Советом депутатов по поводу программ курсов, в частности в апреле 1918 г. историк пишет, что Совдеп «отстранил от составления программ и подбора лекторов Учительский союз и передал это дело в руки Губоно». Губернский комиссар по просвещению В. М. Бахметьев заявил, что «народу нужна новая школа, поэтому прочь от кафедры общественных знаний тех, кто отравлен ядом буржуазной идеологии»^[486]. Позже, как видно из документов, было достигнуто согласие между Учительским союзом и Советом депутатов. Ясно, что шла борьба за учительство, за влияние на его умы.

Совет депутатов попросил предоставить ему программу и смету курсов, он решил дать средства с тем условием, чтобы курсы устраивались от имени комитета по народному образованию при Совдепе. Возникновение финансовых проблем объяснялось исторической обстановкой весны 1918 г., периодом межвременья, «междувластия». Тем не менее курсы были учреждены как почти двухмесячные со 2 мая по 20 июля 1918 г. нового стиля. Слушателями курсов приглашались быть все учителя начальных и высших начальных училищ Томской губернии, учителя Томской и Омской железных дорог и других губерний при наличии свободных мест. Руководить курсами должен был их Совет, в который вошли все преподаватели, а также представители организаторов этих курсов, указанные выше^[487].

Судя по документам, начало работы курсов было перенесено на более поздний срок, и финансовые проблемы решались дополнительно. Так, на заседании Томского губернского Школьного совета 12 июня 1918 г. вновь ставится вопрос о летних курсах. Было отмечено, что этот вопрос был практически решен всеми руководящими органами народного просвещения

Томской губернии и одобрен ими. Но так как необходимо было объявить о времени начала курсов, их программе, Школьный совет поручил В.П. Денисову, его руководителю, «внести не позднее пятницы 14 июня 1918 г. от имени Губернской Земской управы в Комиссариат Временного Сибирского правительства ходатайство об отпуске кредитов на устройство курсов»^[488]. Причина этих проблем автором указана: падение в конце мая 1918 г. власти Советов и установление власти Временного Сибирского правительства, как и звучит в документе.

Предложенный выше читателю сюжет о подготовке летних курсов 1918 г. при активном участии С. И. Гессена был явно незавершенным, не было точно известно, состоялись ли они в условиях Гражданской войны, а если и состоялись, то где проходили, каково было число участников, какова была программа курсов, кто читал лекции для учителей, где и как было получено финансирование их и т. д. К счастью, источник удалось выявить в редком фонде Томской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Это «Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 года», брошюра в 104 листа мелкого шрифта, изданная в Томске, в типографии Военной академии в 1919 г. «Отчет» был составлен по поручению школьного отдела Томской Губернской Земской Управы профессором Томского университета Алексеем Александровичем Кулябко. По предположению автора, редактором «Отчета» был С. И. Гессен, чувствуется его стиль во введении к «Отчету», чувствуется его мысль в создании документа не бюрократического типа, а именно научного, кроме того, во введении звучит фраза: «Как близко стоявший к курсам, я охотно принял предложение школьного отдела земства и школьного отдела Томской железной дороги взять на себя редактирование отчета»^[489]. Кроме того, два важных

раздела документа подписаны пусть не прямо именем Гессена, но под ними стоит полное слово «Редактор» или сокращенное «Ред.», что означает, что не составитель А. А. Кулябко их готовил, а редактор. Вот эти разделы: «Введение», «Задачи организации будущих летних курсов» в 4,5 листа научного текста; сюда же примыкает не подписанный «Проект положения об учреждении постоянной комиссии по организации летних курсов для учителей», который является логическим продолжением предыдущего раздела. Думается, что и идея анкетирования учителей, анализ их состава также принадлежат С. И. Гессену как ученому, жившему интересами школы, учительства^[490].

Структура документа четкая, он состоит из оглавления, введения, очерка истории возникновения курсов, разделов о преподавании, о слушателях и слушательницах, программ всех курсов, читанных учителям, информации об экскурсиях, анкетировании учителей, трех приложений, в которых содержится «именной список всех слушателей и слушательниц» курсов, а также финансовый и хозяйственный отчеты. Источник носит аналитический характер, в частности редактор и составитель осуществили анкетирование слушателей курсов, кроме того, они исследовали состав «курсистов» по месту жительства, по полу, «по образовательному цензу», как тогда было принято говорить, что нашло отражение в 13 таблицах. Итак, выявлен ценнейший исторический документ, который впервые вводится в научный оборот. Его, по сведениям автора, не использовал Ф. Ф. Шамахов, возможно, потому, что «Отчет...» не был в свободном доступе в 1930—1980-е гг.; на этот документ не ссылаются и другие авторы, которые занимаются томским периодом в деятельности С. И. Гессена.

В силу того, что проблема повышения квалификации томского учительства является самостоятельной, в

данной статье выделим лишь те аспекты этой проблемы, которые непосредственно связаны с участием профессора Гессена в проведении курсов. Но вначале осветим вопрос о самих курсах, отметим их особенности. Итак, летние томские учительские курсы состоялись несколько позже, чем планировалось, с 22 июля по 1 сентября 1918 г. В них приняли участие 715 человек, в том числе мужчин 127, или около 18 %, и женщин 588, или 82 % от общего числа. Преобладающее большинство составляли земские учителя и учительницы, их число равняется 329, или 46 %. Учителя школ Томской железной дороги «прибыли в числе 131 человека, или 18,3 %». Омская железная дорога дала 89 слушателей, или 12,4 %; «курсисты» из городских учителей – томских и иногородних – составили группу в 71 человек, т. е. 9,9 %, $\frac{1}{10}$ часть; наконец, 95 человек, или 13,3 %, были отнесены к группе посторонних (т. е. не командированных ни земствами, ни железными дорогами). Таким образом, земские составляли около половины, железнодорожные – около трети и городские – около одной десятой части всего числа^[491].

Из каких же «сел и весей», городов и уездов съехались в Томск летом 1918 г. сибирские «учащие»? Они собрались из 12 городов Сибири, в том числе из Барнаула, Енисейска, Каинска, Красноярска, Мариинска, Нарыма, Ново-Николаевска, Омска, Петропавловска, Славгорода, Тайги, Томска; они прибыли из 20 уездов, в том числе из Кузнецкого, Славгородского, Змеиногорского, Алло-Алылаковского, Акмолинской области, Иркутской губернии, Якутской области, Луцкого уезда Волынской губернии, Уфимского уезда Уфимской губернии, иначе – со всех уголков и закоулков Сибири, и не только^[492].

Курсы были особенно своевременны, если иметь в виду довольно низкий уровень образования учителей.

Так, из 71 городского учителя и учительницы 49 имели высшее и среднее специальное образование, низшее – 9, специальное педагогическое – 31, причем были предоставлены вместе оба вида образования, а следующая таблица дает подробное представление об уровне образования городских учителей: с высшим образованием была всего 1 учительница, педагогические курсы закончили 4 человека, сельхозкурсы – 1, реальное училище – 1, гимназию и педагогические курсы – 1, гимназию и учительский институт – 3, 8 классов гимназии – 21, 7 классов гимназии – 8, учительский институт – 2, епархиальное училище – 6, и далее сведения идут по снисходящей линии, где указано неполное гимназическое образование, даже общеобразовательные курсы, 13 учителей не дали сведений о своем образовании. Из 329 земских учителей высшее и среднее образование имели 49 человек, низшее – 155, специальную педагогическую подготовку – 45, не дали сведений – 125. Несколько выше был образовательный уровень у учителей железнодорожных школ Томской и Омской железных дорог. По Томской дороге лица, имевшие среднее и выше среднего образование, составили 92,5 % от общего числа, остальные 7,5 % имели образовательный ценз ниже среднего. Примерно такое же положение было у педагогов школ Омской дороги^[493].

Как отмечал редактор, «превысивший всякие ожидания огромный приток записавшихся на курсы с полной несомненностью показывает, насколько желательными и необходимыми явились эти курсы», они дали учителям «достаточно духовной пищи, освежили, обновили и пополнили их познания». Курсы явились ответом их руководителей на реформу школы, которая готовилась в России еще до начала революции^[494], реформу, которая должна была преодолеть недостатки в образовании детей. К их числу относились

игнорирование воспитания, слабое приучение детей к книге, к самостоятельному пользованию ею, к самообразованию; трудовой принцип не осуществлялся; всю школьную науку дети усваивали пассивно, словесно; по многим предметам преобладала зубрежка; местный материал при изучении истории, географии, других предметов игнорировался, экскурсии не проводились; на физическое развитие детей в школе внимания не обращалось; большинство «учащих народной школы с новыми течениями в педагогике не были знакомы», педагогический ручной труд, рисование, лепка и пение в школах отсутствовали и др. Поэтому «учащие» на курсах должны были восполнить дефицит своих знаний, чтобы преодолеть указанные недостатки.

С этой целью учителям были предложены на курсах пять циклов лекций: основной или педагогический цикл (102 лекции), истории и права (30 лекций), русского языка и литературы (37 лекций), физико-математический (52 лекции), естествоведения (58 лекций). За 35 лекционных дней было прочитано 289 часовых лекций. Кто их читал? Это – ключевой вопрос в любом учебном заведении, а курсы и явились временным учебным педагогическим заведением, можно говорить, своеобразным филиалом Томского государственного университета, технологического и Учительского институтов, или, точнее, временно действовавшим благодаря объединению сил указанных выше учебных заведений педагогическим университетом. Общее число лекторов достигло двадцати одного, «из коих 10 являлись профессорами университета и технологического института». Назовем их поименно:

- профессор Томского университета Николай Александрович Александров (химия, методика и история музыки);

- профессор Николай Иванович Березнеговский (подача неотложной медицинской помощи в несчастных

случаях);

- профессор Томского технологического института Борис Петрович Вейнберг (физика);

- директор Томской гимназии Иван Мефодьевич Воскресенский (история литературы);

- профессор Томского университета Сергей Иосифович Гессен (педагогика, право);

- преподаватель математики в Томском реальном училище Фаддей Ромуальдович Дульский (методика геометрии);

- преподаватель пения в Учительском институте Петр Евсевьевич Евсевьев (методика пения);

- ассистент нервной клиники Василий Васильевич Корелин (педагогическая психология с учением о дефективных детях);

- заведующий отделом народного образования Томской Губернской Земской Управы Филипп Тарасьевич Кудимов (гражданское воспитание);

- профессор Томского университета Алексей Александрович Кулябко (физиология и биология);

- профессор технологического института Аркадий Валерианович Лаврский (геология и минералогия);

- профессор университета Павел Григорьевич Любомиров (история);

- преподаватель Учительского института Николай Иванович Молотиллов (методика ручного труда);

- врач Владислав Станиславович Пирусский (физическое воспитание);

- профессор Александр Петрович Поспелов (физика);

- профессор Михаил Дмитриевич Рuzский (основы зоологии);

- преподаватель Леонид Алексеевич Романченко (о плавании);

- преподаватель Учительского института Сергей Васильевич Спицын (методика русского языка);

- профессор Сергей Михайлович Тимашев (устройство яслей);
- художник Павел Иванович Шарламов (методика лепки и рисования);
- преподаватель технологического института Василий Иванович Шумилов (методика арифметики и алгебры)^[495].

Курсы работали в аудиториях Томского университета и технологического института, любезно предоставленных для этой цели администрацией этих вузов. Многие лекции включали в себя демонстрации таблиц, рисунков, моделей, препаратов и диапозитивов. Лекции по химии сопровождались многочисленными опытами, в постановке которых участвовали сами «курсисты». Были устроены осмотры анатомического института, зоологического музея, политехнического училища, библиотеки Томского университета. Материалы лекций по физиологии и биологии были проиллюстрированы двумя сеансами научных фильмов в томском кинематографе «Фурор». Некоторые профессора привлекали своих слушателей к самостоятельной работе, они давали им темы, вопросы, устраивали консультации, предлагали списки литературы. Наконец, преподаватели курсов, их руководители организовали для учителей 14 образовательных экскурсий, среди них следует выделить особенно интересные, такие, как в горный музей технологического института, в детскую колонию (лагерь) В. С. Пирусского, в астрономическую лабораторию, историческую экскурсию по достопримечательным местам Томска, в Анжерские и Судженские копи и др.^[496]

Итак, новые дисциплины на курсах, организация обучения по циклам, высокий научный уровень прочитанных лекций, их методическое, опытническое, наглядное сопровождение, образовательные экскурсии –

все это свидетельствовало о тщательной подготовке этого временного педагогического учебного заведения, об отличной режиссуре, о том, что чувствовалась рука мастера, мысль идеолога этих курсов. Как следует из документов, автором проекта был П. А. Васильев, судя по всему, бывший учитель, к 1917–1918 гг. ставший сотрудником структур управления школами. Но он во всем советовался с С. И. Гессеном, как отмечалось выше, именно с ним согласовывал план курсов, несомненно, что С. И. Гессену, единственному в Томске ведущему специалисту по педагогике, принадлежит и роль научного руководителя и вдохновителя курсов. Суть новизны курсов нами отмечена.

С точки зрения повышения квалификации учительства, роста его профессионализма главное было в том, что весь учебный процесс на курсах явился образцом для подражания учителям, все важнейшие дидактические принципы были реализованы: использование достижений науки, вовлечение учителей в овладение новым знанием, наглядность, связь с жизнью, развитие интереса к познанию, закрепление приобретенных знаний и т. п. Не ошибемся, если скажем, что они были проведены в соответствии с требованиями современной ученому российской и европейской педагогической науки, в соответствии с собственными научными разработками С. И. Гессена. Отмеченное подтверждается материалами основного – педагогического – цикла, который был предложен сибирским учителям. Этот цикл включал прежде всего программу новаторского курса С. И. Гессена «Философские основы педагогики». Она состояла из введения, двух отделов и заключения. Во введении было дано определение педагогики как науки. В первом отделе излагалась теория нравственного воспитания, в частности такие ее вопросы, как принудительное и свободное воспитание, дисциплина и свобода в

воспитании, школьное воспитание как развитие в детях правового чувства и общественного сознания; свободное самовоспитание; проблема наказания. Второй отдел был посвящен теоретическому образованию, иначе – умственному развитию ребенка, юноши, взрослого человека, преподавателя, учителя. Профессор отлично структурировал свой курс, в частности второй отдел, дал определение теоретическому образованию, назвал его цели и состав, основные ступени, такие, как элементарный, систематический и научный курсы, выделил проблемы наглядного обучения. В заключение были коротко освещены другие виды воспитания, такие как эстетическое, религиозное, хозяйственное, физическое. В конце он коснулся теории гигиены, дал определение образованию и педагогике. Все разделы курса были снабжены списком русской и европейской литературы^[497]. Суть воззрений С. И. Гессена в вопросах воспитания заключалась в формировании творческой, гармонически развитой личности, духовно свободной, с высоким уровнем нравственности и интеллекта, причем без акцента на классовые приоритеты, с признанием общечеловеческих ценностей.

Как соотносится курс С. И. Гессена «Философские основы педагогики», прочитанный летом 1918 г., с его фундаментальным трудом «Основы педагогики. Введение в прикладную философию», изданным в Берлине в 1923 г., а в России в 1995 г.? Анализ двух источников показывает, что главные положения, идеи курса, прочитанного профессором сибирским учителям летом 1918 г., легли в основу его книги, естественно, будучи углубленными, развернутыми, более аргументированными. Важно отметить, что главный труд ученого, идеи которого были разработаны в Томске, сохраняет свою ценность, актуальность и для современности. Ответственный редактор указанной монографии доктор философских наук П. В. Алексеев

считает ее одной из лучших книг XX столетия по педагогике^[498]. Итак, томские учителя на курсах летом 1918 г. имели возможность слушать одного из талантливейших российских философов-педагогов.

На летних курсах 1918 г. С. И. Гессеном был предложен учителям также краткий курс в шесть часов по философии права. К числу основных проблем этого курса относились следующие: политическая свобода и социализм, «свобода как равная для всех», социализм как конечный вывод из идеи правового государства, демократия как господство общей воли народа; научный социализм как соединение идеи социализма и идеи демократии; соотношение понятий коммунизм, анархизм и социализм; право и нравственность; социализм как дальнейшее развитие либерализма. Гессен как философ права и как социал-демократ, сторонник взглядов группы Г. В. Плеханова «Единство», изложил в курсе свои собственные и современные ему воззрения по указанным вопросам^[499].

Цикл педагогический включал также лекции по экспериментальной педагогике и учению о дефективных детях, который был предложен ассистентом нервной клиники В. В. Корелиным. Этот курс также интересен, иное его название – педагогическая психология. К основному циклу относилась и лекция профессора С. Тимашева о смертности детей в России, причинах ее и мерах борьбы с нею, а также об организации городских и деревенских приютов и яслей. Важное место в основном цикле, в целом в работе на курсах было отведено занятиям по ручному труду. Они были проведены профессионалом высокого класса, преподавателем Н. И. Молотилковым, причем в его мастерских в Томском учительском институте. Отчет о занятиях по ручному труду в документе о курсах подробный, программа обстоятельная, она дифференцированно освещала проблему применительно

к возрасту детей, раскрывая суть методики педагогического ручного труда в соответствии с материалом: бумагой, деревом, металлом. Ценно, что Н. И. Молотиллов видел в ручном труде возможности для всестороннего и гармонического развития всех сил детского организма. Число слушателей-педагогов на занятиях Н. И. Молотилова составляло от 3-х до 4-х групп по 30-35 человек в каждой^[500].

Педагогический цикл на курсах включал и занятия В. С. Пирусского, врача, талантливого организатора оздоровления детей, последователя П. Ф. Лесгафта. Они были посвящены физическому развитию детей, их физической культуре. Ценные сведения учителя получили и из лекций профессора Н. И. Березнеговского об оказании медицинской помощи в несчастных случаях. Особое место в педагогическом цикле на курсах заняла проблема гражданского воспитания, как указано, читанная Ф. Т. Кудимовым. Она была очень актуальна, «мы - не рабы, рабы - не мы» - утверждалось тогда, все это воспринималось остро. «Чтобы воспитать гражданина из детей, надо учителю самому быть гражданином, тогда все остальное приложится», - такова основная мысль лекций Кудимова. Он готовил книгу по указанной проблеме. Вопросы эстетического, духовного развития детей также получили освещение на курсах. Три беседы по методике и эстетике музыки были предложены учителям профессором Н. А. Александровым, причем они сопровождались музыкальными иллюстрациями из произведений Баха, Бетховена, Шопена и других композиторов. С методикой школьного хорового пения учителей знакомил П. Е. Евсевьев, преподаватель Учительского института. Педагогический цикл завершали занятия по лепке и рисованию, проведенные в анатомическом институте художником П. И. Шарлаимовым, причем, как и предыдущие, эти занятия были глубоко продуманными,

нацеленными на передачу педагогам знаний в области истории искусств, в частности живописи, скульптуры, архитектуры^[501].

Итак, одним из главных организаторов летних педагогических курсов был Гессен, автором структуры их основного педагогического цикла был, несомненно, он. Лекции С. И. Гессена, наряду с лекциями таких профессоров, как историк П. Г. Любомиров, физиолог А. А. Кулябко, зоолог М. Д. Рuzский, были самыми востребованными. Их посещаемость достигала 300-400 человек, «учителя толпились даже в коридорах». Основной цикл давал базовые знания учителям, отметим, как это отражено и в программах, что цикл не был политизирован и идеологизирован. Школа должна была быть вне политики, автономна – так считали кадеты, либералы. Тем не менее стоит отметить, что такие курсы были подготовлены и проведены именно либералами, ясно, что они хотели в острый момент борьбы за власть привлечь сибирское учительство на свою сторону. Думается, что это им удалось, как ни звучит парадоксально, благодаря тому, что акцент на политику не делался. Правда, лекции историка профессора П. Г. Любомирова были посвящены Смутному времени конца XVI – начала XVII в. по аналогии со смутными 1917-1918 гг., а также проблемам подготовки Первой мировой войны, что тоже было весьма актуально; был прочитан спецкурс «Из истории освобождения России (от эпохи Петра I до Февральской революции 1917 г.)»^[502].

Курсы, во главе которых была профессура Томского университета и технологического института, вдохновителем и идеологом которых был С. И. Гессен, удались в силу целого ряда исторических обстоятельств. Одно из главных заключалось в падении власти Советов в начале июня 1918 г. в Томске и установлении здесь власти сибирского комиссариата Временного

правительства Автономной Сибири, отдел народного образования которого возглавил профессор Томского университета В. В. Сапожников, состоявший до этого ректором университета. Почему раньше курсы не были проведены? Шла борьба между Учительским союзом и Советом депутатов, у первого была программа курсов, у второго – финансы. Трения и борьба прекратились с падением власти Советов. Именно Министерство народного просвещения (а не отдел), так звучит в документе, выделило основную сумму денег на курсы – 63 750 руб., средства вложили Томская и Омская железные дороги – по 30 тыс. руб. каждая. Общий бюджет курсов составил 123 750 руб. Этим была решена судьба курсов, они состоялись. Кроме того, деньги поступили от Алтайского губернского земства, от союза служащих Омской железной дороги, от Томской уездной и губернской земской управы в сумме 14 975 руб. 50 коп. на пособие земским учителям. На курсы жертвовали разные учительские организации, уездные управы. Это был приход вне сметы. «Отчет» содержит полный финансовый «расклад» расходов, организаторы вели дело экономно, часть средств осталась (35 658 руб. 89 коп). Земские учителя-«курсисты» получили пособие в сумме 200 руб., «железнодорожные» – несколько больше, каждый – на «жизнь», питание и т. д. Профессорам труд был оплачен достойно – по 20 руб. в час, хотя деньги в 1918 г. и теряли цену. Кроме того, организаторы курсов смогли обеспечить учителей-«курсистов» почти со всей Сибири общежитиями, их было открыто десять в томских гимназиях, училищах, в Учительском институте (вместе со столовой) и в других местах. Наличие финансов позволило устроителям организовать выезд учителей в Анжерку и Судженск (видимо, железнодорожный профсоюз помог) на экскурсии на копи. Кроме того, медики обслуживали учителей, что тоже требовало

средств. Итак, основные факторы – политический и финансовый^[503].

Но стоит отметить и еще один фактор, обеспечивший успех курсов летом 1918 г. Это сплоченные действия важнейших структур, сотрудничество лиц, занятых подготовкой курсов. Что это за структуры и лица? Это, конечно, органы управления учительством в губернии, причем с осени 1917 г., когда возникла мысль проведения курсов: это Комиссия народного образования при Совете депутатов во главе с В. М. Бахметьевым, позже – отдел народного образования в Томской губернской земской управе во главе с Ф. Т. Куимовым. Далее, это Губернский учительский союз во главе с В. П. Денисовым. Особо выделим роль П. В. Васильева, который начинал подготовку курсов, сделал очень многое, но в канун курсов ушел в отпуск, а в конце их работы вернулся. Конечно, велика роль Министерства народного просвещения и главы В. В. Сапожникова, это отмечено. Профессора университета и технологического института, преподаватели Учительского института сыграли «главную скрипку» на курсах, но ведь они были в отпуске – лето! Значит, работали в отпускное время.

А сами учителя? Они входили в созданную на курсах организационную комиссию, в которой были Л. Н. Гутовская, профессор С. И. Гессен и П. А. Васильев. В хозяйственной комиссии было свыше 20 учителей, среди них А. Киселева, С. Никитина, П. Колбин и др.^[504] Можно говорить о том, что объединились все духовно-нравственные и интеллектуальные силы Томска. Педагогический Томск здесь проявил себя благородно. Но кто же был связующим звеном, казалось бы, не связанных между собой сил? Думается, что таким звеном, такой «палочкой-выручалочкой» был С. И. Гессен. Именно он был «вхож» в органы власти и красных и белых, именно он был своим в Учительском

институте, читал там лекции педагогам на их курсах, именно он был автором цикла лекций по педагогике в Томском университете, но отметим, не только по педагогике, но и по логике, основам теоретической философии, истории греческой философии, введению в философию нравственности и права, этике и философии права, социологии и др., он имел высокий престиж в университете как профессор по кафедре философии и логики на историко-филологическом факультете, поэтому профессура томских вузов его уважала, именно Гессен в этот период готовит проект открытия педагогического института в рамках университета, наконец, вместе с профессором Э. В. Дилем С. И. Гессен стремился объединить томских скаутов^[505]. Стоит отметить, что и общественная потребность в реформировании школы была велика, а значит, и учительство стремилось к обновлению и пополнению знаний.

Курсы свою задачу выполнили. Это подтвердило анкетирование. Анкета, которую раздали поздно, видимо, перед закрытием курсов 715 учителям, была возвращена только 69 учителями. Тем не менее 10 % были анкетированы. Несмотря на такое ограниченное число ответивших на анкеты, можно составить мнение «курсистов» о преподавании. На вопрос, какими предметами учителя остались более всего удовлетворены, были даны такие ответы: историей – 38, педагогикой – 34, методикой русского языка – 29, философией права – 19, педагогической психологией – 12 и т. д. Курсами остались довольны из 59 лиц, давших в анкете ответ на этот вопрос, 47 человек, не вполне довольны 3 человека и недовольны 9. Хозяйственной частью организации курсов остались довольны 27 человек, недовольны – 21^[506]. Анкетирование учителей показало, что подавляющая их часть была удовлетворена приобретенными знаниями, на вечере в

честь окончания курсов один учитель читал благодарственные стихи профессорам и организаторам. Они того заслужили. После курсов они все представили свои программы для опубликования, для того, чтобы учителя смогли воспользоваться их сжатыми конспектами. А организаторы курсов, в их числе и С. И. Гессен, подготовили рекомендации для будущих руководителей новых курсов, чтобы те избежали ошибок.

Были ли недостатки на курсах? Да, были. Не были вычитаны некоторые учебные дисциплины, такие, как сибиреведение, минералогия и др.; не всех учителей «повысили» в их квалификации, учителя гимназий, средних профессиональных училищ не были на курсах, финансовые средства не позволили, пришлось этих педагогов «отсечь», были накладки в расписании и др. Но в целом педагогический Томск показал себя летом 1918 г. как «умственная столица» Сибири, обучил учителей из почти всех уголков ее, даже из Якутии были учителя. Объединенные интеллектуальные силы города подтвердили, что им по плечу крупные акции по повышению квалификации учительства, по руководству образованием, по влиянию на судьбы школы. Итак, роль С. И. Гессена была существенна в подготовке педагогов Сибири, Томска к работе в реорганизованной школе, он выступил в качестве одного из организаторов первых курсов учителей периода революции 1917 г. и Гражданской войны в Томске.

Раздел III

«Архив эпохи» Сергея Гессена

**«Над страшною бездною жизни...»
(О Сергее Иосифовиче Гессене)
В. В. Сапов**

Сергей Иосифович Гессен (1887-1950) был обойден вниманием советской историографии. Имя этого русского философа отсутствует в Большой советской и в Философской энциклопедиях (хотя в последней помещены неплохие статьи о его коллегах по журналу «Логос» – Ф. А. Степуне и Б. В. Яковенко), ничего не сказано о нем и в сравнительно недавно изданном «Философском энциклопедическом словаре». Еще большее сожаление вызывает тот факт, что Гессен до сих пор исключен из поля зрения философов, правоведов, литературоведов, педагогов. Между тем вклад его в эти области знания довольно существенен и заслуживает серьезного изучения.

Протоирей В. В. Зеньковский, не очень сочувственно относившийся к тому направлению, к которому примыкал Гессен, оценивает его роль в русской философии весьма высоко.

«Философское творчество Гессена, – пишет он, – и в немногих чисто философских работах, и в его замечательных опытах “прикладной философии” (педагогика, социальноправовые темы, вопросы этики) отмечено подлинным патетизмом. Философская восприимчивость соединялась у него с настоящим философским Эросом, с живой устремленностью к Абсолюту, а трезвость ума, чрезвычайное умение систематизировать выдвигаемые им понятия могли бы дать плоды исключительной ценности. Но философскому дарованию Гессена не дано было развернуться в полноте – и внешние неблагоприятные обстоятельства

жизни, и внутренняя скованность мысли бесплодным и обеспложивающим трансцендентализмом помешали этому. Но в историю русской философской мысли Гессен вошел как один из наиболее одаренных ее представителей»^[507].

«Внешние неблагоприятные обстоятельства» сказались лишь во второй половине жизни Гессена, первая же прошла вполне благополучно. Его отец Иосиф Владимирович Гессен (1866–1943) – юрист по образованию, известный публицист, член ЦК партии кадетов, редактор газеты «Речь», после революции эмигрировал из России и издавал в Берлине газету «Руль», а с 1921 г. – знаменитый «Архив русской революции».

Сын сначала пошел по стопам отца – окончил юридический факультет Петербургского университета, однако сравнительно рано у него проявился интерес к философии, которой он посвятил всю свою дальнейшую жизнь (не пренебрегая, впрочем, и правоведением). Душа его стремилась в Гейдельберг^[508] – философскую Мекку начала XX в. – куда юноша и отправился после окончания учебы.

«Сергей Иосифович Гессен, – вспоминал впоследствии Ф. А. Степун, – приехал в Гейдельберг тремя, а может быть, и четырьмя семестрами позднее меня. Немецким языком он владел еще слабо и искал русского студента-философа, хорошо говорящего по-немецки, отчасти для перевода ему лекций, а отчасти для научных бесед на немецком языке. Кто-то назвал ему мою фамилию, и он зашел спросить, согласен ли я заниматься с ним <...>. Он был... невелик ростом, но хорошо сложен, худ и неловок в движениях. Одет он был на русский интеллигентный лад, по-стариковски: черный, неуклюжий пиджак, может быть, с отцовского

плеча, и высокий крахмальный воротник. Для меня, москвича, в нем было что-то слегка чужое, петербургское, и в говоре, и в манере держать себя. Но все это сразу же отошло на второй план, как только мы заговорили о философии»[\[509\]](#).

...Как это непохоже на то, что порой рисует нам воображение! Молодых людей, в начале века отправляющихся из России в Гейдельберг и другие научные центры Германии, мы представляем себе не иначе как блестяще образованными, свободно владеющими языками, «подкованными» в науках. А тут: «немецким владел слабо», в движениях был «неловок». Впрочем, все эти недостатки, во многом благодаря вниманию немецких профессоров именно к русской молодежи изживались довольно быстро. Среди тех, у кого учился Гессен в Гейдельберге, следует особо отметить В. Виндельбанда и Г. Еллинека.

«К русской молодежи, - пишет о Еллинеке хорошо знавший его Б. А. Кистяковский, - он питал несомненно симпатии. Если ему и казался странным некоторый недостаток у нее внешних культурных приемов, то, с другой стороны, его привлекали ее идеализм, бескорыстное стремление к знанию и самоотверженность. Как-то одна русская студентка, по своему внешнему виду очень слабого здоровья, перед отъездом в Россию зашла к нему взять свидетельство о посещении его лекций; на его вопрос, зачем она торопится в Россию, она ответила, может быть, не вполне владея всеми оборотами немецкой речи, несколько высокопарными словами: "Отечество ждет меня". Потом он долго не мог забыть этих слов, постоянно возвращался к ним и удивлялся, что такое юное и слабое физическое существо на первом плане ставит общие интересы»[\[510\]](#).

Но «идеализм» русской молодежи, так восхищавший Еллинека, имел и обратную сторону. В скором времени имена немецких профессоров замелькали в ожесточенных партийных спорах, которые в начале XX в. велись в России чуть ли не на каждом шагу. Г. Риккерт в предисловии к русскому переводу одной из своих книг вынужден был признать, что в России его философско-исторические взгляды связывали с политическими спорами и с этой точки зрения пытались бороться с ними.

«Я очень хорошо понимаю, почему именно в настоящее время [в ноябре 1907 г. – В. С.] подобное отношение к философским вопросам имеет место в России, ибо мне пришлось встречать русских студентов, которые научными вопросами интересовались, по-видимому, лишь тогда, когда им представлялась возможность употребить их для обоснования их политических идеалов. <...> Меня прозвали философом буржуазии. Почему? Потому что я между прочим оспариваю так называемое материалистическое понимание истории Маркса и Энгельса? Но я ведь оспариваю его не из политических, а из чисто логических соображений. <...> Я нигде не выражал своего отношения к политическим идеалам социализма. Моя философия истории во всяком случае не зависит ни от какой партийной политики, и я поэтому прошу также и русского читателя отнестись к ней без какого бы то ни было политического предрассудка»^[511].

Вскоре Н. А. Бердяев даст классическую формулировку «психологических первооснов» подобного отношения к философии:

«Интересы распределения и уравнения в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества. <...> К идеологии... которая в центре ставит творчество и ценности, она относилась подозрительно, с заранее составленным волевым решением отвергнуть и изобличить»^[512].

В России в начале XX в. произошло столкновение философии как творчества, с одной стороны, и как прикладной идеологии и даже политики, с другой. С. И. Гессен был философом творческим.

«Среди учившихся вместе со мною в Гейдельберге студентов-философов, - вспоминает Степун, - было немало высокоталантливых людей... но ни в ком из них не было того интеллектуального восторга, который меня сразу же поразило в С. И. Думая, он весь сиял, с его лица не сходила улыбка приветия самому процессу мышления и удивления перед ним. Лучшие минуты С. И. были те, когда он вдруг замолкал, как бы прислушиваясь к зарождению новой логической комбинации»^[513].

Когда Степун познакомился с Гессеном, «религиозной темы, или хотя бы только метафизической тоски в нем не чувствовалось, но ум он был изумительно, причем определенно критическим и даже скептическим умом»^[514]. Последнее замечание заслуживает особого внимания. Степуну в свое время глубоко в душу запали слова В. Виндельбанда: «Passen sie auf, sie haben doch bei den Schwarzen»^[515]. С годами он начал придавать им особый пророческий смысл, которого сам Виндельбанд в них, пожалуй, и не вкладывал. Желая оправдать собственную мировоззренческую эволюцию, Степун, по сути дела, объявил ее всеобщей. С одной стороны, это несколько

не способствует пониманию того действительного сближения «путейцев» и «логосовцев», которое произошло уже в эмиграции (но отчетливо просматривалось и в России, и только «личные недоразумения» не позволяли увидеть линии этого обоюдного сближения), с другой – часто побуждают его принимать желаемое за действительное. Вот что он пишет в 1951 г.:

«...Наше отношение к Канту и его последователям было с самого начала весьма разное. Исходя из признания Канта, что он “должен устранить знание, дабы очистить место для веры”, я с самого начала искал путей к религиозно-мистическому дополнению трансцендентальной философии. Кантианцем я в сущности никогда не был. Гессен же им бесспорно был уже потому, что он был убежденнейшим риккертанцем»[\[516\]](#).

Знаменитые слова из предисловия ко второму изданию «Критика чистого разума» Степун переводит как «должен устранить знание, дабы очистить место для веры». Любой перевод есть, конечно, вместе с тем и интерпретация. Термин «aufheben», который употребляет здесь Кант, не столь однозначен и, главное, не столь категоричен. Из всех существующих ныне переводов этого изречения наиболее адекватным является, пожалуй, предложенный А. В. Гулыгой: «Я должен был поднять знание, чтобы освободить место вере»[\[517\]](#).

Этот терминологический экскурс очень важен для понимания той идейной борьбы, которую вели накануне войны «логосовцы» и «путейцы», или, говоря иначе, представители «научной» и «религиозной» философии. Спор велся в основном вокруг нескольких фундаментальных тем, одной из которых являлся вопрос

о соотношении знания и веры (же: «науки» и «религии», еще же: «философии» и «религии»). «Путейцы» постоянно упрекали «логосовцев» в том, что они – ориентируясь главным образом на немецкую философию – в духе последней отделяют «знание» от «веры» непреодолимой пропастью. А от Канта, как доказывал В. Ф. Эрн в своем знаменитом докладе, прямая дорога «к... Круппу!»^[518].

Начавшаяся в 1914 г. война, казалось, означала победу «путейцев» над «логосовцами». («Логос» прекратил свое существование на втором выпуске 1914 г.) Но победа эта была мнимой: аргументы чисто философские сменились аргументацией идеологической, а зачастую и откровенно политической.

Русская философия накануне 1914 г. приближалась к еще не вполне отчетливому синтезу. Вектором того параллелограмма сил, составными частями коего были «почвенники» и «трансценденталисты», мог бы стать символизм. Но, к сожалению, помимо чисто «исторических обстоятельств», этому помешало еще и следующее.

Наиболее «шумными» и потому, как тогда казалось, «типичными» представителями каждого лагеря были наиболее «крайние» или «воинственно настроенные»: у «путейцев» В. Ф. Эрн, у символистов – А. Белый, у «логосовцев» – Б. В. Яковенко. Были и «центристы» (С. Н. Булгаков, В. И. Иванов, С. И. Гессен), и свои «колеблющиеся» (Н. А. Бердяев, Ф. А. Степун).

Что касается общего «внешнего врага», то здесь все три «силы» обнаруживали удивительное единодушие, этим врагом в широком смысле слова была любая партийно-политическая идеология, в узком – идеология большевизма и марксизма. К чести «логосовцев», «путейцев» и «символистов» (последние, впрочем, не без исключения: А. Белый, А. Блок, В. Брюсов – но это поэты, «существа крылатые»), ни один из них не

запятнал себя искренним сотрудничеством с советской властью; почти все они оказались в эмиграции, где в меру сил и возможностей продолжали дело, начатое в России.

Еще более примечателен в этом смысле «прообраз» будущего сотрудничества «Логоса» и «Пути» – сборник «Вехи», под обложкой которого сошлись будущие «путейцы» (Бердяев, Булгаков, Гершензон) и будущие «логосовцы» (Кистяковский, Франк, Струве). За вычетом Изгоева, не примкнувшего ни к одной из группировок, «Путь» и «Логос» поделили веховцев строго пополам. Но политические факторы (война, революция и т. п.) – всегда внешние в чисто философском споре. К счастью, все эти «линии сближения» отчетливо выписаны и теоретически обоснованы в «Свете Невечернем». Книга «неославянофила» С. Н. Булгакова написана столь западнически, что вызвала со стороны Л. Шестова резкую критику.

«Даже Булгаков, – писал он в своей статье “Вячеслав Великолепный”, – человек, которому, казалось, следовало бы держаться подальше от изысканных утонченностей западной мысли, так же пленен и очарован новейшей культурой, как и В. Иванов. <...> Новый философский труд он написал вне всяких внешних давлений, задуман совершенно свободно и, тем не менее, составлен не то что по образцу немецких философских трактатов, а прямо по образцу “Критики чистого разума”»^[519].

Главным делом жизни С. И. Гессена стал журнал «Логос», основанный во многом благодаря его личным усилиям.

«Первое “Учредительное собрание” редакционной коллегии с ее московскими друзьями, – вспоминал Ф. А.

Степун, - происходило на квартире П. П. Муратова, автора известных очерков об Италии и редактора журнала “София”. Собралась только молодежь. Сережа с вдохновением раскрывал “идею Логоса”, удивляя всех своею верою в его нужность и возможность его быстрого осуществления... Слушая моего друга-соратника, я не менее созванных нами москвичей удивлялся его оптимизму. Он как-то не замечал того холодка в отношении к нам, который чувствовался и в словах италофилов Муратова и Грифцова, и в размышлениях любимого ученика Лопатина, Огнева, и даже в предостережениях бесконечно талантливому и блестяще парадоксальному А. К. Топоркова... Четыре года редактировали мы с С. И. “Логос” и ни разу не только не поссорились с ним, но даже и не перебросились друг с другом неприязненным словом, или хотя бы лишь полемическим письмом. Работать с С. И. было очень легко: во-первых, потому что он никогда не отказывался от работы, а брал главную тяжесть на себя, а во-вторых, потому, что не лишенный некоторой хорохористости, он был очень отходчив и добр самою настоящею добротою... Было в милом молодом Сереже некое порхание, какие-то диалектические качели над страшною бездною жизни»^[520].

Сам же С. И. Гессен о своем участии в «Логосе» рассказал следующее (позволю большую цитату):

«Получив докторскую степень и совершив вместе с женой путешествие по Швейцарии, Северной Италии и Южной Франции, я обосновался в Петербурге, часто бывая при этом в Москве по вопросам издания “Логоса”, редактируемого мною и Степуном. Это был год оживленной деятельности.

В Петербурге я сделал доклад в Философском обществе при университете и участвовал в его

собраниях. Благодаря этому я ближе узнал петербургских философов старшего поколения – А. Введенского, Н. О. Лосского и И. Лапшина, С. Франка, Л. Габриловича, моих будущих коллег и друзей. В этом же году при моем участии в Петербурге было создано общество друзей философии, которое собрало все молодые философские силы (Н. В. и Д. Болдыревы, А. Вейдеман и другие, в среде которых была весьма популярна так называемая Марбургская школа). Доклады и дискуссии во время заседаний помогли мне в изучении этого неокантинского течения. Я завязал сердечную дружбу с членом общества В. Е. Сеземаном, с которым затем вместе готовился к магистерскому экзамену.

В Москве я прочел доклад в философском кружке, собравшемся вокруг М. К. Морозовой, и стал действительным членом редколлегии издательства “Мусагет”, в котором выходил “Логос”. Часто бывая в собраниях “Мусагета”, я встречал представителей символизма, с которыми подружился, особенно с А. Белым и Э. Метнером. В то время я изучал сочинения Бергсона “Время и свобода воли” и “Введение в метафизику”, которого я перевел на русский язык. Изучал я также *L'indentite et realite* (“Тождественность и действительность”) Мейерсона, о котором написал большую статью, переведенную затем по просьбе автора на русский язык. Начал я заниматься и русскими философами: В. Соловьевым, А. Введенским, Н. Лосским, И. Лапшиным, которых в то время совершенно не знал. Кроме того, я написал две статьи и серию рецензий для двух номеров “Логоса”, а также много других статей и рецензий для газеты “Речь”, главными редакторами ее были П. Н. Милюков и мой отец.

В начале этого плодотворного периода Жуковским, с которым я позднее подружился, был издан мой перевод “Философии истории” Г. Риккерта.

Весной 1910 г. я был допущен к магистерскому экзамену на историко-философском факультете Петербургского университета, под условием сдачи экзаменов по древней и средневековой истории, аналитической геометрии и физике. Побеседовав с моими будущими, весьма многочисленными, экзаменаторами и условившись с ними, особенно с экзаменатором по философии А. Введенским, о темах, которые я должен был приготовить, о детальной программе, которую я должен был представить через год, я отплыл пароходом в Марбург, чтобы провести там летний семестр. Я встретился там с женой, заранее приехавшей туда с нашим сыном Евгением. Программа подготовки к магистерскому экзамену требовала трех лет напряженной работы. Кроме вышеупомянутых предметов и экзаменов по философии, логике, метафизике, психологии, этике и истории философии, в эту программу были включены также экзамены по латыни и греческому.

В течение следующих четырех лет, с 1910 по 1914 г., я сновал между Петербургом и Москвой (по поводу "Логоса"), ездил во Фрейбург и Швейцарию, где в основном жила моя жена с ребенком и куда я приезжал надолго во время каникул. Летом 1910 г., кроме подготовки к экзаменам, я занимался Марбургской школой и посещал лекции и семинары Г. Когена, П. Наторпа и начинавшего в то время Н. Гартмана.

Летом 1911 г. во Фрейбурге я слушал лекции по аналитической геометрии Гефтера, лекции по физике, а также посещал семинары Риккерта и Кона и принимал участие в дискуссиях прежнего философского кружка. Кроме того, я, как и раньше, писал рецензии для "Логоса", статьи и рецензии для газеты "Речь", правил переводы для "Логоса" и для сборников "Новые идеи в философии", издал книгу Риккерта "Науки о природе и науки о культуре". Я разбрасывался так отчасти по

легкомыслию, отчасти из-за необходимости заработка. Из более важных работ я написал только “Философию наказания”. Две другие задуманные работы – “Проблема альтруизма” и “Ригоризм и иезуитизм в этике”, написанные вчерне и с одобрением принятые во время их чтения в кружке любителей философии в Петербурге и на семинаре Риккерта, не были закончены и никогда не публиковались. Я легкомысленно откладывал их окончание, полагая найти в будущем необходимое для этого время и постоянно упуская его, да так никогда уже к ним не возвратился.

К сожалению, и позднее я точно так же не завершил других работ, среди которых была книга по философии Канта; они отняли у меня много времени и стоили большого труда.

Это были годы тесной дружбы с Ф. А. Степуном и Б. А. Кистяковским, жившими в Москве, с В. Сеземаном и Н. Болдыревым, которые жили в Петербурге. Среди новых знакомых вспомню супругов Мережковских и В. Иванова, у которого я часто бывал в Петербурге, а также семейство Р. Б. и Н. В. Шаскольских, с которыми я познакомился во Фрейбурге. С Р. Б. Шаскольским я поддерживал тесную дружбу до самой его смерти в 1917 г., а с Надеждой Владимировной Шаскольской-Брюлловой – вплоть до моего бегства из Петербурга в Финляндию в декабре 1921 г.»^[521]

После прекращения «Логоса» бывшие его участники, в том числе и Гессен, тесно сотрудничали с журналом «Северные записки», а в 1917 г. он переехал в Томск, где получил кафедру философии и педагогики в университете и одно время был директором Высших педагогических курсов.

«Еще недавно, – писал после смерти Гессена Ф. А. Степун, – мне о профессорской деятельности С. И.

с восторгом рассказывал его знакомый по Томску, добрый швейцарец, захваченный большевиками в Сибири, а ныне благополучно учительствующий в Швейцарии. Обожаемый своими студентами, С. И. был очевидно и духовным центром Томского философского факультета»[\[522\]](#).

На основании лекций, прочитанных в Томском университете, Гессен создал свой главный философский труд - «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» (Берлин, 1923). В нем он, в частности, писал:

«Между понятиями культуры, истории, философии, образования и педагогики устанавливается... тесное взаимоотношение. История есть повествование о прошлом человечества, накопленном им в его работе над культурными ценностями. Философия есть наука о самих этих ценностях, их смысле, составе и законах. Но эти ценности и суть цели образования. Следовательно, каждой философской дисциплине соответствует особый отдел педагогики в виде как бы прикладной ее части: логике - теория научного образования, то, что многими не особенно удачно называется дидактикой; этике - теория нравственного образования; эстетике - теория художественного образования и т. д. Нормы, устанавливаемые педагогией, конечно, не могут основываться на одних этих философских дисциплинах, но предполагают также привлечение психологического и физиологического материала. <...> Если педагогика так тесно связана с философией и в известном смысле может быть названа даже прикладной философией, то следовало бы ожидать, что история педагогики есть часть или, если угодно, отражение истории философии. Так оно и есть на самом деле. Платон, Локк, Руссо, Спенсер - все это имена не только реформаторов в

педагогике, но и представителей философской мысли»^[523].

Книга эта, как, впрочем, и почти все философское наследие Гессена, незаслуженно забыта...

В 1922 г. Гессен оказался за границей. С 1923 по 1935 г. он жил и работал в Праге, занимая в течение трех лет кафедру педагогики в Высшем педагогическом институте. О тех испытаниях, что выпали на его долю в годы Второй мировой войны, он рассказал в публикуемых письмах к своему немецкому другу и коллеге Йонасу Кону. С 1946 г. и до самой смерти 2 июля 1950 г. был профессором педагогики в университете Лодзи.

«Личность обретается только через работу над сверхличными задачами», – писал Гессен в «Основах педагогики»^[524]. Для самого автора такой работой было создание системы философии, которая синтезировала бы в себе все высшие достижения русской духовной традиции и философской мощи Запада. Можно по-разному относиться к итогам его труда, по-разному оценивать сделанный им конкретный вклад в русскую философию – одно, во всяком случае, несомненно: имя и идеи Гессена забвению не подлежат.

Письма

С. И. Гессена Э. К. Метнеру [\[525\]](#)

1

СПб. Церковная 4а, кв. 22
5 ноября 1909

Многоуважаемый Эмилий Карлович,

Простите, что несколько запаздываю с ответом. Не считая однако наше разногласие в Вами указанном пункте основным, я позволил себе отложить ответ на Ваше письмо на сегодня. Впрочем Ф[едор] А[вгустович] [Степун. – В. С.] уже сообщил Вам наверное нашу общую точку зрения на предмет.

Я согласен с Вами вполне относительно частного вопроса. Статья Лапшина плоха: она и не музыкальная критика и не философское исследование [\[526\]](#). Логос не может ее напечатать. Мы так[им] обр[азом] ее отклонили, как ни неприятно это для меня как петербургского] редактора «Логоса»: Лапшин крайне влиятельное лицо в филос[офских] сферах и может обидеться, а также восстановить здешних философов против Мусагета. Но это, конечно, соображения, посторонние редакции: Логос не может в угоду философам принимать плохие статьи. Другое, однако, общая Ваша точка зрения на предмет. Вы правы, говоря, что в Логосе не может быть места некритичным безусловным панегирикам (также как и не может быть места некритичной «трансцендентной» полемике). Вы не правы, однако, полагая, что Логос может стать в музыке партийным органом. Я глубоко вместе с Вами не

симпатизирую «модернизму» музыкальному, но не могу согласиться с Вами, что в Логосе не может быть помещена статья, его защищающая (вполне или отчасти). Нужно только, чтобы статья удовлетворяла требованиям философской критики, на которую мне кажется Ваш пример – Oscar Vie^[527] – впрочем не способен. Ведь ни Фед[ор] А[вгустович], ни я не согласны с Voutroux^[528], а особенно с Бергсоном^[529]. Я крайне враждебно отношусь к Лосскому^[530] – но все же нам в голову не пришло бы отказать этим авторам в помещении их статей, раз они будут толково и серьезно написаны. Логос должен быть внепартийным журналом, иначе он лишается всякого смысла. В особенности же не может он быть партийным музыкальным органом. Нужно, чтобы сотрудники исповедовали основные принципы, общее настроение Логоса – какие абстрактные философемы они будут защищать, надо предоставить им самим.

Как ни интересна и может быть правильна (я не берусь судить в этой мне чуждой области) Ваша точка зрения на Рим[ского]-Корсакова, – я допускаю возможность серьезного философского обсуждения его творчества, которое как для нас, так и для немцев представило бы несомненный общий философский интерес^[531].

Надеюсь, Вы сознаете необходимость, налагаемую на всех нас – редакторов Логоса – его своеобразными универсальными целями. В поисках настоящего всеобъемлющего синтеза каждый из нас должен не останавливаться перед некоторым самоотречением: слишком уж не личная и не партийная общая объединяющая нас задача, чтобы мы могли требованиями безусловного проведения личных наших взглядов ставить преграды общему и без того нелегкому нашему делу.

Мне кажется, Вы не будете настаивать на Вашей позиции. По существу она не так уж решающа. Ведь сколько сможет «Логос» отводить места музыке!

В свою очередь просил бы Вас найти какой-нибудь эквивалент статье Лапшина. Желательно было бы очень иметь статью о русской музыке. Может быть, Вы сами что-нибудь приготовите для «Логоса».

Текст договора с моей подписью Вы должно быть уже получили [\[532\]](#). Жду известия о подписании Вами его.

Сердечный привет шлет преданный Вам
С. Гессен.

2

СПб., 11 Мая 1910

Дорогой Эмилий Карлович,

в прошлом письме забыл совершенно сообщить Вам о следующем. Недели две назад один местный доцент Л. Габрилович [\[533\]](#) предложил мне в качестве руководителя одного издательства взять на себя редактирование перевода двух книг:

1) нового издания Риккерта: *Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft* [\[534\]](#);

2) *Croce: Che e vivo et che e morto di la filosofia di Hegel* [\[535\]](#).

Я с удовольствием взял на себя редактирование этих книг, нашел соответствующих переводчиков и дал необходимые указания. От Риккерта получил уже соответствующее решение.

Немного спустя случайно узнал, что это издательство собирается назвать себя «Логос» и от этого имени отказаться не хочет. Я немедленно отказался от редактирования и вступил в переговоры по

этому поводу. Переговоры эти ни к чему бы не привели, если бы, к счастью, совершенно неожиданно все это издательство не расстроилось по каким-то своим внутренним причинам. Так что все равно книги эти не были бы там изданы.

Но так как я уже сделал для издания этих книг много шагов (главное, обнадежил моих переводчиков), мне бы не хотелось, чтобы это дело погубило.

Не возьмется ли «Мусагет» – «Логос» издать хотя бы одну из этих книг (лучше Риккерта)?

Дело в том, что Rickert вышел у Зибекка с объявлением на обложке о «Логосе». Можно было бы устроить pendant^[536] к этому на русском языке. Для «Мусагета» тут никакого риска нет, перевод даже наверное даст доход: мой перевод Риккерта, изданный у Жуковского, почти распродан. Первое издание этой книжки на рус[ском] яз[ыке] тоже распродано. Второе же немецкое изд[ание], о котором сейчас идет речь, очень изменено, вдвое толще первого: совсем новая книга. Между прочим, в ней цитируются книги Mehlisa^[537], моя и статьи в «Логосе». Для «Логоса» это будет полезная реклама.

В книжке стр. 160. Условия мои 25 руб. переводчику, 15 – мне за редакцию и 5 – Зибекку, который за этот гонорар разрешит формальную авторизацию. Впрочем, из любезности к Риккерту, Мусагету и мне Зибек может быть откажется от этого своего правила (брать гонорар за перевод). Да: еще – аванс в 160 руб. – 100 руб. переводчику и 60 руб. мне. Перевод сдается к 1-му августа ст. стиля.

Книга Кроче очень хороша и даже более подходит «Мусагету»: о Гегеле. Гегель – классик с эстетической ноткой. Его надо культивировать. Книга переведена на нем[ецкий] яз[ык]. В ней 300 стр. Условия 25 + 15.

Т[ак] к[ак] я в четверг-пятницу уже еду, то пожалуйста ответьте мне в Marburg, Postlagernd. Оттуда

я сообщу свой адрес. При этом, пожалуйста, не стесняясь, отклоните предложения, если они Вам почему-либо не подходят: я найду всегда еще издателя. Мне не хочется только теперь ничего предпринимать, не списавшись предварительно с Вами.

Когда Вы едете за границу? будете ли во Freiburg'e?

Т[ак] к[ак] Ельяшевич статью свою приготовит лишь к 3-му № -у^[538], то вместо нее пойдет статья Кистяковского «В защиту объективного права»^[539]. Хорошо было бы дополнить и Франка кем-либо другим^[540].

Если нетрудно, сообщите, сколько экземпляров «Логоса» продано. Интересно.

Сердечный привет. Искренне преданный
С. Гессен

3

Schwanallee, 39 [Marburg]^[541]

21 Juni [19]10.

Дорогой Эмилий Карлович,

Выше мой адрес. Адрес Фед[ора] Авг[устовича]:
Freiburg i. Br. Hotel Loretto, № 6.

Имел недавно письмо от Кистяковского, который «в восторге» от «Логоса» и возмущен «ничтожной» заметкой Хвостова в «Моск[овском] ежен[едельнике]». Впрочем в юбилейн[ом] номере «Вопросов» тот же Хвостов очень корректным образом несколько раз ссылается на «Логос»^[542].

У нас скоро редакционная конференция, касающаяся больше внутренних дел немецкой редакции. Можем ли мы рассчитывать на Ваш приезд во Freiburg, и когда?

Сейчас очень тороплюсь. В скором времени напишу снова подробнее. Сердечный привет. Душевно Ваш

С. Гессен

4

Москва, 6 сент[ября] [19]10.

Дорогой Эмилий Карлович,
не писал Вам, т[ак] к[ак] не знал Вашего адреса. Алекс[андр] Мелетьевич^[543] сообщил мне его сегодня, но боюсь, что Вы это письмо не получите скоро, если уже уедете из Пильница.

Номер «Логоса» уже составлен и начался набором^[544]:

	Листа	
<i>Виндельбанд.</i> Трансцендентальный идеализм и философия культуры	}	$\frac{3}{4}$
<i>Иозель.</i> Опасности современного мышления		$\frac{1}{2}$
<i>Кроче.</i> О т[ак] н[азываемых] суждениях ценности отпечатано		1
<i>Зиммель.</i> Метафизика смерти		1
<i>Франк.</i> Природа и культура		2
<i>Струве.</i> О некоторых современных мотивах Политич[еской] экон[омии]	$1\frac{1}{2}$	
<i>Кон.</i> Вильгельм Мейстер	2	
<i>Циглер.</i> Отношения изобразит[ельных] искусств к природе	2	
<hr/> <i>Трöльч.</i> Перспективы христианства <hr/> <hr/>	$1\frac{3}{4}$	
<i>Кистяковский.</i> О реальности права	2	
<i>Белый.</i> Потребня	$\frac{3}{4}$	
<i>Яковенко.</i> Обзор итальян[ской] филос[офии]	$\frac{3}{4}$	
<i>Библиография и заметки</i>	$\frac{1}{17}$	

Таким образом, мы опять переходим 17 листов. Этого можно избежать тем, что одна какая-нибудь статья будет отложена на третий № . Русских авторов откладывать нельзя, т[ак] к[ак] их и без того мало. Из иностранных же возможно отложить только одного – Циглера: как раз два листа. Но невыгоды этого следующие: Циглер прислал для «Логоса» статью о Вагнере (очень хорошую), которая будет помещена в 3-ей книжке нем[ецкого] «Логоса»^[545]. Т[аким] обр[азом], если мы поместим его первую статью в нашей 3-ей книге, то вторую статью его уже придется совсем опустить. Это очень досадно. Расходы по двум листам небольшие (ведь гонорара за них платить не будете), поэтому я полагаю, что «Мусагет» может нам и на этот

раз разрешить преступить норму. Решите это как редактор и издатель («Zwei Seelen wohnen, ach! in meinen Brust»^[546]) и тотчас же сообщите сюда (лучше даже телеграфно), как поступать: помещать Циглера или откладывать на 3-ий №. Без Вас ни на что не решусь, поэтому не задерживайте, тотчас же сообщите Ваше решение.

Все статьи уже имеются, кроме статей Яковенко, которую жду на днях, и Белого, который с энтузиазмом пишет для «Логоса» и обещал через две недели уже представить статью к печати. Это очень удачно. Пусть Эрн и tutti quanti^[547] видят, что ratio нашего «Логоса» нужно не только узким ученым, но и художникам и мистикам в настоящем смысле^[548].

Не хватает также еще переводов Струве, Трельча и Циглера, но я их жду со дня на день. Кона^[549] я самым основательным образом отредактировал и дам еще прочесть корректору Белому. Цитаты вставил из прекрасного русского перевода Вейнберга. Вышло, как кажется, хорошо.

Статьи Эрна против «Логоса» в «Москов[ском] еженедельнике]» и очень резкая отповедь Эрну Франка (в «Рус[ской] мысли»), в которой Франк побивает ученика Соловьева словами его учителя, как нельзя на руку «Логосу»^[550]. По поводу «Логоса» возгорается оживленная и интересная полемика, затрагивающая глубочайшие вопросы современности. Белый тоже хочет ответить Эрну в «Утре России», Яковенко – в «Рус[ских] ведом[остях]»^[551]. Мы, конечно, лучше промолчим, делая далее свое дело^[552].

А оно разрастается. А. А. Чупров^[553] примкнул к «Логосу» в качестве ближайшего сотрудника – очень ценное приобретение. Кистяковский, с которым я имел продолжительный разговор в Берлине, пишет восторженные письма, которые в «Мусагете» читаются

вслух и приветствуются радостно. «Логос» призван сыграть громадную роль в русской культуре» и т. п., – пишет Кистяковский.

Только одно неудачно: малое количество проданных экземпляров. Я это приписываю позднему выходу и плохому представительству «Мусагета» в Петербурге (где продано только 50 экз.) и провинции. С. В. Лурье тоже удивляется: он думал, что мы продали по меньшей мере тысячу экземпляров.

В заключение еще одно дело, не касающееся уже «Логоса»:

Во Freiburg'e мы (Фед[ор] Авг[устович] и я) узнали, что наша книжка «Vom Messias» имела в Германии и Франции очень много рецензий (одних крайне хвалебных, других – резко отрицательных). Между прочим Xavier Leon^[554] в своем Revue de Metaphysique et de Morale написал очень признательную и даже превозносящую рецензию. Engelman (издатель) предложил нам снова издать у него что-нибудь. – Ввиду этих обстоятельств мне кажется, что следует энергичнее подумать об издании этой книжки в «Мусагете»: Борис Николаевич очень хочет написать дополнительную статью об Ибсене. Чего бы лучше. *Сообщите и об этом пожалуйста Ваше мнение.*

Личное мое знакомство с Meyerson^[555], переписка Kroner'a с Bergson'y (написавшим ему очень признательное и теплое письмо за его статью в «Логосе»^[556]), рецензия Xavier Leon'a – все это очень подготавливает почву для французского издания. Весною Kroner и я думаем отправиться в Париж. Было бы очень хорошо, если бы Вы, будучи в Париже, сделали визит Bergson'y (Villa Montmorancy, 18, Avenue des Tilleuls) и Meyerson'y (7b, Boul-d Molesherles) в качестве редактора «Логоса».

Пока кончаю. Ответьте по всем пунктам, а также сообщите, когда вернетесь в Москву. Очень хотелось бы с Вами свидеться. Я остаюсь здесь до 1 октября. Пишите мне в «Мусагет», где я бываю ежедневно^[557].

Сердечный привет. Ваш *С. Гессен*.

5

С.-Петербург
2 ноября [19]10

Дорогой Эмилий Карлович,
Борис Николаевич [А. Белый – В. С.] и Ал[ександр] Мелет[ьевич] [Кожебаткин. – В. С.] наверное уже объяснили Вам все, касающееся выпуска второго номера. Надеюсь, Вы не сердчаете на меня за преступление указанной Вами нормы, ибо *salus populi*^[558] (то есть «Логоса») того требовал.

Надеюсь, Вы также согласитесь с выпуском «Логоса» в 1911 г. 3 раза в год. Но для этого необходимо принять меры: во-первых, административного характера, т. е. Вам как официальному редактору «Логоса» сделать соответствующее заявление, а во-вторых, практического характера, т. е. открыть подписку, установить места приема подписки (в особенности в Петербурге), пустить объявления о подписке. **С этим надо спешить**^[559].

Когда Вы полагаете удобнее всего выпустить 1-й № за 1911 г.? Немцы просят не раньше марта, для того чтобы идти с нами нога в ногу: их первый № второго тома выйдет в апреле нов. ст. Я стою за то, чтобы выпустить его в конце февраля – начале марта. Его выпустить придется уже Вам со Степуном (ибо я должен быть во Freiburg'e); на помощь Вам приедет

Яковенко^[560]. Тогда следующие №№: в конце августа и в начале декабря.

Содержание третьего № -а пополняется еще присланной статьей *Husserl'n*, что крайне для нас выгодно. Кроме того прислали статьи Ziegler (о Вагнере; как только получу оттиск – пошлю Вам для оценки), Max Weber (о Толстом, что теперь может быть будет очень кстати), Christiansen^[561]. Их, кроме Weber'a, придется отложить на след[ующий] №. Обещали также Лаппо-Данилевский в течение 1911 г. Может быть – Вернадский: у него есть готовая статья, и он колеблется, дать ли ее «Логосу»^[562]. Лучше всего было бы, *если бы Вы зашли к нему и убедили его дать статью нам*. Теперь после победы у Морозовой он это сделает. А статья его – большое для нас приобретение.

Наконец, необходимо, чтобы не позже 4-го № -а появилась в «Логосе» Ваша статья о театре^[563]. Тема эта очень важна, а после Вашей статьи о Христиансене я не сомневаюсь, что Вы ее напишете прекрасно^[564]. Итак, **непрерменно же** готовьте статью: это Ваш долг, наконец, перед «Логосом».

Довольны ли Вы второй книгой? Мне кажется, она вышла очень удачной. Как Вам нравится обзор Яковенко^[565]?

Согласны ли Вы с планом лекций, сборника и издательства «Логоса»^[566]? Я очень стою за то, чтобы «Мусагет» издал романистического Гегеля и труды Дильтея о романтизме (то есть его Schleiermacher'a и *Jugendgeschichte Hegels*^[567]. См. о них заметку во 2-м №-е нем[ецкого] «Логоса» Ä[rthur'a S[tein'a]).

Перед отъездом своим за границу я, конечно, заеду в Москву (для лекции, или для реферата у Морозовой^[568] 11) и переговорю с Вами подробно о многом. Так в общем досадно, что не встретился в Вами!

А пока примите пожалуйста поскорее меры об открытии подписки и пишите статью.

Не собираетесь ли Вы приехать до Рождества в Петербург?

Да. А. И. Введенский очень теперь благоволит к нам и хочет примкнуть к «Логосу»^[569]. Это очень удачное приобретение: какой афронт для Хвостова, Челпанова и К°.

Oskar Ewald в «Wiener Zeitung» и Eisler в «Freie Presse» написали большие и очень лестные статьи о «Логосе».

О книге «Christiansen'a» узнаю на днях^[570].

Пока сердечный привет Вам, Борису Николаевичу и всему «Мусагету».

Душевно Ваш
С. Гессен^[571]

6

СПб. 3, М. Конюшенная
23 дек[абря] [19]10.

Дорогой Эмилий Карлович,

История с оттисками страшно неприятна, надоела мне до бесконечности. Вчера я написал А. М. [Кожебаткину. – В. С.] письмо, которым, надеюсь окончательно ликвидировать ее^[572].

Ваше письмо и сообщение постараюсь, как только могу, распространить по Петербургу.

Вы очень хорошо сделали, что написали мне так подробно об этой возмутительной истории с Вашим братом^[573]. Каратыгин в своей рецензии в «Речи» написал первоначально еще резче по отношению к

Вашему брату, но папа вычеркнул самое резкое место*. По-моему, тут какая-то личная неприязнь. Во всяком случае я постараюсь повести энергичную агитацию не столько из личных моих симпатий к Вам и Вашей семье, сколько из принципиальных соображений сохранения достоинства русской культуры от иностранных «конквистадоров». Мы – «западники» – должны быть особенно чувствительны к такого рода выходкам.

В начале января я буду в Москве. Буду и Морозовой читать доклад, очень хотелось бы прочесть лекцию *Философия и история*. Был бы благодарен «Мусагету» за устройство ее.

Что Вам понравился проспект «Логоса» – приятно мне. Если во что бы то ни стало надо подписать – хорошо^[574]. В Москве уже обо всем переговорим.

Как Вы думаете: не нужно ли в «Логосе» (ближайшей книжке) поместить статью о Толстом^[575]. Max Weber обещал дать таковую: но мы должны поместить также статью *русского* автора. Это будет эффектно: в 3-м № – статья рус[ского] автора. В 4-м – М. Weber'3. У немцев – обратный порядок.

Лосский был бы очень подходящ для такой статьи. Он, кстати, готовит речь для Петербургского У[ниверситета] о Толстом. В принципе он очень подходит «Логосу» и с удовольствием даст нам эту статью, если его попросить. *Просить ли его?* Напишите, предварительно поговоривши с Фед[ором] Августовичем, который теперь должен быть уже в Москве. Если Лосский даст статью (за качество ее я ручаюсь: она будет дельная и вдумчивая, имя Лосского для этой статьи подходит), то она будет невелика: меньше печ[атного] листа^[576].

О подписке решение должны принять Вы сами: я только хотел указать Вам на соображение в пользу подписки. Ведь мною руководили исключительно соображения выгоды «Мусагета».

Пока прощайте. Сердечный привет Вам и наилучшие пожелания мои к Новому Году.

Душевно Ваш

С. Гессен

7

Freiburg i. B. Tivolistr. 34

d. 9/22 März 1911

Дорогой Эмилий Карлович,

Напоминаю Вам о своем существовании в связи со следующими деловыми пунктами:

1) Необходима в нем[ецком] «Логосе» статья о Толстом рус[ского] автора. Я очень стою за перевод на нем[ецкий] статьи Иванова^[577] (Лосский, по известиям, оказался безнадежно слаб). Если Иванов подходит, то насыдьте на Степуна, заставьте его скорее перевести, ибо немцы спешат.

2) Я еду через 13 дней в Болонью на конгресс^[578] в качестве делегата от «Логоса». Расходы по поездке покроются гонорарами за статью о конгрессе, которая будет напечатана в русском и немецк[ом] «Логосе». Так что «Логос» ничего не потеряет в денежном отношении. На конгрессе я буду обсуждать вопрос об итальян[ском] «Логосе». Enriques и Varisco^[579] ждут этого обсуждения. Буду говорить с ними в нашем смысле. Для успеха моей поездки необходим некоторый шик: этот шик дастся изящным проспектом «Логоса», который я пушу среди членов конгресса. Зибек печатает и посылает со мной проспект на нем[ецком] и франц[узском] языках. Необходимо, чтобы «Мусагет» напечатал и послал со мной проспект хотя бы на русском (с заглавной страницей также на *франц[узском]* яз[ыке]) языке (мой

текст и оглавления вышедших № -ов). Это необходимо сделать *немедленно*, так как 5-го апр[еля] *нов.* ст. уже собирается конгресс. Отсюда я уеду 3-го апр[еля].

В крайнем случае вышлите мне текст в Болонью (Конгресс, на мое имя).

3) Прочли ли Вы статью Циглера о Вагнере в нем[ецком] «Логосе»? Мне она представляется *крайне* интересной и во многом очень правильной. Здесь она произвела фурор. Frankfurter Zeitung почти всю перепечатала ее в фельетоне с примечанием, что она взята из «Логоса», «dieser am weltbesser bedeutendsten philosophischen Zeitschrift der Gegenwart»^[580]. Если Вы ее сочтете интересной, то немедленно дайте ее переводить Гордону^[581]: чем раньше перевод будет готов, тем лучше. Не забывайте, что мы *разделили* труд по редакции: *эстетический отдел Ваш*.

Когда будет время, напишите о Вашем впечатлении о статье Циглера. Мне очень интересно.

Пока сердечный привет.
Ваш Гессен.

Как Вам нравится Яковенко?

8

16 февр[аля][19]12^[582]

Дорогой Эмилий Карлович,
22-го числа по-видимому я буду читать доклад о наказании в Москов[ском] Юрид[ическом] О[бщест]ве. Кажется этот день уже назначен (о том знает Кистяковский). Т[ак] к[ак] Бор[ис] Ник[олаевич] просит присутствовать на его докладе здесь 20-го^[583], то я могу

быть в Москве лишь 22-го. Если Вы 22-го уезжаете в Питер, то пожалуйста, устройте так, чтобы днем или утром 22-го мы все (ред[акторы] «Логоса») могли собраться поговорить о делах (масса дел, очень существенных). О точном дне моего доклада узнаете из повестки, которую пришлет в «Мусагет» Кистяковский. Пока сердечный привет.

Надеюсь, поездка Вам принесла пользу.
Ваш *С. Гессен*

9

СПб. 29-ое марта [1912^[584]]

Дорогой Эмилий Карлович,
Посылаю Вам денежный отчет редакции «Логоса»^[585]. Надеюсь, Вы его санкционируете. Пожалуйста, распорядитесь, чтобы Алекс[андр] Мелетьевич выслал мне кассовую наличность, чтобы я мог поскорее уплатить гонорар Степуну, выслать немецк[ой] редакции просимую ею сумму, а также выдать просимые авансы кой-кому.

Ну, «Логосом» все довольны^[586]. Очень хвалят. Издатель «Образования» (Котляр^[587]) сказал мне даже, что он с удовольствием бы взялся издавать «Логос» (ему, к счастью, неизвестен тираж). Пока что он издает «Новые идеи в философии» – некоторая конкуренция «Логосу». Впрочем я не придаю этому такого значения как Яковенко. О редакционных делах написал Яковенко, он Вам сообщит все нужное.

За это время я сдал еще греч[ескую] и средн[евековую] историю. Теперь погрузился в греч[ескую] философию^[588].

С нетерпением жду Вашей книги и Fioretti^[589]. Ведь теперь я нечто вроде специалиста по св. Франциску: сдавал его на экзамене.

Пока сердечный привет.
Ваш *С. Гессен*.

10

Сестрорецкий курорт
Заречный пр., д. Курбатова,
20 мая [19]12

Дорогой Эмилий Карлович,

От Степуна получил известие, что немецкие редактора до сих не получили последней книжки «Логоса». Думаю, что при 350 даровых экземплярах это по меньшей мере странно. Между прочим, эта странность повторяется регулярно при каждой книжке. Многих обыкновенно усилий стоит выхлопотать редакторам причитающиеся им экземпляры. Напоминаю на всякий случай адрес Кронера: Dr. Kroner Freiburg i. Br. Schewninbadstr. 19, куда следует послать 2 экз. (для него и Мелиса). Также очень желательна посылка обменного экз. в Heidelberg, Dr. A. Ruge «Philosophie d. Gedenwart». Эту просьбу я повторяю относительно последней книжки по меньшей мере в 5-ый раз. Подсчитайте, сколько труда, чернил, хлопот должно было уйти, чтобы подвинуть на посылку 350 даровых экземпляров. Поистине – труд, достаточный для сотворения новой Вавилонской башни.

Сообщаю Вам следующие предложения от редакции: из немецких статей перевести во 2-ую книгу (имеющую выйти совместно с 1-ой) статьи Sim[m]elG, Meinong'a, Frischeisen-Köhler'a, Лукача, Кюнеманна,

Руге^[590]. Из русских статей войдут в нее Степун – Философия любви, моя – Наказание, Авксентьев – Лавров^[591]. Вот и номер готов. Даже боюсь, что материала слишком много. Пожалуйста, сообщите точно, когда, предполагаете, можно будет книжку выпустить.

На немецкий яз[ык] предлагаю перевести статьи: Степуна, мою, Васильева и Лосского^[592]. Пожалуйста сообщите Ваше мнение.

Вышла ли Ваша книга^[593]? Из последних изданий «Мусагета» я кроме «Трудов и дней» не получил ничего. Второй № «Трудов» мне понравился гораздо больше 1-го. Хороши статьи Белого (1-ая) и Недоброво. Ваша статья мне тоже весьма понравилась. Степуна эскиз остроумен и четок.

Что Вы делаете летом? Остаетесь под Москвой? Я все лето проведу в Сестрорецке. Теперь всецело погружаюсь в Платона и Аристотеля. Читаю их в оригинале. Экзамены идут благополучно. Теперь мне остаются уже чисто философские предметы.

Пока сердечный привет —
Ваш *С. Гессен*

Имеете ли известия о Борисе Валентиновиче]?

Кронер сообщает, что один английский издатель предполагает организовать англ[ийское] издание «Логоса».

Да. Пожалуйста попросите еще раз Вит[ольда] Францевича^[594] выслать мне корректуру Радлова^[595]; я ему хочу рассчитать и уплатить гонорар. Это нужно *возможно скорее* сделать.

Сестрорецкий курорт
Заречный пр., д. Курбатова,
20 мая [19]12

Дорогой Эмилий Карлович,

Пожалуйста простите, что затягиваю с ответом. Очень был занят все это время (статья для «Новых идей в философии»^[596]), да и теперь ограничусь по той же причине лишь самым необходимым.

Тысячу рублей получил (спасибо!) и за покрытием долга мне положил их на текущий счет. Почему так неожиданно рано Вы их доставили?

Спасибо также за книгу. Пока только просмотрел и прочел критику Христиансена, которая мне в общем очень по существу понравилась^[597]. Детальнее поговорим о ней, или даже, когда освобожусь (в июле), напишу Вам свое подробное мнение. Завтра увижу Каратыгина: посмотрим, что он скажет о музыкальной части вашей книги.

Не знаю, почему – мне Ваши инвективы очень понравились, тогда как Листа я прочел с удовольствием, но без увлечения. Ваша критика Христ[иансена] и инвективы, а также то обстоятельство, что во 2-м №-е Вы (!) поместили 3 (!) статьи^[598], меня задела за живое: от имени «Логоса» я ревную Вас, – но благородной и **справедливой** ревностью. Нехорошо, плохо с Вашей стороны.

Так как с моими предложениями Вы согласны (с ними согласны Степун и Яковенко, который еще сидит^[599], но обо всем узнает от жены), то о «Логосе» писать нечего: все значит в порядке.

Да, чуть не забыл сообщить Вам следующий факт, который совершенно случайно узнал. Оказывается, через два месяца (даже меньше) после выхода первой книжки «Логоса» она в довольно значительном количестве экземпляров появилась у букинистов. Это я

совершенно случайно узнал от здешнего служащего в изд[ательств]е «Образование» Л. М. Волаха, бывшего в то время заведующим книжным складом «Освобождение». По его словам, букинисты предлагали ему купить по дешевой цене «Логос», и это обстоятельство сразу внушило ему недоверие к изданию, через 2 месяца продающему себя букинистам. Теперь случайно встретившись со мной, он первый спросил меня об этом. Я конечно отговорился тем, что это вероятно злоупотребление со стороны типографии и т. п. Во всяком случае Вы должны, мне кажется, провести секретное расследование. Не находилось ли это обстоятельство в связи с историей с бесплатными экземплярами? А. Волах готов все сказанное им подтвердить и дать дополнительные сведения^[600].

За сим кончаю. Шлю сердечный привет.

Ваш С. Гессен

Где Борис Николаевич? Что о нем слышно?^[601]

12

СПб. Таврическая, 25
18 окт[ября] [19]12^[602]

Дорогой Эмилий Карлович,

Благодарю за 300 рублей, недавно мною полученных. Чувствую себя все еще письменным должником перед Вами. Экзамены и «Логос» мешали мне написать Вам подробно о Вашей книге, что вскоре собираюсь сделать.

В связи с громадным успехом здесь пианиста Феруччио Бузони обращаю Ваше внимание на вышедшую в переводе Коломийцева его книжку «Эскиз новой эстетики музыкального искусства» (ц[ена] 80 к.)^[603]. Хорошо было бы, если бы Вы дали о ней рецензию в

«Логос». Непременно сделайте это. Желательно ли было бы Вам, чтобы о Вашей книге написал Каратыгин?

Сердечный привет.
Ваш С. Гессен.

Вчера написал Вит[ольду] Франц[евичу] относительно обменного объявления с «Нов[ыми] ид[еями] в фил[ософии]»^[604]. Я очень стою за обмен.

Э. К. Метнер - С. И. Гессену

[1]

Москва 27/X [1]912.

Дорогой Сергей Иосифович!

Только что возвратился из деревни и спешу ответить на Вашу открытку наскоро.

1) Не сообщайте о получении денег в *Мусагет* открытками, ибо наш договор относительно гонорара есть *factum arganum*^[605].

2) *Громадный* успех Бузони есть печальный признак помрачения музыкального сознания. Книга его – лепет малообразованного консерватора из прогрессивного лагеря. О ней можно писать в *Инвективах*^[606], а не в *Логосе*. Одобрительный отзыв о ней (напр[имер], Каратыгина, безнадежного эстета, все рассматривающего с точки зрения «любопытственности» и «занятости») в *Логосе* я просил бы отложить до того времени, когда меня не будет в составе редакции. (Это всегда может случиться.)

3) Яковенко сказал, что о моей книге будет писать Самсонов^[607]. Разве последний отказал? Каратыгин едва ли сможет отнестись к моей книге объективно; он

изругает ее и притом пять-таки с той же антикантовской точки зрения «интересности» и «нужности».

4) Напишите под псевдонимом (если хотите) возражение (или впечатление) по поводу моей книги и я помещу Вашу статью в *Тр[уды] и Дн[и]*^[608].

5) В 1913 г. я постараюсь дать что-н[ибудь] для *Логоса*.

Сердечный привет Вашей супруге и Вам.

Жму Вашу руку
Ваш Э. Метнер

13

Москва
22 декабря [19]12

Дорогой Эмилий Карлович,

Очень сожалею, что не удалось встретиться с Вами, хотя я и был так близко от Вас. Дело в том, что я внезапно сюда приехал, т[ак] ч[то] не смог Вас предупредить, и завтра непременно должен уже уехать.

Обо все решениях и планах наших Вам расскажут Борис Валентинович и Федор Аугустович. Я пока в этом письме остановлюсь только на одном пункте, не терпящем отлагательства. Именно: распространение «Логоса» в Петерб[урге]. Кожебаткин хочет послать «Логос» в Петерб[ург] лишь после 10-го января. Я считаю этот план ни на чем не основанным и возмутительным с точки зрения интересов «Логоса». Надо «Логос» послать *немедленно*, т[ак] к[ак] дни от 27-го дек[абря] до 31-го самые бойкие в торговом отношении. Ко всему с посылкой «Логоса» связан вопрос об объявлении о «Логосе» в петерб[ургских] газетах («Речи»). Нельзя объявлять, не пославши в СПб. ни

одного экземпляра. А объявлять наиболее выгодно 30—31-го декабря, когда тираж газеты - *наибольший*. Ахрамович Вам расскажет о моем с ним и с Кожеб[аткиным] разговоре. Ал[ександр] Мелет[ьевич] мне даже обещал в случае Вашего утвердительного решения тотчас же послать в Петерб[ург] некоторое количество экземпляров.

Кончаю. Сижу у Феод[ора] Авг[устовича]^[609]. Уже очень поздно.

Сердечно Ваш
С. Гессен.

Думаю увидеть Вас в Петерб[урге]: Вы, кажется, в январе собираетесь туда поехать.

Э. К. Метнер - С. И. Гессену

[2]

Траханево на Клязьме
29/XII [1]912

Дорогой Сергей Иосифович!

Не менее Вас сожалею, что нам не удалось свидеться. Надеюсь исправить это в январе в Петербурге. Распоряжение об отправке *Логоса* в Петербург сделал 25-го, как только приехал в Москву. Кожебаткин потерял голову, очевидно, до последней минуты рассчитывая, что останется в *Мусагете*. Возможно, что он нарочно не отослал Логос; скажет, что было уже поздно. С 1-го января он уже не состоит более при Мусагете. Степуна и Яковенко я в последний приезд не видал. Очень озабочен судьбою Логоса. Сам сделать ничего не могу и даже в большом затруднении, как

выполнить до конца данное мною обещание на 1912 г. [610] – Надеюсь, что статья Степуна в *Тр[удах] и Дн[ях]* достаточно удовлетворила Вас за истерику Бугаева, направленную на ненавистное Штейнеру неокантианство [611]. – Поздравляю Вас с наступающим 1913 годом; будем надеяться, что одержим хотя бы небольшую победу в наших делах. Привет Вашей супруге.

Сердечно жму Вашу руку
Ваш Э. Метнер.

14

СПб. Таврическая, 25
28 дек[абря] [19]12

Дорогой Эмилий Карлович,

Папа узнал откуда-то, что Николай Карлович дает в СПб 17-го января концерт. Он просит меня передать Вам и Вашему брату приглашение к нему на обед (7 час.) и вечер. Обыкновенно вечера происходят у него каждое воскресенье. Но так как 17-ое в четверг, и Вы вряд ли останетесь до воскресенья, то пожалуйста сами назначьте *любой* день, когда Вы смогли бы последовать приглашению папа. Ответьте пожалуйста поскорее, чтобы папа мог резервировать заблаговременно для Вас вечер. Кроме Вас будут приглашены Каратыгин с женою, Бенуа, Набоков [612] и несколько других лиц – сотрудников «речи» и близких знакомых. Само собою разумеется, что если Вы или Ник[олай] Карлович приедете с женами [613], то приглашение распространяется и на них.

Т[ак] к[ак] я боюсь, что и на этот раз Ваше посещение меня будет мимолетным, то с своей стороны

очень рад был бы подольше побеседовать с Вами хотя бы у отца. Да и хотелось бы познакомиться с Вашим братом.

Кончаю, т[ак] к[ак] тороплюсь. Жду скорого ответа.

Сердечно Ваш
С. Гессен.

Э. К. Метнер - С. И. Гессену

[3]

Траханеево 2/1 [1]913

Дорогой Сергей Иосифович!

Приглашение Вашего батюшки, о котором Вы писали и которое мы с благодарностью принимаем, стало известно мне лишь вчера. Брат сразу не мог решить, когда можно было бы навестить Вас и только сейчас выяснилось, что единственный возможный вечер, это на другой день после концерта, т. е. 22-го, ибо концерт состоится не 17-го, а 21-го. Если бы почему-либо это оказалось для Вас совершенно неподходящим, то напишите, и мы постараемся так устроить, чтобы мочь придти к Вашему папе 23-го. Другого выбора быть не может, ибо надо спешить назад в Москву для подготовки к московскому концерту. До вечера в Петербурге нельзя потому, что брат за несколько дней до концерта никогда не ходит в гости.

Спешу кончить. Крепко жму Вашу руку.

Ваш *Э. Метнер.*

СПб 4-ое янв[аря] 1913

Дорогой Эмилий Карлович,

Сейчас переговорил с папой. 22-го (вторник) для него удобно. Итак Вы втроем 22-го к семи часам вечера (обед) будете у папы: М. Конюшенная, 3. Вероятно увидите накануне на концерте и там познакомитесь.

«Логос» меня тоже крайне беспокоит^[614]. В случае если Вам удастся найти обещанные деньги этот № в количестве 14-15 листов мы сумеем все же выпустить (недостающие листы отпечатаем на счет редакции). «Образование» предлагает мне издавать «Логос» как журнал - 4 раза в год по 10 листов, - требуя только в качестве гарантии на два года 3000 рублей. Эти деньги должны быть даны не наличными, а *верными* обязательствами, и будут они потребованы фактически лишь соответственно сумме действительных убытков. Буде убытки превысят эту сумму, все же все, что свыше ее, покроет «Образование». Хотя 3000 обязательствами, а не наличными легче найти; хотя «Образование» несомненно значительно расширит круг читателей «Логоса», - все же все мы решили пойти на это предложение в самом крайнем случае, а пока искать, где только можно, денег для передачи их «Мусагету». Я предпринимаю кое-какие шаги. Между прочим собираюсь обратиться к Терещенко^[615]/^[616]. Пока же не могу похвалиться удачей.

Обо всем остальном переговорим здесь в середине января. М[ожет] б[ыть] к тому времени кое-что выяснится.

Ответом Феод[ора] Авг[устовича] я вполне удовлетворен^[617]. Я считаю, что это одна из лучших вещей, что Феод[ор] Авг[устович] вообще написал. Как Вы думаете: будет Белый долго в плену у тех темных сил?

Пока сердечный привет. Желаю Вам от души здоровья, удачи и успехов в Новом Году. Больше всего желаю сохранения «Логоса» в «Мусагете».

Ваш *С. Гессен*.

16

Таврическая, 35
14-ое февр[аля][19]13^[618]

Дорогой Эмилий Карлович,
Спасибо за сто рублей^[619]. Присылкой их Вы позволили мне продлить аванс Бор[ису] Валентиновичу].
Жду обещанных Вами заметок об Эйгесе^[620] и Бузони.

Ужасно сейчас занят, т[ак] к[ак] 16-го снова экзамен. «Логос» набирается, рассчитываю выпустить его к 20-му – 25 марта, если типография не будет задерживать (пока она ужасно медлит, обратите на это внимание), т. е. все-таки непременно до Пасхи.

Сердечный привет Вам и Ник[олаю] Карлов[ичу].
Ваш *С. Гессен*.

17

СПб. 17 февр[аля] 13

Дорогой Эмилий Карлович,
Для Вашей заметки об Эйгесе: обратите внимание на статью-обзор С. Франка об этой книге^[621]. Чрезвычайно

хвалит. Особенно нравится ему антипсихологизм Эйгеса.
Неприменно жду Вашу заметку. Сдал еще на днях
один экзамен. На этой неделе иду к Терещенко.

Сердечный привет
Ваш С. Гессен.

18

Таврическая, 35 26 февр[аля][19]13^[622]

Дорогой Эмилий Карлович,

Т[ак] к[ак] Котляр на маслянице отсутствовал, то я
не смог с ним раньше переговорить о Вашем деле. Он
приедет только завтра или послезавтра, и я *немедленно*
тогда переговорю с ним. Пока я говорил с его
помощником и с Лосским (который редактирует «Нов[ые]
идеи»^[623]). Весьма возможно, что они издадут Вашу
брошюру^[624] (хотя до разговора я несколько
пессимистически смотрел на дело, т[ак] к[ак] Котляр
сам, насколько я знаю, даже не слышал о Штейнере).
Если издадут, то во всяком случае на условиях без
гонорара (т. е. Ваших крайних). Впрочем не буду гадать,
а подождем два дня. М[ожет] б[ыть] мне удастся
достичь и большего. Конечно, после переговоров тотчас
же напишу Вам.

Т[ак] к[ак] и Терещенко был в отъезде, то не смог до
сих пор у него быть. На днях собираюсь пойти к нему.
Жду Ваших заметок об Эйгесе и Бузони.

Да. Я стал до того рассеянным, что совершенно
забыл наши расчеты в Петерб[урге] (а записку потерял).
Кажется, Вы решили вычесть *только 100 рублей* за
лишние листы? Следовательно 1800–1300—100 (недавно
полученных) —100 (вычитываемых) = 300 рублей.
Кажется так? Пожалуйста напишите мне об этом. Деньги

эти раньше начала апреля (для уплаты типографии) не понадобятся.

Яковенко я написал подробный и точный расчет желательного №-а «Логоса», а также подробную роспись имеющихся и нужных еще средств. Если Вы дадите 300 р., то мы сможем выпустить № без статей Ланца, Риккерта и Вольтмана^[625]. Чтобы напечатать и эти статьи нам надо еще 300 руб., которые я надеюсь достать. Поэтому пока я их не сдал в набор. Впрочем Яковенко должен с Вами подробно поговорить обо всем – прочесть мое письмо к нему с упомянутой росписью. Пока сердечный привет.

Ваш *С. Гессен*.

Экзамены идут благополучно.

19

СПб. 2-ое марта [19]13^[626]

Дорогой Эмилий Карлович,

Сейчас имел разговор с Котляром. Он мне, несмотря на все мои доводы, решительно отказал. Мотив – «Образование» есть издательство *естественно-научное* и лишь отчасти философское. Никаких книг по философии они кроме «Новых идей» не намерены издавать. В особенности же не хотят они вмешиваться в проблемы метафизические и теософские. Я убеждал его в том, что речь идет о толковании Гете, а не теософии, но так и не убедил его^[627]. В финансовый вопрос мы таким образом даже и не входили.

Из петербургских издательств я прямо затрудняюсь, кого бы Вам назвать. «Шиповник»^[628] наверное не

издаст. Не попытаться ли мне переговорить с Карабасниковым^[629]? Ответьте.

Ну, пока до следующего письма.

Сердечный Вам привет

Ваш *С. Гессен*

20

СПб. В. О., 11 линия, 28, кв. 6

14 октября[19]13

Дорогой Эмилий Карлович,

Вчера у меня был Витольд Францевич, из разговора с которым я убедился, что нам необходимо выяснить некоторые пункты, для того чтобы сдвинуть, наконец, с мели застрявший № «Логоса»^[630].

Прежде всего по поводу редакционных денег. В январе мы виделись с Вами и установили, как я вижу по моим записям, следующее. Я получил от Карла Петровича^[631] 1300 руб. за 1912 (третий) - 1913 год. Оставалось, согласно Вашему обещанию, еще 500 р. Но было решено, что 350 р. будут издательством удержаны за лишние листы. 150 были удержаны уже при расчете за 1910-1911 года. Оставалось удержать еще 200 рублей. То есть в кассе «Логоса» (у издателя) должно было оставаться еще $500 - 200 = 300$ р. С тех пор, в феврале я получил от К[арла] П[етровича] еще 100 рублей. Итак, по моим совместно с Вами произведенным расчетам, у издателя должно оставаться еще 200 рублей редакционных денег. (В счете листов я соглашаюсь с цифрой, сообщенной Вит[ольдом] Франц[евичем] - $7\frac{1}{2}$ листов, включая, «лист Яковенко»^[632] - хотя у меня записано $8\frac{1}{2}$: разница небольшая, не могущая оказать большого влияния на мои расчеты.

Итак, по моим данным, редакция располагает в настоящее время следующими суммами:

у С. И. Гессена – 262 р.

в «Мусагете» (Э. К. Метнер) – 200 р.

462 р.

* По выходе «Логоса» мною будет разослан всем членам редакции полный (мотивационный отчет в расходах редакц[ионных] сумм, подобный уже разосланному мною за первые два года.

NB. Собственно говоря – только 62 рубля, 200 же рублей получены мною от одного моего знакомого, давшего их мне в (правда, безвозвратный) долг на предмет ликвидации «старого Логоса».

Т[ак] к[ак] весь гонорар всем авторам и переводчикам мною уже уплачен (потому у меня и осталась такая сравнительно небольшая сумма), то я и полагал, что всю эту сумму смогу употребить на уплату новых лишних листов. В номере, составленном мною и одобренном в свое время другими редакторами, должны быть статьи:

Гартман	46 стр.	
Кронер	24	289 <u>16</u>
Степун	56	<u>16</u> 18
Ландау	66	129
Вольфлин	8	<u>128</u>
Марголин	32	1

Обзор Яковенки	32
Библиография	25*
Итого	289 стр.

25^[633]

То есть 18 % листов. Таким образом редакции «Логоса» пришлось бы уплатить за 18 % - 7 % = 10 % листов, т. е. 40 x 10 % - 430 рублей. Приблизительно обе суммы (462 и 439) сходились бы, недостающую мелочь я бы покрыл из своих личных средств.

Все эти мои расчеты были однако поколеблены действиями Бориса Валентиновича, который поступил, не спросивши совершенно моего мнения, и лишь *post factum* заявил мне о сделанном. А именно: он включил в номер и отдал в набор статьи Риккерта и Ланца, а также свой обзор, хотя последний и превысил условленную норму на *2 листа*. Все это было сделано не только помимо моего ведома, но и вопреки моим категорическим указаниям. Т[аким] о[бразом] объем номера увеличился на 69 стр., т. е. 4 % листа (что составит 170 рублей). В ответ на мой запрос Бор[ис] Вал[ентинович] написал мне, что сознает свою ошибку и лишние листы «берет на себя». Это «берет на себя» я понимал в том смысле, что либо он найдет недостающие 170 р. (как я достал уже 200 р.), либо достигнет о них соглашения с Вами (я знал, что у него какие-то расчеты с «Мусагетом»). Именно так я также понял его посланное из Москвы письмо, в котором он, уезжая, писал, что оставляет «Логос» вполне готовым, и что все было теперь за Вит[ольдом] Францевичем.

Каково же было мое удивление и беспокойство, когда от В[итольда] Ф[ранцевича] я узнал, что никаких

разговоров с Вами Б[орис] В[алентинович] не вел, что своего обещания «взять на себя» он совершенно не исполнил, и что даже Вы считаете, что редакционных сумм у Вас больше совсем нет (впрочем, я надеюсь, это недоразумение во всяком случае без затруднения выяснится). Сегодня утром я отсылаю Борису Валентиновичу] соответствующее письмо и надеюсь, что после него он примет все меры, чтобы выяснить происшедшее по его вине недоразумение.

Все это я пишу Вам для того, чтобы, во-первых, оправдать себя в Ваших глазах (как-никак я – кассир редакции, и на мне лежит обязанность свести бюджет), а также для того, чтобы попросить у Вас совета, как поступить при настоящих обстоятельствах. Ведь книжку «Логоса» нужно выпустить, и необходимо выпустить возможно скорее. Это нужно потому, что

1) иначе она совсем устареет, и пропадет даром громадный труд на нее потраченный; 2) неловко перед авторами, статьи которых и без того задержаны до чрезвычайности; 3) выпуск книги необходим для устройства «нового “Логоса”». Наконец, номер ведь весь набран и сверстан и не выпустить его *нельзя*.

Поэтому я предложил бы следующее. По словам В[итольда] Ф[ранцевича] наличные деньги немедленно нужны для покупки бумаги (немного более 200 р.). По получении от Вас ответа я немедленно вышлю тогда В[итольду] Ф[ранцевичу] имеющиеся у меня 200 рублей редакционных денег. Т[аким] о[бразом], выход номера не будет *временно* связан с разрешением остальных вопросов. В сущности этих вопросов два:

1) Вопрос о 200 рублях редакционных денег, имеющихся еще по моему мнению у Вас. Этот вопрос может быть выяснен немедленно Вами.

2) Вопрос о 170 рублях, разрешение которого зависит от Яковенко. Этот вопрос может быть выяснен в

течение ближайшего времени перепиской с Бор[исом] Валентиновичем.

Если Вам что-нибудь неясно в моих расчетах, то В[итольд] Ф[ранцевич], которому я все дело изложил подробно, сделает Вам нужные разъяснения. Так как я должен уже для «Логоса» двести рублей, то мне будет чрезвычайно трудно (почти невозможно) достать для ликвидации «Логоса» еще денег, тем более, что я занят поисками денег на продолжение «Логоса». Правда, поиски эти оказались менее успешными, чем я ожидал, но надежды на спасение «Логоса» я все еще не теряю.

После своей пробной лекции в университете (в начале ноября) я непременно буду в Москве (вероятно буду читать доклад у Морозовой). Тогда мы увидимся, и обсудим вопрос о будущем «Логоса» подробнее. Пока хорошо бы как-нибудь выпустить этот.

Надеюсь, что как у Ваших, так и у Вас все благополучно.

Передайте, пожалуйста, мой привет Николаю Карловичу.

Сердечный привет и Вам шлет

Ваш *С. Гессен*

Р S. Читали ли вы Jean-Christophe Romain Rolland'a^[634]? В особенности вторую часть «Jean-Christophe a Paris»? Это одна из замечательнейших книг, которую я читал в последнее время. Читая ее, я неоднократно вспоминал о Вас. Мне было бы очень интересно узнать Ваше о ней мнение.

Дорогой Эмилий Карлович,

Отвечаю Вам только сейчас на Ваше письмо, т[ак] к[ак] знаю, что Вы в Москве все равно будет только завтра. Я вполне согласен с основными пунктами Вашего письма и вполне понимаю затруднительное положение «Мусагета». Что 1800 р. даны Вами «Логосу» в долг - я вполне помню и, напоминая о том, что по моим расчетам у Вас остается еще 200 р. из этих денег, я отнюдь не имел в виду настаивать на их уплате, но хотел лишь оправдать себя и всю редакцию «Логоса». Я думал, что эти деньги уже имеются у Вас, и потому, составляя смету «Логоса», я исходил из предположения об их наличности. В противном случае я бы настоял перед Яковенко на сокращении книжки на 4-5 листов, что было бы вполне возможно сделать весной при составлении содержания книжки.

Но что же теперь делать? Надо именно действовать дружно, попытаться общими силами (*и возможно скорее*) ликвидировать старый «Логос».

Весь вопрос сводится к оплате 15 листов (немного менее, так как в книжке будет 22½ листа, а «Мусагет» «должен» «Логосу» еще 7 Н листов). 15 листов, т. е. 600 рублей.

1) 150 рублей я уже выслал в субботу Витольду Францевичу. 50 рублей вышлю в четверг (безусловно). Тогда редакционных денег у меня более уже не будет (так как за это время пришлось уплатить кое-кому еще гонорар).

2) Около 200 рублей (4¼ - 5¼ листов) должен уплатить Яковенко. Он взял эти листы на свою *личную материальную ответственность*, и потому этот вопрос должен быть ликвидирован непосредственно между ним и Вами. Я[ковенко] писал мне, что он уже снесся с Вами об этом. Надеюсь, что этот вопрос уже выяснен, и Вы приняли относительно Яковенко то или иное решение. Я

настаиваю на том, что «Логос» тут ни при чем, а что это личное дело Яковенко, с которого Вы в крайнем случае должны потребовать соответствующую сумму денег.

3) Остаются еще 200 рублей – те самые, которые, по моим расчетам, имелись еще у Вас (из обещанной «конспиративной» суммы). Вы указываете на затруднительное положение «Мусагета» и предлагаете найти мне денег на покрытие этой части. Я считаю Ваше предложение вполне справедливым и принципиально соглашаюсь на него, но чрезвычайно затрудняюсь источником – где найти эти деньги. Вы указываете на Ландау. Во-первых, Ландау все равно оплачивает половину своей статьи тем, что не берет за нее *никакого гонорара*^[635]. Во-вторых, это человек очень мнительный, и предложение напечатать статью на свой счет его очень обидит. До того обидит, что он предпочтет ее взять обратно, что теперь уже поздно. Наконец – я действительно рассчитываю на его финансовую поддержку (поэтому я собственно и рекомендовал – *contre soeur*^[636] – поместить его статью). Я очень надеюсь, что он даст на «Логос» несколько сот рублей. Но чтобы говорить с ним об этом необходимо, чтобы его статья вышла (тем более, что я *обещал* ему, что она выйдет весной). Иначе из разговора ничего не получится. В довершении всего его сейчас нет в Петербурге, он приезжает через несколько недель, и только тогда можно будет вести с ним переговоры.

Вообще говоря, я оказался в таком же положении, что и Вы. Я брал у Вас «взаимы» «конспиративные» деньги, убежденный словами Яковенко, что он найдет много денег для «Логоса». Лично я сам приблизительно учитывал, сколько смогу найти, и, без Яковенко, никогда бы не решился на тот шаг. Сейчас Яковенко «Логос» (т. е. его материальное устройство) совершенно бросил, и из всей редакции «Логоса» мне одному приходится искать средства на его издание. Я уже нашел 200

рублей, найти еще денег для ликвидации старого «Логоса» очень трудно мне одному, т[ак] к[ак] если кто мне и обещает деньги, то не на ликвидацию, а на продолжение. *Я думаю*, что мне удастся найти достаточно денег, чтобы из них рублей 100-200 отдать еще на ликвидацию «Логоса», но обещать безусловно я не решаюсь. Я почти уверен в том, что смогу, но обязательства дать не в силах.

* Между прочим, с Вашей оценкой статьи Ландау я вполне согласен. Я не настаивал на ее помещении, а помещал ее, надеясь на финансовую поддержку «Логоса» со стороны Ландау.

Но книжку «Логоса» *необходимо выпустить*. Ее необходимо выпустить возможно скорее (непременно в ноябре). Иначе мне не удастся ни найти денег на продолжение «Логоса» (из которых я рублей 100-200 смогу отдать «Мусагету»), ни удовлетворить авторов. Да и вообще: книжку можно выпустить либо сейчас, либо вообще не выпускать. Поэтому я снова умоляю Вас как-нибудь выпустить ее поскорее и заставить Яковенко найти денег на ее частичное покрытие. *Я с своей стороны обещаю тоже сделать все возможное*. Но повторяю: на ликвидацию я денег найти прямо не смогу (200 р. найденных мною – это максимум что я смог найти). Я смогу найти лишь на продолжение «Логоса» (*из них я тогда постараюсь уделить часть на ликвидацию*), но для этого необходимо, чтобы «Логос» *раньше вышел*. Это необходимо еще и вот почему.

В настоящее время я как раз веду переговоры с Вольфом об издании «Логоса». Он *готов заключить договор* на два года на следующих условиях:

«Логос» выходит 4 раза в год по 10 листов: 15 янв[аря], 15 марта, 15 сент[ября], 15 ноября. В конце

года в продажу поступает весь том в 40 листов, сброшюрованный вместе.

Вольф берет на себя все издание и платит 675 рублей гонорара в год. Остальные необходимые 700 р. в год достает сама редакция.

Редакция участвует в прибылях в размере 3600: 700 (3600 дает в год Вольф на издание^[637]).

Итак, мне надо найти 1400 рублей. Я почти нашел их, хотя именно только почти. Возможно, что я найду 1500-1600 рублей или даже больше. Тогда все лишнее, конечно, идет в «Мусагет». Возможный доход (о котором говорит Вольф) тоже частью *будет идти в «Мусагет» на покрытие старого долга* (частью на возвращение жертводателям).

Если «Мусагет» через два года захочет издавать нас снова, то мы всегда сможем перейти к нему.

Я вполне понимаю, что условия Вольфа тяжелые (хотя я из его расчета вижу, что Вольф не ищет и не надеется на прибыль, а только не хочет рисковать слишком многим). Но условия Вольфа – единственные. Несмотря на усиленные поиски, мне не удалось нигде найти лучших условий. (Я не говорю о том, что – в смысле распространения – лучшего издателя для «Логоса» нельзя придумать). Так что вопрос стоит: или Вольф или «Логос» вообще гибнет. Но ведь этого нельзя допустить. Это было бы ведь позорно. К тому же Вольф не настаивает на изменении характера «Логоса», требуя только большей популярности и отсутствия чрезмерно обширных и тяжеловесных статей.

Но чтобы подписать эти условия (по уполномочию редакции, в том числе и Вашему) мне надо найти 1400 рублей. А для этого необходимо, чтобы застрявшая книжка «Логоса» *немедленно* вышла^[638]. Иначе я не смогу найти денег и иначе Вольф откажется издавать

«Логос», т[ак] к[ак] первую книжку он уже хочет выпустить в конце января.

Поэтому я Вас снова очень прошу сделать все возможное, чтобы выпустить «Логос». Иначе я не вижу выхода. Придется «Логос» закрыть. Но теперь, когда подвернулся Вольф, и когда книжку все равно надо выпустить (т[ак] к[ак] она ведь набрана), опоздание с ее выходом было бы прямо фатально.

* Больше этой суммы я вряд ли смогу найти (т. е. рублей на 100–300 вероятно смогу). А эта сумма недостаточна, чтобы нам оставаться в «Мусагете». Поэтому Вольф – единственный выход.

Кончаю, т[ак] к[ак] спешу отправить это письмо. Очень прошу Вас ответить мне немедленно как на вопрос о выходе книжки, так и на вопрос о Вольфе (с которым обращаюсь к Вам как к члену редакции [\[639\]](#)).

Пока сердечный привет. Крепко жму Вам руку.
Ваш *С. Гессен*

22

СПб. В. О., 11 линия, 28
12 дек[абря] [19]13

Дорогой Эмилий Карлович,

Вот уже 12 декабря, а «Логос» еще не вышел. Это меня сильно тревожит. Если через 5 дней он не выйдет, по-моему лучше разобрать набор и не выпускать его вообще. Выпускать его после Рождества было бы безумием, да и Вольф бы воспротивился.

Уже сейчас выпуск «Логоса» потерял в *значительной* мере свой смысл. Я обещал искать еще около двухсот

рублей на покрытие расходов по этому номеру. Но должен сказать, что *каждый день* опоздания мешает мне в этом, и боюсь, что я не сумею выполнить Вашего желания.

(Дело в том, что я главным образом рассчитываю на Ландау, статья которого похоронена в этом №-е).

Итак – просьба:

Ради всего – поторопите типографию. Заставьте Ахрамовича *немедленно* изготовить и прислать сюда оттиски статьи Ландау (статья уже отпечатана). Сообщите мне, в каком положении дело, и на что можно рассчитывать.

Новый «Логос» – в полном ходу. Уже набрана половина № -а. Он выйдет ровно 15 января. Степуну поручено мною осведомлять Вас о всем, касающемся нового «Логоса», в качестве члена редакции.

Сердечно Ваш
С. Гессен.

СПб. 22 декабря [19]13

Дорогой Эмилий Карлович,

Конечно, я постараюсь сделать все возможное, чтобы убедить Вольфа отложить выход «Логоса» на 1-ое февраля. Не скрою, что задача эта – чрезвычайно трудная, т[ак] к[ак] Вольф искренне убежден, что срок выхода нового «Логоса» совершенно безразличен для успеха или неуспеха старого. Ведь центр тяжести нового «Логоса» в подписке, а рассылка подписчикам нового «Логоса» не отразится ничуть на покупке

старого. Розничную продажу Вольф во всяком случае задержит на более или менее долгий срок. Завтра мне предстоит еще один решительный разговор с ним. Беда в том, что проспект с указанием срока 15 янв[аря] уже отпечатан, также как и сданы объявления в газеты с этим сроком. Но надеюсь все-таки сделать все возможное.

Но, ради всего, и Вы (т. е. «Мусагет») поторопите типографию, чтобы «Логос» вышел еще в декабре. Иначе и февраль не поможет.

24-го я уезжаю к жене в Швейцарию (Caux S. Montereux, Villa Maria). Вернусь 20–25 января. Заведование петербургским] «Логосом» переходит на этот срок всецело к нашему новому коллеге Василию Емельяновичу Сеземану^[640]. Он живет в одной квартире со мною, и прошу Вас его любить и жаловать.

Желаю Вам и Вашим всего хорошего к наступающим праздникам.

Ваш С. Гессен

24

Paris XV 13-bd Pasteur
19 авг[уста] 1929

Дорогой Эмилий Карлович,

От Ольги Алекс[андровны] Шор^[641] я узнал вчера Ваш адрес и спешу написать Вам несколько слов, чтобы дружески напомнить Вам о себе. Я слышал, что Вы где-то в Швейцарии, но не имея Вашего адреса, не мог Вам ни писать, ни даже послать оттисков своих работ^[642]. К сожалению, и сейчас я не могу ни чего послать Вам кроме этого самого приветствия и напоминания. Я сейчас по дороге в Англию, где пробуду 2 % месяца (в

лекционном турне), а с собой у меня нет оттисков тех моих работ (о Достоевском, Соловьеве, Толстом и других), которые мне особенно хотелось бы послать Вас, дабы узнать Ваше о них мнение. Но по возвращении в Прагу, где я постоянно живу вот уже 5 лет, я непременно пошлю Вам полный набор тех моих работ, относительно которых я непременно хотел бы иметь Ваш отзыв.

Как Вы живете? Я очень и очень часто о Вас вспоминаю. «Мусагет» и Вы – одни из сам[ых] дорогих воспоминаний в моей жизни.

Крепко жму Вашу руку.
Душевно Ваш *С. Гессен*.

Мой постоянный адрес: Praha II, Rumanska 1, «Ru[s]kaja Škola za rubežom». Но Вы очень обрадовали бы меня, если бы откликнулись хоть несколькими строками в Cambridge, Miss Turnen, 37 Park Side, где я пробуду до 29-го авг[уста].

Б. А. Кистяковскому^[643]

1

Marburg, d. 10 Juni [1910]^[644]

Дорогой Богдан Александрович!

Только что знакомый потерял мое подробное письмо к Вам с вложенной в него рецензией Хвостова^[645]. М[ожет] б[ыть] все-таки Вы получили его? – Кто-нибудь подобрал и догадался бросить в ящик. Пожалуйста, сообщите.

Пока же повторяю главное из письма. Ваша статья, если действительно 1 авг[уста] будет готова, поспеет, что было бы (в особенности теперь) крайне желательно. *Мы на нее всерьез рассчитываем*^[646]. – М[ожет] б[ыть] удастся нам в конце июля встретиться, раз Вы будете в Берлине?

Крепко жму руку. Преданный Вам

С. Гессен.

2

Oberhofen, d. 6 Sept. [19]10.^[647]

Дорогой Богдан Александрович, завтра мы уезжаем отсюда. В субботу вечером я *наверное* (м[ожет] б[ыть], даже раньше) выезжаю из Freiburg'а, так что в Берлине буду *безусловно* 11-го числа. *В этом Вам ручаюсь*, если, конечно, не будет какой-нибудь *force major*^[648] вроде болезни моей жены и т. п. Т[ак] к[ак] мне необходимо на час остановиться в Галле (из-за Файхингера, который меня ждет), то я в Берлине буду около П 3-го дня 11-го. Это *наверное*. Поеду я в Москву только на следующий день, 12-го. Поэтому весь день буду в Вашем распоряжении *с момента приезда в Берлин*. Думаю, что это и Вас, и меня устроит. Для верности сообщите мне во Freiburg Postlagernd или по адресу Kroner'а, как и где Вас искать. О приезде своем смогу, если пожелаете, Вам телеграфировать^[649].

Спасибо за поклоны, которые все передам. Федор Августович] сейчас на Рижском взморье, где беседует с Лопатиным и Хвостовым. Сердечный привет, крепко жму руку. Ваш С. Гессен.

Если Вам много удобнее, чтобы я приехал утром, то я это сделаю. В Галле я всегда смогу приехать из Берлина. Жена благодарит за привет и отвечает тем же.

Abs. S. Hessen
Oberhofen am Thunersee
Schweiz

Б. А. Кистяковский - С. И. Гессену^[650]

München, 6/19 декабря 1910 г.

Дорогой Сергей Иосифович!

Сегодня я получил один оттиск (двадцать первый) и 15 экземпляров] моей статьи, вырезанных из книг «Логоса» и не сброшюрованных. Придется тут искать брошюровщика, хотя это очень неудобно перед самым праздником. Что делать? От Кожебаткина, по-видимому, нечего ожидать даже самой элементарной порядочности и добросовестности. В течение всей этой недели я не раз ставил себе вопросы: не поступил ли я очень дурно, написав такое резкое письмо? Не может ли против меня самого [быть] обращен упрек в вымогательстве? Но оценивая все обстоятельства, я прихожу к заключению, что иначе я и не мог поступить. Ведь со мной поступили возмутительно: в ответ на мою открытку с распоряжением относительно 50 экземпляров] оттисков, мне прислали 20 экз[емпляров] и ничего не написали. С объективной точки зрения это обман. Может быть, субъективно это объясняется тем, что для Кожебаткина *подвиг написать открытку*. Но нельзя же держать при таком деле секретарей, не умеющих вести деловую переписку. Если бы мне написали, что произошла ошибка и извинились бы, я по форме реагировал бы иначе. Но когда мне передают, что я один только так требователен, что все остальные сотрудники получили еще меньше оттисков, тогда мне остается только

настаивать на своем формальном праве в самой резкой форме.

Напишите мне, пожалуйста, чем объясняется то, что изготовлен всего 21 оттиск моей статьи. Вы мне вполне определенно писали, что по общему правилу всем изготавливается по 30 экземпляров], а мне изготовлено 50 экземпляров]. Такая скупость на оттиски навряд ли в интересах издательства. «Вопр[осы] филос[офии] и психол[огии]» сразу же приготовили и Грузенбергу и Ильину из статей брошюру для продажи в отдельной обложке. Здесь обложка могла бы служить рекламой. Теперь, к сожалению, мне придется посылать в провинцию экземпляры без обложки.

Ваш *Б. Кистяковский*

3

Freiburg, 24 апр[еля] [19]11^[651]

Дорогой Богдан Александрович!

Очень обрадовало меня Ваше согласие заехать во Freiburg к нам. Итак, ждем Вас *непременно*. О дне приезда сообщите открыткой. О часе приезда телеграммой, чтобы я смог бы Вас встретить на вокзале и сразу забрать в свои руки. Тогда обо всем переговорим^[652].

Статьи не присылал, т[ак] к[ак] все еще обрабатывают ее: очень боязно^[653]. Соловьева вышлю завтра или послезавтра: Вы его привезете обратно^[654]. Статью, м[ожет] б[ыть], вышлю, а м[ожет] б[ыть] уже прочту здесь. Пока, сердечный привет Марье Вильямовне^[655] и Вам от нас обоих. Крепко жму руку.

Ваш *С. Гессен*.

Р. С. В «Речь» недавно послал длинный фельетон о конгрессе^[656].
Tivolistr. 34

4

Freiburg im B.
Tivolistr. 34
15 мая[19]11^[657]

Дорогой Богдан Александрович,
получил сегодня №-а «Логоса»^[658]; из них один – для Вас, который Вам и отсылаю. Издан «Логос» еще изящнее и опечаток меньше. Только беда: на обложке опечатка! Я вместо С. Гессен назван Р. Гессен. Это редкая небрежность! Кроме того, статья Струве на обложке не значится! Ну, что с этим народом поделаешь!?

Большое спасибо за открытки и известия относительно переводов Соловьева. Я сегодня же пойду в библиотеку и закажу их себе. Как жалко, что Соловьев не писал ничего по-немецки^[659].

Соловьева книга мне пока не нужна. Держите сколько хотите. Когда она мне понадобится, я Вам, не стесняясь, напишу о том. Довольны ли Парижем?^[660] у меня работа тоже пошла на лад: реферат о Ласке, отнимавший внимание и время, уже прошел и я свободен^[661].

В Париж и хочется, и не хочется. Все еще не знаю, поеду ли. Посмотрю, как Kroner^[662]. О нашем разговоре вспоминаю с удовольствием и благодарностью: для меня разговор хороший значит больше хорошей книги. Пока всего хорошего.

Сердечный привет от нас обоих.
Ваш *С. Гессен*.

Очень доволен я рецензиями Фед[ора] Авг[устовича] и заметкой Долматов[ского]^[663].

5

Freiburg, 30 Juni [19]11^[664].

Дорогой Богдан Александрович,
Сегодня только вернулся из Царского и прочел Ваше письмо. Относительно Авксентьева^[665] даю Вам, конечно, полные полномочия. Статья должна быть в 1 % листа (не больше), причем пойдет она в 3-ей книжке 1911 г. или в 1-ой 1912 г. (2-ая 1911-го уже сплошь занята). «Рус[скую] Мысль» не высылайте: я ее прочел в Царском. Прочел также майскую книжку. Ваше письмо Струве мне очень понравилось.

Оно написано со страстью и с исчерпывающей полнотой аргументов. Особенно хорош и, я бы даже сказал, эффектен конец. Не представляю себе, что Струве сможет ответить, если только не побоится впасть в явный узкий национализм^[666]. —

Рецензией о «Логосе» в общем доволен. Я знаю автора ее: это совсем молодой, очень милый и талантливый студент в Гейдельберге^[667].

Ну, кончаю, т[ак] к[ак] очень устал. Сердечный привет Вам от Нины Лаз[аревны]^[668] и Вашего *С. Гессена*.

P S. Как Вам нравится роман Мережковского? Меня он разочаровал^[669]. Статья Иванова о Достоевском хороша: Вы слишком строги^[670].

Freiburg, 9 Aug. [19]11^[672].

Дорогой Богдан Александрович.

Завтра уезжаю из Freiburg'a в Петербург. Пока мой адрес: М. Конюшенная, 3. Еду через Москву, где останусь лишь один день. Семья моя остается в Москве на месяц, я же буду искать квартиру в Петербурге (жить буду у отца моего пока). Из новостей сообщу, что Степун женился: все это, как всегда у Фед[ора] Авг[устовича], не просто, а трагично. Но дай Бог ему покоя: м[ожет] б[ыть] эту зиму удастся ему осесть и крепко поработать. Статья Иванова немцам очень не понравилась, но все-таки будет напечатана, т[ак] к[ак] Макс Вебер дал о ней благожелательный отзыв*****. Немцы ждут к след[ующему] номеру Вашу статью. В этой пойдут Риккерт (снова), Фосслер, Радбрух, Кон, Сеземан, Мелис, Иванов. В общем № интересный. Жду в Петерб[урге] от Вас вестей, а пока сердечно кланяюсь. Моя жена тоже шлет привет.

Ваш С. Гессен.

Сестрорецк, 5 июля [19]12 [нов. ст.]^[673]

Дорогой Богдан Александрович,

Ваше напоминание оказалось весьма кстати. Хотя и с опозданием на 1 день, все же послал сейчас телеграмму Когену. Мне почему-то казалось, что его день рождения в конце июля. Видали ли Вы сборник Когену? Некоторые статьи я уже читал в корректуре, но сборника еще не

видал! Обратите внимание на фото Гартмана и Сеземанна. А как Вам нравится статья Вышеславшева?
[\[674\]](#) Извините за карандаш. Сердечный привет.

Ваш *С. Гессен*

8

Сестрорецк 9/22 июля [19]12 [\[675\]](#).

Дорогой Богдан Александрович,
зная Ваш пессимизм, сообщаю Вам, что совершенно неожиданно (раньше, чем условлено) я получил от Метнера *1000 руб.* гонорарных денег. Т[аким] о[бразом] выход «Логоса» в 1912 году обеспечен. Жду известий и шлю сердечный привет.

Ваш *С. Гессен.*

9

29 авг[уста] [19]12. Сестрорецкий курорт [\[676\]](#).

Дорогой Богдан Александрович,
Извиняюсь, что пишу на открытке. Но очень спешу и сообщу самое необходимое, а письмо отложу до следующего раза.

Если рецензию о Спекторском [\[677\]](#) дадите к 10-му сент[ября], *то вполне успеете*. Вы ее отдайте прямо Степуну, или Яков[енко], или даже Ахрамовичу в набор, раз будете 10 в Москве.

Очень жалею, что перевод оказался так плох [\[678\]](#). Впредь не буду переводчику давать статей. Т[ак] к[ак] теперь у немцев есть Лосский и Габрилович [\[679\]](#), то

можете со статьей не торопиться, хотя приятнее было бы, чтобы Ваша статья пошла скорее.

Сердечный привет от искренне Вашего
С. Гессена.

После 1-го сент[ября]: Таврическая, 25^[680].
Отдохните и поправляйтесь, пока есть время еще.

Случай с Сел. возмутителен. Я с удовольствием написал бы о нем в «Речи», если бы были более точные данные^[681].

10

СПб. Таврическая, 35
3 марта [19]13^[682].

Дорогой Богдан Александрович,

Чувствую себя бесконечно виноватым перед Вами за свое молчание. Но Вы не можете себе представить, в каком ужасном чаду прошла у меня эта зима, в особенности последнее время. Только сегодня смог написать заметку для нем[ецкого] «Логоса» о письме Шеллинга и послать ее Кронеру. Письмо Чаадаева я отослал полностью, предложив Кронеру самому сократить его, если он найдет нужным. Во вступлении написал несколько слов о Чаадаеве и письме. Упомянул, откуда взяты оба письма^[683]. Ответ на возражения мне думаю сегодня написать. Надеюсь, что еще не поздно. Мне чрезвычайно трудно их восстановить. Записку с возражениями мне, которую я во время доклада имел, я утерял. Содержание же многих возражений (Ефимова, Вышеславцева, Алексеева) я в точности не помню. Так что мне, собственно, очень не хочется писать свои

возражения, тем более, что на все существенное я ответил в моей статье^[684]. Вы мне еще ничего не писали о ней. Прочли ли Вы ее? Как находите ее по сравнению с докладом? Я особенное значение придаю в ней развитию понятия преступления и справедливости (как наказания, как восстановления справедливости, а не права). Когда немного освободитесь от работы, черкните мне об этом поподробнее. Я буду чрезвычайно рад. Вы ведь знаете (и должны были убедиться в этом из чтения статьи), как высоко я ценю Ваше мнение.

«Логос»^[685] выходит, как я надеюсь, 30 марта. В нем снова 20 листов. Т[ак] к[ак] эту книжку выпускаю я, то он отнимает у меня массу времени. Кроме того, я занят устройством его финансовых дел. Надеюсь, что из хлопот моих что-нибудь выйдет.

Экзамены мои подвигаются помаленьку. Логику и этику я уже сдал. Остаются психология и метафизика (с историей философии). Психология предстоит 30 марта. После экзаменов (в мае) собираюсь с семьей во Freiburg. М[ожет] б[ыть] я (один) по дороге туда совершу путешествие через Константинополь, Софию, Вену. Очень мне это хочется.

Кроме того, занят ежедневным уроком (латинск[ий] и греч[еский] яз[ыки]), переводом своей статьи на нем[ецкий] яз[ык] и разной мелочью. Вы видите – сколько работы. И это при моей известной Вам неработоспособности и быстрой утомляемости.

В Москве вряд ли скоро буду. Но все же надеюсь перед отъездом съездить в Москву и повидать, наконец, Вас.

Если выдержу экзамен, то рассчитываю получить лекции здесь в Коммерческом] Университете. Мне предлагают курс: Введение в психологию. Но я очень хотел бы читать «Методология обществ[енных] наук». Этот курс я считаю целесообразнее для «Коммерческого] Универс[итета]», да и для меня он

несравненно более подходит: он будет содействовать моим личным работам, тот же будет им только мешать. Пожалуйста, когда найдете время (это не к спеху), напишите мне Ваши соображения о читаемом Вами курсе по методологии в Москов[ском] Коммерч[еском] У[ниверситете]. Посещается ли он студентами? Поскольку, по Вашему, такой курс полезен в таком учреждении? Я собираюсь воспользоваться Вашим письмом как опытным доказательством в пользу моего предложения. Здесь во главе дела стоит мой (вернее моего отца) личный приятель А. И. Каминка. Он благоволит ко мне, но, к сожалению, не благоволит ни к философии, ни тем более к методологии.

Кончаю пока. Шлю сердечный привет Марии Вил[ямовне] и Вам. Крепко жму Вам руку.

Преданный Вам *С. Гессен*.

Нина Лаз[аревна] шлет Вам свой привет.

P S. Напишите, что же с Вашей статьей об «Иррац[иональном] в праве» для нем[ецкого] «Логоса»? Я ее обещал Кронеру, и до сих пор они ее ждут. Если перевод очень плох, можно дать ее заново перевести.

Готовясь к экзамену по этике, я у Фихте (Nurrecht^[686]) нашел чрезвычайно интересную теорию наказания. Между прочим, я нашел у него весьма близкое к моему опровержение смертной казни. Вся теория основывается на понятии общест[венного] договора, расторгаемом фактом преступления. Если отвергнуть эту ложную предпосылку об обществ[венном] договоре как основании права, то теория Фихте во многом подтверждает мои выводы (отчасти прямо, отчасти от обратного). В нем[ецком] переводе своей статьи я собираюсь сделать маленькую вставку о Фихте.

Еще раз сердечный привет.
Ваш *С. Гессен*.

В. И. Иванову^[687]

1

СПб. М. Конюшенная, 3 Тел. 36—20
11 авг[уста] [19]11^[688]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
Пожалуйста, *немедленно* сообщите мне, куда послать Вам корректуру Вашей статьи о Толстом в немецком переводе: она будет помещена в ближайшей книжке немецкого «Логоса»^[689]. Перевод не особенно удался Степуно (да и не мудрено) и требует с Вашей стороны самого внимательного чтения.

Сердечный привет от искренне преданного
С. Гессена.

2

СПб. 19-ое марта [1912]^[690]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,
Ежели желаете провести вечер в обществе петербургских философов, то последуйте пожалуйста приглашению, которое я Вам передаю по поручению Н. С. Войтинской (Могилевская ул., 25). На этом вечере (21-ое марта, среда) будут Н. Лосский, И. Лапшин, С. Франк, члены Философс[ского] Собрания, члены Филос[офских] семинаров Высших курсов и Университета. Нужно ли

говорить Вам, что Ваше присутствие направит беседу собравшихся философов в сторону от узко специальных вопросов и придаст ей более общий (и интересный) характер?!

Если придете (*что будет очень хорошо*), то там же поговорим о кой-каких делах.

Искренне преданный
С. Гессен.

3

СПб. 23-е марта [1912^[691]]

Глубокоуважаемый Вячеслав Иванович,

К сожалению, папа уже написал письмо несколько дней тому назад Борису Николаевичу. По его словам, письмо так им составлено, что Б. Н. не сможет быть огорчен отказом. Т[ак] к[ак] Набоков^[692] выехал из Петербурга, а папа уезжает сегодня, то отложим наше сражение на Фомину неделю. Папа сам очень нерешителен во всем этом деле, и при некотором давлении с Вашей стороны можно было бы, мне кажется, достичь успеха.

В понедельник буду у Вас, и мы поговорим о сем подробно.

Искренне преданный Вам
С. Гессен.

4

СПб. Таврическая, 35 (изменили № дома)
27 февр[аля][19]13^[693]

Глубокоуважаемый и дорогой Вячеслав Иванович,
Вы наверное получили уже давно книгу «Логоса» со статьями Яковенко и моей^[694]. М[ожет] б[ыть] на досуге как-нибудь прочтете мою статью. Мне было бы лестно узнать Ваше мнение. Пусть Вас не останавливает то, что она трактует о юридическом вопросе. Философия (по крайней мере в моем понимании) едина, и истинный философ, говоря по поводу разного, в сущности должен говорить одно и то же. Вы не увидите в этом самомнения: в статье о наказании я (хорошо ли, плохо ли) постарался дать очерк моих общефилософских воззрений.

Но приступаю к делу. Это коллективная просьба к Вам от редакции «Логоса». Вы заметили наверное, что из числа ближайших сотрудников «Логоса» ушли Н. Лосский и С. Франк^[695].

Лосский потому, что не хочет раздражать своих московских друзей (изд-во «Путь»), которым он отказал в ближайшем сотрудничестве. Франк потому, что считает «Логос» партийным органом неокантианцев, узурпировавшим наименование международного ежегодника по философии культуры.

О Лосском говорить нечего. Его мотивы отчасти личные и вполне понятные. Он нам вполне сочувствует и будет продолжать сотрудничать у нас, тогда как в Пути не будет и сотрудничать. Но он не хочет, чтобы его считали в борьбе «Логоса» и «Пути» взявшим сторону «Логоса»: это не соответствует вполне действительности и не желательно для него по личным мотивам.

О Франке тоже говорить не приходится. Франк по личным свойствам своего ума и характера обречен на безнадежное смешение определенности философской позиции с узостью и философской расплывчатости и мягкотелости с широтой. «Логос» никогда не собирался

стать складочным местом для всяческого рода философических размышлений. С 1-ой же книги он определенно заявил, к чему стремится, и в течение трех лет, думается, не сошел с намеченного пути. Обвинять [\[696\]](#) его в какой-то узурпации прямо смешно. Считать его органом неокантианцев – какой это провинциальный анахронизм! Будто Яковенко, Степун и я (не говорю о немцах) – это кантианство! С таким же правом можно было бы назвать нас и платоновцами и фихтеанцами и гегельянцами! Впрочем, Вы лучше другого чувствуете, что «Логос», если и партиен, то партиен постольку, поскольку он неуклонно стоит на дороге чистой философии. Для человека, обладающего философским зрением, уже теперь должно стать ясно, сколь велики по существу расхождения между Яковенко и хотя бы мной: к какому большому разномыслию они со временем неизбежно должны привести.

К сожалению, не только Франк, но и Борис Николаевич в своей последней статье в «Тр[удах] и Днях» [\[697\]](#), забывши все пережитое за последние три года, каким-то непонятным образом игнорируя происшедшее развитие и намечавшуюся дифференциацию (признак живой силы!), попытался вернуть спор на старую позицию, на ту элементарную позицию о схоластике (кантианстве) и метафизике, которая в свое время так набила всем оскомину. Будто между *нашей* гносеологией и *истинной* метафизикой есть еще принципиальное различие! Будто происходить от скептической и боязливой гносеологии и бороться с дурной метафизикой значит быть схоластом и методологом! Нет, даже Борису Николаевичу не удастся (да и он сам наверное скоро изменит свое мнение) сделать небывшим то, что за это время случилось.

Итак, к чему я это все говорю? Чтобы просить Вас позволить нам поставить Ваше имя на обложке в числе ближайших сотрудников «Логоса» – на место Лосского и

Франка. Нам важно поставить имя Вячеслава Иванова – Ваше сочувствие много значит и покажет всем, что мы не партийный, а вообще философский орган. Вспоминая наши беседы, я полагаю, что таково и Ваше мнение. Вы всегда считали «Логос» сознавшей себя философией. Критикуя «Логос», Вы критиковали философию. Вы не принимаете «Логос» постольку, поскольку для Вас вообще не приемлема в последнем смысле философия. Нам важно, чтобы это Ваше мнение, столько раз столь определенно Вами высказывавшееся, Вы ныне подтвердили еще раз Вашим согласием на нашу просьбу. Это и будет соответствовать фактам: Вы дали нам уже Вашу статью и, надеюсь, дадите еще. Мотивы Лосского к Вам не относятся. Из того, что Вы дали нам Ваше имя, никто не заключит, что Вы стали партийным философом – против «Пути», в котором Вы сотрудничаете^[698]. Всякий поймет, что Вы сочувствуете «Логосу» условно, как признаете ценность философии в сфере *условного*. Недовольство Бориса Николаевича] философией Вас тоже вряд ли должно остановить. Думается, Вы не последуете зову Штейнера, и Ваше ни в каком посредничестве не нуждающееся посланничество слишком уверено в себе и слишком широко, чтобы отвергать условную ценность философии.

Так как 30 марта выходит новая книга «Логоса», то нам очень желателен был бы Ваш скорый ответ^[699].

Надеюсь, у Вас все благополучно, и Вы довольны Вашим пребыванием в Риме^[700]. Я остаюсь здесь до числа 16–20 мая, а затем собираюсь в Германию на лето [зач.: (Кстати, к сведению Марии Михайловны: мы хотели бы во всяком случае)]^[701]. С наслаждением читаю Вашу «Нежную тайну»^[702].

Передайте, пожалуйста, искренний привет Вере Константиновне и Марии Михайловне^[703].

Сердечный привет шлет Вам искренне Вам
преданный
С. Гессен.

5

СПб. 27/10 мая [19]13^[704]

Глубокоуважаемый и дорогой
Вячеслав Иванович,

Из Вашего письма я вижу, что решение Ваше, к сожалению, бесповоротно, и ему надо подчиниться. Тем настойчивее я просил бы Вас за то дать «Логосу» какую-нибудь статью (из области эстетики), чтобы тем подтвердить Ваше участие в нем как дружественного сотрудника. В данном случае Вы последуете примеру Н. Лосского, напечатавшего статью в том самом номере «Логоса», с обложки которого было впервые снято его имя^[705].

У меня экзамены в середине мая кончаются, и я тотчас же уеду во Freiburg, где находятся уже Нина Лазаревна с сыном. Очень хотелось бы с Вами лично побеседовать. Надеюсь, осенью Вы будете в Петербурге?^[706]

Прошу Вас передать сердечный привет Вере Константиновне. Мой отец благодарит за память и просит кланяться.

Искренне преданный и уважающий Вас
С. Гессен.

P S. Как жалко, что существенный спор Бориса Николаевича с Федором Августовичем по вине обоих принял такую ненужную, злую, личную форму!^[707]

М. М. Замятниной [\[708\]](#)

1

Сестрорецкий курорт Заречный пр., д. Курбатова
Тел. 41

19 июня [19]12 [\[709\]](#)

Многоуважаемая Мария Михайловна,
Сейчас получил телеграмму от моих знакомых из Рима, которым я предложил квартирное содружество (Р. Б. Шаскольский). Телеграмма гласит: Der Kommune einverstanden unser Rückkehr Herbst noch unsicher [\[710\]](#). Выяснится это лишь через некоторое время. Итак, я снова не могу дать Вам окончательного ответа. Думаю поискать еще компаньонов, хотя сейчас не предвижу никого. Если Вам не удобно ждать, то пожалуйста не стесняйтесь и сдайте кому-нибудь другому.

Впрочем, следующие два плана: не согласится ли Михаил Алексеевич [\[711\]](#) (как его здоровье?) остаться в своих комнатах (за рублей 30-35) только *без стола*, или другой: одна наша хорошая знакомая (М. Грюнвальд [\[712\]](#)), «влюбленная в башню», мечтает поселиться в ней, но только с *октября* месяца: т. е. с август[а] по октябрь Вы теряете половину (или немного меньше) квартирной платы (т. е. 80 рублей). Если на последнее Вы согласитесь, то можно считать вопрос поконченным. Тогда сообщите, пожалуйста, когда жене или мне приехать, чтобы с Вами окончательно переговорить. Имейте в виду, что если Вы согласитесь на последнее, то это только *крайний* случай: ведь приезд Шаскольских осенью все-таки очень вероятен.

Итак, жду Вашего ответа

Искренне преданный
С. Гессен.

2

Сестрорецкий курорт, Заречный пр., д. Курбатова
27 июня [19]12^[713]

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Т[ак] к[ак] крайне занят сейчас, то не могу поехать сам в город и вынужден ограничиться письмом. Жена мне передавала, что Вы настаиваете на цифре 100 без услуг. Я был так уверен, что Вы сами раньше предложили 90, что думал, что жена перепутала, почему и просил ее снова переговорить с Вами. Очевидно, перепутал я, хотя именно цифра 90 мне ясно помнится.

Но раз для Вас эта цифра очень существенна, то полагаю, что нам следовало бы на нее согласиться, чтобы кончить наконец эту канитель. Итак, резюмирую условия:

- 1) мы платим Вам в месяц 100 рублей (с дровами)
- 2) швейцару и дворникам около 10 руб.
- 3) срок: 1 августа 1912—1 июня 1913
- 4) за август и сентябрь мы получим только половину, причем М. А. Кузьмин в течение августа продолжает жить в квартире.

Кажется, все. О способе уплаты, контракте и т. д. Вы расскажете лично. Пожалуйста, сообщите, когда мне (или жене) приехать в город, чтобы уже *окончательно* условиться с Вами.

Очень извиняюсь за проволочку, в которой я лишь косвенно виноват.

Сердечно преданный

СПб. Таврическая 25
22 сент[ября] [19]12

Многоуважаемая Мария Михайловна,
Очень прошу Вас о следующем. Пожалуйста, напишите **немедленно** в Правление Общества электрического освещения 1886 года (СПб. улица Глинки, 14) заявление, в котором Вы просите в квартире Вашей поставить *два* счетчика в виду того, что передали квартиру двум семьям. Упомяните, что счета Ваши простирались на очень большую сумму, и что Вы *просите* (даже считаете, что это очевидно само собою) дать второй счетчик бесплатно. Не забудьте указать адрес квартиры. Без Вашего письменного заявления О[бщество] не согласно что-либо делать в Вашей квартире. – Я прошу Вас немедленно написать потому, что давно уже получил от Сергея Константиновича]^[714] обещание сообщить Вам эту просьбу, которое однако им было забыто. Счетчик же необходимо поставить возможно скорее, т[ак] к[ак] 1-го уже переезжает г-жа Грюнвальд.

Затем: если можно было бы Сергею Константиновичу как-нибудь достать ключи от одной запертой комнаты, то было бы очень хорошо. Сергей Константинович] поставил бы туда кое-что лишнее, что осталось в квартире, нам не нужное и не просившееся^[715] ни мною, ни моей женою (два лишних стола и ванна, хотя и просившаяся^[716], но к сожалению оказавшаяся совершенно негодною).

Квартирой пока мы очень довольны. С Сергеем К[онстантиновичем] уживались весьма и весьма

мирно [\[717\]](#).

Сердечный привет Вам и Вячеславу Ивановичу от преданного Вам
С. Гессена.

Завтра, послезавтра уезжает Сергей Константинович] и я бы проверил с ним еще раз Ваш список оставленных вещей [\[718\]](#).

4

СПб. 12/25 ноября [19]12 [\[719\]](#)

Многоуважаемая Мария Михайловна,
Очень неприятно мне Вас беспокоить разными пустяками, но приходится. Дело в том, что одна печь в башне дымит так невозможно, что привело окончательно в отчаяние В. Ходорову, снимающую другие комнаты. Да и наша столовая весьма затрагивается этим обстоятельством. Дымит она так часто, что делает комнату (даже всю башню) положительно не обитаемой. Хуже всего то, что и швейцар и дворник (и даже Сергей Константинович]) утверждают, что это не случайное, а постоянное свойство печи, от которого почти невозможно избавиться. Сие обстоятельство, в связи с тем, что Вы меня не предупредили о нем, весьма меня, признаться, удивило. Жалобам В. Ходоровой я не могу ничего противопоставить кроме моего искреннего ей сочувствия, т[ак] к[ак] вместе с ней считаю, что занимаемая ею половину квартиры мало пригодна для жилья. Ко всему, несмотря на усиленную топку, температура в ее комнатах (очевидно, вследствие того,

что средняя комната закрыта) достигает максимум 10°: факт тоже непредвиденный.

Поэтому обращаюсь к Вашей помощи. За указания был бы весьма благодарен. Искренне преданный С. Гессен.

Сердечный привет Вяч[еславу] Ив[анович]у.

5

СПб. 27/10 мая [19]13^[720]

Многоуважаемая Мария Михайловна,

Если Вы не возвращаетесь в Петербург ранее 10-15 сентября, то может быть Вы разрешите оставить мне в какой-нибудь комнате наши вещи? Ужасно не хочется заниматься укладкой, перевозкой и т. д. Да и лишняя перевозка в склад и из склада только сломает нашу и без того хрупкую мебель. (Конечно, Павлу я буду «за хранение» платить его обычное жалованье.) Если Вам это не удобно или если Вы собираетесь приехать сюда раньше 10-го сентября, то, пожалуйста, без стеснений откажите мне. (Я вернусь из-за границы в середине сентября и не хотел бы из-за перевозки мебели приезжать раньше.)

Затем. В. Д. Ходорова просит разрешения *эвентуально* оставить за собой и *на июнь* одну комнату, за которую предлагает плату в 25-30 рублей.

Пожалуйста, ответьте на оба вопроса поскорее: я собираюсь уехать числа 25-го. Ответьте, пожалуйста, по адресу:

В. О. 11 линия, д. 28, кв. 6,

где я с завтрашнего дня буду находиться до 11-го мая. (Т[ак] к[ак] жена моя заболела и уехала, то я переезжаю к приятелю, с которым вместе занимаюсь.)

Сердечный привет от искренне преданного
С. Гессена.

Йонасу Кону[\[721\]](#)

Łódź, ul. Narutowicza 128
29. VIII. 46

Meine lieben, teuren Freunde,

Es war für mich wirklich eine grosse Freude, Ihren Brief zu erhalten. Ich habe so lange von Ihnen nichts gehört, auch nicht einmal wusste, ob es Euch schliesslich doch gelungen ist, das Dritte Reich noch rechtzeitig zu verlassen. Im letzten Brief, den ich im Frühjahr 39 von Ihnen erhalten hatte, schrieben Sie mir, daß Sie eben hoffen, zu Ihrem Sohn nach England fahren zu können. Seitdem aber keine Nachricht von Ihnen u[nd] dann – der Krieg. Erst vor einigen Tagen bekam ich von Tschizewskij einen Brief, in dem er mir schrieb, daß Sie leben und in Engl[and] sind, ohne aber Ihre Adresse mitzuteilen. Und nun heute sehe ich wiederum nach so vielen Jahren Ihre liebe, so charaktervolle, „weise“ (würde Stepun sagen) Handschrift. Es wäre mir furchtbar schwer, ja psychisch beinahe unmöglich, über das im Krieg erlebte genau zu berichten. Wenn ich selber jetzt daran denke, so glaube ich kaum, daß das alles wirklich geschah, ja geschehen konnte. Ob nun andere, die nichts Aehnliches erlebt haben, dem auch glauben werden? Also beschränke ich mich in meinem kurzen Bericht auf wenige Haupttatsachen.

Meine erste Frau, Nina, wohnte mit unseren älteren Sohn Eugen weiter in Prag, als der Krieg ausbrach. Wir korrespondierten miteinander regelmässig seit der Wiederaufnahme des Postverkehrs Warschau-Prag im 1940, und es gelang mir sogar, ihr von Zeit zu Zeit Geld zu überweisen (illegal). Ende 42 erhielt ich von ihr ihre letzte Karte aus Prag, in der sie mir schrieb, dass sie Prag verlassen muss und ins Unbekannte fährt, sagte mir und unseren

jüngeren Sohn Mitia ihr Lebewohl. Seitdem keine Spur, ich weiß nicht mal, in welchem Lager sie von den Hitlerdeutschen umgebracht wurde. Eugen wurde einige Monate später verhaftet, dann ins Lager geschickt, eine Zeit lang arbeitete er auf einem Landgute, dann wieder ins Lager gebracht. Ich hatte durch Prager Freunde Nachrichten über ihn, konnte ihm sogar von Zeit zu Zeit Pakete auf demselben Wege schicken. Nach dem Warschauer Aufstande (1944) verlor ich jede Spur von ihm, und erst später erfuhr ich folgendes: er lebte noch bis zum April 45 in einem Lager unweit vom Oranienburg, erkrankte dann an Dysenterie und wurde nach Oran. abtransportiert. Nun nur Warscheinliches: er befand sich unter den im letzten Moment „Evakuirten“, von denen keiner mehr gesehen wurde. Nicht unter den schwer Kranken, die nicht mehr gehen konnten und die man in der Eile krepieren liess - von denen aber viele nach der Befreiung von den Russen gerettet und zur Gesundheit gebracht worden sind!

Mein jüngerer Sohn, Mitia, kämpfte 1939 als Freiwilliger, wurde gefangen, flüchtete aber glücklich während des Abtransports nach Deutschland. Er lebte mit uns in Warschau bis zu seiner Heirat (mit Polin), dann im Warsch. Aufstand wurde er verwundet und ins Gefangenenlager gebracht, wo er im Lazarett zunächst war, dann im Bureau des Lazarets verwendet wurde - bis zur Befreiung durch die Russen. Er ist in Stettin tätig, kommt aber bald in den Staatsdienst nach Warschau, dann wird er nahe von mir und wird mich öfter besuchen können. Er hat ein 2-jähriges Söhnchen. Seinen Interessen nach ist er Slawist und Literat.

Nun über mich und meine liebe Frau, deren Vorsorge, Phronesis und Mut, aber auch Glück ich es verdanke, daß ich lebe und noch arbeitsfähig bin. Wir blieben in Warschau, erlebten die Belagerung 1939, später waren beide im geheimen Unterricht tätig, meine Frau im Rahmen der höheren Schule, ich - im akademischen. Ausserdem verdienten wir noch durch Privatstunden in Fremdsprachen,

ich hielt auch Vorträge über sozialphilosoph. Themen in privaten Kreisen und Jugendorganisationen. Alles freilich in grösster Konspiration. Mit der Zeit gewöhnte man sich daran, wie man an die dunklen Strassen, an die langen Monate ohne elektr. Licht, an die Durchsuchungen und Menschenfang auf den Strassen und in Häusern sich gewöhnt hat. Auch erfand man Gegenmittel dazu. Als wegen des Kontaktes mit der Jugend der Grund unter den Füßen zu brennen begann, mussten wir für einige Monate aus W verschwinden. Beinahe das ganze Jahr 42-43 verbrachten wir auf d[em] Lande, wo wir unseren Unterhalt ebenfalls durch privaten Unterricht verdienten. Schliesslich gerieten wir doch beide ins Gefängnis (in Radom) und nur durch glücklichen Zufall gelang es uns daraus zu entkommen. Der Aufstand 44 überraschte uns in unserem Gemüsegarten, eine halbe Stunde weit von unserem Haus. Wir blieben im Garten 10 Tage - auf strikt vegetarischer Kost ohne Brot, ja ohne Salz. Eine Bande besoffener Fremdlegionisten in deutschem Dienst (s. g. «Vikinger» und Ukrainer) beraubte uns der Reste unserer Habe (Uhre, Füllfeder, Ringe, Geld) und wiederum nur gutes Glück errettete uns vom Erschiessen. Nach Hause durften wir nicht mehr zurück, ja wir sahen von unserem Garten, wie es in Brand gesetzt wurde. Das errettete uns wohl das Leben: wie ich später erfuhr, wurden alle Bewohner unseres Hauses entweder am Ort erschossen oder ins Lager verschleppt, was ich sicherlich nicht aushalten würde. Dafür verloren wir aber unsere ganze Habe - darunter meine Bibliothek, mein Archiv und vor allem meine Handschriften. Unter diesen befanden sich drei druckfertige Bücher, die ich während des Krieges geschrieben habe. Zwei dieser Arbeiten waren in Abschriften bei meinen Verlegern - auch sie gingen verloren. Nur 2 andere Arbeiten, deren Abschriften ausserhalb Warschau waren, wurden mir errettet. Die erretteten sind: 1. Die Schule der Demokratie. Grundzüge einer Didaktik (Ein Buch), 2. Die

platonische und die evangelische Tugenden (Eine Abhandlung). – Die verloren gegangene Handschriften:

I. Die Religionsphilosophie Dostojewskijs (eine Abhandlung geschrieben in 2 Varianten – russisch und deutsch – für den Züricher Verlag „Vita Nuova“) 2. Zwei Zwillingsbände: I. Die angebliche und die echte Überwindung des Kapitalismus,

II. Der Verfall und die Erneuerung der Demokratie. Ganz im Sinne meines „transzendent. Empirismus“ habe ich in den beiden Bänden philosophische] Betrachtungen in ein reiches empirisches Material hineingewoben und auf ihm fundiert. Jetzt, als ich die neuesten Publikationen über dasselbe Thema lese (z. B. Mannheim u. a.), sehe ich, wie gut und zeitgemäss diese Arbeiten waren. Manchmal scheint es mir, daß sie das Beste waren, das ich je geschrieben habe. Ich hoffe, dass es mir vielleicht noch beschieden wird, sie neu zu schreiben.

Vor einem Jahre war ich besserer Hoffnung in der Hinsicht. Im letzten Januar nach einem schrecklichen Herzanfall erlebte ich schwere Krankheit (infarctus myocardi), drei Monate musste ich Bett hüten. Meine ärztlichen Kollegen und meine Frau haben mich zur Gesundheit gebracht. Aber ich habe nicht mehr frühere Energie u. Arbeitsfähigkeit.

In Łódź geht es mir sehr gut. Ich habe einen weiten Kreis von Kollegen und Studenten, die mich lieben und achten, auch einen engeren Kreis meiner Freunde, Assistenten und Schüler, denen ich „die Fackel zu überbringen“ hoffe. Einige von ihnen werden schon in 2-3 Jahren Dozenten. Dann werde ich mich ruhig pensionieren lassen, um die mir noch beschiedene Zeit ganz der Abschließung meiner wissenschaftlichen] Arbeiten zu widmen. Ich fürchte, es ist mir noch nicht viel Zeit geblieben, muss mich also beeilen, dafür aber habe ich nicht viel Kraft. Die Arbeitsbedingungen bessern sich mit jedem Monate. Vor einem Jahre war es ganz knapp mit den Büchern. Jetzt bekommen wir schon vieles

aus England, Frankreich], Schweiz, USA und Sowjets. In meinem Unterricht fühle ich mich ganz frei, ohne meine Überzeugungen ändern zu müssen. Auch äusserlich geht es mir besser, als man das erwarten konnte. Noch vor einem Jahre hatten wir buchstäblich nichts. Jetzt haben wir schon alles Notwendige an Kleidung und Wäsche, ja sogar Taschenuhren. Nette Wohnung, sehr bescheiden möbliert, aber Sie wissen, ich hing doch niemals an Sachen. Was wir beide verdienen, genügt uns durchaus zum Leben. Meine Frau arbeitet in der Zentrale des despolnischen Genossenschaftswesens, als Herausgeberin einer Monatsschrift. Bücher will ich nicht mehr sammeln (zum 3. Male!). Alles was ich bekomme oder für mich gelegentlich kaufe, übergebe ich der Bibliothek meines Seminars.

Vor meiner Krankheit hoffte ich bald nach Paris fahren zu können. Dort waren doch zwei meiner Brüder. Mein Vater konnte noch Ende 42 nach New-York gelangen, er starb dort im April 43. Der jüngste Bruder war mit ihm. Der älteste wurde in Paris am 23. Juni 41 verhaftet und in einem Konzlager umgebracht. Die beiden anderen waren in Paris, der eine von ihnen war in den Maquis tätig. Alle aber fahren in diesen Tagen nach New York zum jüngsten Bruder und zu meiner Nichte. Ob ich sie noch überhaupt sehen werde? Die Ärzte sagen mir, dass ich noch im Flugzeug nach Amerika gut fahren können werde. Ich will dem glauben. Nach England habe ich ebenfalls Einladungen von meinen englischen Freunden in London und aus dem Lande in Bucks. (Jordans). Vielleicht werde ich doch in 1-2 Jahren imstande sein, diese Reise zu unternehmen. Ja, vieles hätten wir einander zu erzählen und zu sagen. Vor etwa 17 Jahren habe ich in Bournville mehrere schöne Tage verbracht. Es freut mich, daß Sie in so einer schönen Gegend wohnen.

Meine herzlichsten Grüsse an Euch alle. In echter alter Freundschaft

Ihr *S. Hessen*

[Перевод:]

Лодзь, ул. Нарутовича 128
29. VIII. 46

Мои милые, дорогие друзья,

Для меня было действительно великой радостью получить Ваше письмо. Я так давно ничего о Вас не слышал и не знаю даже, удалось ли Вам в конце концов все же вовремя покинуть Третий рейх. В последнем письме, которое я получил от Вас весной 39 г., Вы писали мне, что надеетесь все-таки получить возможность уехать в Англию к сыну. Но с тех пор известий от Вас не было, а затем – война. Только несколько дней тому назад я получил письмо от Чижевского^[722], в котором он написал, что Вы живы и находитесь в Англ[ии], не сообщив, однако, Вашего адреса. И вот сегодня, спустя так много лет, я снова вижу Ваш милый, столь характерный, «мудрый» (как сказал бы Степун) почерк. Мне было бы страшно тяжело, психически даже почти невозможно, точно рассказать о пережитом в войну. Когда я сам теперь об этом думаю, то едва верю, что все это действительно произошло, могло произойти. Поверят ли в это и другие, ничего подобного не пережившие? Итак, в моем кратком рассказе я ограничусь лишь главными фактами.

Моя первая жена, Нина, продолжала жить в Праге с нашим старшим сыном Евгением, когда началась война. Мы регулярно переписывались друг с другом с момента восстановления почтового сообщения между Варшавой и Прагой в 1940 г., и время от времени мне даже удавалось переводить ей деньги (нелегально). В конце 42 г. я получил от нее последнюю открытку из Праги, в которой она писала мне, что должна покинуть Прагу и уезжает в неизвестном направлении, и попрощалась со мной и нашим младшим сыном Митей. С тех пор –

никаких следов, и я не знаю даже, в каком лагере она погибла от рук гитлеровцев. Спустя несколько месяцев Евгений был арестован, отправлен в лагерь, некоторое время работал в одном поместье, потом снова был отправлен в лагерь. Через пражских друзей я получал о нем известия и время от времени тем же путем мог даже посылать ему в лагерь посылки. После Варшавского восстания (1944 г.) я совершенно потерял его след и только позже узнал следующее: он был еще жив до апреля 45 г., находясь в лагере недалеко от Ораниенбурга, потом заболел дизентерией и был отправлен в Оран[иенбург]. А далее лишь вероятное: он находился среди «эвакуированных» в последний момент, ни одного из них никто больше не видел. Не было его и среди тех тяжелобольных, которые не могли больше ходить и которых в спешке оставили подыхать – но многие из которых после освобождения были спасены и вылечены русскими!

Мой младший сын Митя в 1939 г. сражался добровольцем, попал в плен, но счастливо бежал во время транспортировки в Германию. Он жил с нами в Варшаве до своей женитьбы (на польке), затем во время Варш[авского] восстания был ранен и отправлен в лагерь для военнопленных, где сначала находился в лазарете, а затем работал в бюро при лазарете – до освобождения русскими. Он работает в Штеттине, но вскоре перейдет на государственную службу в Варшаву, тогда он будет поблизости от меня и сможет меня чаще навещать. У него 2-летний сынишка, по своим интересам он – славист и литератор.

Теперь обо мне и моей дорогой жене^[723], чьей заботе, рассудительности и мужеству, а также и удаче я обязан тем, что жив и еще работоспособен. Мы остались в Варшаве, пережили осаду 1939 г., позже оба тайно преподавали: жена – в рамках средней школы, я – в академической сфере. Кроме того, мы еще зарабатывали

частными уроками иностранных языков, я делал доклады по социально-философ[ским] темам в частных кружках и молодежных организациях. Все это, конечно, при величайшей конспирации. Со временем к этому привыкаешь, как привыкаешь к темным улицам, к долгим месяцам без электр[ического] света, к обыскам и облавам на людей на улицах и в домах. Изобретались также и средства защиты от этого. Когда из-за связи с молодежью начала гореть почва под ногами, мы вынуждены были на несколько месяцев исчезнуть из В[аршавы]. Чуть ли не целый год в 42–43 гг. мы провели в сельской местности, где также зарабатывали себе на содержание частными уроками. В конце концов мы все же оба попали в тюрьму (в Радоме) и только благодаря счастливой случайности нам удалось оттуда бежать. Восстание 44 г. застало нас на нашем огороде в полчасе пути от нашего дома. Мы провели на огороде десять дней – на абсолютно вегетарианской пище, без хлеба, даже без соли. Банда пьяных иностранных легионеров на немецкой службе (т[ак] н[азываемые] «Викинги» и украинцы) отобрала у нас остатки нашего имущества (часы, авторучки, кольца, деньги), и только счастливый случай спас нас от расстрела и на этот раз. Возвращаться назад домой нам было уже нельзя, из нашего сада мы даже видели, как был подожжен наш дом. Это, вероятно, спасло нам жизнь: как я позже узнал, все жильцы нашего дома были или расстреляны на месте, или брошены в лагерь, чего бы я, конечно, не выдержал. Но мы лишились всего нашего имущества – в том числе моей библиотеки, моего архива и прежде всего моих рукописей. Среди них находились три готовых к печати книги, написанные во время войны. Копии двух из этих работ были у моих издателей – они тоже пропали. Спасены для меня были лишь две другие работы, копии которых находились за пределами Варш[авы]. К спасенным относятся: 1) «Школа

демократии. Основные черты новой дидактики» (книга), 2) «Платоновские и евангельские добродетели» (исследование). – Пропавшие рукописи: 1) «Философия религии Достоевского» – исследование, написанное в двух вариантах – по-русски и по-немецки для цюрихского издательства «Vita Nuova», 2) два тома-близнеца: I. «Мнимое и подлинное преодоление капитализма», II. «Упадок и обновление демократии» – совершенно в смысле своего «трансцендентного] эмпиризма» я вплел в обоих томах философские размышления в богатый эмпирический материал. Теперь, когда читаю новейшие публикации на ту же тему (напр[имер], Мангейма и др.), вижу, как хороши и своевременны были эти работы. Иногда мне кажется, что они были лучшим из того, что я когда-либо написал. Надеюсь, что мне еще, может быть, удастся написать их заново.

Год назад у меня было больше надежд в этом отношении. В прошлом январе после страшного сердечного приступа я пережил тяжелую болезнь (infarctus myocardii), три месяца пришлось провести в постели. Мои коллеги-медики и моя жена вернули мне здоровье. Но у меня уже нет прежней энергии и работоспособности.

В Лодзи дела у меня обстоят хорошо. У меня большой круг коллег и студентов, которые меня уважают и любят, а также более узкий круг друзей, ассистентов и учеников, которым я надеюсь «передать эстафету». Некоторые из них уже через 2–3 года станут доцентами. Тогда я спокойно уйду на пенсию, чтобы посвятить отпущенное мне еще время завершению моих научных трудов. Я опасаюсь, что у меня осталось немного времени, значит, я должен спешить, но сил для этого осталось немного. Условия работы улучшаются с каждым месяцем. Год назад очень не хватало книг. Теперь мы уже многое получаем из Англии, Франц[ии],

Швейцарии, США и от Советов. На своих занятиях я чувствую себя совершенно свободным, не испытывая необходимости менять убеждения. И внешним образом дела мои идут лучше, чем это можно было бы ожидать. Еще год назад у нас не было буквально ничего. Теперь у нас есть все необходимое из одежды и белья, даже карманные часы. Приятная квартира обставлена очень скромно, но Вы знаете, что я никогда не был привязан к вещам. Того, что мы оба зарабатываем, вполне хватает на жизнь. Жена моя работает редактором ежемесячника в центре польского кооперативного движения. Сбирать книги (в 3-й раз!) я больше не хочу. Все, что я получаю или при случае покупаю для себя, передаю библиотеке своего семинара.

До болезни я надеялся вскоре побывать в Париже. Ведь там у меня было двое братьев. Мой отец сумел еще перебраться в конце 42 г. в Нью-Йорк, он умер там в апреле 43 г. С ним был младший брат. Старший брат был арестован в Варшаве 23 июня 41 г. и был убит в концлагере. Двое других были в Париже, один из них был участником сопротивления. Но на днях все они едут в Нью-Йорк к младшему брату и племяннице. Увижу ли я их еще вообще когда-нибудь? Врачи говорят, что я вполне хорошо смогу слетать в Америку еще на самолете. Хочется в это верить. У меня также есть приглашения от моих английских друзей в Лондон и в сельскую местность в Букс. ([1 сл. нрзб.: Jordans?]). Быть может, через 1-2 года я буду в состоянии предпринять такое путешествие. Да, многое могли бы мы друг другу рассказать и сказать. Лет 17 назад я провел много чудесных дней в Борнвилле. Меня радует, что Вы живете в такой прекрасной местности.

Всем Вам мои сердечные приветы. С искренней старой дружбой

Ваш *С. Гессен*

Łódź, 11. IV! 47

Lieber Freund,

Schon sehr lange habe ich keine Nachrichten von Ihnen, was mich ziemlich beunruhigt. Sind Sie und Frau Professor gesund? Bleiben Sie bei Ihrem Herrn Sohn oder wollen Sie doch nach Günterstal zurückkehren? Bitte, schreiben Sie mir über Ihr Sich-Befinden u[nd] Pläne.

Mit mir geht es leidlich. Während der großen Fröste dürfte ich nicht ausgehen und hielt meine Seminarübungen teils in meiner Wohnung teils durch die Vermittlung meiner Assistenten. Das Kolleg nahm ich erst Mitte Februar wieder auf. Im nächsten Trimester werde ich „Die Pädagogik der Aufklärung“ vortragen und habe mich schon wieder Ihre ausgezeichnete Darstellung im Nohls „Handbuch“ durchgelesen. Jetzt fühle ich mich ganz gut und kann sogar mehr arbeiten. Ich habe gerade meinen englischen Artikel für die Year Book of Education abgeschlossen.

Mit herzlichsten Grüßen an Frau Professor und Sie, auch für Herrn Dr. Gottschalk

Ihr *S. Hessen*

[Перевод:]

Лодзь, 11. IV 47 г.

Дорогой друг,

Очень долго у меня уже нет никаких известий от Вас, что довольно беспокоит меня. Здоровы ли Вы и госпожа профессор? Останетесь ли Вы у Вашего сына или все же хотите вернуться в Гюнтерсталь? Пожалуйста, сообщите мне о Вашем самочувствии и планах.

Мои дела идут терпимо. Во время больших морозов мне нельзя было выходить на улицу, и я проводил семинарские занятия отчасти в квартире, отчасти прибегая к посредничеству ассистентов. Лекции возобновил лишь в середине февраля. В следующем триместре буду читать «Педагогику Просвещения» и опять перечитал заново Ваше отличное изложение в «гандбухе» Ноля^[724].

Сейчас чувствую себя совсем хорошо и даже могу больше работать. Только что завершил свою английскую статью для Year Book of Education.

С сердечными приветами госпоже проф. и Вам, а также господину д-ру Готшальку

Ваш С. Гессен

Публикации и комментарии В. В. Сапова

Приложения к Разделу III

На днях книгоиздательство «Мусагет» выпускает первый номер международных философских выпусков *Логос*, выходящих приблизительно в те же сроки в Германии. Идея таких выпусков возникла в Германии в кружке молодых ученых (русских и немцев), сгруппированных главным образом вокруг Риккерта; Риккерт, которому принадлежит мысль назвать выпуск *Логосом*, и является их вдохновителем; задача выпусков – связать проблемы отвлеченной философской мысли с живыми потребностями национальных культур; *Логос*, оставаясь чисто научным журналом, не явится однако журналом академическим; вечные ценности европейской культуры, как и волнующие нас проблемы современности, найдут свое освещение в *Логосе*. Материал для выпусков, распределенный международной редакцией, утверждается и пополняется национальными редакциями (русской и немецкой); в скором времени отделения *Логоса* возникнут во Франции и Италии. В числе ближайших сотрудников выпусков мы встречаем такие крупные имена, как имена Риккерта, Виндельбанда, Когена, Гуссерля, Зиммеля, Христиансена, Кона и др.; к русскому отделу *Логоса* примыкают Лосский, Струве, Франк, Кистяковский и др. Существование международной редакции делает возможным появление на русском языке новых статей видных европейских мыслителей в первый раз; русские и немецкие издания *Логоса* не явятся, однако, повторением друг друга. Но предоставим слово самой редакции: «Разные издания *Логоса* не будут простым переводом друг друга, а будут скорее приспособляться к индивидуальным особенностям развития философской мысли отдельных

народов», потому что «подлинный синтез, которого мы теперь ждем, должен быть основан не только на полноте школьных, специально-научных и общекультурных мотивов. От него не должны ускользнуть и все национальные особенности философского развития» (*Логос*, стр. 11).

«Мы глубоко верим в будущее русской философии, а также в то, что основанное на безусловном усвоении западного наследия философское творчество наше неизбежно вберет в себя имеющиеся у нас своеобразные и сильные культурные мотивы... и тем самым бесконечно обогатит мировую философскую традицию. *В этом приобщении русской культуры и выраженных в ней оригинальных мотивов к общей культуре Запада русское издание Логоса видит одну из своих главных международных задач*» (стр. 13-я). И далее: «Тщательно отмечая все действительно выдающиеся явления русской философской мысли и подвергая научно-философскому освещению оригинальные мотивы русского философского развития, *Логос будет, однако, резко отмежевываться от всякой ненаучной философии*» (стр. 15-я). «*Для того, чтобы философия могла занять в отношении к культуре... соответствующее ей положение*», нужно осознать, что синтез есть не исходная точка построения системы, а лишь ее цель, «*ибо философия – нежнейший цветок научного духа, и она особенно нуждается в сознании бескорыстности ее задач*». Так формулирует свои задачи русская редакция молодого журнала. В первом номере Логоса между прочим будут помещены статьи Риккерта, Бутру, Кона, Фосслера, Степуна, Гессена и др.

Доклад С. И. Гессена о книге Э. Ласка «Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre»[\[726\]](#)

Книга Ласка интересна тем, что в объективной плоскости и учитывая приобретения современной немецкой философии, она чрезвычайно резко выражает сущность кантианства в его противоположности гегелианству. (Особенно интересна поэтому книга Ласка в России, где на кантианство все еще смотрят как на антропологический субъективизм.)

I. Книга Ласка и, соответственно ей, настоящей доклад распадается на две части. В первой части формируется понятие и проблема категорий в обычной для учения о категориях области чувственного бытия. Во второй части найденные понятия и проблема категорий распространяются на новую область нечувственной значимости, и, соответственно этому, выставляется идея логики наук о значащем (логики философии) *аналогично* и в противоположность выставленной Кантом логике наук о сущем. (Книга Ласка означает, таким образом, ни что иное, как применение кантианства к самому себе.)

II. Содержание первой части сводится к следующим положениям:

1. Коперникановское дело Канта заключается в том, что он увидел в бытии и других категориях трансцендентально-логический элемент, форму чувственного материала. Иначе говоря, Кант заменил теорию двух миров (чувственного и сверхчувственного бытия) теорией двух элементов (чувственного материала и значащей формы), дополняющих друг друга и лишь совокупно образующих то, что мы называем смыслом, или предметом.

2. Обособивши мир форм, рационализм принужден признать порождение материи формой и имманентное развитие форм. В противоположность этому следует признать, что материя дифференцирует форму.

3. Следует различать три понятия иррационального:

а) алогичность: алогично все то, что не есть логическая форма;

б) логическую оголенность: логически голым, т. е. неоформленным – может быть все, даже логическая форма; в) логическую иррациональность: все материальное лишь одевается, осеняется логической формой, ничуть не меняя от того своего первоначального нелогического характера.

4. Познание есть психологическое реализирование трансцендентальных форм предмета. Всякое познание есть опосредствование познаваемого материала непосредственно переживаемой формой.

III. Содержание второй (собственно оригинальной) части книги сводится к следующим положениям:

1. Так как философия (в частности логики бытия) есть знание о формах и так как познается всегда лишь оформленный материал, то, следовательно, имеется форма формы, изучаемая логикой философии. Форма формы есть значимость: ее следует отличать от значащих форм так же, как (значащее) бытие следует, напр., отличать от сущего, оформленного категорией бытия, материала. Теоретическая форма вообще распадается на координированные друг другу формы значимости и бытия.

Теоретическая форма вообще
(предметность вообще)

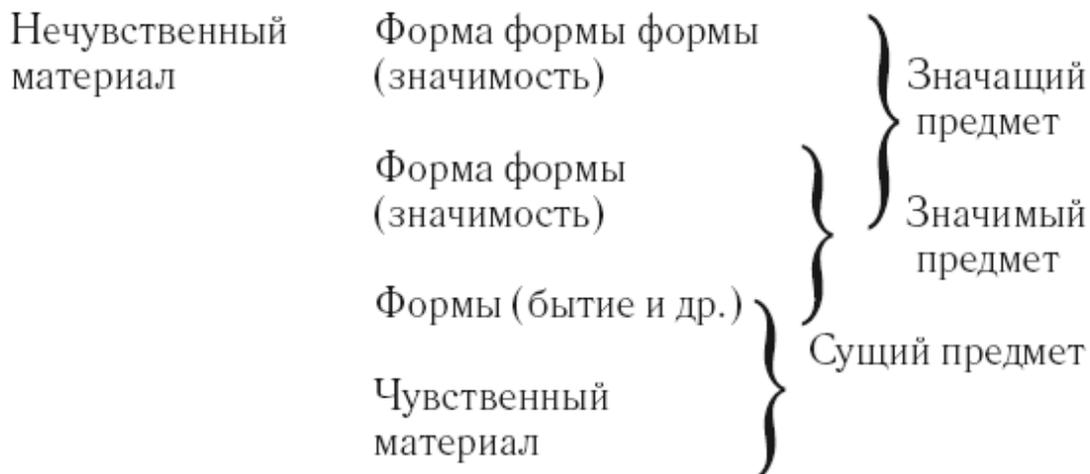
Категория бытия

Вещность

Категория значимости

Причинность

1а. Бытие, причинность и другие категории, бывшие ранее формами чувственного материала, становятся для познающей их логики бытия сами материалом, стоящим в форме формы (значимости), изучаемой уже логикой философии. Форма формы, подобно всем формам, одета категорией значимости и поэтому стоит в самой себе: форма формы есть, таким образом, ни что иное, как сама форма формы, чем и опровергается дешевый аргумент *regressus'a in infinitum*.

2. Плодотворность понятия формы формы состоит в том, что оно объясняет возможность философских наук о нелогическом (этики, эстетики и т. п.) без необходимости в какой бы то ни было степени рационализировать нелогическое. И обратно, благодаря ему, сохраняется чистота логического, которое охраняется от этизирования и т. п.

3. Понятие формы формы преодолевает в сфере значимости противоположность рационализма-иррационализма, аналогично кантовскому преодолению противоположности рационализма-сенсуализма в сфере бытия. («Не панлогизм, но панархия логического».

«Иррациональность материала, но не иррационализм; рациональность формы, но не рационализм».)

4. Соответственно расширению понятия формы, расширяется и понятие знания. То, что на предыдущей ступени чувственного знания непосредственно переживалось, на настоящей ступени философского знания опосредуется новой формой, т. е. познается. Новая же эта форма (значимости) переживается. В логике же философии она и познается и переживается одновременно.

	Пере- живание	Эмпирическое знание	Логика бытия	Логика философии
3. Формы значимости		Логически голы	<i>Пережи- ваются</i>	Познаются <i>Пережи- вается</i>
2. Формы бытия (нечувст. матер.)	Логиче- ски голы	<i>Пережива- ются</i>	Позна- ются	
1. Чувственный материал	<i>Пере- жива- ются</i>	Познается		

5. Таким образом структура философского познания тождественна со структурой знания эмпирического. Понятие истины и знания – едино. Нет различия формальных и материальных истин: все истины – материальны.

С. И. Гессен

Издания «Логос»^[727]

Наше время есть время искания, а не господства какой-нибудь определенной системы философии. Значение его в многообразии и тонкости детальной философской работы – последний смысл которой может, однако, открыться лишь в новом подъеме

систематического творчества. Творчество это требует предварительного философского постижения отдельных областей культуры, в особенности науки, искусства, социальноэтической, правовой, государственной, национальной жизни, религии и т. д. Вся полнота скрытых в культуре и питающих ее мотивов должна быть отчетливо осознана философским мышлением. В этом смысле «Логос» – ежегодник по философии культуры. Чтобы достигнуть своей цели философского сознания культуры, «Логос» нуждается в тесном единении с частными науками, в особенности же с науками о культуре, и поэтому, кроме философов-специалистов, сотрудниками его являются представители частных наук, принимающие, а не отвергающие философскую традицию, а также представители искусства и религии.

Наше время есть время наивысшего развития индивидуальных национальных культур. Философия культуры, стремящаяся к полноте культурных мотивов, не может и не должна пройти мимо национальных особенностей философского развития. Чтобы занять бесспорное сверхнациональное значение, система будущего должна будет вобрать в себя все те живые мотивы мышления, которые почему-либо обнаружались в той или иной национальной философской традиции. Понятный таким образом сверхнационализм, требующий многообразия национального творчества, одинаково отличается как от космополитизма, уничтожающего индивидуальные особенности исторического развития наций, так и от узкого национализма, игнорирующего превышающее значение единого и цельного культурного человечества. Имея в виду, как свою главную цель, собрание материала для будущего систематического творчества, «Логос» и будет международным в указанном смысле. Каждое отдельное издание его (русское, немецкое, а также и другие

предполагаемые) будет стремиться к осознанию и развитию соответствующей философской традиции. Разные издания «Логоса» не будут поэтому простым переводом друг друга, а будут скорее приспособляться к индивидуальным особенностям развития философской мысли отдельных народов. Общность цели и настроения будет выражаться в «основных статьях», которые будут печататься параллельно во всех национальных изданиях «Логоса». «Специальные» же статьи будут обслуживать более детальные философские проблемы, более интимные вопросы национальных культур и потому в общем не будут переводиться на другие языки.

Таким образом, ознакомление Запада через посредство немецкого и других изданий «Логоса» с имеющейся уже русской философской культурой является одной из важнейших задач русской редакции «Логоса». До сих пор такое ознакомление было почти совершенно случайным: западники наши, старавшиеся больше об усвоении западного наследия, мало действовали в этом направлении, хотя все же более, нежели славянофилы, всегда больше говорившие о преимуществах «восточной философии», нежели действительно заботившиеся об ознакомлении с нею Запада. Не будучи «западническим», в обычном смысле этого слова, «Логос» полагает, однако, что в философском творчестве нашем мы не можем исходить уже из собственной нашей философской традиции, но по-прежнему должны еще самостоятельно продолжать традицию западной, преимущественно немецкой философии. Лишь вполне использовав западное наследие, сможем и мы уверенно пойти дальше. Не меньше «славянофилов» верит «Логос» в творческое будущее русской философии, но всеми силами восстает он против бесполезных попыток реставрации прошлого, уверенный в живительной силе единичной и непрерывной мировой традиции. В связи с этим в

каждой книге русского «Логоса» будут помещаться обзоры западной философии, а также статьи, посвященные разным современным философским течениям Запада.

Из всего вышесказанного явствует недогматический характер «Логоса», не являющегося журналом какого-нибудь определенного направления, или какой-либо определенной школы. Единственное, что, кроме указанных уже общих целей, объединяет редакцию и сотрудников «Логоса», это – уверенность в самостоятельном значении философии как «независимой и в себе уверенной деятельности человеческого ума» (Вл. Соловьев). Отличная от эмпирического знания, философия столь же резко отличается и от мистического переживания и от религиозного откровения. В этом смысле она «рационалистична» – но «рационализм» в данном случае есть лишь признание ее независимого характера и бесконечного значения: позитивизм, подчиняющий ее религии, одинаково отвергаются «Логосом». «Дело философии есть дело свободы разума» (Лопатин). Теоретическая истина является единственным критерием такой чистой философии («философии ради философии»), и это объединяет философию со специальными науками, в которые она вносит единство системы, наряду с остальными более отдаленными от нее областями культуры. В этом отношении «Логос» служит научной философии и резко отмежевывается от всякого ненаучного философствования.

Отчет редакции «ЛОГОС» за 1910-1911 гг. [\[728\]](#)

	№ 1	
Р. Кронеру		150.00
Перевод редакц. статьи на немец. яз. через Ф. Степуна		20.00
С. Гессену (редакц. статья, перевод статьи Риккерта и отчасти Бутру, статья «Мистика и метафизика»)		238.00
Ф. Степуна (редакц. статья, «Трагедия творчества»)		118.25
Б. Кроче		41.00
Э. Бутру		76.00
Б. Яковенко (Статья «Г. Коген», обзор немецк. философии)		122.00
И. Штрауху ** (Перевод статей Фосслера и Кронера)		62.10
Редакционные расходы (переписка на машине, почта и др.)		34.40

И. Штрауху [\[729\]](#)

Поездка С. Гессена в Москву	26.00
	<hr/> 888.73

№ 2

Г-же М. Степун (перевод статьи И. Кона)	50.00
С. Гессену (перевод статьи Виндельбанда)	27.75
Ф. Степуну (перевод статьи Иоэля и Зиммеля)	33.00
Г-же Грюнвальд (перевод статьи Кроче)	18.50
С. Франку	83.00
Б. Яковенко (перевод статьи Трольча и Обзор итал. фил.)	68.50
Г. Гордону (перевод статьи Циглера)	61.10
Б. Кистяковскому	82.60
Г-ну Бугаеву	42.00
Р. Кронеру	85.92
Поездка С. Гессена в Москву	15.00
Редакционные расходы (переписка, почта)	23.75
	<hr/> 691.12

№ 3

Гордону (перевод части статьи Гуссерля)	37.50
Яковенко (—”— и статья «О Логосе»)	142.20
В. Сеземану (статья)	81.43
(перевод собств. статьи на немецк. яз.)	45.80
П. Струве (статья и перевод собств. статьи на немецк. яз.)	102.00
Ф. Степуну (перевод статьи Зиммеля)	34.00
В. Иванову	39.00
Н. Лосскому	32.50
Н. Алексееву	59.00
Ф. Степуну (перевод ст. Иванова на немецк. яз.)	19.75
С. Гессену (перевод собств. статьи на нем. яз.)	20.00
Почта	4.00
Переписка на машине (также и 4-й №)	15.00
	<hr/> 632.18

№ 4

Ф. Степуну (перев. статьи Зиммеля)	41.00
С. Гессену (—”— Риккерта)	89.00

Б. Яковенко (—” — Вариско и статья «Что такое философия»	105.25
Г. Ланцу	67.80
Ф. Степуну (статья)	100.00
Рубинштейну	80.00
Грюнвальд (перевод статьи Кона)	10.00
Поездка С. Гессена в Москву	20.00
	<hr/>
	513.05

Вознаграждение редакторам и рецензентам:

С. Гессену (100 марок + 3 м × 19 = 57 мар. за рецензии)	73.80
Ф. Степуну (100 мар. + 3 м. × 14 = 42 за рецензии)	66.75
Б. Яковенко (100 мар. + 3 мар. × 33 = 99 м. за рецензии)	93.50
Гордону (за рецензии в NN 2,3 и 4 3 м. × 6 = 18 м.)	8.50
	<hr/>
	242.55

Издательству «Мусагет» за лишние листы	150.00
Общая сумма расходов за 1910—1911 гг.	3117.63
Остаток от 1910—11 гг.	482.37
	<hr/>
	3600.00

Авансы* к 20 марта 1912 г.

М. Грюнвальд	1.50
Б. Яковенко	105.45
Рубинштейну	25.00
Гордону	19.00
Федотову	20.00
	<hr/>
	170.95

Выплачено гонорару к 20 марта 1912 г.

(из означенного в отчете)

Н. Алексееву	0.40
Ф. Степуну	39.75

С. Гессену

0.80

40.95

* Сюда входит также гонорар переводчикам за предоставленные ими переводы, имеющие быть помещенными в следующих номерах.

Кассовая наличность

352.37

Сумма $(352.37 + 170.95 - 40.95) = 482.37$ ».

А. Штейнберг. «В поисках философии будущего»^[730] (отрывки)

Среди многочисленных немецких журналов, посвященных философии, *Логос* занимает совершенно особое положение. Своим исключительным положением он обязан прежде всего крайне своеобразной задаче, которую поставили себе его вдохновители и руководители.

История философии знает разнообразнейшие философские союзы, знает бесчисленные философские школы, знает множество других форм коллективного философского творчества, но всегда все эти союзы и школы основывались во имя изучения и сохранения старины, свободное творчество всегда ограничивалось в них пределами догм и авторитетов, их идеалом всегда было прошлое. *Логос* это первая философская организация, взгляд которой обращен единственно к будущему, первая, которая открыто заявляет, что не знает имени, которому могла бы поклоняться, которая верит в еще не явившегося пророка, исповедует систему, которая еще должна быть сделана. «Наша работа принадлежит будущему, и мы тоскуем по новой земле», заявляет редакция в своем манифесте; если ее и интересуется прошлое, то только как необходимый материал для будущих построений: «Кто в науке стремится вперед, – продолжают они, – тот хорошо сделает, если от поры до времени будет обращать взгляд назад, ибо таким образом он вернее всего убедится, действительно ли он подвигается вперед». Единственное же, что объединяет всех мыслителей *Логоса* – это непоколебимая вера в первозаданную

разумность мирового процесса, в возможность осознать разумом и претворить в философскую систему все величие мироздания, это – вера в самый Разум, в Слово, в Логос.

Как же выполняет журнал, недавно закончивший первый год своего существования, намеченную задачу?

Конечно, год – слишком ничтожный промежуток, чтобы в течение его можно было отметить хотя бы сколько-нибудь заметное приближение к такой отдаленной цели, как создание отвечающей всем запросам современного человеческого духа философской системы; но, с другой стороны, первые три выпуска *Логоса*, составляющие его первый том, в которых собраны статьи лучших представителей международной философской мысли современности, дают полную возможность составить ясное представление о тех путях, которыми Логос надеется достигнуть обетованной земли. <...> Пока выходит только русское издание, но в ближайшем будущем проектируются также издания на французском, итальянском и английском языке.

**Е. В. Спекторский Б. А.
Кистяковскому** [\[731\]](#)

24/3. Варшава, Вспульная, 19
24 марта 1911 г.

Дорогой Богдан Александрович,
я давно собираюсь послать Вам свою книгу. После ее выхода в свет я написал в Мюнхен в библиотеку на Ваше имя, но ответа не получил. Теперь я узнал от Н. Н. Алексеева Ваш адрес. Если он верен и если, значит, эта открытка дойдет до Вас, сообщите, пожалуйста, мне об этом. И я тогда немедленно вышлю Вам свою книгу, а также вышедший под мою редакцию перевод Политического трактата Спинозы. Жму Вашу руку.

Ваш *Е. Спекторский*

Хроника жизни и деятельности С. И. Гессена

1887

Родился 16 (28) августа 1887 г. в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар). Отец – Иосиф Саулович Гессен (впоследствии Иосиф Владимирович), мать – Анна Ивановна Макарова, православного вероисповедания, дочь хозяина квартиры, в которой И. Гессен жил, отбывая ссылку.

Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943), родился в Одессе в еврейской купеческой семье, после окончания одесской гимназии поступил в Новороссийский университет в Одессе, откуда исключен в 1885 г., продолжил учебу в Петербургском университете. В декабре 1885 г. был арестован за близость к народолюбцам и подвергся административной ссылке в Вологодскую губернию (в Усть-Сысольск) сроком на три года.

1888-1892

Окончание срока ссылки И. В. Гессена; он расходится с А. И. Макаровой, сына забирает с собой в Одессу. В 1889 г. он сдает экзамены за полный курс юридического факультета Петербургского университета, но из-за «политической неблагонадежности» не допускается властями ни к подготовке при университете к профессорскому званию, ни к адвокатской деятельности, и в 1892 г. переезжает в Кишинев, где работает в Бессарабском коммерческом суде. В течение двух лет С. И. Гессен находится в деревне у родственников отца.

1892-1895

В 1892 г. И. В. Гессен женится на Анне Исааковне Штейн (урожденной Грубер, 1866–1930), внучке кишиневского раввина, у которой от первого брака было трое сыновей: Роман (1884–1942; погиб в Освенциме), Эрнест (1886–1911) и Семен (1887–1951). В результате бракоразводного процесса (провести который помогал будущий муж) дети остались при матери и стали сводными братьями С. И. Гессена. У И. В. Гессена от брака с Анной Исааковной было еще два сына: Владимир (1901–1982)^[732] и Георгий (1902–1971)^[733].

В 1894 г. ради усыновления сына отец вместе с женой принимают православие. В 1895 г. с И. В. Гессена был снят негласный надзор, в это время он работает секретарем Тульского окружного суда и юридическим консультантом в Министерстве юстиции в Петербурге.

1896

В мае семья переезжает в Ораниенбаум, а осенью в Петербург. С. И. Гессен вместе с братом Семеном поступает в Первую Санкт-Петербургскую гимназию.

1897

Первая серьезная прочитанная С. И. Гессеном (по совету П. Н. Милюкова) книга – «Рассказы о времени Мерovingов» Огюстена Тьерри.

1904

И. В. Гессен становится главным редактором газеты «Право», редакция которой располагалась в соседней квартире (Звенигородская ул., д. 22). Газета была основана в 1898 г. троюродным братом И. В. Гессена – Владимиром Матвеевичем Гессеном (1868–1920) и выходила до 1917 г. С четвертого класса гимназии отец поручал С. И. Гессену чтение корректур. За годы учения в гимназии он под руководством отца читает русскую классику, произведения Белинского, Добролюбова,

Писарева, а также много пьес Шиллера и Шекспира. По совету этнографа Л. Я. Штернберга (1861–1927) изучает работу Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», ставшую его первым «введением в марксизм». Через отца знакомится с Л. И. Петражицким, А. И. Каминкой, Н. И. Лазаревским, В. Д. Набоковым и другими авторами и редакторами газеты «Право», особое восхищение вызывает у него дядя В. М. Гессен (одно время видит в нем свой идеал).

1905

Летом сдает экзамен на аттестат зрелости. В последнем классе гимназии узнает правду о своем рождении, но это нисколько не влияет на его отношения к приемной матери и сводным братьям. По решению отца вместе с братом Семеном отправляется на учебу в Германию. В конце сентября прибывает в Берлин, оттуда в Гейдельберг, где записывается на философское отделение. Слушает лекции В. Виндельбанда «Кант и его время», Г. Еллинека – «Политика современного государства», Б. Ласта – «Логика истории», М. Кантора по дифференциальному исчислению. Пишет работу о доктрине прогресса у Кондорсе и О. Конта. Знакомство и начало дружбы с Ф. А. Степуном, Б. В. Яковенко и Б. А. Кистяковским. В Гейдельберге знакомится с будущей женой Ниной Лазаревной Минор (1886–1942). На время летнего семестра переводится во Фрейбургский университет, где занимался философией под руководством Г. Риккерта.

1906-1909

Шесть семестров проводит во Фрейбургском университете, где посещает лекции Г. Риккерта (философия), Й. Кона (философия и психология), Ф. Майнеке (новейшая история), Г. Шульце-Геверница (политэкономия). На семинаре у Ф. Майнеке прочел

работу о политических взглядах жирондистов. В 1906 г. переводит речи деятелей Французской революции (издание не состоялось). В 1908 г. участвует в занятиях философского кружка, куда входят Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Мелис, а позднее Ф. А. Степун и Б. В. Яковенко. В этом кружке возник замысел будущего журнала «Логос». Участвует в сборнике «О мессии», для которого пишет эссе о Герцене. В марте 1909 г. за работу «Individuelle Kausalität» («Об индивидуальной причинности»), написанную под руководством Г. Риккерта получает степень доктора с отличием (summa cum laude).

30 мая 1909 г. на вилле Г. Риккерта во Фрейбурге (Турнзеештрассе, 66) состоится встреча Р. Кронера, Г. Мелиса, Н. Бубнова, С. Гессена, Ф. Степуна с книгоиздателем Паулем Зибеком с целью уговорить его издавать новый философский журнал «Логос». Во встрече принимают участие также Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус и Д. В. Философова. Переговоры проходят успешно.

1910

Видимо, в конце 1909 или в начале 1910 г. женится на Н. Л. Минор, с которой по окончании университета совершает путешествие по Швейцарии, Италии и Франции, после чего возвращается в Петербург, где участвует в издании и редактировании журнала «Логос» (до 1914 г.), принимает участие в собраниях философского общества при университете и создании Общества друзей философии.

Рождение сына Евгения.

1911

Готовит доклад на тему «Понятие реальности и ценности в философии» (прочитан на заседании философско-юридического кружка в доме М. К.

Морозовой). Слушает лекции по аналитической геометрии Гефтера, лекции Г. Риккерта и И. Кона во Фрейбурге. Участвует в 4-м международном конгрессе философов в Болонье. Пишет статьи для журнала «Логос» и сборников «Новые идеи в философии». Знакомство с В. И. Ивановым, Р. Б. и Н. В. Шаскольскими. Летом 1911 г. во Фрейбурге – знакомство и «роман» с О. А. Шор, который не закончился ничем из-за нерешительности С. И. Гессена. Впоследствии Ольга Александровна Шор (О. Дешарт) (1894–1978) станет многолетним другом Вяч. И. Иванова и его семьи, издателем и редактором посмертного многотомного собрания сочинений поэта. Тем не менее С. И. Гессен считал, что общение с ней углубили и расширили все его миропонимание.

1912-1913

В конце 1912 г. сдает подготовительные экзамены, необходимые для получения магистерского звания (примерно соответствующие современному кандидатскому минимуму). Переводит и издает работы Г. Риккерта («Наука о природе и наука о культуре», «Философия истории» и др.). В конце 1913 г. сдает магистерский экзамен (что соответствует современной защите кандидатской диссертации).

В 1912–1913 гг. проживает в квартире Вяч. Иванова на «башне», опустевшей после отъезда хозяина за границу.

В 1913–1914 г. живет у своего друга и коллеги В. Сеземана, в доме которого происходят собрания философского кружка и располагается редакция журнала «Логос», который после ликвидации московского издательства «Мусагет» начал выходить в Петербурге в издательстве М. О. Вольфа.

В летний семестр 1914 г. началась преподавательская деятельность С. И. Гессена в

качестве приват-доцента Петроградского университета. Первая его лекция посвящена этике Канта, затем он ведет семинар по философии Фихте, который посещает, в частности, его будущий друг Г. Д. Гурвич. Работает над книгой о философии Канта (книга не была закончена, и черновики погибли в огне во время Варшавского восстания в августе 1944 г.)

1914-1917

В июле 1914 г. приезжает в отпуск к жене во Фрейбург. Начало войны застаёт его в Гейдельберге. Жена и сын С. И. Гессена смогли выехать из Германии особым поездом, сам он был задержан как гражданский военнопленный, и только в конце сентября, благодаря ходатайству М. Вебера, получил разрешение на выезд в Швецию, подписав обещание не сражаться как доброволец. В первой половине 1914 г. успели выйти два номера журнала «Логос», и на этом его издание в России прекратилось.

В 1915-1917 гг. живет в Царском Селе, ежедневно бывая в Петербурге, где кроме лекций в университете, преподаёт в женской гимназии М. Н. Стоюниной, мужских и женских классах Петершуле при лютеранском приходе (логику, психологию, историю педагогики). Общается с проф. М. И. Туган-Барановским. Летом 1916 г. С. И. Гессен читает первый курс по педагогике на курсах учителей основной школы.

1916 г. – рождение второго сына – Дмитрия, в будущем польского слависта.

Знакомство и дружба с Г. Чулковым, жившим по соседству в Царском Селе.

1917

Сотрудничество с плехановской группой «Единство». Неудачные выступления на митингах перед революционной толпой. После одного из таких митингов

С. И. Гессену едва удается скрыться от набросившейся на него толпы. Летом 1917 г. он получает приглашение на работу в качестве профессора кафедры философии и логики на историко-филологическом факультете Томского университета. В сентябре прощается со смертельно больным Г. В. Плехановым и вместе с женой и двумя сыновьями, а также с новым коллегой Э. В. Дилемм отправляется в Томск.

6 ноября прочел там первую лекцию, посвященную философии науки.

1918-1921

В Томске С. И. Гессен проводит четыре года в качестве заведующего кафедрой философии и логики Томского университета. Читает лекции по истории греческой философии, философии права, этике, логике, истории педагогических учений, философскими основами педагогики. Преподает на сибирских высших женских курсах, учительском курсе, курсах новых языков при историко-педагогическом университете. Его лекции собирали большую аудиторию и пользовались популярностью, кроме студентов, его слушали юристы и медики, учителя Томска. Ведет семинарские занятия и читает лекции по педагогике также на учительских курсах и в Учительском институте. В сентябре 1919 г. выступает с проектом открытия при университете педагогического института. 20 октября 1919 г. становится деканом историко-филологического факультета Томского университета. Изучает труды Аристотеля, Галилея, теорию относительности Эйнштейна. Выступает с докладом в Обществе физиков при университете, развивает и обосновывает концепцию так называемого «демократического социализма» как четвертого этапа в развитии современного государства, реализующего во всей полноте идеи прав человека и его свободы. Летом 1921 г. его командировывают в Москву и

Петроград для получения финансирования, подбора недостающих кадров преподавателей, поиска книг для библиотек и учебных пособий. Работает на кафедре педагогики факультета общих наук Петроградского университета, преподает в педагогическом институте им. А. Герцена. В декабре 1921 г., получив помощь, организованную отцом (который уже с 1919 или 1920 г. в эмиграции, с ноября 1920 г. издает в Берлине газету «Руль»), С. И. Гессен с семьей бежит в Финляндию.

1922

Из Финляндии переезжает в Берлин, где продолжает научную и преподавательскую работу, 4 февраля в Берлине выступает на «собеседовании» о русской интеллигенции, устроенном редакцией студенческого журнала «Звено» под председательством И. В. Гессена с сообщением о положении высшей школы в России. С лета 1922 г. живет во Фрейбурге, вторую половину этого года – в Йене, где в библиотеке Йенского университета собирает материалы по истории либерализма и социализма. В философском обществе при Йенском университете делает доклад «Теория диалектики в применении к педагогике и праву». Первые публикации за границей – в газете «Руль» и журнале «Новая русская книга».

1923

В конце 1922 г. в Берлин приезжает большая группа ученых, высланных из советской России и основавших здесь Русский научный институт, в котором профессор С. И. Гессен читает курс по логике. Во время пребывания в Берлине встречается с Г. Д. Гурвичем, В. Е. Сеземаном, Ф. А. Степуном, который привлекает его к сотрудничеству с журналом «Современные записки», издававшимся в Париже. В 1923 г. в Берлине выходит в свет книга «Основы педагогики». Делает ряд докладов в Вольно-

философской ассоциации, участвует в деятельности Русской религиозно-философской академии. В октябрь-ноябре 1923 г. в Русском Народном университете в Праге читает цикл лекций на тему «Основные проблемы этики».

1924-1927

Весной С. И. Гессен получает место профессора педагогики в только что образованном Русском педагогическом институте в Праге, где преподает в течение четырех лет. Читает лекции в Русском народном университете, в Русском философском обществе, членом которого он некоторое время состоял. Выступает в обществе Духновича в Предкарпатской Руси, в Берлине (Русский научный институт), в Вене (Кантовское общество), в Лондоне (Школа славистических исследований), в Париже (Русский институт социальных знаний), в университетах Бреславля и Мюнстера, в Варшаве, Кракове, Ковно, Кембридже, Ревеле, Риге.

В 1925 г. совместно с Б. В. Яковенко С. И. Гессен предпринимает попытку возобновления в Праге издания журнала «Логос» (выпускают только один номер, оказавшийся последним). Сотрудничает с журналами «Русская школа за рубежом», «Современные записки», «Die Erziehung» («Воспитание») и другими русскими, немецкими, итальянскими, французскими, чешскими и польскими изданиями. Его статьи печатались также в сербских, хорватских, болгарских, литовских и латышских журналах и сборниках.

В 1925 г. заочно знакомится с известным итальянским педагогом Джузеппе Ломбардо-Радиче (1879-1938), с которым переписывался до самой его смерти

1928-1935

В 1928 г. С. И. Гессен прекращает деятельность в Русском педагогическом институте в связи с его

ликвидацией. Участвует в конгрессе Мировой ассоциации образования для взрослых в Кембридже. Совершает лекционное трехмесячное турне по Англии. Знакомится с Н. Ганцем, с которым впоследствии напишет несколько совместных книг о педагогике и школе советской России.

В 1929 г. участвует во Всенемецком педагогическом съезде в Висбадене (по приглашению Г. Кершенштейнера), где делает доклад на тему «Государство и школа в Англии и Франции».

В 1931 г. С. И. Гессен начинает сотрудничество со Славистским Обществом при Немецком университете в Праге (по приглашению Р. Якобсона), с журналом «Новый Град». В сентябре в Риге по приглашению родительского и педагогического общества читает лекции «Школа и общество» (в помещении Еврейского клуба).

В 1932 г. участвует в работе «Пражского лингвистического кружка», пишет учебник русского языка для чехов.

В 1933 г. делает доклад в «Пражском лингвистическом кружке» о ступенях преподавания родного языка в школе, идеи которого затем вошли в книгу «Структура и содержание современной школы»; читает цикл лекций в Обществе нового воспитания и в Свободном польском университете в Варшаве.

В 1934 г. читает курс лекций по педагогике на учительских курсах, организованных образцовой школой им. Т. Масарика в г. Злине. Принимает участие в VIII всемирном философском конгрессе в Праге (2-7 сентября), международном конгрессе по моральному воспитанию в Кракове, на котором выступает с докладами «О начале целостности в педагогике», «О существе и ступенях нравственного воспитания». Участвует в работе Пражского философского кружка

(вместе с Р. Якобсоном, Н. О. Лосским, Р. Карнапом), читает доклад «Ценности свободы».

В 1935 г. получает приглашение возглавить кафедру философии воспитания педагогического факультета Свободного польского университета.

1936-1938

Летом 1936 г. С. И. Гессен совершает поездки во Фрейбург, Страсбург (где провел несколько дней у Г. Д. Гурвича), около трех недель проводит в Париже, где встречается с отцом и братьями (они живут в Париже с 1935 г.) и – в последний раз – с П. Н. Милюковым и с другом детства Александром Кулишером (погибшим во время войны).

Уезжая в Варшаву Гессен оформил развод с женой. Оба его сына остались с матерью. Старший, Евгений, в 1929 г. окончил русскую гимназию в Праге, затем два года учился в Политехническом институте в Бельгии, вернулся в Прагу и поступил в немецкий Политехнический институт, он был одним из самых одаренных членов содружества молодых поэтов из России «Скит». Младший сын в это время учился в Праге в старших классах гимназии.

В сентябре 1936 г. С. И. Гессен переезжает в Варшаву, где преподает в Свободном Польском университете, Варшавском университете, институте специальной педагогики. После первого семестра читает лекции на Летних учительских курсах во Львове. Его избирают членом Варшавского филологического общества, почетным членом Хорватского научного общества в Загребе, заграничным членом Школы славистических исследований в Лондоне.

В 1937 г. работает над книгой «Философия воспитания» (готовая к публикации рукопись погибла в пожаре Варшавского восстания). В Варшаву переезжает младший сын Гессена Дмитрий, который окончил

гимназию в Праге и поступил в Варшавский университет на отделение славистики.

В 1938 г. пишет книгу «Структура и содержание современной школы» (ее уже готовый набор уничтожен в типографии во время военных действий в 1939 г.).

В 1938 г. вступает в новый брак – с М. К. Немыской, социологом, сотрудницей Института общественного хозяйства. После переезда Гессена в Варшаву она помогала ему овладеть польским языком и знакомила с классической и современной польской литературой. Подруга новой жены – мать А. Валицкого, будущего известного специалиста по истории русской философии, к которой, по его собственному признанию, он приобщился благодаря знакомству и общению в юности с С. И. Гессеном.

1939-1944

Начавшаяся 1 сентября 1939 г. война застает С. И. Гессена в Варшаве. Избежав гибели во время немецкой бомбардировки города, он эвакуируется с университетом в Лодзь. Во время войны живет в Варшаве и близ нее. Продолжает вести педагогическую деятельность в нелегальных учебных группах. Работает над книгой «Мнимое и подлинное преодоление капитализма» (рукопись погибла). Во время Варшавского восстания в августе-сентябре 1944 г. сгорел дом Гессена; погибли его архив, библиотека, рукописи ряда завершенных уже трудов и обширная переписка, в том числе и письма Дж. Ломбардо-Радиче. После войны он узнает страшную правду о гибели своей первой жены и старшего сына. Евгений был схвачен гитлеровцами в Праге, отправлен в концлагерь Терезин, а затем в сентябре 1944 г. в Освенцим, где и погиб в 1945 г. Вместе с Евгением была схвачена и его мать Нина Лазаревна. Она погибла в одном из концлагерей г. Терезин, поскольку вела себя, с точки зрения нацистов,

вызывающе – выставляла напоказ свое раввинское происхождение.

Младший сын Дмитрий в 1939 г. был призван в польскую армию, участвовал в боях с немцами, попал в плен, из которого сумел бежать. Занимался подпольной деятельностью. После войны работал в польском МИДе, а затем в министерстве культуры. Длительное время занимался научным трудом, в котором сопоставляются «крылатые слова» русского и польского языков. Был соавтором при составлении «Большого польско-русского словаря», выдержавшего несколько изданий.

1945-1950

В конце марта 1945 г. С. И. Гессен переезжает в Лодзь по приглашению ректора университета Т. Котарбинского, где до своей кончины заведует кафедрой истории педагогики. Работает над книгой «Существо права и его назначение». А. Валицкий вспоминает, что в связи с усиливающейся с конца 1940-х гг. сталинизацией университетской жизни в Польше Гессен подвергался нападкам как «реакционный эмигрант» и что эта травля омрачила и сократила его жизнь.

В 1946 г. читает курс лекций «Философия Платона», «Философия Аристотеля», «Философия Руссо».

В 1947-1948 гг. читает курс философии права на юридическом факультете университета. Пишет автобиографию по заказу итальянского издательства «Аую».

В 1949 г. принимает участие в разработке Декларации прав человека ООН.

2 мая 1950 г. С. И. Гессена не стало. Похоронен по православному обряду на Лодзинском православном кладбище. Позднее по желанию жены его прах был перенесен в Варшаву.

1993

В 1993 г. появляется первая публикация С. И. Гессена в России.

Библиография трудов С. И. Гессена

1908

[Пер.:] *Риккерт Г.* Философия истории / Пер. с нем. с предисловием автора к русскому изданию. Пб., 1908. XV+154 с.

1909

Aleksander Herzen // Von Messias. Kulturphilosophische Essays. Leipzig, 1909.

Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus. Berlin, 1909. XI+151 s.

1910

От редакции / В соавт. с Ф.А Степуном // Логос. 1910. Кн. 1. С. 1-16.

Мистика и метафизика // Там же. С. 118-156.

[Рец.:] *Эдмунд Гуссерль.* Логические исследования. Часть первая: Прологомены к чистой логике / Пер. под ред. С. Франка. 1909. 224 с. // Там же. С. 272-273 (подпись: S.).

[Рец.:] *В. Джемс.* Прагматизм / Пер. с англ. П. Юшкевича, с приложением статьи переводчика о прагматизме.

1910. 237 с. // Там же. С. 273 (подпись: S.).

[Рец.:] *Куно Фишер.* История новой философии: В 8 т. / Пер. О. Аносовой, Д. Жуковского, Н. Лосского, Н. Полилова, П. Струве. С. Франка // Там же. С. 274 (подпись: S.).

[Рец.:] *Emile Meyerson.* Identite et realite. Alcan, 1908. 431 с. // Там же. С. 275-276 (подпись: S.).

[Рец.:] *А. А. Чупров.* Очерки по теории статистики. СПб., 1909. 406 с. // Там же. С. 276-277 (подпись: S.).

Политические идеи жирондистов // Русская мысль. 1910. № 9. С. 32-62.

[Рец.:] *Эдмунд Гуссерль*. Логические исследования. Часть первая: Прологомены к чистой логике / Разрешенный автором пер. с немецкого Э. А. Берштейн / Под редакцией и с предисловием С. Л. Франка. СПб. XV+224 с. // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. II (102). С. 185-188.

[Рец.:] *Г. Ф. Шершеневич*. Социология. М., 1910 // Речь. 1910. № 223. 16 августа.

1911

Неославянофильство в философии // Речь. 1911. № 243. 5 сентября.

[Рец.:] *Проф. Л. М. Лопатин*. Положительные задачи философии. М., 1911 // Речь. 1911. № 257. 19 сентября.

[Рец.:] *Emile Meyerson*. Identite et realite. Alcan, 1908. 431 с. // Вопросы философии и психологии. 1911. Кн. II (107). С. 215-227.

[Рец.:] *Кант И.* Грезы духовидца, поясненные грезами метафизика / Пер. Б. П. Бурдес / Под ред. А. Л. Волынского. Изд. 2-е. СПб.,

1911. 125 с. // Логос. 1911. Кн. 1. С. 221-222.

[Рец.:] *Emil Lask*. Die Logik der Philosophie und die Kategorienlehre. Eine Studie über den Herrschaftsbereich der logischen Form. Tübingen (I. C. V. Mohr). 1911. 276 s. // Там же. С. 226-227.

[Рец.:] *И. И. Лапшин*. Проблема чужого «я» в новейшей философии. СПб., 1910. 193+V с. // Там же. С. 228

[Пер.:] *А. Бергсон*. Время и свобода воли. М., 1911. 239 с.

[Редакция Пер. а:] *Г. Риккерт*. Наука о природе и науки о культуре / Пер. со второго немецкого издания. СПб., 1911. 196 с.

1912

[Пер.:] *Дильтей В.* Типы мировоззрения / Пер. Г. А. Котляр и С. И. Гессен // Новые идеи в философии. Сб. 1. Философия и ее проблемы. СПб., 1912. С. 120–181.

[Рец.:] *Л. М. Лопатин.* Философские характеристики и речи. М.: Путь. 393 с. // Логос. 1911–1912. Кн. 2–3. С. 290–292.

[Рец.:] *А. Бергсон.* Материя и память. Исследование об отношении тела к духу / Пер. с франц. А. Баулер. СПб.: Издание Д. Жуковского, 1911. 268 с. // Там же. С. 297–298.

[Рец.:] *Ernst Cassirer.* Substanzbegriff und Funktionsbegriff: Untersuchungen über die Grundfragen der Erkenntniskritik. Berlin.: Bruno Cassirer, 1910. XV+459 s. // Там же. С. 300–301.

1913

Философия наказания // Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 183–232.

[Ред. пер.:] *Риккерт Г.* Два пути теории познания // Новые идеи в философии. Сб. 7. Теория познания. 3. СПб., 1913. С. 1–79.

[Рец.:] *August Stadler.* Kants Teleologie und ihre Erkenntniss-theoretische Bedeutung. Unveränderte Neuausgabe der ersten Auflage, 1912 // Там же. С. 364.

[Рец.:] Philosophische Abhandlungen; Hermann Cohen zum 70-en Geburtstag dargebracht. 1912. 358 s. // Там же. С. 366–369.

[Рец.:] *Кассирер Э.* Познание и действительность. Понятие о субстанции и понятие о функции / Пер. Б. Столпнера и Б. Юшкевича. (Библиотека современной философии. Вып. 8). СПб.: «Шиповник».

1912. 454 с. // Там же. С. 391 (подпись: С. Г.).

1914

[Пер.:] *Фихте И. Г.* Первое введение в наукознание // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. 1. СПб., 1914. С. 15-53.

[Пер.:] *Фихте И. Г.* Наукознание в его общих чертах // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. 1. СПб., 1914. С. 128-145.

[Пер.:] *Шеллинг Ф. В. Й.* Философские письма о догматизме и критицизме // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. 1. СПб., 1914. С. 57-127.

[Пер.:] *Шеллинг Ф. В. Й.* Иммануил Кант // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. 1. СПб., 1914. С. 146-155.

[Пер.:] *Якоби Ф. Г.* О трансцендентальном идеализме // Новые идеи в философии. Сб. 12. К истории теории познания. 1. СПб., 1914. С. 1-14.

[Рец.:] *Дени Дидро.* Избранные философские сочинения / Пер. с прим. Виктора Серезникова. СПб.: Изд. М. И. Семенова. 1913. 317 с. // Логос. 1914. Т I. Вып. I. С. 152-153.

[Рец.:] *Bdouard Le Roy.* Une philosophe nouvelle. Henri Bergson. P: Alcan, 1913. 208 с. // Там же. С. 155-156.

[Рец.:] *Paul Hensel.* Hauptprobleme der Ethik. Teubner. 2-е изд.

1913. 128 с. // Там же. С. 165-166.

[Рец.:] *Н. Лосский.* Интуитивная философия Бергсона. М.: Путь,

1914. 115 с. // Логос. 1914. Т. I. Вып. II. С. 339-341.

[Рец.:] *R. Kroner.* Zweck und Gesetz in der Biologie. Eine logische Untersuchung. Tübingen: J. C. B. Mohr (P Siebeck). 1913. 166 с. // Там же. С. 346-348.

1915

Идея нации // Вопросы мировой войны. Сб. статей / Под ред. проф. М. И. Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 562-589.

Вильгельм Виндельбанд (Некролог) // Северные записки. 1915, окт. С. 220-223.

1916

Эрнст Мах (Некролог) // Северные записки. 1916, февраль. С. 221-223.

[Рец.:] *В. В. Лесевич*. Собрание сочинений // Северные записки. 1916, март. С. 221-223.

Новый опыт интуитивной философии (по поводу книги С. Л. Франка «Предмет знания») // Северные записки. 1916, апрель-май. С. 222-237.

1917

Свобода и дисциплина. Пг., 1917. 32 с.

Политические идеи жирондистов: к истории политических воззрений в эпоху революции. М., 1917. 48 с.

Политическая свобода и социализм. Пг., 1917. 40 с.

1918

Об академической свободе // Известия совета студенческих старост г. Томска. Томск, 1918. № 2. С. 2-5; № 3. С. 3-5.

[Рец.:] *Вильям Россель*. Развитие системы образования в Соединенных Штатах Америки // Школа и жизнь Сибири. Томск, 1918. № 4. С. 11-16.

1919

Очерки философской педагогики. Очерк I: Педагогика как наука. Предварительное определение образования // Журнал министерства народного просвещения. Омск, 1919. № 1. С. 143-163.

Теория нравственного образования // Там же. № 8. С. 123-136.

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 года.

Томск: Типография военной академии. 1919.

1920

Что такое трудовая школа // Свободная трудовая школа. Томск, 1920. № 2. С. 56–82.

1922

Современное положение высшей школы в Советской России (Доклад проф. С. И. Гессена в Берлинской академической группе) // Руль. 1922. № 367. 31 января. С. 2–3; № 369. 2 февраля. С. 2–3; № 371,4 февраля. С. 2–3.

[Рец.:] Мысль. Журнал Петербургского философского общества. № 1. Петербург // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 17–19 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *Радлов Э. Л.* Этика. Пб.: Наука и школа, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 4. С. 19 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *Шпет Г. Г.* Философское мировоззрение Герцена. Пг.: Колос, 1921 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 16–17 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *Э. Радлов.* Очерк истории русской философии. «Наука и школа». Петроград. 1921 // Новая русская книга. 1922. № 11/12. С. 17–18 (подпись: Sergius).

1923

Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. 418 с.

Фребель и Монтессори (Очерк философской теории игры) // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 1. С. 8–42.

К открытию Русского Педагогического института в Праге // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 2–3. С. 92–101.

Идеи трудовой школы и лабораторный план (Dalton Plan): к теории урока // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 5–6. С. 33–57.

Идеал свободного образования // Вестник самообразования. 1923. № 4 (январь – февраль). С. 1–4.

Педагогика Платона и современность // Вестник самообразования. Берлин, 1923. № 7 (май-июнь). С. 4-7.

Новейшая русская философия // *Ruch filosofsky*. Praha, 1923. № 1.

М. М. Газалов (некролог) // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 2-3. С. 224-225.

[Рец.:] Педагогическая мысль. Общепедагогический журнал для учителей и деятелей по народному образованию. 1922. Кн. 1-2; 3-4; 5-6. 1923. Кн. 1; 2; 3; 4 // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 4. С. 116-118 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] *Мижурев П. Г.* Вопросы средней школы в Европе и ответы на них в Америке. Пг., 1922 // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 5-6. С. 178-179 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии / Под ред. Н. А. Бердяева при ближайшем участии Л. П. Карсавина и С. Л. Франка. Кн. I. Берлин, 1923. Стр. 190 // Современные записки. 1923. Т. 15. С. 421-426 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *Григорий Ландау.* Сумерки Европы. Берлин: Слово, 1923 // Современные записки. 1923. Т. 16 (3). С. 436-444 (подпись: Sergius).

[Рец.:] Philosophie und Recht. Sonderheft Russische Rechtsphilosophie (2 Heft, 1922—23), Herausg von Dr. Etme und Dr. Fr. Raab. A. Ml Zickfeldts Verlag. Osterwreck-Harz. 126 s. // Современные записки. 1923. Т. 17. С. 519-524 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *И. Боричевский.* Введение в философию. Пб.: Госиздат, 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 30-31 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *С. Л. Франк.* Очерк методологии общественных наук. М., 1922 // Новая русская книга. 1923. № 1. С. 31-32.

[Рец.:] Обзор русской философской литературы во время революции (1917-1921 гг.) // Новая русская книга.

1923. № 3/4. С. 5-7.

[Рец.:] *Бердяев Н. А.* Смысл истории: Опыт философии человеческой судьбы. Берлин: Обелиск, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 30-31 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *Карсавин Л. П.* Диалоги. Берлин: Обелиск, 1923 // Новая русская книга. 1923. № 5/6. С. 31-32.

1924

Крушение утопизма // Современные записки. 1924. Т. 19. С. 227-295.

Пауль Наторп // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 10-11. С. 1-8; Воля России: Журнал политики и культуры. 1924. № 8-9. С. 263-268 (подпись: Sergius).

Педагогика Канта (К 200-летию со дня рождения: 22 апреля 1724 года) // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 8. С. 1-17.

Иммануил Кант (К двухсотлетию со дня рождения - 24 апр. 1724 г.) // Руль. 1924. № 1029. 24 апреля. С. 5-6 (подпись: Sergius).

П. И. Новгородцев (Ум. 23 апреля 1924 г.) // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 8. С. 121-123.

В. В. Сапожников (некролог) // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 10-11. С. 162-165.

[Рец.:] *В. В. Руднев.* Зарубежная русская школа. 1920-1924. Париж, 1924. 278 с. // Современные записки. 1924. Т. 22. С. 469-476.

[Рец.:] The World Association for Adult Education. Bulletins XVIII. // Русская школа за рубежом. L., 1924. Кн. 5-6. С. 179-182 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] Сибирский педагогический журнал. 1923. № 1 // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 5-6. С. 183-185 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] *Dr. Otakar Kander.* Dejiny pedagogiky. Praha, 1923-1924 // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 7. С. 96-100.

[Рец.:] *Will - Erich Peuckert. Russische Pädagogik. Langensalza, 1921 // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 7. С. 100 (подпись: С. Г.).*

[Рец.:] *P. Petersen. Allgemeine Erziehungswissenschaft, I. Berlin: Teil, 1924 // Русская школа за рубежом. 1924. Кн. 9.*

1925

Евразийство (Евразийский временник. Непериодическое издание) / Под ред. П. Савицкого, П. П. Сувчинского и кн. Н. С. Трубецкого. Кн. 4. Берлин, 1925 // Современные записки. Париж, 1925. Т. 25. С. 494-508.

Новый опыт системы логики на русском языке / Н. О. Лосский. Логика. Часть I, II. 2-е изд. Берлин: Обелиск, 1923 // Логос. 1925. Кн. 1. С. 175-193.

Эволюция единой трудовой школы в Советской России // Русская школа за рубежом. 1925. Кн. 15-16. С. 226-241; Своими путями. 1925. № 6-7.

Томаш Масарик // Своими путями. Прага, 1925. № 5. С. 19-21.

[Рец.:] *Alexandre Koyre. L'idee de Dieu dans la philosophie de St. Anselme. P: Edit. Ernest Leroux, 1923. IX+245 с. // Логос. 1925. Кн. 1. С. 215-219.*

[Рец.:] *А. П. Пинкевич. Педагогика. Т. 1: Теория воспитания. Т. 2: Трудовая школа. Москва // Русская школа за рубежом. 1925. № 1314. С. 159-164.*

[Рец.:] *Е. А. Ляцкий. Роман и жизнь. Развитие творческой личности Гончарова // Русская школа за рубежом. 1925. Кн. 13-14. С. 177-178.*

[Рец.:] *William F. Russel. Schools in Bulgaria. N.-Y., 1924 // Русская школа за рубежом. 1925. Кн. 15-16. С. 362-364.*

[Рец.:] *I. L. Kandel. The reform of secondary education in France // Русская школа за рубежом. 1925. Кн. 15-16. С. 364-367.*

[Рец.:] *Die Erziehung. Monatsschrift für den Zusammenhang von Kultur und Erziehung in Wissenschaft*

und Leben. // Русская школа за рубежом. Leipzig, 1925. Кн. 15-16. С. 384-385 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] *Л. Карсавин*. Философия истории. Берлин: Обелиск, 1923. 358 с. // Современные записки. 1925. Т. 23. С. 479-484 (подпись: Sergius).

[Рец.:] *ArthurPenty*. On the way to a christian sociology // Там же. С. 484-488 (подпись: Sergius).

[Рец.:] Сборник статей, посвященных П. Б. Струве ко дню 35-летия его научно-публицистической деятельности. Прага, 1925. 449 с. // Современные записки. 1925. Т 24. С. 451-454 (подпись: Sergius).

[Рец.:] // *Georg Gurwitsch*. Fichtes System der konkreten Ethik, I. С. В. Mohr (Paul Siebeck). 1924. 375 с. // Там же. С. 455-460 (подпись: Sergius).

Die Rechts- und Staatsphilosophie des bolschewistischen Kommunismus [Философия государства и права большевистского коммунизма] // Archiv für Rechts- und Wirtschaftsphilosophie. 1925. Bd. 19. № 1 (Der Staat, das Recht und die Wirtschaft des Bolschewismus). S. 3-26.

1926

Органы управления народным просвещением в СССР // Русская школа за рубежом. Прага, 1926. Кн. 18. С. 557-577.

Органы управления народным просвещением в СССР Прага, 1926 (Педагогическое бюро по делам средней и низшей русской школы за границей). № 15. 17 с.

П. И. Макушин (некролог) // Русская школа за рубежом. 1926. Кн. 21/22. С. 397-399.

[Рец.:] *Rocenka pedagogicka a skolska*. Rocnik paty, za leta 1918 az 1923 // Русская школа за рубежом. 1926. Кн. 19/20. С. 179-180.

[Рец.:] *Ed. Holmes*. What is and what might be. L., 1911 // Русская школа за рубежом. 1926. Кн. 21-22. С. 406-409.

[Рец.:] Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926 // Русская школа за рубежом. 1926. Кн. 23. С. 571-574.

Fröbel und Montessori. Versuch einer philosophischen Theorie des Spiels [Фребель и Монтессори. Опыт философии теории игры] // Die Erziehung. 1926. Hf. 1. S. 65-99.

Fröbel und Montessori. Die Idee der Arbeitsschule und der DaltonPlan [Фребель и Монтессори. Идея трудовой школы и Дальтон-план] // Die Erziehung. 1926, Hf. 1. S. 502-528.

1927

Проблема правого социализма (эволюция либерализма) // Современные записки. 1924. Т. 22. С. 257-293; 1925. Т. 23. С. 313-342; 1926. Т. 27. С. 382-430; т. 28. С. 299-345; т. 29. С. 308-341; т. 30. С. 380-408; 1927. Т. 31. С. 258-358.

Новая программа австрийской социал-демократической партии и съезда в Линце // Современные записки. 1927. Т. 33. С. 502-522.

Иоганн Генрих Песталоцци (К столетию со дня смерти - 17 февраля 1927 г.) // Русская школа за рубежом. 1927. Кн. 24. С. 611-630.

Новая литература о Песталоцци // Русская школа за рубежом. 1927. Кн. 24. С. 726-736.

[Рец.:] *М. В. Вишняк*. Право меньшинств. Париж, 1926. 116 с. // Современные записки. 1927. Т. 30. С. 592-595.

[Рец.:] *Н. Лосский*. Свобода воли. Р: YMCA Press, 1927 // Современные записки. 1927. Т. 32. С. 466-473.

[Рец.:] Вольная Сибирь. Общественно-экономический сборник под общей редакцией И. А. Якушева. Сб. 1. Прага, 1927. 212 с. // Там же. С. 473-474 (подпись: С. Г.).

[Рец.:] Известия Юридического Факультета Высшей Школы в Харбине. Т. III. Харбин, 1926. 339 с. // Там же. С. 496-498 (подпись: Sergius).

The Education of the Adolescent [Воспитание подростков]. L., 1927.

1928

Десять лет советской школы / В соавт. с Н. Ф. Новожиловым // Русская школа за рубежом. 1928. Кн. 28. С. 473–520.

Лев Толстой как педагог // Русская школа за рубежом. 1928. Кн. 29–30. С. 631–653.

Монизм и плюрализм в систематике понятий // Научные труды Русского Народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. 1. С. 210–223.

Науки философские и общественные // Русские в Праге (1918–1928). Прага, 1928. С. 271–275.

Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Современные записки. 1928. Т. 35. С. 308–338.

Новые аграрные программы европейских социалистических партий // Современные записки. 1928. Т. 36. С. 470–491.

Фребель и Монтессори: доклад, прочитанный на 1-м съезде по дошкольному воспитанию за границей 7 июля 1927 года // Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 27. С. 345–363.

Школьная система в Чехословакии // Русская школа за рубежом. 1928. Кн. 29–30. С. 702–731.

Kritische Fergleichung des Schulwesens der anderen Kulturstaaten [Критическое сравнение школ разных государств культуры] // Handbuch der Pädagogik. Bd. 4: Die theorie der Schule und der Schulaufbau. Langensalza, 1928.

Fröbel und Montessori. Eine Gegenkritik [Фребель и Монтессори. Ответ на критику] // Die Erziehung. 1928. Hf. 3. S. 78–96.

[Рец.:] Русский Педагогический Ежегодник в Латвии // Русская школа за рубежом. 1927–1928. Кн. 25. С. 109–111.

[Рец.:] *H. Fischl*. Sieben Jahre Schulreform in Oesterreich. Wien; Leipzig; N.-Y., 1926 // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 25. С. 111-115.

[Рец.:] Educational Yearbook of The International Institute of Teachers College. Columbia University. N.-Y. V I-II // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 26. С. 261-262.

[Рец.:] Guiseppe Lombardo-Radice. Athena Fanciulla. Scienza poesia della scuola serena. Firenze, 1926 // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 27. С. 407-410.

[Рец.:] The World Association for Adult Education. Bulletins 1936. 1924-1926 // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 28. С. 584-587.

1929

Иностранцы-очевидцы о советской школе // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 31. С. 1-34.

Немецкое издание неопубликованных рукописей Достоевского // Современные записки. 1929. Т. 39. С. 9-33.

Генрих Де-Ман как теоретик социализма // Современные записки. 1929. Т. 40. С. 503-527.

Кризис демократии и эволюция школьных систем // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. 1853-1929. Прага, 1929. С. 57-86.

Лев Толстой как мыслитель // L. N. Tolstoj. Sbornik statt a bibliografickych prehledu. Praga, 1929. С. 9-33.

Развитие физики Галилея и ее отношение к физической системе Аристотеля // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 185-204.

Школьная политика советской власти за 1927-1930 гг. / В соавт. с Н. Ф. Новожиловым) // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 34. С. 385-421.

Из иностранной литературы о советской школе (обзор) // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 34. С. 475-479.

Кризис демократии и новейшая эволюция школьных систем // Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. 1853-1929. Прага, 1929. С. 57-86.

Вильгельм Рейн (некролог) // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 32. С. 218-220.

Е. Л. Зубашев (некролог) // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 32. С. 222-224.

[Рец.:] *S. Kawerau*. Denkschrift über die deutschen Geschichts- und Lesebücher vor allem seit 1923. Berlin, 1927 // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 32. С. 231-232.

[Рец.:] *O. Kadner*. Vvoj a dnesni soustava skolstvi. Praha, 1929 // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 34. С. 483-485.

[Рец.:] *E. Sapek*. 100 hlasu j stredni skole. Praha, 1930 // Русская школа за рубежом. 1929. Кн. 34. С. 485-487.

[Рец.:] *Николай Бердяев*. Философия свободная духа. Проблематика и апология христианства. Р: YMCA - Press, 1928. Ч. I. 271 с., ч. II. 236 с. // Современные записки. 1929. Т. 39. С. 547-554.

[Рец.:] *Дм. Чижевский*. Філософія на Украшъ Спроба кторюграфп питання. Прага: Ояч, 1926. 198 с. // Современные записки. 1929. Т. 38. С. 544-546.

Leo Tolstoj als Pädagoge [Лев Толстой как педагог] // Die Erziehung. 1929. Hf. 4. S. 1-27.

Die englische Erziehungstradition [Английская система воспитания] // Pädagogische Hochschule. 1929.

[Рец.:] *Сувевский Д. I*. Filosofia na Ukraine // Der russische Gedanke. 1929. Bd. I. Th. 1. S. 105-106.

[Рец.:] *F. M. Dostojewskij*. Die Urgestalt der Brüder Karamasoff. Dostojewskij's Quellen, Entwürfe und Fragmente. Erläutert von W Komarowitsch. München: Piper Verlag, 1928. 531 s. // Slavische Rundschau. Berlin, 1929. Bd 1. № 8. S. 684-690.

[Рец.] *N. Losskij*. Swoboda woli. P, 1927 // Der russische Gedanke. 1929. Bd. I. Th. 2. S. 223.

1930

Educational Policy in Soviet Russia. By Nicholas Hans and Sergius Hessen. L., 1930. XXII. 236 p.

Der Zusammenbruch des Utopismus [Крах утопизма] // Der russische Gedanke: Festschrift Th. G. Masaryk zum 80. Geburtstage: Erster Teil, 1930. S. 107-120.

Die Tragödie des Guten in «Brüder Karamasoff»: Versuch einer Darstellung der Ethik Dostojewskis [Трагедия добра в «Братьях Карамазовых»: предварительный очерк этики Достоевского] // Der russische Gedanke. 1930. Bd. 1. Th. 1. S. 63-80.

[Рец.:] *N. A. Hans*. The Principles of Educational Policy. With an introduction by Prof. J. Dover Wilson. L.: P S. King & Son, Ltd, 1929 // Современные записки. 1930. Т 42. С. 541-543.

[Рец.:] О Достоевском. Сборник статей / Под ред. А. Бема. Т. I. Прага, 1929. 162 с. // Современные записки. 1930. Т. 43. С. 503-505.

[Рец.:] G. D. H. Cole. The Next Ten Years in British Social and Economic Policy. L.: Macmillan and Co, 1929. 459 с. // Там же. С. 527-531.

[Рец.:] *Samuel Northrup Harper*. Civic Training in Soviet Russia. Chicago: The University of Chicago Press, 1929. 401+XV с. // Там же. С. 531-533.

John Dewey's Erziehungsphilosophie [Философия воспитания Джона Дьюи] // Die Erziehung. Leipzig, 1929/1930. № 5. S. 12.

1931

Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 271-305; Т. 46. С. 321-351.

Пятилетка и школьная политика советской власти // Новый Град. 1931. № 1. С. 67-77.

[Рец.:] Russian Schools and Universities in the World War. Из серии Economic and Social History of the World War. New Haven: Yale University Press. The Carnegie Endowment for International Peace, 1929. 239 с. // Современные записки. 1931. Т. 45. С. 531-533.

Podstawy pedagogiki [Основы педагогики]. Warszawa, 1931. 418 s. (Wyd. 2 - Warszawa, 1935).

La scuola serena von G. Lombardo-Radice [Ясная школа Дж. Ломбардо-Радиче] // Die Erziehung. 1930/1931. № 9. S. 533-554.

Das Porträt Stavrogins [Портрет Ставрогина] // Slavische Rundschau. 1931. Bd. 3. S. 233-237.

Staat und Schulwesen in Frankreich von Beginn des 19 Jahrhunderts bis zur Gegenwart [Государство и образование во Франции с начала XIX в. до наших дней] // Zeitschrift für Geschichte der Erziehung und des Unterrichts. Berlin, 1931. № 2. S. 129-153.

Stavrogin als philosophische Gestalt. Die Idee des Bösen in den «Dämonen» Dostoevskijs [Ставрогин как философский тип. Идея зла в «Бесах» Достоевского] // Dostoevskij-Studien. Reichenberg, 1931. S. 51-68^[734].

1932

Идея социального права (По поводу книги Г. Гурвича «Eidee du Dritt Social») // Современные записки. 1932. Т. 49. С. 421-435.

Современный кризис и перерождение капитализма // Новый Град. 1932. № 3. С. 60-71; № 4. С. 21-39.

О пятилетке и проблеме хозяйственной автаркии // Новый Град. 1932. № 5. С. 56-67.

Трагедия зла (Философский образ Ставрогина) // Путь. Париж, 1932. № 36. С. 44-74.

[Рец.:] *Edw. Hallett Carr. Dostoevsky (1821-1881). A new biography.* L.: George Allen & Unwin, 1949. 331 p. // Современные записки. 1932. Т. 50. С. 463-464.

Skolstvi a demokracie [Образование и демократия].
Praga, 1932.

1933

Судьба коммунистического идеала образования // Новый Град. 1933. № 6. С. 42–59.

Школьная реформа в Чехословакии // Научные труды Русского Народного университета в Праге. 1933. Т. 5. С. 64–80.

Итоги культурной пятилетки // Современные записки. 1933. Т. 51. С. 402–417.

[Рец.:] *Aldous Huxley*. Brave New World. L., 1932 // Современные записки. 1933. Т. 52. С. 463–465.

Rustina pro kazdeho [Русский для всех]. Praga, 1932 (подпись: S. Makarow).

Fünfzehn Jahre Sowjetschulwesen: Die Entwicklung des Sowjetschulwesens und die Wandlungen der kommunistischen Bildungspolitik seit der Oktoberrevolution bis zum Ende des Fünfjahresplanes (1917–1932) [Пятнадцать лет советского образования: развитие советского образования и трансформация коммунистической образовательной политики с Октябрьской революции до конца пятилетнего плана (1917–1932)]. Langensalza: Beltz, 1933. XII. 260 с. (подпись: S. Hessen, N. Hans).

Polska reforma szkolna [Реформа польской школы] // Kultura Pedagogiczna. Kraków, 1933. Т. 1. № 4/5. С. 357–380.

Revolution und Tradition im Werke Georg Kerschensteiners [Революция и традиция в трудах Г. Кершенштейнера] // Die Erziehung. 1932/1933. № 8. С. 17–34.

Das Problem der Autonomie der Erziehung [Проблема автономии образования] // Festgabe für Heinrich Rickert zum 70. geburtstage am 25. mai 1933. Bühl-Baden, 1933^[735].

1934

Государство и школы во Франции и Англии. Рига, 1934. 32 с.

Мировоззрение и образование // Русская школа. 1934. № 1. С. 3-23.

Die Pädagogik Giovanni Gentiles [Педагогика Дж. Джентиле] // Die Erziehung. 1934. № 9. S. 401-422; № 10. S. 479-490.

Weltanschauung, Ideologie, Bildung [Мировоззрение, идеология, образование] // Записки Русского научно-исследовательского объединения в Праге. 1934. Т. I (VI). № 2. С. 57-104.

Педагогические журналы // Русская школа. 1934. № 1. С. 61-63. [Краткие обзоры педагогической периодики в Польше - подписано С. И. Гессеном, - и Чехословакии - подписано Верой Бездек и А. Павловым].

Was ist «allgemeine Bildung?» [Что такое «общее образование?»] // Die Erziehung. 1934.

[Рец.:] *Stanislaw Kot*. Historja wychowania. Zarys podrecznikowy. Т. II. Lwow, 1934 // Русская школа. 1934. № 1. С. 59-60.

1935

Глобальная «метода» или глобальное обучение грамоте? // Русская школа. 1935. № 2-3. С. 19-41.

Последняя фаза советской педагогики // Русская школа. 1935. № 4. С. 27-32.

Мировоззрение и идеология // Современные записки. 1935. Т. 57. С. 316-329.

Правда демократии (Проблемы демократии на VIII Международном философском Конгрессе) // Современные записки. 1935. Т. 58. С. 361-378.

Школа в России и революция // Современные записки. 1935. Т. 59. С. 445-458.

[Рец.:] *Encyclopedja wychowania*. Redaktor naczelny St. Lempicki. Т. 1-2. Warszawa. 1933 // Русская школа. 1935.

№ 4. С. 49–50.

[Рец.:] Hegel bei den Slaven. Im Auftrage der deutschen Gesellschaft für slavische Forschung im Prag, mit Unterstulzung des Slavischen Instituts im Prag herausgegeben von D. Cyzevskij. Reichenberg, 1934. 494 s. // *Современные записки*. 1935. Т 57. С. 470–472.

[Рец.:] *Nikolai Berdiafew*. Wahrheit und Lüge des Kommunismus.. Luzern: Vita Nova Verlag, 1934 // *Современные записки*. 1935. Т. 59. С. 479–481.

Co to jest szkola jednolita [Что такое единая школа] // *Ruch Pedagogiczny*. Warszawa, 1936. № 1. S. 1-16.

Globalni metoda ci globalni vyučovani? – prnspevek k filosofii rocatecniho vyučovani [Глобальный метод или глобальное обучение? – вклад в философию начального обучения]. Praha, 1935. 49 s.

Idea ogólnego wykształcenia w szkolnictwie i pedagogice XIX stulecia [Идея общего образования в школьной системе и педагогике XIX века] // *Kultura i Wychowanie*. Warszawa, 1936. № 3. S. 117–135.

Zagadnienie autonomii kształcenia [Проблема автономии образования] // *Ruch Pedagogiczny*. 1934–1935. № 7. S. 245–255; № 8. S. 285–292; № 9. S. 325–335.

Sittliche Erziehung [Нравственное воспитание] // *Die Erziehung*. 1934–1935. № 10. S. 391–405.

O demokracji [О демократии] // *Przegląd Współczesny*. 1935. Т 52. № 155. S. 309–331.

1936

О понятии и цели нравственного образования // *Жизнь и смерть*. Сборник памяти д-ра Н. Е. Осипова. Прага-Берлин-Петрополис, 1936. Т. 2. С. 60–78.

Проблема единой школы // *Русская школа*. 1936. № 1. С. 5–12.

Принцип дифференциации в системе единой школы // *Русская школа*. 1936. № 2. С. 1–7.

Filosofické zaklady pedagogiky [Философские основы педагогики]. Praha, 1936. XIII. 379 s.

Die Methode der M. Montessory und ihr Schicksal [Метод М. Монтессори и его судьба]. Halle, 1936. S. 30.

Dwa typu wychowania państwowego [Два типа воспитания государственной власти] // Praca Oświatowa. Warszawa, 1936. № 6. S. 321-328.

O pojęciu struktury w pedagogice [О понятии структуры в педагогике] // Chowanna. Katowice, 1936. № 4. S. 145-151; № 5. S. 193-203.

Praca rączna w szkole ogólnokształcącej [Преподавание речи в общеобразовательной школе] // Praca Rączna w Szkole. Warszawa, 1936. № 1. S. 6-27.

Szkoła docształcająca zawodowa i jej miejsce w systemie szkolnictwa współczesnego [Профессиональная школа и ее место в системе современного образования] // Szkoła Docształcająca Zawodowa. Warszawa, 1935-1936. № 9. S. 193-211.

Szkoła i gospodarka [Школа и экономика] // Szkoła Zawodowa. 1935-1936.

1937

Pedagogika specjalna i pedagogika ogólna [Педагогика специальная и педагогика общая] // Szkoła Specjalna. Warszawa, 1937. № 1-5. S. 1-12.

Idea ogólnego wykształcenia w szkolnictwie i pedagogice XIX stulecia [Идея общего образования в системе обучения и педагогике XIX века] // Kultura i Wychowanie. 1936/1937. № 3. S. 117-135.

Czy oświata ludowa powinna i może być klasowa [Может ли и должно ли быть классовым народное просвещение] // Praca Oświatowa. 1937. № 3. S. 132-141.

Svetovy nazor a pedagogika. Studie k problemu autonomie [Мировоззрение и педагогика. Изучение проблемы автономии]. Praha, 1937.

1938

Школа и хозяйство // Русская школа. 1938. № 2 (10). С. 8-14; № 3 (11). С. 9-16.

Szkoła i demokracja na przełomie [Школа и демократия на переломе]. Warszawa-Wilno, 1938. 30 s.

O niebezpieczeństwie socjologizmu w pedagogice. Refleksje z powodu książki J. Chałasińskiego «Szkoła w społeczeństwie amerykańskim» [Об опасности социологизма в педагогике. Размышления о книге Ю. Халасинского «Школа в американском обществе»] // Przegląd Socjologiczny. Poznań-Warszawa, 1938. T 6. № 1/2. S. 228-249.

Zasada całości w nauczaniu na wyższych szczeblach szkoły [Принцип целостности в преподавании в старших классах школы] // Kultura i Wychowanie. Warszawa, 1938. № 2. S. 83-103.

Szkoła powszechna [Школа общеобразовательная] // Encyclopedia wychowania. Warszawa, 1938. T. 3. S. 78-106.

1939

Ruska pedagogika u XX veku [Русская педагогика в XX веке] // Ucitel. Beograd, 1939. № 9-10. S. 556-584.

O sprzecznościach i jedności wychowania. Zagadnienia pedagogiki personalistycznej [О противоречиях и единстве воспитания. Задачи педагогики личности]. Lwów-Warszawa, 1939. 375 s.

1947

Struktura i treść szkoły współczesnej (Zarys didaktyki ogólnej) [Структура и содержание современной школы (Наброски общей дидактики)]. Warszawa, 1947. 304 s.

Pedagog [Педагог] // Ruch Pedagogiczny. Warszawa, 1947. № 4. S. 319-343.

Zagadnienie różnicy prawa i moralności w filozofii starożytnej [Вопрос различия права и морали в античной

философии] // Łódzkie Towarzystwo Naukowe. Sprawzdania z Czynności i Posiedzeń. 1947. № 2. S. 43-51.

1948

Prawo i moralność [Право и мораль] // Myśl Współczesna. Warszawa, 1948. № 2/3. S. 250-272.

Slavonic Countries [Славянские страны] // The Yearbook of Education. L., 1948. P 362-395.

1949

The Rights of Man in Liberalism, Socialism and Communism [О правах человека при либерализме, социализме и коммунизме] // Human Rights: Comments and interpretation. A Symposium edited by UNESCO. L., 1949. P 99-130.

Education and Economic Life [Образование и экономическая жизнь] // The Yearbook of Education. L., 1949. P 47-86.

1950

Struttura e contenuto della scuola moderna. Principi della didattica nuova [Структура и содержание современной школы: принципы новой дидактики]. Roma: Ed. Avio, 1950. 282 p. (Col. «I problemi della pedagogia»).

1952

Difesa della pedagogica [Защита педагогики]. Roma: Ed. Avio, 1952. 56 p. (Col. «I problemi della pedagogia», 1).

La pedagogia di G. Gentile [Педагогика Дж. Джентиле] Roma: Ed. Avio, 1952. 48 p. (Coll. «I problemi della pedagogia», 5).

Le virtu platoniche e le virtu evangeliche [О платоновских и евангельских добродетелях]. Roma: Ed. Avio, 1952. 69 p. (Col. «I problemi della pedagogia», 6).

1953

La pedagogia di G. Dewey [Педагогика Дж. Дьюи]. Roma: Ed. Avio, 1953. 63 p. (Col. «I problemi della pedagogia»).

1954

La «Scuola Serena» di G. Lombardo-Radice e la «Scuola del Lavoro» di G. Kerschensteiner [Ясная школа Дж. Ломбардо-Радиче и «Трудовая школа» Г. Кершенштейнера]. Roma: Ed. Avio, 1954. 55 p. (Col. «I problemi della pedagogia»).

Leone Tolstoj e Maria Montessory [Лев Толстой и Мария Монтессори]. Roma: Ed. Avio, 1954. 111 p. (Col. «I problemi della pedagogia», 14).

Pedagogia e mondo economico [Педагогика и мир экономики]. Roma: Ed. Avio, 1954. 96 p. (Coll. «I problemi della pedagogia»).

1955

Fondamenti della pedagogia come filosofia applicata [Основы педагогики как прикладная философия]. Firenze, 1955. 503 p.

1956

Autobibografia. La pedagogia russa del secololo [Мое жизнеописание. Русская педагогика в XX веке]. Roma: Ed. Avio, 1956. 117 p. (Coll. «I problemi della pedagogia», 17).

1957

Democrazia moderna. Roma: Ed. Avio, 1957. 70 p. (Col. «I Problemi della Pedagogia», 19).

1958

I fondamenti filosofici della pedagogia [Философские основы педагогики]. Roma: Ed. Avio, 1958. Vol. I. 245 p.; Vol. II. 289 p. (Coll. «I Problemi della Pedagogia», 18).

Diritto e morale. I dritti dell'uomo nel liberalismo, nel socialismo, nella democrazia, nel comunismo [Право и мораль. Права человека при либерализме, социализме, демократии и коммунизме]. Roma: Ed. Aviormando, 1958. 111 p. (Coll. «I Problemi della Pedagogia», 26).

1959

Struktura i treść szkoły współczesnej (Zarys didaktyki ogólnej) [Структура и содержание общеобразовательной школы (Очерки общей дидактики)]. Warszawa, Wyd.2. 1959. 288 s.

Scuola democratica e sistemi scolastici [Демократическая школа и системы обучения]. Roma: Ed. Avio, 1959. 358 p. (Col. «I Problemi della Pedagogia», 36).

1960

L'idealismo pedagogico in Italia. G. Gentile e G. Lombardo-Radice [Педагогический идеализм в Италии. Дж. Джентиле и Дж. Ломбардо-Радиче]. Roma: Ed. Avio, 1960. 77 p. (Col. «I Problemi della Pedagogia», 54).

1968

Studia z filozofii kultury. Wybory dokonal, wstępne i przypisami opatrzył Andrzej Walicki [Очерки философии культуры. Сост., предисл. и прим. Ацджея Валицкого]. Warszawa, 1968. 367 s.

1973

Filozofia - Kultura - Wychowanie [Философия - Культура - Воспитание]. Wrocław, 1973. 471 s.

1981

Diritto e morale. Nel liberalismo, nel socialismo, nella democrazia, nel comunismo [Право и мораль. В либерализме, социализме, демократии, коммунизме]. Roma: Armando, 2008. 144 p.

1993

Судьба коммунистического идеала образования // Педагогика. 1993. № 6. С. 59–64.

1994

Мое жизнеописание // Вопросы философии. 1994. № 7–8. С. 150–187.

Новейшая русская философия // Преображение. Христианский религиозно-философский альманах. Вып. 2. СПб., 1994. С. 8.

1995

Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. 448 с.

Мировоззрение и образование // Педагогика российского зарубежья. Сборник статей и материалов. М., 1995. С. 91–113.

1996

Трагедия добра в «Братьях Карамазовых» Достоевского // Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. М., 1996. С. 668–683.

О понятии и цели нравственного образования // Педагогика российского зарубежья. Хрестоматия. М., 1996. С. 101–120.

Педагогика как прикладная наука // Там же. С. 147–168.

Основы критической дидактики // Там же. С. 207–230.

Судьба коммунистического идеала образования // Там же. С. 454–464.

1997

Dzieła wybrane [Избранные сочинения]. Warszawa: Żak, 1997. Т. 1. Podstawy pedagogiki [Основы педагогики];

T 2. Szkoła i demokracja na przełomie [Школа и демократия на переломе]; T. 3. O sprzecznościach i jedności wychowania: zagadnienia pedagogiki personalistycznej [О противоречиях и единстве воспитания: проблемы воспитания личности]; T. 4. Struktura i treść szkoły współczesnej: zarys dydaktyki ogólnej [Структура и содержание современной школы: очерк общей дидактики]; T. 5. Pisma pomniejsze [Статьи].

1998

О понятии и цели нравственного образования // Сибирь. Философия. Образование. 1998. № 2. С. 81-91.

О понятии и цели нравственного образования // Российское зарубежье: образование, педагогика, культура. 20—50-е годы XX века: Материалы Второй Всероссийской научной конференции «Образование и педагогическая мысль Российского зарубежья. 20—50-е годы XX в. (Саранск, 16-18 октября 1997 г.) - Саранск, 1998. С. 152-165.

Избранные сочинения / Сост. А. Валицкий, Н. Чистяков. М., 1998. 814 с. (Серия «Из истории отечественной философской мысли»).

2000

В защиту педагогики // Преподаватель. 2000. № 1. С. 11-21.

Педагогические сочинения. Т. 1. Саранск, 2001. 564 с. (Педагогическая библиотека Российского Зарубежья).

2004

Гессен (Серия: Антология гуманной педагогики). М., 2004. 224 с.

2010

Избранное. М., 2010. 960 с. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших

времен до начала XX века).

Герцен // Кронер Р, Бубнов Н., Мелис Г., Гессен С., Степун Ф. О мессии. Эссе по философии культуры. СПб, 2010. С. 42-55.

2012

[Рец.:] *Aldous Huxley. Brave New World.* L., 1932 // Гуманитарные науки и образование. Саранск, 2012. № 1. С. 74-77.

2014

Пауль Наторп // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 87—102.

2018

Педагогика как наука // Личностно-ориентированная педагогика. Понятие и цели настоящего образования (по трудам С. И. Гессена). М., 2018. С. 18-39.

В защиту педагогики // Там же. С. 40-63.

Мировоззрение и образование // Там же. С. 64-83.

Цель научного образования // Там же. С. 84-103.

Проблема национального образования // Там же. С. 104-132.

О понятии и цели нравственного образования // Там же. С. 133-149.

Что такое единая школа? // Там же. С. 150-190.

Русская педагогика в XX веке // Там же. С. 191-222.

Из эпистолярного наследия

Письма редактора непартийного журнала: Гессен - Метнеру. Публ. и прим. В. В. Сапова // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 6. С. 526-535.

Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. IV Stanford, 1997. С. 82-84. (Stanford Slavic Studies. Vol. 16).

«Можете рассчитывать на мое сотрудничество»: С. И. Гессен / Публ., вступ. статья и прим. О. А. Коростелева и М. Шрубы // Современные записки. (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 95-206.

Библиография трудов о С. И. Гессене

Библиография для удобства разбита на следующие разделы:

монографии (важнейшие работы с 1956 по 2013 г.; необходимо отметить, что в 50—60-е гг. прошлого века философско-педагогические работы С. И. Гессена вызвали немалый интерес в интеллектуальном пространстве Италии, результатом чего стала публикация множества монографий);

словарные статьи - статьи из словарей и энциклопедий и обзорных исследований по истории русской философии и философии русского зарубежья (с 1962 по 2015 г.);

статьи - научно-исследовательские статьи по различным аспектам философии С. И. Гессена (1968–2018 гг.; характерная особенность - подавляющее большинство научно-исследовательских работ по философии С. И. Гессена появилось после 1990 г., с 2000-х гг. значительно увеличивается интерес к философу русского зарубежья);

материалы конференций - труды научных конференций, семинаров и подобных медийных событий (1994–2018 гг.; свидетельствует о возрождении в постсоветский период истории России интереса к философу русского зарубежья, следует отметить, что с 2014 г. увеличивается количество докладов и сообщений по философии С. И. Гессена на конференциях и семинарах всероссийского и международного уровня);

диссертации - диссертационные работы на соискание ученой степени кандидата философских наук / кандидата педагогических наук (с 1999 по 2012 г. (для диссертационных исследований характерна

особенность, выявленная для разделов «статьи» и «материалы конференций»: возрождение интереса к С. И. Гессену в постсоветский период); в 1956 г. увидело свет зарубежное диссертационное исследование по философии С. И. Гессена);

некрологи – небольшие работы, опубликованные в связи со смертью С. И. Гессена (работы выходили в 1950–1952 гг., в 1959 г. и в 1999 г.);

разделы книг – разделы исследовательских работ по проблемам истории русской философии и аспектам философии русского зарубежья, посвященные персонально философии С. И. Гессена (1994–2012 гг.);

архивы – архивы творчества С. И. Гессена (содержат неопубликованные и частично опубликованные письма, информацию, связанную с профессиональной работой С. И. Гессена в России и за рубежом).

Монографии:

Абрамова Л. Г. Философско-образовательная концепция педагогики С. И. Гессена. – Калининград, Изд-во БИЭФ, 2003.

Агаев Б. В. Концепция правового социализма С. И. Гессена. М.: Политическая мысль, 2011.

Воровщиков С. Г., Гольдберг В. А., и др. Теория и практика мета-предметного образования: поиски решения проблем (Книга, написанная учителями ко Дню Учителя по мотивам «Основы педагогики. Введение в прикладную философию» Сергея Иосифовича Гессена). М, 2017.

Найбороденко Л. М., Фоминых С. Ф. Сергей Иосифович Гессен в Томске (1917–1921 гг.). Томск: Издательство ТГУ, 2013.

Седова Е. Е. Философия образования С. И. Гессена в социокультурном контексте общественно-педагогического движения России и русского зарубежья первой половины XX века. Воронеж: ВГПУ, 2006.

Armando A. Ideologia, burocrazia e pedagogia. Intorno a Sergio Hessen. Armando: Roma, 1961.

Barbasso D. Sergio Hessen. Palermo, 1972.

Baroni A. Sergio Hessen, La Scuola. Brescia, 1960.

Bertacci E. La vita e l'opera di Sergio Hessen. Bologna: La Diana scolastica, [19..?].

Biavati A. Il pensiero morale di S. Hessen. Bologna: Università degli studi, 1962/63.

Broccolini G. Maria Montessori nella critica di Sergio Hessen. Roma: Tip. Dapco, 1962.

Broccolini G. Mito e realtà nel pensiero di Sergio Hessen. Roma: Armando, 1966.

Broccolini G. Sergio Hessen e la filosofia. Urbino: S. T. E. U., [1963].

Di Leo-Catalano G. La pedagogia di Sergio Hessen. Napoli: Ed. Istituto Editoriale Del Mezzogiorno, [1956].

Fiore M. Pedagogisti contemporanei valutati da Sergio Hessen: saggi critici su G. Gentile, G. Lombardo Radice, Maria Montessori, G. Kerschensteiner e J. Dewey. Molfetta: Tip. dell'Ist. prov. Apicella, 1958.

Folkierska A. Sergiusz Hessen: pedagog odpowiedzialny. Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa, 2005.

Giampuzzi C. R. Antinomie pedagogiche nel pensiero di Sergio Hessen. Lecce: Tip. M. Gallucci, 1959.

Giovanniello V. La filosofia dell'educazione di Sergio Hessen. Napoli: Istituto editoriale del mezzogiorno, 1962.

Gonec V. Sergius Hessen a Ceskoslovensko. Brno: Masarykova univerzita, 2000.

Laudato O. L'idealismo pedagogico di G. Gentile e la filosofia dell'educazione di S. Hessen. Benevento: Auxiliatrix, 1958.

Mazzetti R. I limiti della filosofia e pedagogia di Sergio Hessen. Salerno: Edizioni Hermes, 1957.

Mazzetti R. Sergej Hessen. Un ricercatore tra due civiltà. Firenze: La Nuova Italia, 1965.

Neri R. Esame critico della pedagogia di Sergio Hessen. Roma: AVIO, 1956.

Orlando V. Organicita ed eclettismo in S. Hessen. Messina: Provvidente, 1971.

Pluta A. Kultura i kształcenie: próba kulturoznawczego odniesienia do koncepcji dydaktyki krytycznej Sergiusza Hessena. Częstochowa: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1992.

Riggio P. La verifica dell'idealismo in G. Lombardo Radice e Sergio Hessen. Palermo: I. L. A. Palma, 1974.

Sztobryn S. Filozofia wychowania Sergiusza Hessena. Łódź: Uniwersytet Łódzki, 1994.

Todisco N. Il pensiero di Sergio Hessen. Napoli: Tip. G. Genovese, 1961.

Todisco N. La pedagogia di Sergio Hessen nella sua palpitante attualita. Napoli: Tip. G. Genovese, 1962.

Wieczorek Z. Filozofia wszechjedności Sergiusza Hessena. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2005.

Witkowski L. Dwoistość w pedagogice Bogdana Suchodolskiego: z aneksem o Sergiuszu Hessenie. Front Cover. Lech Witkowski. Kraków: Wit-Graf, 2001.

Wokół idei pedagogicznych Sergiusza Hessena / Red. nauk. Alina Wróbel i Magdalena Błędowska. Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2013.

Словарные статьи:

[Алексеев П. В.] Гессен С. И. // Философы России XIX – XX столетий. Биографии, идеи, труды. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1995. С. 135–136.

Емельянов Б. В., Ермичев А. А. С. И. Гессен // Логос (Москва-Петербург, 1910–1914; Прага, 1925) и его редакторы: библиографический указатель. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 64–86.

Зеньковский В. В. История русской философии. М.: Академический Проект, Паритет, 2001. С. 661–664.

Литературное зарубежье России.
Энциклопедический справочник (Энциклопедия
российской эмиграции). М.: Парад, 2006. С. 202.

Российское зарубежье во Франции, 1919–2000:
биобиблиографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Л.
Мнухина, М. Авриль,
В. Лосской. М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой,
2008. Т. 1. С. 362.

Российское научное зарубежье:
биобиблиографический справочник / Гл. ред. Ю. В.
Мухачев; Ред. – сост. М. Ю. Сорокина; Под общ. ред. Г. А.
Месяца, Е. П. Челышева. М., 2011. С. 198, 199–200
(Энциклопедия российской эмиграции).

Русская интеллигенция. Автобиографии и
биобиблиографические документы в собрании С. А.
Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред.
В. А. Мыслякова. М.: Наука, 2001. Т. 1. С. 297–298.

С. И. Гессен // Профессора Томского университета:
Биографический словарь / Отв. ред. С. Ф. Фоминых.
Томск, 1996. Вып. 1. 18881917. С. 80–82.

Сапов В. В. Гессен С. И. // Русская философия:
Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика,
1995. С. 114.

Соловьёв К. А. С. И. Гессен // Российский либерализм
середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв.
ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 182–185.

Сухарев Ю. Н. Материалы к истории русского
научного зарубежья: В 2 кн. Москва: Рос. фонд культуры
[и др.], 2002. Кн. 1. С. 122–123.

Шамшурин В. И. Гессен Сергей Иосифович //
Философия политики и права. 100 основных персоналий
Словарь. Учебное пособие / Под общ. ред. Е. Н.
Моцелкова; науч. ред. А. В. Никандров. Москва, 2015.
С. 59–62.

Chmaj L. Prądy i kierunki w pedagogice XX wieku.
Warsawa: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1962.

S. 391-398.

Gancikov L. Hessen Sergei Osipovic // Enciclopedia filosofica. Vol. 1-4. Venezia; Roma, 1957. Vol. 2. P 1072-1073.

Gonec V Hessen, Sergius // Ideas in Russia, vol. III. Łódź: Institute of International Affairs and Institute of Sovietology at the University of Łódź, 2000. S. 106a-111b.

Kula R. Hessen Sergiusz // Słownik psychologó w polskich. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Psychologii UAM, 1992. S. 101-102.

Nawroczyński B. Hessen Sergiusz // Polski słownik biograficzny. Wrocław [et al.], 1960-61. T 9. S. 487-488.

Статьи

Абрамова Л. Критическая дидактика С. Гессена // Alma mater (Вестник высшей школы). 2006. № 3. С. 52-54.

Абрамова Л. Г. С. И. Гессен: в защиту философии педагогики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2008. № 4 (63). С. 244-248.

Абрамова Л. Г. Взгляд С. И. Гессена на аксиологию педагогики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2008. № 7 (66). С. 203-209.

Абрамова Л. Г. Идеал и задача свободного образования С. И. Гессена // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2008. № 3 (4). С. 150-153.

Абрамова Л. Г. Конструктивно-генетический подход в исследовании философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2007. № 11. С. 20-25.

Абрамова Л. Г. Критическая дидактика С. И. Гессена в свете трансцендентальной критики И. Канта // Известия Балтийской государственной академии

рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2012. № 1 (19). С. 112–123.

Абрамова Л. Г. Культура как философское основание педагогики С. И. Гессена // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2008. № 2 (3). С. 94–99.

Абрамова Л. Г. Педагогика культуры: истоки прикладной философии С. И. Гессена // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2008. № 4. С. 24–29.

Абрамова Л. Г. Развитие ценностных представлений от С. И. Гессена до современной педагогики // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2008. № 7 (66). С. 210–215.

Абрамова Л. Г. С. И. Гессен и проблема национального образования // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2008. № 3 (4). С. 147–149.

Абрамова Л. Г. С. И. Гессен: мировоззрение и личность – задача образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2008. № 5–1 (64). С. 90–96.

Абрамова Л. Г. С. И. Гессен: философия педагогики культурной проблематики // Педагогическое образование и наука. 2008. № 10. С. 56–62.

Абрамова Л. Г. Стержневые идеи философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2011. № 3 (17). С. 56–67.

Абрамова Л. Г. Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена // Российский гос. ун-т им. И. Канта. Калининград, 2007.

Автандилян Е. А. С. И. Гессен и гуманизация российского образования в контексте возврата к духовным и общекультурным ценностям // Научный альманах. 2015. № 8 (10). С. 1425–1429.

Аляев Г. Е. Философия высшего образования Сергея Гессена // Образ человека будущего: Кого и Как воспитывать в подрастающих поколениях. Киев: МФКО, 2012. С. 327–342.

Ананьин Г. Е. Идея системности С. И. Гессена в построении учебно-воспитательного процесса // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 2. № 4. С. 44–46.

Ануфриев С. И. Проблема формирования целостного человека в современном образовании и философско-педагогическая антропология С. И. Гессена // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (80). С. 8–10.

Бабаназарова Г. М. Исторический аспект исследований С. И. Гессена // Новая наука: Опыт, традиции, инновации. 2016. № 12-2 (119). С. 13–15.

Бабаян А. В. Фундаментальные теории нравственного воспитания Ушинского К. Д., Каптерева П. Ф., Гессена С.И // Фундаментальные исследования. 2009. № 3-5. С. 77–79.

Белов В. Н. Война и проблема общечеловеческих ценностей в творчестве С. И. Гессена // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 55. С. 5–7.

Белов В. Н. С. И. Гессен в истории русского неокантианства // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 59–65.

Богатырев А. И. Культура и национальное образование в педагогической концепции С. И. Гессена // Историко-педагогические чтения. 2003. № 7. С. 277–288.

Богатырев А. И. С. И. Гессен: аксиологическая концепция мирового историко-педагогического процесса

// Историко-педагогические чтения. 2004. № 8. С. 263-279.

Бондаренко Н. А. Идеи философа и педагога С. И. Гессена в эмиграции и современное образование // Новые технологии. 2011. № 4. С. 244-246.

Бордовский Г. А., Писарева С. А., Тряпицына А. П. Педагогическое наследие С. И. Гессена как составляющая европейской культурной образовательной традиции // Человек и образование. 2018. № 4 (57). С. 217-228.

Валицкий А. Послесловие к публикации «жизнеописания» С. И. Гессена // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 182-183.

Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании: вступительная статья // Гессен С. И. Избранные сочинения. М.: РОСПЭН, 1998. С. 3-28.

Вишленкова С. Г., Пискунова А. А. Книга С. И. Гессена и Н. А. Ганца о советской школе в оценке Д. М. Сокольцова // E-Scio. 2018. № 9 (24). С. 41-47.

Власкин А. Г. Проблемы демократии в социальной философии русского зарубежья (Б. П. Вышеславцев, С. И. Гессен, Ф. А. Степун) // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11. № 1. С. 139-147.

Власкин А. Г., Ермичев А. А. Политическая философия С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. № 2. С. 42-48.

Воробьев М. В. Философско-правовое содержание концепции личности С. И. Гессена // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 2. С. 73-86.

Гессен В. Ю. Род Гессенов в России (XIX-XX вв.) // Из глубины времен. 1996. Вып. 7. С. 109-111.

Гинецинский В. И. Категория свободы в контексте концепций С. И. Гессена и А. Маслоу // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института

психологии и социальной работы. 2012. Т. 17. № 1. С. 84-87.

Данилкина Н. В. Неогуманистический идеал общего образования по Гессену-Гартману // Вопросы гуманитарных наук. 2008. № 5 (38). С. 51-52.

Данилкина Н. В. Становление теории образования С. И. Гессена как «прикладной философии» // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2009. Т. 1. № 4. С. 233-241.

Дерюга В. Е. Философская концепция воспитания С. И. Гессена // Проблемы современного образования. 2017. № 5. С. 26-32.

Дерюга В. Е., Лаптун В. И. Гуманистическая педагогика культуры Сергея Гессена (к 130-летию со дня рождения ученого) // Гуманитарные науки и образование. 2017. № 3 (31). С. 26-30.

Дивногорцева С. Ю. Наследие русского зарубежья: религиозная педагогика протоиерея В. В. Зеньковского и «педагогика культуры» С. И. Гессена // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2011. № 2 (21). С. 68-75.

Дмитриева Н. А., Сухих А. А. Гессен С. И. Пауль Наторп / Публ. Н. А. Дмитриевой, А. А. Сухих; коммент. Н. А. Дмитриевой // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 87-102.

Днепров Т. П. Идея развития и гармонии в демократической неолиберальной педагогической парадигме П. Ф. Каптерева и С. И. Гессена // Образование и саморазвитие. 2010. № 3 (19). С. 171-177.

Ермилин А. И., Ермилина Е. В. Научный метод и живое знание в философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Философские науки. 2018. № 4 (28). С. 70-75.

Ермишин О. Т. В поисках сверхличностных ценностей: философский путь С. И. Гессена // Философские науки. 2012. № 8. С. 97-109.

Жданова Н. А. Дисциплина и власть в философии образования С. И. Гессена и М. Фуко // Труды Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета (Сибстрин). 2002. Т. 5. № 4. С. 93-97.

Жиляева Е. И. Педагогическая антропология С. И. Гессена в контексте социально-философского знания // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2011. № 2 (33). С. 337-342.

Жиляева Е. И. Проблема гражданского образования в социальной философии С. И. Гессена // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 1. С. 932-939.

Жиляева Е. И. Социально-политический идеал в философии С. И. Гессена // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 5. С. 43-47.

Загирняк М. Ю. Диалектика Г. В. Ф. Гегеля в политической философии С. И. Гессена // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 30-36.

Загирняк М. Ю. Значение учения о воле Ж.-Ж. Руссо и И. Канта для становления философско-правовой концепции С. И. Гессена // Кантовский сборник: научный журнал. БФУ им. И. Канта. 2011. 3 (37). С. 67-73.

Загирняк М. Ю. Демократические аспекты понятия «общей воли» в социальной философии Ж.-Ж. Руссо, И. Канта и С. И. Гессена // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 6: Сер. Гуманитарные науки. 2010. С. 41-50.

Загирняк М. Ю. Диалектика Г. В. Ф. Гегеля в политической философии С. И. Гессена // Вестник

Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 37. С. 30–36.

Загирняк М. Ю. Значение политических идей Ф. Лассалля для философско-правовой концепции С. И. Гессена // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 6. Сер. Гуманитарные науки. 2012. С. 62–69.

Загирняк М. Ю. Понятие ценности Г. Риккерта и его интерпретация в философии С. И. Гессена // Кантовский сборник: научный журнал. 2012. № 1 (39). С. 40–44.

Загирняк М. Ю. Специфика трактовки соборности в социальной философии С. И. Гессена // Евразийский юридический журнал. 2017. № 11 (114). С. 435–436.

Зайцева Л. А. С. И. Гессен: теория университета // Юридическое образование и наука. 2008. № 3. С. 20–24.

Коннова К. В. Гений Достоевского в интеллектуальной критике С. И. Гессена // E-Scio. 2018. № 1 (16). С. 85–94.

Кочетков В. В. С. И. Гессен и Всеобщая декларация прав человека 1948 года // Юридическая мысль. 2018. № 4 (108). С. 68–74.

Крестьянова Е. Н. Образование и культура в философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Известия Самарской государственной сельскохозяйственной академии. 2007. № 2. С. 85–89.

Крылова Н. В. Философия образования С. И. Гессена и В. В. Зеньковского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2003. Т. 3. № 6. С. 46–56.

Куликов В. Б. Закат либерализма (русская версия Сергея Гессена) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2003. № 4. С. 187–202.

Лельчицкий И. Д. С. И. Гессен о педагогической миссии учителя // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2008. № 3 (11). С. 145–153.

Лещинский В. И., Седова Е. Е. От философии Канта – к «педагогике культуры»: становление философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2005. Т. 1. № 7. С. 155–167.

Лобанов В. В. Актуализация наследия С. И. Гессена в современной отечественной педагогике // Труды Института теории образования ТГПУ. 2010. С. 186–189.

Люрья Н. А. Идеи С. И. Гессена о свободе и принуждении и современное образование // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2017. Т. 3 (69). № 3. С. 70–76.

Марчукова С. М. О преемственности педагогических систем Я. А. Коменского и С. И. Гессена // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. № 2. С. 190–197.

Мелих Ю. Б. Укрепление эмпиризма трансцендентализмом. Сергей Гессен – «самый яркий» представитель трансцендентализма в России // Философия, наука, образование – 2011. Труды кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 2012. С. 350–368.

Мелих Ю. Б. Формы причинности в трансцендентальной философии С. И. Гессена // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. № 4. С. 182–194.

Мелих Ю. Б. Построение понятия личности на основе трансцендентализма. Философия С. И. Гессена // Мелих Ю. Б. Иррациональное расширение философии И. Канта в России. СПб.: Алетейя, 2014. С. 88—137.

Мокшина Н. Г. Педагогическое наследие С. И. Гессена // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 4–3 (30). С. 120–123.

Найбороденко Л. М. Участие профессора Томского университета С. И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 2 (80). С. 11-17.

Овсяницкая Е. А. С. И. Гессен. Культурологический подход к образованию // Философские науки. 2012. № 1. С. 142-153.

Осовский Г. Е. Педагогика русского зарубежья: Сергей Гессен // Школа и мир культуры этносов. М., 1995. Вып. 2. С. 273-290.

Осовский Е. Г. Гессен: странности судьбы // Педагогика. 1993. № 6. С. 57-59.

Осовский Е. Г. Проблема ценностей в философско-педагогической концепции С. И. Гессена // Аксиологические аспекты историко-педагогического обоснования стратегии развития отечественного образования. М.: РАО, 1994. С. 111-114.

Осовский О. Е. Забытая рецензия Сергея Гессена на роман Олдоса Хаксли // Гуманитарные науки и образование. 2012. № 1 (9). С. 74а-77.

Осовский О. Е. Литературоведческая проблематика в наследии С. И. Гессена // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 26. № 2. С. 124-132.

Осовский О. Е., Киржаева В. П. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 202-228.

Петренко Е. Л. Сергей Иосифович Гессен // Гессен С. И. Избранное / Сост., вступ. ст. Е. Л. Петренко; коммент. М. И. Иванов, Т. Г. Иванова. М., 2010. С. 5-40 (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

Письма редактора непартийного журнала: Гессен – Метнеру / Публ. и прим. В. В. Сапова // Вестник Российской Академии наук. 1993. № 6. С. 526–553.

Повар А. В. Права ребенка в философско-правовом наследии С. И. Гессена // История, теория, практика российского права. 2013. № 9. С. 40–45.

Попова И. Н. Истоки культуротворчества в педагогике: обращаясь к педагогическому наследию С. И. Гессена // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 14 (263). С. 172–179.

Пургина Е. И. Аксиологический аспект современного образования и философское учение С. И. Гессена о ценностях // Педагогическое образование в России. 2011. № 1. С. 54–60.

Ратушина Д. В. Сергей Гессен о Ф. М. Достоевском: эволюция философского пути // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (34). С. 114–118.

Самойлов Д. Рецепция морального учения И. Канта в сочинениях С. И. Гессена // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2012. № 1 (39). С. 43–57.

Сапов В. В. Сергей Гессен – русский философ // Вестник Российской академии наук. 1993. № 6. С. 267–270.

Седова Е. Е. Концепция национального образования в педагогическом наследии С. Гессена // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 194–199.

Седова Е. Е. Педагогика Российского Зарубежья: философско-педагогическая деятельность С. И. Гессена в эмиграции // Гаудеамус. 2006. Т. 1. № 9. С. 148–155.

Сербиненко В. В. Проблемы образования в истории русской философии: концепция университета в философии образования С. И. Гессена // Культура и образование в современных философских исследованиях

/ Под ред. Е. Н. Ивахненко, В. Д. Губина. РГГУ. Москва, 2018. С. 53–71.

Сербиненко В. В. Философская модель университетского образования С. Гессена // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. Сборник научных статей, посвященный 70-летию кафедры истории русской философии / Под общ. ред. В. А. Кувакина и М. А. Маслина; сост. М. А. Маслин. Москва, 2013. С. 421–428.

Сербиненко В. В., Яценко Н. П. Концепция непрерывного гуманитарного образования С. Гессена // Academia: Танец. Музыка. Театр. Образование. 2015. № 3 (39). С. 85–93.

Сулимов В. А. С. И. Гессен идеациональный мир Питирима Сорокина и интеллектуализм современности // Наследие. 2013. № 3. С. 3–10.

Федосеева Н. В. Идея «эпизода» как структурного компонента содержания образования в начальной школе в концепции С. И. Гессена // Приволжский научный вестник. 2014. № 8–2 (36). С. 108–114.

Федосеева Н. В. К вопросу о духовно-нравственном идеале человека в педагогической концепции С. И. Гессена // Культура и образование. 2014. № 9 (13). С. 25.

Фоминых С. Ф., Некрылов С. А. С. И. Гессен в Томске (1917–1921 гг.) // Сибирь. Философия. Образование. 1998. № 2. С. 54–58.

Чардыбон Б. Послесловие: Сергей Гессен в Польше до и после 2-й мировой войны / Пер. И. В. Обуховой-Зелинской // Русские евреи в Польше. Статьи, публикации, мемуары и эссе / Под ред. К. Кикоина, И. В. Обуховой-Зелинской, М. А. Пархомовского. Иерусалим, 2014. С. 233–256.

Челядинова О. А. Методологические основы педагогики С. И. Гессена и проблемы начального образования // Школа будущего. 2011. № 2. С. 74–80.

Челядинова О. А. Развитие современного образования на основе философско-педагогических идей С. И. Гессена // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2010. № 1 (6). С. 77-83.

Черненькая С. В. Понятие правового социализма в работах С. И. Гессена // Марксизм в современном интеллектуальном пространстве. Сборник научных статей. 2018. С. 45-52.

Чернышева А. В. Особенности философии культуры русского неакадемического неокантианства: Ф. А. Степун и С. И. Гессен // Гуманитарный вестник. 2014. № 10 (24). С. 2.

Чернявская О. В. Трансцендентальная философия культуры Сергея Иосифовича Гессена // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 8-2 (34). С. 203-205.

Шапошников Л. Е. Философско-педагогические взгляды С. И. Гессена // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 17. Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. № 1. С. 89-97.

Ширинянц А. А., Агаев Б. В. Генезис проблемы правового социализма в творчестве С. И. Гессена («Политическая свобода и социализм», 1917 г.) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. № 1. С. 3-13.

Шитов А. М. С. И. Гессен и история пражского журнала «Логос» (по неопубликованным архивным материалам) // Философские науки. 2012. № 8. С. 110-119.

Шитов А. М. Судьба и творчество философа С. И. Гессена // Философские науки. 2012. № 8. С. 94-96.

Bober I. Sergiusza Hessena próba przewyciężenia relatywizmu w naukach o kulturze // Z problematyki

filozoficznej i ekonomicznej współczesności / Ed. C. Szczepańczyka. Kielce, 1990. S. 7-33.

Daniłkina N. Filozofia i metafizyka w rozumieniu Sergiusza Hessena / Tłum. D. Wańczyka // Postneokantyzm – ontologizm. Estetyka i Krytyka / Ed. B. Czardybon [i in.]. 2012. № 26. S. 275–285.

Diec J. Koncepcja kultury Sergiusza Hessena // Archiwum Historii Filozofii i Myśli Społecznej. 1998. № 43. S. 195–202.

Gonec V Sergius Hessen a Jan Patocka // Jan Patocka, Tri dopisy Sergiu Hessenovi. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 1998. S. 5-10.

Husak K. Reflection of Philosophical and Pedagogical Ideas of S. Hessen in Contemporary Educational Discourse // Вісник Національного технічного університету України Киї́вський політехнічний інститут. Серія: Філософія. Психологія. Педагогіка. 2013. № 1 (37). С. 10–16.

Kojkoł J. Kultura i wychowanie w filozoficznej wizji edukacji Sergiusza Hessena // Człowiek i kultury. Liber amicorum. Studia poświęcone profesorowi Mirosławowi Nowaczykowi / Ed. Z. Stachowskiego. Warszawa; Tyczyn, 2001. S. 85–98.

Kojkoł J. Posthistoryczne traktowanie wartości: B. Nawroczyński —

S. Hessen – H. Elzenberg // Acta Facultatis Philosophicae Universitatis Presoviensis. Studia Aesthetica. 2009. № 11. S. 124–142.

Kojkoł J. Wartości a wychowanie w personalistycznej wizji edukacji Sergiusza Hessena // Elitaryzm. Mistrz w edukacji / Ed. M. Szczepańskiej. Słupsk, 2001. S. 19–29.

Kucha R., Świdorska M. Sergiusz Hessen (1887–1950) – as creative European educationalist with no homeland // Journal of Intercultural Management. 2013. № 4. S. 81–92.

Kuderowicz Z. Sergiusz Hessen a przełom antypozytywistyczny // Studia Filozoficzne. 1969. № 4. S. 161–164.

Masłowski A. Sergiusz Hessen – filozof kultury // *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Filozofia*. 1982. T. 6 (130). S. 87–98.

Mehlich Julia B. The Transcendental Foundations of the Individual in the Philosophy of Sergei I. Hessen / *Russian Studies in Philosophy*. 2016. V 54. № 5. P. 368–377.

Nowacki T. Wstęp // *Sergiusz H. Filozofia – kultura – wychowanie*. Wrocław, 1973. S. V–XXXVI.

Przybycień K. K. Osobowość w koncepcji pedagogicznej Sergiusza Hessena // *Українська поліштика (Педагогічна дослідження)*. 2007. № 3–4. С. 83–95.

S. I. Gessen's Pedagogical Heritage as a component of European Cultural Tradition In Education // *The Old and New Thinking About Education Spoleczna Akademia nauk* / Ed. R. Kucha, H. Cudak. 2013. P. 489–504.

Styczyński M. Neokantysta Sergiusz Hessen // *Między reformą a rewolucją. Rosyjska myśl filozoficzna, polityczna i społeczna na przełomie XIX i XX wieku* / Ed. A. Ochotnickiej [i in.]. Kraków, 2004. S. 127–140.

Styczyński M. Neokantysta Sergiusz Hessen // *Styczyński M. Ratio a Aóyoę: jedno czy dwoje? O filozofii rosyjskiej, sowietologii i o filozofii politycznej Andrzeja Walickiego. Zbiór rozpraw*. Łódź, 2012. S. 85–98.

Styczyński M. Sergei Hessen, Neo-Kantian // *Studies in East European Thought*. 2004. № 56. P. 55–71.

Styczyński M. Sergei Hessen, Neo-Kantian: Dedicated to Professor Andrzej Walicki // *Studies in East European Thought*. 2004. Vol. 56. № 1. P. 55–71.

Sztobryn D., Sztobryn S. Transcendentalny empiryzm jako postać Hessenowskiego neokantyzmu // *Filozofia wychowania Sergiusza Hessena* / Ed. H. Rotkiewicz. Warszawa, 1997. S. 116–130.

Sztobryn D., Sztobryn S. Zum Leben und Schaffen von Sergius Hessen // *Historiamagistravitae – Vitamagistrhistoriae: Sb. statik 75. Narozeninam Univ. Prof. Dr. J. Cacha*. Praha, 1998. S. 103–114.

Walicki A. Hessen Sergiusz // Filozofia w Polsce: Słownik pisarzy. 1971. S. 112–115.

Walicki A. Sergiusz Hessen: synteza porewolucyjna // Walicki A. Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu. Wybór pism / Tłum. J. Stawińskiego. Warszawa, 1995. S. 419–478.

Walicki A. Siowo wstępne // Sergiusz H. Studia z filozofii kultury. Wyboru dokonał, wstępem i przypisami opatrzył Andrzej Walicki. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968. S. 5–46.

Материалы конференций:

Белов В. Н. Круглый стол «С. И. Гессен (1887–1950) в эмиграции» // Кантовский сборник. 2012. № 4 (42). С. 115–116.

Белов В. Н., Гайнутдинова Р. И. Идея университета: актуальные размышления С. И. Гессена // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы X Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. 2017. С. 246–253.

Бочарова Л. В. Сергей Иосифович Гессен и его «Основы педагогики» // Культура русского зарубежья: прошлое и настоящее. Сборник научных статей. Курск, 2014. С. 283–286.

Владимиров П. А. Проблема самореализации личности в философско-антропологической концепции С. И. Гессена // Многомерное общество и человек в XXI веке. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых по гуманитарным и социальным наукам. 2018. С. 64–67.

Гребешев И. В. Смысл и цель университетского образования в творчестве С. И. Гессена // Высшая школа: опыт, проблемы, перспективы. Материалы IX Международной научно-практической конференции. 2016. С. 118–122.

Данилкина Н. В. Образование и мораль как личностные ценности культуры в концепции С. И.

Гессена // X Кантовские чтения. Классический разум и вызовы современной цивилизации. Материалы международной конференции. В 2-х ч. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 190-199.

Дерюга В. Е. Аксиологический фундамент педагогической концепции С. И. Гессена // Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности. Сборник научных трудов. 2018. С. 348-351.

Дроздов Н. А. Философско-педагогический анализ культуры в работах С. И. Гессена, Д. С. Лихачева, М. К. Мамардашвили // Актуальные проблемы современных педагогических исследований. Сборник научных статей. 2016. С. 185-188.

Жиляева Е. И. Политико-правовой аспект философии образования С. И. Гессена // Корабел XXI века: формирование инновационно-технологической культурной компетенции. Сборник материалов международной научно-практической конференции. 2014. С. 75-79.

Загирняк М. Ю. Влияние философии И. Канта на формирование понятия дисциплины в педагогике С. И. Гессена // Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры. Сборник научных трудов. Томск: Издательство ТОИПКРО, 2014. С. 49-53.

Загирняк М. Ю. Мировоззрение в социальной философии С. И. Гессена // Русофил: русская философия, история и культура. Сборник научных трудов. Калининград: Смартбукс, 2017. С. 113-120.

Загирняк М. Ю. Принципы аксиологии баденского неокантианства в основных понятиях философии истории С. И. Гессена // Міжнародна наукова конференція «Дні науки філософського факультету – 2014». 15-16 квгг. 2014 р. С. 57-58.

Загирняк М. Ю. Рецепция идеи вечного мира И. Канта в философско-правовой концепции С. И. Гессена // Кантовский проект вечного мира в контексте современной политики. Материалы междунар. семинара. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2013. С. 67–73.

Зеткина И. А. С. И. Гессен как историк педагогики // Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья 20-50-х гг. XX века. Тезисы докладов и сообщений 2-й Всероссийской научной конференции. Саранск, 1997. С. 29–31.

Карпова Л. М. Идеи «прикладной философии» С. И. Гессена // Реальность. Человек. Культура: мыслитель в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции. 2018. С. 54–59.

Киржаева В. П. Принципы и характерные особенности строительства советской школы в книге С. И. Гессена и Н. А. Ганца // Евсевьевские чтения. 2016. С. 63–68.

Киржаева В. П., Лаптун В. И., Мариниченко А. И. С. И. Гессен и Н. А. Ганц: история творческого диалога 1920-х – начала 1930-х гг. // Инновационные технологии в образовании и науке. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. 2017. С. 100–103.

Кочетков В. В. С. И. Гессен: российский конституционализм начала XX века и всеобщая декларация прав человека 1948 года // Московский юридический форум. VI Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» – «Гармонизация российской правовой системы в условиях международной интеграции». 2014. С. 158–162.

Кулыгина С. В. «Основы педагогики» С. И. Гессена: история создания и распространения в Европе // Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья. Тезисы Всероссийской научной конференции

по проекту «Национальная школа России». Саранск. 1-2 ноября 1994. С. 43-44.

Первозванская О. А. Теория ценностей образования в философско-педагогической системе С. И. Гессена // Образование. Наука. Культура. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2015. С. 361-365.

Попова О. В. Философия образования: С. И. Гессен // Человек. Культура. Общество. Сборник статей VII Международной научнопрактической конференции. 2015. С. 63-65.

Самойлов Д. Проблемы коммуникации в трудах русских кантианцев А. И. Введенского, И. И. Лапшина, С. И. Гессена // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2011. Т. 1. № 21. С. 58-64.

Сербиненко В. В. О философском проекте университетского образования С. И. Гессена // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. XXII Адлерские чтения. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции к 1150-летию российской государственности и 75-летию образования Краснодарского края. 2012. С. 245-248.

Сербиненко В. В. С. Гессен и Вл. Соловьев: границы кантианской метафизики // Проблемы национальной безопасности России в XX-XXI вв.: уроки истории и вызовы современности. XXV Адлерские чтения. Материалы международной научно-просветительской конференции к 100-летию начала Первой мировой войны и 75-летию начала Второй мировой войны. 2014. С. 231-234.

Сергеева Т. Б. С. И. Гессен: миссия университета // Ресурсы региона: культурно-историческое развитие в контексте науки и образования. Материалы Всероссийской научно-практической конференции / Под

ред. М. Ю. Беляевой, Н. А. Серогодского, Н. С. Балащенко. 2016. С. 270–273.

Суворова И. М. Роль личности С. И. Гессена в истории отечественного образования // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева) Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. 2018. С. 213–215.

Трофимова Г. А. Этноэтика в контексте педагогического наследия С. И. Гессена // Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья 20—50-х годов XX века: Тезисы докладов и сообщений 2-й Всероссийской конференции. Саранск, 1997. С. 54–56.

Фомин А. П. С. И. Гессен как веха // Высшее образование в Санкт-Петербурге – прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной конференции / Отв. ред. А. В. Солдатов. 2003. С. 69–70.

Черненькая С. В. Критика идей К. Маркса в русской философии конца XIX – начала XX веков (С. И. Гессен) // Марксизм и современность. Сборник научных статей по материалам научно-практической конференции, посвященной 190-летию со дня рождения К. Маркса. Сер. Философия: люди и идеи / Под ред. Б. Н. Бессонова, О. А. Сергеевой. 2009. С. 157–163.

Диссертации:

Богатырев А. И. Развитие идей С. И. Гессена в современной педагогике и методике обучения истории. Дис... канд. пед. наук. Екатеринбург, 1999.

Дерюга В. Е. Идеи критической дидактики в философско-педагогическом наследии С. И. Гессена. Дис... канд. пед. наук. Саранск, 1999.

Жиляева Е. И. Проблема человека в социальной философии С. И. Гессена. Дис... канд. философ. наук. Архангельск, 2012.

Данилкина Н. В. Концепция образования в философии С. И. Гессена. Дис... канд. философ. наук. Калининград, 2010.

Жулина Н. В. Проблемы теории и методики начального образования в педагогическом наследии С. И. Гессена (1887–1950). Дис... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2004.

Загирняк М. Ю. Философско-правовые идеи С. И. Гессена: историко-философский контекст. Дис... канд. философ. наук. Москва, 2012.

Очироконнова Н. В. Проблема человека в философии С. И. Гессена. Дис... канд. философ. наук. Москва, 2005.

Пургина Е. И. Учение о ценностях С. И. Гессена. Дис... канд. философ. наук. Екатеринбург, 2000.

Meyer-Bothling H. Das pädagogische System Sergius Hessens: Kritische Interpretation. Dissertation des Doktors der Philosophie. Hamburg, 1958.

Некрологи:

Hans N. Sergius Hessen // The Slavonic and East European Review. 1950. Vol. 29. № 72. P 296–298.

Биншток Г. Памяти С. И. Гессена // Новое русское слово. 1950. 8 июня.

Зеньковский В. В. Памяти Гессена // Возрождение. Литературнополитические тетради. Париж, 1951. Янв. – февр. С. 195–197.

Зеньковский В. В. Страничка из истории русской педагогики (С. И. Гессен) // Вестник РСХД. 1959. № 52. С. 59–60.

Зеньковский В. С. И. Гессен как философ // Новый Журнал. 1951. № 25. С. 209–214.

Незабытые могилы. Российское зарубежье. Некрологи 1917–1997: В 6 т. / Сост. В. Н. Чуваков; под ред. Е. В. Макаревич. М.: Пашков дом, 1999. Т. 2. С. 88.

Степун Ф. А. Памяти Гессена С. И. // Портреты. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 294–298.

Степун Ф. Памяти С. И. Гессена //Новый Журнал. 1951. № 25. С. 215–218.

Разделы книг:

Абрамов А. И. О русском кантианстве и неокантианстве в журнале «Логос» // Кант и философия в России. М., 1994. С. 227–247.

Валицкий А. Глава VII. Сергей Гессен: послереволюционный синтез // Валицкий А. Философия права русского либерализма. Москва: Мысль, 2012. С. 487–557.

«Можете рассчитывать на мое сотрудничество»: С. И. Гессен / Публ., вступ. ст. и примеч. О. А. Коростелева и М. Шрубы // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. Москва: Новое литературное обозрение, 2013. Т. 3. С. 95—206.

Gonec V K tematu Masaryk a rusti myslitele. Novgorodcev, Cernov, Hessen // TGM, Rusko a Evropa. Dilo - vize - pntomnost. Praha: Masarykuv ustav AV CR, 2002. S. 299–313.

Архивы:

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 102. Оп. 1. Д. 829. Л. 96.

Univerzita Karlova v Praze. LA PNP Fond Hessen. S. I. A synove. 3/96.

School of Slavonic and East European Studies Library (личный фонд).

Biblioteka Wydziału Filozofii i Socjologii. Uniwersytet Warszawski (личный фонд).

Hoover Institution Archives (в составе фонда D. Hessen).

Literarni archiv Pamatníku národního plsemnictví (в составе семейного фонда Гессенов).

ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10866. Л. 1,3, 5, 7, 23, 30.

ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 3. Ч. 295. Л. 1 об,
18 об., 20, 21, 25 об., 26 об.; 1905. Оп. 233. Д. 1596. Л. 5-5
об.

Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 1188. Л. 1; Д. 1189 а. Л. 1.

РГАЛИ. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 31. Л. 9-11.

Гессен С. И. - Горнфельду А. Г. Письма (рукописи) // ГПБ.

Ср. 211. Ед. хр. 448.

Гессен С. И. - Метнеру Э. К. Письма (рукописи) // ОР
РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 2.

Сведения об авторах

Белов Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания РУДН, Москва.

Валицкий Анджей - историк польской и русской философии, действительный член Польской академии наук, заслуженный профессор Польской академии наук, Польша.

Ермичев Александр Александрович - доктор философских наук, профессор РХГА, Санкт-Петербург.

Загирняк Михаил Юрьевич - кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантианы Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта, Калининград.

Киржаева Вера Петровна - доктор педагогических наук, профессор кафедры русского языка НИУ МГУ им. Н. П. Огарева, Саранск.

Куликов Владимир Борисович - доктор философских наук, профессор кафедры теории, методологии и правового обеспечения государственного и муниципального управления Института экономики и управления УрФУ, Екатеринбург.

Мелих Юлия Биляловна - доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва.

Найбороденко Любовь Максимовна - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры гуманитарного образования ТОИПКРО, Томск.

Осовский Ефим Григорьевич (1930–2004) - историк образования и педагогической мысли России и русского зарубежья, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий кафедрой педагогики МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранск.

Осовский Олег Ефимович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Саранск.

Сапов Вадим Вениаминович – старший научный сотрудник Института социологии РАН, Москва.

Сербиненко Вячеслав Владимирович – доктор философских наук, профессор философского факультета РГГУ, Москва.

Фоминых Сергей Федорович (1940–2019) – советский и российский историк, Заслуженный профессор НИУ ТГУ, Томск.

Шапошников Лев Евгеньевич – доктор философских наук, профессор, президент НГПУ им. Козьмы Минина, Нижний Новгород.

Шитов Анатолий Михайлович – доктор философии Карлова университета, Чехия.

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования МПГУ, Москва.

Иллюстрации

Усть-Сысольск (ныне Сыктывкар)

Отец И. С. Гессен

Первая Санкт-Петербургская гимназия

От всей души благодарим за помощь в поиске и предоставлении фотографий О. Т. Ермишина, В. К. Кантора, Г. А. Кургиняна, О. Е. Осовского, Р. Ю. Сабанчеева, В. В. Сапова, П. Скорера, Т. И. Филимонову, А. М. Шитова, А. Б. Шишкина, С. Штобрына, Т. Г. Щедрину, В. В. Янцена, а также Государственный архив Российской Федерации (Москва), Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Архив Российской академии наук (Москва), Дом Плеханова Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Музей истории Томского государственного университета (Томск), Отдел рукописей Национальной библиотеки

ПРАВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1902 г.

№ 41.

Воскресенье 6 Октября.

„Право“ издается в С.-Петербурге под редакцией приват-доцента В. М. Гессена и Н. В. Лазаревского и при ближайшем участии: I. В. Гессена, прив.-доц. А. И. Каминки, проф. В. Д. Кузьмина-Карповца, В. Д. Набокова и проф. А. И. Петражицкого.

Содержание: 1) Къ вопросу о „возрожденіи естественнаго права“ и нашей программѣ. Проф. А. И. Петражицкаго. — 2) Къ вопросу о рабочемъ дѣлѣ въ исправительно-воспитательныхъ учрежденіяхъ для несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. Ф. Маллинка. — 3) Давность, погашающая срочныя выдачи изъ тюрьмы. Н. Саго. — 4) Судебные отчеты: а) Прав. Сенатъ, Засѣд. угол. касс. деп. 30 сентября. б) С.-Петербургская уголовная палата. (Сопротивленіе властямъ); в) С.-Петербургская судебн. палата. (Нанесеніе ранъ арестантами); г) Московская судебная палата. (Покушеніе на убійство начальника тюрьмы); д) Харьковскій окр. судъ. (Покушеніе на отцеубійство); е) Проскуровский мировой съездъ. (Отказъ въ восстановленіи пропущеннаго срока). — 5) Дѣянія правительства. — 6) Хроника. — 7) Диспутъ П. И. Новгородцева. — 8) Отвѣты редакціи. — 9) Справочный отдѣлъ (послѣ текста и на обложкѣ). — 10) Объявленія.

РЕДАКЦИЯ (Звенигородская, 22. Телефонъ — 2967) открыта для личнаго объясненія по пятницамъ отъ 12 час. до 2 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ необходимости, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Непечатанныя статьи возвращаются по представленію надлежскаго количества марокъ на ихъ пересылку. Подписка цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу на годъ — 10 руб., отдѣльные номера продаются по 20 коп.

За перемѣну адреса уплачивается: городского на многогородный 50 к., многогороднаго на многогородный — 20 к.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Загородный пр., 2) открыта отъ 11 час. до 3 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней.

Къ вопросу о „возрожденіи естественнаго права“ и нашей программѣ.

По поводу диссертации П. И. Новгородцева: „Кантъ и Гегель въ ихъ ученіяхъ о правѣ и государствѣ“ (1901 г.).

Въ своей почтенной монографіи о Кантѣ и Гегелѣ авторъ проводитъ идеи, которыя касаются крупныхъ и важныхъ, отчасти даже программныхъ, проблемъ философіи права и юриспруденціи вообще заслуживаютъ серьезнаго вниманія и обстоятельнаго публичнаго обсужденія.

Въ основѣ правно-философскаго міросозерцанія автора лежитъ его принадлежность къ тому недавно возникшему и съ удивительною силою и быстротою растущему теченію, которое характеризуется какъ „возрожденіе естественнаго права“. Это вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ разрывъ съ пошло-практическимъ направленіемъ юриспруденціи второй половины XIX вѣка и движеніе въ противоположномъ направленіи правно-философскаго идеализма.

Противъ этого оппоненту, который въ томъ же направленіи работаетъ въ литературѣ съ 1892 г., разумѣется, спорить не приходится.

¹⁾ Изъ возраженій на диспутъ 22 сент. Примѣчанія къ тексту представляють послѣд. добавленія.

Напротивъ, здѣсь находится то „согласіе въ необходимости“, о которомъ диспутантъ упомянулъ въ своей вступительной рѣчи, и на почвѣ котораго, при наличности доброй воли и искренняго желанія, вполне возможно и достижимо полное взаимное пониманіе, соглашеніе относительно программы научной дѣятельности и дружная работа для ея осуществленія.

Пока желательное согласіе относительно программы и смысла „возрожденія естественнаго права“, повидимому, отсутствуетъ.

Какъ въ настоящей диссертаци, такъ и въ своемъ весьма цѣнномъ и выдающемся трудѣ: „Историческая школа юристовъ“ авторъ подъ естественнымъ правомъ разумѣетъ нравственныя сужденія о положительномъ правѣ; смыслъ и оправданіе школы естественнаго права усматриваетъ онъ въ возможности нравственной критики нормъ положит. права.

Такимъ оправданіемъ авторъ, самъ того не замѣчая и не желая, именно лишаетъ признанія и оправданія идею естественнаго права и соответственныя ученія. Ибо нравственныя сужденія и нравственная оцѣнка явленій относятся именно къ нравственности, и называть ихъ естественнымъ или какимъ бы то ни было правомъ отнюдь не слѣдуетъ, подъ страхомъ смѣшенія разнородныхъ понятій; точно также не слѣдуетъ относить доктрины, посвященныя

Л. И. Петражицкий

В. Д. Набоков

В. М. Гессен

ANEKS 3. WYBRANE KOPIE DOKUMENTÓW
 POTWIERDZAJĄCYCH DROGĘ EDUKACYJNĄ
 SERGIUSZA HESSENA, POZOSTAJĄCE
 W PRYWATNYCH ZASOBACH PROF. SŁAWOMIRA
 SZTOBRYNA

Universität Heidelberg.

Studien- und Sittenzugnis.

A. No. 833 Dem Herrn *Sergiusz Hessen*
 Taus 10 M. geboren zu *Ust-jmolok (Russl.)*
 Sohn des *Johann Georg Hessen, Rektors*
des jüd. jüdisch. Hems' in St. Petersburg
Zwenigorodshaja 22 beurkunden wir
 hiermit, dass er auf Grund eines Reifezeugnisses des Real-Gymnasiums, der Ober-
 realschule
 eines Abgangszeugnisses der Universität *technischen Hochschule*
 — genügender Zeugnisse — Ergänzungsarbeiten
 am 4 NOV 1905 als Studierender der *philos.*
 bei uns immatrikuliert worden ist, sich bis zum Schluss des *Winter*
 Semesters 1905/6 *beurden* — darüber aufgehalten, und laut der vor-
 gelegten Zeugnisse folgende Vorlesungen besucht hat.

- 1805/6*
- 1. *Logik und Erkenntnistheorie* - *Dr. Lach*
 - 2. *Logik der Erkenntnistheorie* - *Dr. Leon*
 - 3. *Philosophie des modernen Denkens* - *Dr. Sellmer*
 - 4. *Philosophie der Natur* - *Dr. Sené*
 - 5. *Kant's Prinzipien* - *Dr. Windelband*

Großherzoglich Badische
Universität Heidelberg.

Anmeldung

für das Winter – Sommer-Semester 1905/6

1. Vor- und Zuname: *H
Sergius Hessen*
 2. Geburtstag: *4 August 1887*
 3. Geburtsort und Land resp. Provinz: *Ust-Hodsk, govor. Yelozia im
Russland.*
 4. Studium: *Philosophie*
 5. Vor- und Zuname, Stand und Wohnort (Straße)
des Vaters, der Mutter oder des Vormundes:
*Joseph Hessen, Hofrath, redacteur der jun. Zeitung
„Pravda“, Petersburg (Russland), Iwenigrodskaja, 22.*
 6. Religion: *rusisch-orthodox*
 7. Dießige Wohnung, (nämlich Straße und No. des
Hauses und Name des Vermieters): *Heidelberg, Gärtnerstraße, 20²
Kaya*
- Zur Richtigkeit dieser Angabe bezeugt:
Heidelberg, *Si. X* 1905
- Hinterchrift des Studierenden: *Hessen*

Копии документов, подтверждающих образование С.
И. Гессена в университете Гейдельберга

В. Виндельбанд

Г. Еллинек

Г. Риккерт

Генрихъ Риккертъ.

ФИЛОСОФІЯ ИСТОРИИ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С. ГЕССЕНА

съ предисловіемъ автора къ русскому изданію.

Издание Д. Е. Жуковскаго
1908.

Риккерт Г. «Философия истории».
1908 г.

Kantstudien.

Philosophische Zeitschrift

unter Mitwirkung von

E. Adickes, E. Boutroux, J. E. Creighton, W. Dilthey, B. Erdmann, R. Eucken
P. Meuser, A. Riehl, Fel. Tocco, W. Windelband

und mit Unterstützung der „Kantgesellschaft“

herausgegeben von

Dr. Hans Vaihinger, und Dr. Bruno Bauch,
Professor in Halle, Privatdozent in Halle.

Die „Kantstudien“ erscheinen in zwanglosen Heften, welche zu Bänden zusammengefasst werden. Der Preis des Bandes von ungefähr 30 Bogen oder ca. 500 Seiten in 8° beträgt Mk. 12.—.

Die Kantstudien haben in ihren bis jetzt erschienenen dreizehn Bänden eine grosse Fülle von Beiträgen gebracht. Unter den hauptsächlichsten Mitarbeitern erwähnen wir E. Adickes, Busse, Cassirer, Dilthey, Eucken, Oskar Ewald, Höfding, Höfler, E. König, Kühnemann, O. Külpe, Lasswitz, Liebmann, Meinong, Natorp, Paulsen, Reiche, Rickert, Riehl, Simmel, Stadler, Staudinger, Tocco, Troetsch, K. Vorländer, Windelband, Th. Ziegler u. v. a.

Als Supplemente zu den Kantstudien erscheinen vom XI. Bande ab je 3—4 „Ergänzungshefte“, deren jedes eine grössere abgeschlossene Abhandlung enthält. Die Abonnenten der „Kantstudien“ können diese „Ergänzungshefte“ zu einem um ca. 25% ermässigten Preise beziehen. Ein spezielles Verzeichnis der bis jetzt erschienenen Ergänzungshefte findet sich am Schlusse dieses Heftes, und ist auch von der unterzeichneten Verlagsbuchhandlung entweder direkt oder durch Vermittlung jeder Sortimentsbuchhandlung zu beziehen.

Alle grösseren Buchhandlungen nehmen Bestellungen auf die Zeitschrift an und können das neueste Heft zur Ansicht vorlegen.

Berlin W. 35, Genthinerstr. 40.

Herbst 1909.

Reuther & Reichard.

Jahresmitglieder der „Kantgesellschaft“ erhalten die „Kantstudien“, sowie die „Ergänzungshefte“ derselben gratis. Satzungen der „Kantgesellschaft“ durch Prof. Dr. Vaihinger in Halle a. S., Reichardtstrasse 15, an den auch Beitrittserklärungen zu richten sind.

Kantstudien Band I—XIII!

Neueintretenden Subscribenten auf die Kantstudien sind wir bereit, die bisher erschienenen Bände I—XIII statt zu M. 150,— zu M. 117,— zu liefern, **sofern diese 13 Bände auf einmal bestellt werden.**

Bestellungen hierauf ist jede grössere Buchhandlung in der Lage anzunehmen.

Berlin W. 35.

Reuther & Reichard.

„Kantstudien“.

Ergänzungshefte im Auftrag der Kantgesellschaft

herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. No. 15.

Individuelle Kausalität.

Studien zum transzendentalen Empirismus.

Von

Dr. Sergius Hessen.

Berlin,

Verlag von Reuther & Reichard

1909.

Hessen S. «Individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus». 1909 г.

Ф. А. Степун

Б. В. Яковенко

ЛОГОСЪ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕЖЕГОДНИКЪ ПО ФИЛОСОФІИ КУЛЬТУРЫ.

РУССКОЕ ИЗДАНИЕ.

Выходить 2 раза въ годъ книжками, въ 15—18 листовъ каждая.

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ:

В. Вернадскаго, И. Гревса, Ө. Зѣлинскаго, Б. Кистяковскаго,
А. Лаппо-Данилевскаго, Н. Лосскаго, Э. Радлова, П. Струве,
С. Франка, А. А. Чупрова.

КНИГА ВТОРАЯ.

Книгоиздательство «МУСАГЕТЪ».
Москва.—1910.

СОДЕРЖАНИЕ:

- В. Виндельбандъ (Гейдельбергъ). Философія культуры и трансцендентальный идеализмъ.
К. Гоэль (Базель). Опасности современнаго мышленія.
Б. Кроче (Неаполь). О такъ называемыхъ сужденіяхъ цѣнности.
Г. Зиммель (Берлинъ). Къ вопросу о метафизикѣ смерти.
С. Франкъ (Петербургъ). Природа и культура.

Э. Трѳльчъ (Гейдельбергъ). О возможностяхъ христіанства въ будущемъ.

- И. Конъ (Фрейбургъ). Странническіе годы «Вильгельма Мейстера».
Л. Циглеръ (Карльсруа). Объ отношеніи изобразительныхъ искусствъ къ природѣ.

Б. А. Кистяковскій (Москва). Реальность объективнаго права.
Андрей Вѣлый (Москва). Мысль и языкъ (философія языка А. А. Потебни).

Б. Яковенко (Москва). Обзоръ итальянской философіи.
Библиографія.

Рецензіи о книгахъ: Введенскаго, Васильева, Natorp'a, Schelling'a, Гераклита, Amrhein'a, Hessen'a, Bouasse etc., Cohen'a.
Замѣтки: В. Джемсъ.—IV международный философскій конгрессъ.—Новая тема на премію Кантовскаго О-ва.—Книгоиздательство «Путь».

Русское изданіе «Логоса» издается подъ общей редакціей С. I. Гессена (Петербургъ), Э. К. Метнера и Э. А. Степуна (Москва). Рукописи и запросы просятъ направлять по адресу книгоиздательства «Мусагетъ» (Москва, Пречистенскій бульваръ, д. 31, кв. 9), съ надписью «для Логоса».

Кромѣ русскаго издается еще нѣмецкое изданіе (выходитъ 3 раза въ годъ книжками въ 8 листовъ каждая) подъ общей редакціей: Г. Мелиса, Р. Кронера (Фрейбургъ въ Бр.), А. Руге (Гейдельбергъ), при ближайшемъ участіи: Макса Вебера, Виндельбанда, Г. Вѳльфина, О. Гирке, Гуссерля, Зиммеля, Мейнеке, Риккерта, Трѳльча, Фосслера, Эйкена. Книгоиздательство И. Ц. Б. Моръ (П. Зибекъ) въ Тюбингенѣ.

Съ 1911—12 года предполагается основаніе новыхъ національныхъ редакцій, тѣмъ болѣе, что уже теперь цѣлый рядъ выдающихся иностранныхъ ученыхъ обѣщали «Логосу» ближайшее участіе: А. Бергсонъ, Э. Бутру и Э. Меерсонъ для Франціи, Бенедетто Кроче и Бернардино Вариско для Италіи, Гуго Мюнстербергъ и I. Ройсь для Америки.

Съ 1911 года русскій «Логосъ» будетъ выходить три раза въ годъ, книжками по 10—12 листовъ каждая. О подпискѣ на 1911 годъ будетъ объявлено особо.

Журнал «Логосъ» (титул и содержание). 1910 г.

Э. Ласк, Г. Риккерт, Ф. Степун. 1912 г.

Б. А. КИСТЯКОВСКИЙ

М. К. Морозова

Вороному Борису Александровичу
Кистьяковскому с сердечными
поздравлениями
от автора.
Ураганов 1915.

Инскрипт С. Гессена Б. А. Кистьяковскому на статье
«Идея нации». 1915 г.

Вяч. И. Иванов

«Башня» Вячеслава Иванова
(Доходный дом Дернова)

В. Э. Сеземан

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Полупериодическое издание, выходящее под редакцией
Н. О. ПОССЯГО и Э. Л. РАДЛОВА.

СБОРНИКЪ № 7.

Теорія познанія III.

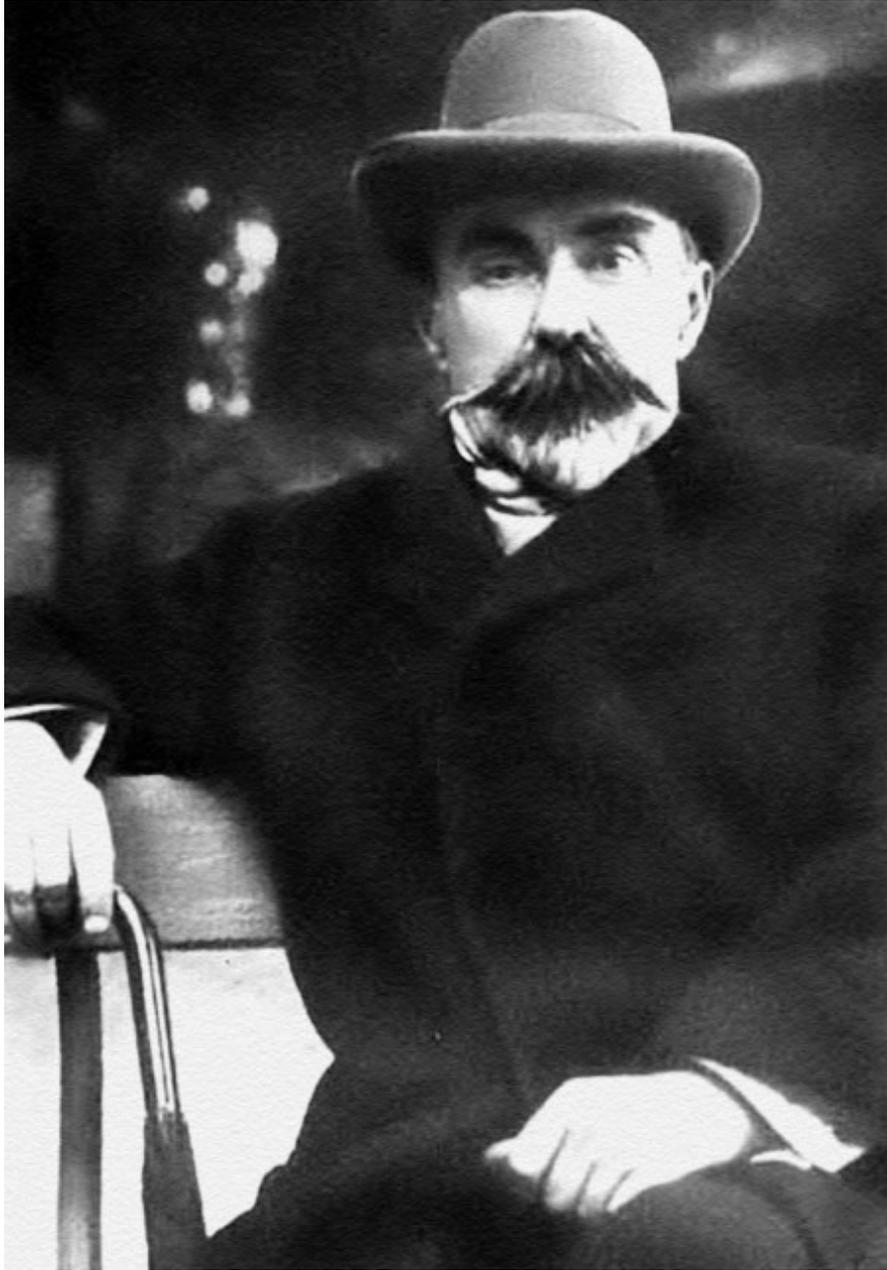

Изд-ство „Образование“ СПб.
1913.

«Новые идеи в философии». 1913 г.

С. И. Гессен

Г. В. Плеханов

„БИБЛІОТЕКА СВОБОДНАГО ГРАЖДАНИНА“,

подъ ред. С. В. Вознесенскаго.

№ 3. ОТДѢЛЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ. № 3.

Пр.-доц. С. І. ГЕССЕНЪ.

Политическая свобода
и
соціализмъ.

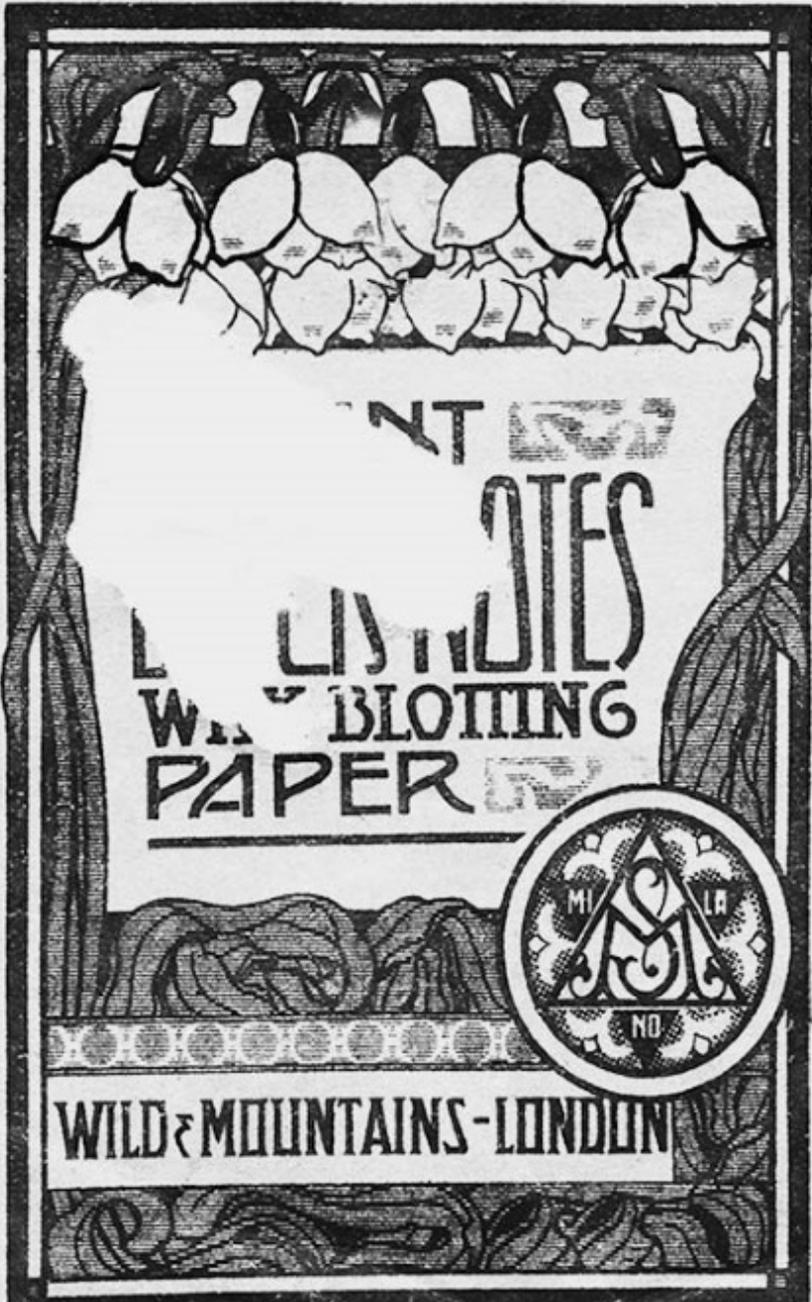
Цѣна 45 коп.

ПЕТРОГРАДЪ,
Издание Н. Н. КАРВАСНИКОВА.

«Политическая свобода и социализм». 1917 г.

Копия титульного листа книги Генриха Риккерта «Науки о природе и науки о культуре», присланной Г. В. Плеханову редакцией для отзыва. 1911 г.

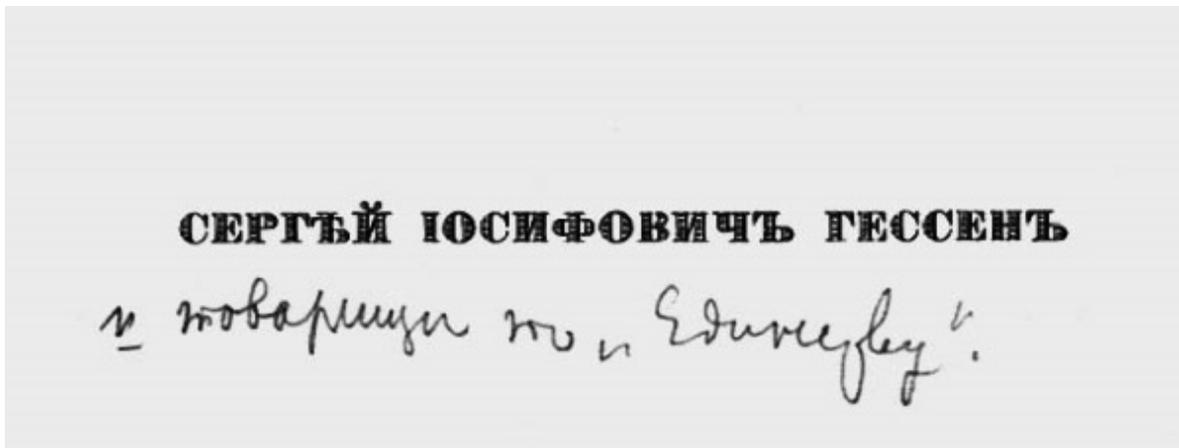
WILD & MOUNTAINS
BLOTTING
PAPER

WILD & MOUNTAINS - LONDON

5 Риккерт,¹
Труды и статьи
в книж. № 92.²
92.
3 93-0 Рикке.³ Должны
быть сомнения научные
исследования на то, что
они ~~не~~ индивидуальны
индивидуальны?
94. - Все по научному
мне при научном
методе, и так же

Копии обложки тетради № 195 и л. 3 - первой
страницы выписок к статье Г. В. Плеханова «О книге Г.
Риккерта»

Визитная карточка С. И. Гессена, члена группы «Единство»

Томский университет

Преподаватели и студенты ИФФ Томского университета.
25 августа 1921 г.

Об'єднання Російських Земських і Городських Діячел в Чехословацкій Республіцѣ.

Анкетно-регистраційна карточка № 4815

Лит. 1

Місце і время регистрації: гор. Прага мѣ. Мейстерска дня 11 1923 года.
Фамилія Гессен Імя Сергій Отчество Готлибович
Год и місяц рожденія 1887 4/III Мѣсто рожденія: гор. Усть-Сисальск, губ. Вологодскій
Адрес: Кингсгаду Братоміона 6-12.

Семейное положеніе:
Холост или женат Женат.
Имя и отчество жены Анна Лозарч.
Возраст жены 1886 3/IV.
Есть ли діти, сколько и гдѣ находятся 2. Сергій.
Полчисленіе имен и возраста дѣтей Евгений 13, Александр 7.
Гдѣ находится семья или родные (их адрес) Германия.
Имеется кто либо из родных за границей
Гдѣ
Материальное положеніе.
Имеется ли какой либо заработок 99.
Его размѣр
Гдѣ служит
Нуждается ли в матеріальной помощи, какою

Паспорт.
1. По какому паспорту прибыл в Чехословакію
2. Откуда Германия
3. С визой
4. Без визы
5. Транзит
6. Какие иные документы являются в доказательство правильности требуемых сведений
На основаніи паспорта выдан. Главнымъ полиціи. Коп. пр. Велет. да 24/IV от 19/IV 23

Общие вопросы.
Нужен ли вид на жительство да
Гдѣ находился с момента выезда из Россіи Германия.
Чѣм занимался до сих пор за границей Профессор.
Чѣм занимается и гдѣ живет в Чехословакіи
Если жительство временное, то когда и куда предполагаетъ переселиться на постоянное
На чей счетъ прибыл в Чехію Собственнымъ.
Когда и по какому причинѣ покинул Россію
Чѣм занимается и гдѣ жил в Россіи
В какомъ мѣсто выезда Петроградъ декабрь 1921.
Чѣм занимается и гдѣ жил в Россіи Профессор.

Образовательный ценз.
Граждет или нѣтъ
Гдѣ получил образованіе
Кто
Въшел
Какіе знает языки
Желает ли получить какое либо образованіе
Желает ли обучать своих дѣтей
Вопросы труда.
Какое знает ремесло
Нуждается ли в работѣ
Не желает ли изучить спец. ремесло
Спец. вопросы для военно-пл.
Когда попал в плѣн
Гдѣ
Черезъ какіе лагеря прошел
Состоит ли в союзѣ военнопленных
Подпись заявителя
Сергій Гессенъ

Секретарь

Дѣлопримоланіи

Регистрационная анкета С. И. Гессена для въезда в Чехословацкую республику. 1923 г.

С. И. ГЕССЕН

ОСНОВЫ
ПЕДАГОГИКИ

ВВЕДЕНИЕ В ПРИКЛАДНУЮ
ФИЛОСОФИЮ

1 9 2 3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»
БЕРЛИН

«Основы педагогики. Введение в прикладную философию». 1923 г.

С. И. Гессен и Б. В. Яковенко в Праге. 1920-е гг.

20 Years
since foundation

RUL, russische demokratische Tageszeitung
Gründet von S. Maslow, Prof. A. Kautsky, W. Rubanoff

Содержание: В Берлине и в Париже, в Вашингтоне и в Лондоне...
1. Массовый забой в Берлине и в Париже...
2. Массовый забой в Вашингтоне и в Лондоне...
3. Массовый забой в Берлине и в Париже...
4. Массовый забой в Вашингтоне и в Лондоне...

Выходит ежедневно в Берлине
Wochenlag-Ausgabe Nr. 81

№ 1029-й Четверг 24 апреля 1924 г. 5-й г. изд.

Сегодня в номере

Выпуск
Из истории войны — проф. А. А. Нестляков, Ильямов Казим — Сергей, Людмила Кривая.

В Берлине, 24 апреля.
Николаев был возмущенно...
В Берлине, 24 апреля.

Требования Франции.

(От собственного корреспондента)

Париж, 24.4.
По сообщению «Дейли Телеграф»...
Париж, 24.4.

(От собственного корреспондента)

Париж, 24.4.
По сообщению «Дейли Телеграф»...
Париж, 24.4.

Въ советской волости.

Последние сообщения...
Въ советской волости.

В Берлине, 24 апреля.
Николаев был возмущенно...
В Берлине, 24 апреля.

Занять для Германии.

(От собственного корреспондента)

Париж, 24.4.
«Министры сообщают, что...
Париж, 24.4.

Завоевание Троицкого.

(От собственного корреспондента)

Москва, 24.4.
Въ борьбе за...
Москва, 24.4.

Занять для Германии.

(От собственного корреспондента)

Париж, 24.4.
«Министры сообщают, что...
Париж, 24.4.

Завоевание Троицкого.

(От собственного корреспондента)

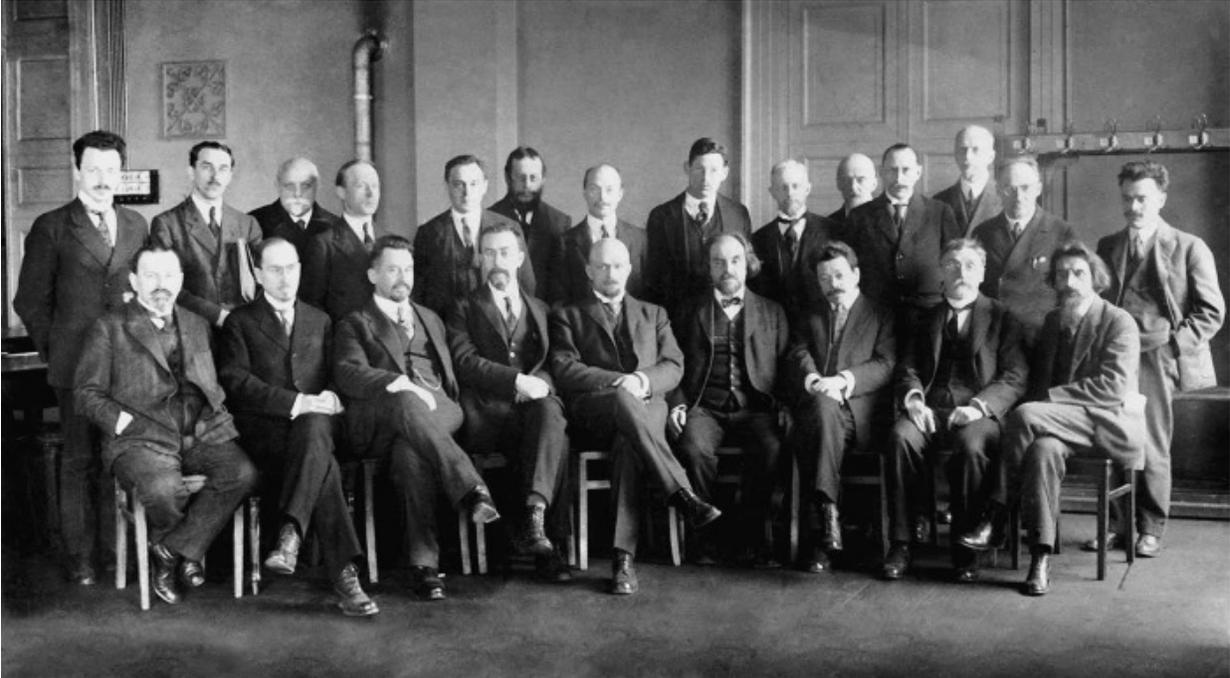
Москва, 24.4.
Въ борьбе за...
Москва, 24.4.

В Берлине, 24 апреля.
Николаев был возмущенно...
В Берлине, 24 апреля.

Париж, 24.4.
По сообщению «Дейли Телеграф»...
Париж, 24.4.

Париж, 24.4.
По сообщению «Дейли Телеграф»...
Париж, 24.4.

Въ советской волости.
Последние сообщения...
Въ советской волости.

Слева (верхний ряд) В. Э. Сеземан, Б. П. Вышеславцев, А. А. Эйхенвальд, А. А. Боголепов, Л. М. Пумпянский, И. А. Стратонов, С. И. Гессен, А. П. Марков, М. А. Таубе, С. К. Гогель, А. И. Угримов, И. А. Ильин, Б. Д. Бруцкус, неизв. лицо. Слева (нижний ряд) А. И. Каминка, М. М. Новиков, Вс. Вик. Стратонов, С. Л. Франк, Вс. И. Ясинский,

Н. А. Бердяев, Ю. И. Айхенвальд, С. Н. Прокопович, Л. П. Карсавин. Заседание Русского научного института. Берлин, 1923 г. Идентификация лиц Т Г Щедриной

РУССКАЯ ШКОЛА

за рубежом

Книга 24

1927

ПРАГА

Издание Объединения Земских и Городских
Деятелей в Чехословакии.

«Русская школа за рубежом». 1927 г.

**СБОРНИК
СТАТЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ПАВЛУ НИКОЛАЕВИЧУ
МИЛЮКОВУ**

1859-1929

П Р А Г А

1929

Сборник статей, посвященных Павлу Николаевичу
Милюкову.
1929 г.

ANNALES CONTEMPORAINES

**СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПИСКИ**

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
и ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ

XXXIX

1929

ПАРИЖЪ

«Современные Записки». 1929 г.

BRITISH MUSEUM.

The Reading Room

Printed at the Oxford University Press

Лодзі, ул. Нарutowicza 128
29. VIII. 46.

Meine lieben, teuren Freunde,

Es war für mich wirklich eine große Freude, Ihren Brief zu erhalten. Ich habe so lange von Ihnen nichts gehört, auch nicht einmal wusste, ob es Sie schließlich doch gelungen ist, das östliche Reich noch rechtzeitig zu verlassen. Im letzten Brief, den ich im Frühjahr 39 von Ihnen erhalten habe, schreiben Sie mir, daß Sie eben hoffen, zu Ihnen oder nach England fahren zu können. Seitdem aber keine Nachricht von Ihnen u. d. daa - der Krieg. Erst von einigen Tagen heram ist von Tod-zemskij ein Brief, in dem er mir schrieb, daß Sie leben und in Zug. sind, ohne aber Ihre Adresse mitzuteilen. Und nun heute sehe ich wiederum nach 40 Jahren Ihre Liebe, so charaktervolle, "weise" (würde Fröhen sagen) Handschrift. Es wäre mir frechtler schwer, ja fast unmöglich, über das was Krieg erlebt genau zu berichten. Wenn ich selber jetzt davon Rede, so glaube ich kaum, daß das Alles wirklich geschah, ja geschah kann. Ob nun andere, die nichts Ähnliches erlebt haben, das auch glauben werden? Also beschränke ich mich zu meinem kurzen Bericht auf wenige Haupttatsachen.

Meine erste Frau, Nina, verheiratet mit unserem älteren Sohn Eugen in Prag, als der Krieg ausbrach. Wir korrespondierten miteinander regelmäßig seit der Übernahme der Postverwaltung Warschau - Prag im 1940, und es gelang mir sogar, ihr von Zeit zu Zeit Geld zu überweisen (illegal). Ende 42 erhielt ich von ihr ihre letzte Karte aus Prag, in der sie mir schrieb, daß sie Prag verlassen muß und ins Hubersand fährt, sagte mir auch auswiesungsjahre von ihrer Lebenszeit. Seitdem keine Spur, ich weiß nicht mal, in welchem Lager sie von den Hitler-Katzen umgebracht wurde. Eugen wurde einige Monate später verhaftet, dann ins Lager geschickt, eine Zeit lang arbeitete er auf einem Landgut, dann wieder ins Lager gebracht. Ich hatte durch Prager Freunde

Nachrichten über ihn und Konat, das sagt er Zeit zu Zeit Paarte
auf demselben Wege schicken. Nach dem Warschauer Aufstand (1944)
verlor ich die Spur von ihm, und erst später erfuhr ich folgendes:
er lebte noch bis zum April 45 in einem Lager südwest von Breslau, er
erwartete dann die Besetzung und wurde nach Prag abtransportiert.
Nur aus Hateschuldigen: er befand sich unter den im letzten
Monat "Wasserväter", von denen keiner mehr gesehen wurde. Nicht
unter den, schon Kranken, die nicht mehr gehen konnten und die man
in der Eile kochieren ließ — von denen aber viele nach der Befreiung
von den Russen gerettet und zur Gesundheit gebracht worden sind!

Mein jüngerer Sohn, Mitia, kämpfte 1939 als Freiwilliger, wurde
gefangen, flüchtete aber glücklich während des Abtransports nach
Deutschland. Er lebte mit mir in Warschau bis zu seiner Heirat (mit
Polin), dann im Warsch. Aufstand wurde er verwundet und ins Ge-
fangenenlager gebracht, wo er im Lazarett zunächst war, dann im
Zurück der Lazarets verwundet wurde — bis zur Befreiung durch die
Russen. Er ist in Stettin tätig, kommt aber bald in den Staatsdienst
nach Warschau, dann wird er nahe von mir und wird sich öfter be-
gesehen können. Er hat ein 2-jähriges Töchterchen. Seine Lebensfrau auch ist
er Student und Literatur.

Nach ihm und meine liebe Frau, deren Vorgesetzter, Bronia
und hat), aber auch glück ich es zu sehen, dass ich leben und noch
Arbeitsfähig bin. Wie Bronia in Warschau, erlebten die Belagerung
1939, später waren beide im gelehrten Unterrichte tätig, meine Frau
— in Polin der höheren Schule, ich — in akademischen. Insbesondere
verdienten wir auch durch Privatstunden in Fremdsprachen, ich
hielt auch Vorträge über sozialphilosoph. Themen in privaten Kreisen
und Jugendorganisationen. Alle freilich in großer Konspiration.
Mit der Zeit gewöhnte man sich daran, was man an die Haus-
Straßen, an die langen Mauer ohne elektr. Licht, an die Dunkel-
sindungen und Menschenfang auf den Straßen und in Häusern sich
gewöhnt hat. Auch erfuhr man Gegenmittel dazu. Als wegen der
Kontakte mit der Jugend der Grund unter den Tischen zu brennen
begann, mussten wir für einige Monate aus W. vertrieben werden. Bisher

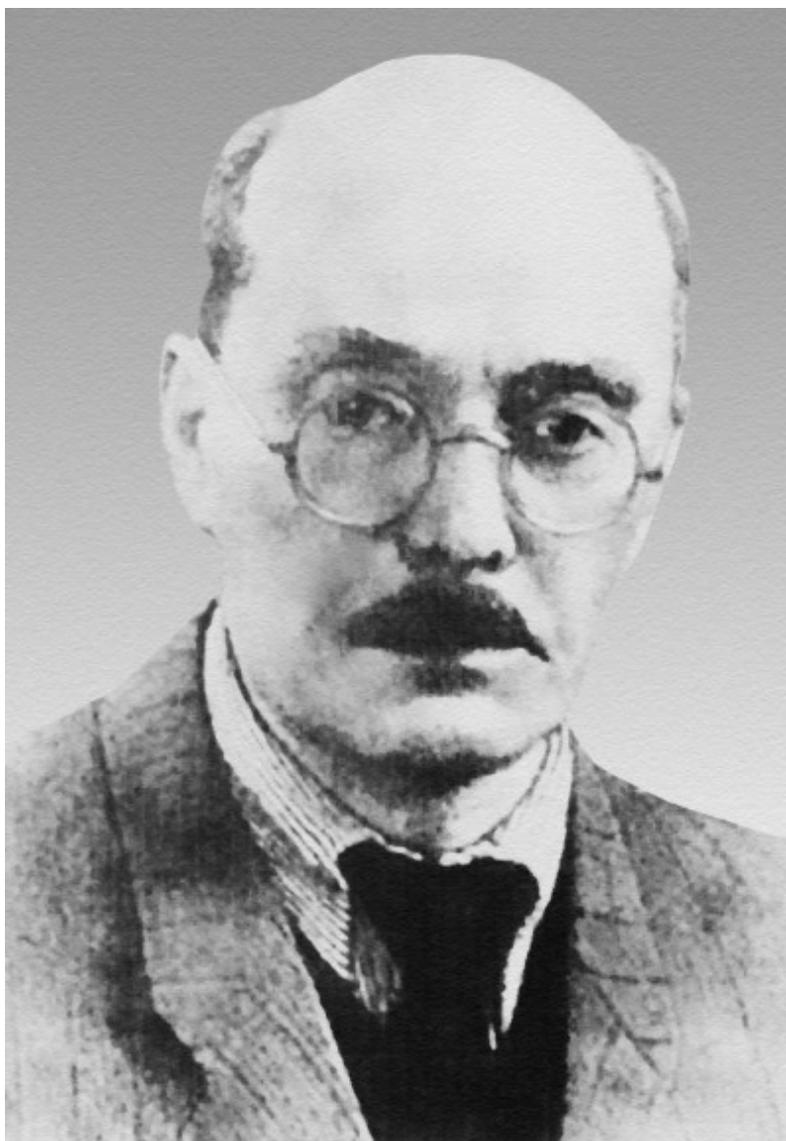
Письмо С. И. Гессена Й. Кону. 1946 г.

Hessen, Prof. Sergiusz
Prof. Sergiusz Hessen
Łódź, ul. Narutowicza 128 m.6

Łódź, 16. VIII. 47.

Дорогой Александр Иванович,
UB Heidelberg
По возвращении из Лодзи я узнал Вашу историю,
которая меня потрясла в дух предвозвещающих оу-
копечий. Восхищает меня энергия: вы, что вы
сидите в лагерях — это ведь работа нескольких лет,
а вы, очевидно, казнили его в 2-3 года. Ра-
зумее, что у вас не хватает времени даже для
«франкофа» — вы не могли увидеть и «процедуру»
как можно скорее удаляете сами книги. Хотели
мне изречься. по теме: русские войны и войны.
уже русский ар., а также известно, что вы сами вы
руши. светом. Когда уже, наконец, урания вы
сражались будет ликвидирована, и можно будет
облажаться не только изымать, но и востан-
лю! — Попробуйте также написать своим
отомкеним в архивной и выиграть. Вы не ба

Письмо С. И. Гессена Д. И. Чижевскому. 1947 г.

Портрет С. И. Гессена

notes

Примечания

1

Если посмотреть на публикации последних лет, то статей, посвященных педагогическим идеям Гессена, гораздо больше, чем философских. Хотя, конечно, стоит отметить круглый стол, посвященный 125-летию со дня рождения мыслителя, который состоялся в 2012-м году в Чешской республике.

Впервые опубликовано: Гессен С. И. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1998. С. 3-28.

З

См., например, переиздание его «Основ педагогики» (М., 1995) или целый ряд выступлений, посвященных педагогической деятельности С. И. Гессена на Всероссийской научной конференции «Образование и педагогическая мысль российского зарубежья» (Саранск, ноябрь 1994 г.).

Таково недавнее высказывание во вступительном слове к одной из последних публикаций работ Гессена: «...главное, что сделал С. И. Гессен для русской философии и культуры – его руководящая роль при создании «Международного ежегодника по вопросам культуры», журнала «Логос» (Ермичев А., Травничкова-Пушкина М. Введение к публикации: Сергей Гессен. Новейшая русская философия // Преображение. Христианский религиозно-философский альманах. Вып. 2. СПб., 1994. С. 8).

Автобиография под названием «Мое жизнеописание» написана Гессеном в 1947 г. по заказу итальянского издательства «Avio» (См.: Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 723-782).

См.: Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 728.

См.: Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. М., 1912/1913. С. 183-232.

Прот. В. Зеньковский. Памяти С. И. Гессена // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1951. Январь-февраль. С. 195.

См.: Гессен С. И. Политическая свобода и социализм.
Пг., 1917.

См. об этом: Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 749. Впервые в полном, переработанном автором виде книга С. И. Гессена «Правовое государство и социализм» напечатана в: Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 147–543.

Речь идет о большом труде «Мнимое и подлинное преодоление капитализма», о работе над которым Гессен рассказывает в своем «Жизнеописании». См.: Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 769.

См.: Зеньковский В. Памяти С. И. Гессена // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1951. Январь-февраль. С. 195; Он же. С. И. Гессен как философ // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1951. № 25. С. 209-214.

Степун Ф. Памяти С. И. Гессена // Новый Журнал.
Нью-Йорк, 1951, № 25. С. 215-218.

В серии «I problemi della pedagogia» вышло 9 работ Гессена; помимо чисто педагогических сочинений были изданы также «Платоновские и евангельские добродетели» (1952) и «Мое жизнеописание» (1956).

См.: Hessen S. Структура и трѣс школы современной. Wyd. 2. Wrocław, 1959; Hessen S. Studia z filozofii kultury. Słowo wtsepne: A. Walicki. Warszawa, 1968; Hessen S. Filozofia. Kultura. Wychowanie. Wstępn.: Nowacki. Wyb. i oprac.: M. Hessenowa. Wrocław: Ossolineum, 1973.

См.: Гессен С. Основы педагогики: введение в прикладную философию. Берлин, 1923. Введение. Ср. также: Hessen S. Filozofia, kultura, wychowanie. S. 27-38.

Hessen S. O sprzecznościach i jedności wychowania. Zagadnienia pedagogiki personalistycznej. Lwów-Warszawa, 1939. S. 236.

См.: Гессен С. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. Достоевского и В. Соловьева // Современные записки. Париж, 1931. Т. 45-46. См.: Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 609-677.

Существуют разные точки зрения на степень вовлеченности Гессена в метафизическую проблематику. Так, о. В. Зеньковский настаивает на отсутствии в мысли Гессена метафизической направленности: «Он [Гессен] *постоянно на пороге метафизики* - но только лишь на пороге» (Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т II. Ч. 1. С. 250). Б. Яковенко в своей «Истории русской философии» считал Гессена всесторонним мыслителем-трансценденталистом, создателем «трансцендентально-диалектического онтологизма, или метода полноты» (Jakovenko B. Dejiny ruskej filosofie. Praha, 1939. S. 454).

Зеньковский В. В. История русской философии. Т II. Ч. 1. С. 250. Конечно, этот тезис далеко не бесспорен; о. В. Зеньковскому были неизвестны поздние работы Гессена, в которых развивалась идея «плана благодатного бытия» человека. Сам Зеньковский признает это в своей статье о философии Гессена (См.: Зеньковский В. В. Гессен как философ. С. 214).

В своих воспоминаниях тогдашний главный редактор журнала М. В. Вишняк весьма высоко оценивал статьи Гессена. См.: Вишняк М. В. «Современные Записки»: Воспоминания редактора. Bloomington, 1957. P 106.

Гессен С. Мое жизнеописание. С. 749.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 199.

Там же. С. 380-381.

Там же. С. 179-180; 236.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 178.

Там же. С. 229 и далее.

Там же. С. 198.

Там же. С. 199-203.

Там же. С. 211.

Эта проблема поднималась как социалистами и анархистами, так и консервативно-религиозными мыслителями, например, Вл. Соловьевым и его последователями. См.: Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 229.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 282–283.

См.: Гессен С. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 322. Эта часть книги П. И. Новгородцева «Об общественном идеале» была написана под впечатлением трудов Ж. Сореля.

См.: § 4 Главы IV: «Гильдеизм как первая попытка построения положительного (правового) социализма». (Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 352–376.) Гессен опирается в основном на труды Г. Коула и А. Пенти.

Там же. С. 375.

Особенно большую популярность эта идея получила после выхода в свет книги Н. Бердяева «Новое Средневековье» (Берлин, 1924).

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 384–385.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 397.

См.: книгу Гурвича «Le Temps present et l'Idée du droit social» (Paris, 1931).

Воззрения Гессена на социализм в последние годы жизни являются наиболее противоречивой частью его наследия. См. подробнее: Walicki A. *Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu*. Warszawa, 1995. S. 461-466.

Hessen S. Cnoty starożytne a cnoty ewangeliczne //
Hessen S. Studia z filozofii kultury. S. 265-266, note.

Впервые опубликовано: Мелих Ю. Б. Иррациональное расширение философии И. Канта в России. СПб., 2014. С. 88- 129. Публикуется в сокращении.

Rickert H. Brief an P Siebeck. 8. Juli 1909. – Цит. по: Kramme R. Philosophische Kultur als Programm. Die Konstituierungsphase des LOGOS // Heidelberg im Schnittpunkt intellektueller Kreise. Zur Topographie der «geistigen Geselligkeit» eines «Weltdorfes»: 1850–1950. Hrsg. von H. Treiber und K. Sauerland. Opladen, 1995. S. 144. Anm. 16.

Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т 2. Ч. 1. С. 247.

Валицкий А. Послесловие // Вопросы философии.
1994. № 7-8. С. 184.

Гессен С. Герцен // О мессии. Эссе по философии культуры Р Кронера, Н. Бубнова, Г. Мелиса, С. Гессена, Ф. Степуна. СПб., 2010. С. 42.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2.
Ч. 1. С. 248.

Степун Ф. А. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Кант: pro et contra. СПб., 2005. С. 715.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2.
Ч. 1. С. 248.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. М., 1995. С. 75.

Ср.: Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 743.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 732.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий // Труды Русского Народного Университета в Праге. Т 1. Прага, 1928. С. 214.

Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 738.

Гессен С. И. Мое жизнеописание. С. 738.

Там же. С. 736.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 75.

Валицкий А. Послесловие // Гессен С. И. Мое жизнеописание // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 187.

Windelband W Vorwort // Windelband W Präludien.
Aufsätze und Reden zur Einleitung in die Philosophie.
Freiburg i. Br.-Tübingen: Akademische Verlagsbuchhandlung
von J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1884. S. VI.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. Inaugural-Dissertation zur Erlangung der philosophischen Doktorwürde der philosophischen Fakultät der Albert-Ludwigs-Universität in Freiburg i. B: Freiburg i. B., 1909. S. 3.

Ibid. S. 4-5.

Hessen S. Über individuelle Kausalität... S. 2.

См. также: Плотников Н. Allgemeingültigkeit. К истории перевода // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 2003 г. М., 2004. С. 11-18.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 5.

Ibid. S. 7.

Ibid. S. 3.

Ibid. S. 7.

Ibid. S. 9.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1997. С. 324.

Там же. С. 325.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 13.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 14.

Ibid. S. 79.

Ibid. S. 81.

Ibid. S. 90.

Ibid.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 92.

Ibid. S. 96, 97.

Ibid. S. 98.

Ibid.

Ibid. S. 147.

Кант И. Критика чистого разума. Т II. Ч. 2. 1-е издание (А). 1781 // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. II. Критика чистого разума: В 2 ч. Ч. 2. М., 2006. С. 321.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 151.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 492.

Гессен С. И. Мистика и метафизика // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Кн. 1. М., 1910. – репр. изд. – М., 2005. С. 118.

Там же. С. 134.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 215.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 150.

Кант И. Критика чистого разума. Т. II. Ч. 2. 1-е издание (A). 1781. С. 309.

См.: Полное собрание сочинений Ф. И. Тютчева. С критико-биографической статьей Брюсова В. Я. Изд. 8-е под ред. П. В. Быкова. СПб., 1913.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 101.

Ibid. S. 40.

Ibid. S. 19.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 215, 216, 217.

Там же. С. 217.

Философия ценностей (нем.).

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 398-399.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 224-225.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 225.

100

Там же. С. 227.

101

Там же. С. 216.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 25.

Ibid. S. 44.

Ibid. S. 45, 46.

Ibid. S. 46.

Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 4. Критика способности суждения. Первое введение в «Критику способности суждения», на немецком и русском языках. М., 2001. С. 169, 191, 233, 243.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 107.

Ibid. S. 110.

Ibid. S. 111.

Ibid. S. 114.

Риккерт Г. Границы естественнонаучного образования понятий. С. 492.

Гессен С. И. Мистика и метафизика. С. 121.

Там же. С. 125.

Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Философия жизни. Киев, 1998. С. 478.

115

Там же. С. 482.

Гессен С. И. Мистика и метафизика. С. 128, 127.

Гессен С. И. Мистика и метафизика. С. 135.

Риккерт Г. О понятии философии. С. 478.

Там же. С. 473-474.

См.: Риккерт Г. О понятии философии. С. 475.

121

Там же. С. 482.

Гессен С. Мистика и метафизика. С. 134.

123

Там же. С. 137.

124

Там же.

125

Там же. С. 150.

126

Там же. С. 152.

Там же. С. 153.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 401–402.

Там же. С. 401.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 215.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 215.

Jakowenko B. Vom Wesen des Pluralismus. Ein Beitrag zur Klärung und Lösung des philosophischen Fundamentalproblems. Bonn, 1928. S. 6.

См. более подробное изложение классификации наук в: Гессен С. И. Основы педагогики. С. 253–275.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 216.

Там же. С. 212.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 212, 213.

Там же. С. 213.

Там же. С. 214.

Там же. С. 219.

140

Там же. С. 220.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 218.

Там же. С. 219.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2.
Ч. 1. С. 247.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 222.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2.
Ч. 1. С. 249.

Гессен С. И. Монизм и плюрализм в систематике понятий. С. 220.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 90-91.

Степун Ф. А. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение». С. 715.

Письмо Г. Риккерта П. Зибеку от 8 июля 1909 г. – Цит. по: Kramme R. Philosophische Kultur als Programm. Die Konstituierungsphase des LOGOS. S. 144. Anm. 16.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 37.

Ibid. S. 96, 97.

Ibid. S. 97.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 97-98.

Ibid. S. 101.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 73–74.

156

Там же. С. 41.

Там же. С. 75.

158

Там же.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 70.

160

Там же.

Там же. С. 78.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т. 2.
Ч. 1. С. 248.

163

Там же. С. 52.

Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 761.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 402.

Hessen S. Über individuelle Kausalität. S. 150.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 193–194.

Зеньковский В. В. История русской философии. Т 2. Ч. 1. С. 248.

Ср. там же. С. 51-52.

Кант И. Критика чистого разума. Т II. Ч. 2. 1-е издание (A). 1781. С. 505.

Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 761.

Например, когда Л. Н. Столович в своей «Истории русской философии» (М.: Республика, 2005) предложил такой принцип деления русского неокантианства, он обосновал его тем, что помимо «академического неокантианства», центром которого была кафедра философии Петербургского университета, в России начала XX в. были сторонники кантианства среди философов, не связанных с академической наукой.

См.: Hessen S. Über individuelle Kausalität. Studien zum transzendentalen Empirismus. Berlin, 1909.

Гессен С. И. Пауль Наторп / Публик., коммент. и послесл. Н. А. Дмитриевой и А. А. Сухих // Кантовский сборник. 2014. № 1 (47). С. 88.

Гессен С. И. Идея нации // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998.С. 93.

Гессен С. И. Идея нации. С. 99.

Гессен С. И. Мистика и метафизика // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 42-43.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 147.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 21.

180

Там же. С. 48.

181

Там же. С. 39.

Там же. С. 310.

183

Там же. С. 311.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. С. 312.

185

Там же. С. 315.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 163 (Примечание).

Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 182.

Там же. С. 193.

Там же. С. 367.

190

Там же. С. 410.

Валицкий А. Сергей Гессен: философ в изгнании // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 13–15.

Гессен С. И. Мое жизнеописание // Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 447.

Следует указать на специальные работы о Платоне Г. Когена «Учение об идеях Платона, психологически развитое» (Die platonische Ideenlehre, psychologisch entwickelt, 1866) и «Учение об идеях Платона и математика» (Platos Ideenlehre und die Mathematik, 1879) и П. Наторпа «Учение об идеях Платона. Введение в идеализм» (Platos Ideenlehre. Einführung in den Idealismus, 1903).

См.: Зеньковский В. В. История русской философии.
Т. II. Ч. 1. Л., 1991. С. 250.

Впервые опубликовано: Научный ежегодник
Института философии и права Уральского отделения
Российской академии наук. 2003. № 4. С. 187-202.

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 169.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 169.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 200.

Там же. С. 201.

200

Там же. С. 202.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 205.

Там же. С. 212.

203

Там же. С. 214.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 216.

205

Там же. С. 220.

Там же. С. 222.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 228.

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 232.

Там же. С. 232-233.

Я использую вариант периодизации творчества Гессена, предложенный Е. Л. Петренко. В основу периодизации положен географический принцип: период обучения в Германии (1905–1909), когда состоялась публикация первой исследовательской статьи С. И. Гессена (Hessen S. Herzen //Kroner R., Bubnoff N. V, Mehliis G, Hessen S und Steppuhn F. Von Messias. Kulturphilosophische Essays. Leipzig, 1909. S. 42–60), период становления как философа в России (1910–1921), «берлинский» период (1922–1924), «пражский» период (1924–1936), «польский» период (1936 – до конца жизни). Петренко Е. Л. Сергей Иосифович Гессен // Гессен С. И. Избранное. М., 2010. С. 8, 10, 21,23, 25–27.

В очерке «Мое жизнеописание» Гессен отмечает, что исследования по социальной философии, «из которых более всего времени и сил отняла у меня работа “Проблема правового социализма”» – одно из двух главных направлений этого периода творчества // Гессен С. И. Мое жизнеописание // Избранные сочинения. М., 1999. С. 749.

Дмитриева Н. А., Воробьев М. В., Миронова К. Ю.
Человек в истории и культуре: забытые страницы
русского неокантианства // Вестник РФФИ.
Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 99.

Дмитриева Н. А. Понятие «априори» в немецком и русском неокантианстве // Многообразие априори: материалы междунар. конф-ции на философ. фак-те РГГУ 19-20 апреля 2012 г. М., 2013. С. 143.

М. Стычинский убедительно показал, что Гессен выстраивает собственное учение как философию культуры на основе немецкой идеалистической философии и прежде всего аксиологии Г. Риккерта // Styczyński M. Sergei Hessen, Neo-Kantian: Dedicated to Professor Andrzej Walicki // Studies in East European Thought. 2004. Vol. 56. № 1. P 57.

Данная особенность развития культуры распространяется на все сферы деятельности человека, например, «прялка и соха могут сохраняться в музеях как вещественные памятники прошлого только потому, что они в гораздо более глубоком смысле продолжают жить и действовать в работающем с помощью электрического двигателя прядильном станке и в плугу-тракторе». Гессен С. И. Правовое государство и социализм // Избранные сочинения. М., 1999. С. 156-157. Работа «Правовое государство и социализм» была впервые опубликована в 1999 г., но подготовлена к изданию в конце 30-х гг. прошлого столетия. По заказу редакции журнала «Современные записки» Гессен переработал цикл статей «Проблема правового социализма (эволюция либерализма)» (Гессен С. И. Проблема правового социализма (эволюция либерализма) // Современные записки. 1924. Кн. 22. С. 257-293; 1925. Кн. 23. С. 313-342; 1926. Кн. 27. С. 382-430; 1926. Кн. 28. С. 299-345; 1926. Кн. 29. С. 308-342; 1926. Кн. 30. С. 380-409; 1927. Кн. 31. С. 328-358), и примыкающую к нему статью «Крушение утопизма» (Гессен С. И. Крушение утопизма // Современные записки. 1924. Кн. 19. С. 277-295) в отдельную работу «Правовое государство и социализм», издание которой не состоялось. Рукопись работы сохранила вдова философа М. Гессен и передала ее в дар ученику Гессена А. Валицкому. По инициативе последнего в 1999 г. состоялась публикация этой работы в избранных сочинениях Гессена. В настоящей статье я буду приводить цитаты именно из работы «Правовое государство и социализм» 1999 г. издания.

Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 23.

217

Там же. С. 22.

218

Там же. С. 21-22.

Там же. С. 22-23.

220

Там же. С. 27.

221

Там же. С. 35-36.

222

Там же. С. 36.

«Таким образом, проблема “смысла” возникает вообще только у субъекта». Crowe B. Faith and Value: Heinrich Rickert’s Theory of Religion // Journal of the History of Ideas. 2010. Vol. 71. № 4. P 620.

Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 90-92.

«Риккерт был убежден в том, что нашел способ преодолеть раскол, сложившийся в методологии историографии между субъективной, оценочно нагруженной культурой и объективным, внеоценочным изучением культуры». Vambach Ch. Neo-Kantianism // A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. by A. Tucker. Chichester, 2009. P 481.

Hans N. Sergius Hessen // The Slavonic and East European Review. 1950. Vol. 29. № 72. P 298.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М. 1995. С. 33.

Там же. С. 33-34.

Для развития культуры имеют важное значение только существенные для истории события. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, Гессен приводит пример из сферы политического развития российского государства: «Учреждение Иваном Грозным в 1564 г. опричнины и проигрыш им утром такого-то года шахматной партии своему лекарю являются в равной мере фактами прошлого. Но один из этих фактов есть *исторический факт*, другой же в лучшем случае просто факт, *свидетельствующий* нам о тех или иных исторических отношениях и событиях» // Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 152.

Воробьев М. В. Философско-правовое содержание концепции личности С. И. Гессена // Кантовский сборник. 2017. Т. 36. № 2. С. 76.

231

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 70.

Гессен С. И. Идея нации // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 93-94.

233

Там же. С. 93.

Цо этому поводу А. Масловски замечает, что в философии Гессена свобода личности определяется как возможность самоактуализации при взаимодействии с культурной действительностью. Masłowski A. Sergiusz Hessen - filozof kultury // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Filozofia. 1982. T. 6 (130). S. 89-90.

Гессен С. И. Основы педагогики. С. 33–34.

Гессен С. И. Идея нации. С. 92.

Гессен С. И. Идея нации. С. 92.

Гессен, таким образом, определяет отличие ценностей культуры (наука, искусство, нравственность, хозяйство и др.) от всех прочих ценностей: «И мы не думаем утверждать, что культурные ценности суть исключительно цели в себе, что они не могут или не должны служить орудиями достижения чего-то другого. Мы утверждаем только, что среди всех других целей именно культурные ценности выделяются тем, что служа орудиями другого, они кроме того ценны и сами по себе». Гессен С. И. Основы педагогики. С. 32.

Hessen S. Studia z filozofii kultury, wybór i opracowanie.
Warszawa, 1968. S. 48-49.

Воробьев М. В. Философско-правовое содержание.
С. 78-79.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 201.

Гессен С. И. Идея нации. С. 94.

243

Там же. С. 96.

244

Там же.

См.: Гессен С. И. Правовое государство и социализм.
С. 165-166, 441.

Влияние гегелевской диалектики легко прослеживается даже в названиях глав: «I. Утопический социализм как абстрактное отрицание либерально-капиталистического строя» (Там же. С. 237), «II. Марксизм как реальное отрицание либерально-капиталистического строя» (Там же. С. 255), «III. Вырождение реального отрицания в чистое уничтожение: революционный коммунизм» (Там же. С. 283), «IV Перерождение реального отрицания в преображающее (утверждающее) отрицание» (Там же. С. 313). Причем четвертая глава начинается такими словами: «У Гегеля есть замечательная формула, касающаяся существа отрицания: становясь реальным, отвлеченное отрицание имеет перед собой два пути – или выродиться в уничтожение, или стать “снятием”, “отменой”, т. е. отрицанием, одновременно утверждающим отрицаемое им, переводящим его на высшую ступень бытия» (Там же). В тексте Гессен поясняет, что использует данный метод для понимания истории.

Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 662.

Данная позиция обосновывается следующим доводом: «Монополизация нормотворчества государственной властью связывается с унификацией и систематизацией традиционного права одновременно с его ревизией, нацеленной на приведение его в соответствие с новыми экономическими и социальными условиями». Гессен С. И. Современная демократия // Кантовский сборник. 2011. № 3 (37). С. 94.

249

Там же. С. 96.

250

Там же. С. 99.

Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012. С. 502. Г. Д. Гурвич также обращает внимание на гегельянский оттенок в философии С. И. Гессена: «Сергей Гессен, выходец из школы Риккерта, чье учение он интерпретировал (в своем первом и очень интересном труде «Индивидуальная причинность», 1909, на немецком языке) как трансцендентальный эмпиризм, развил в ряде статей, опубликованных в «Логосе», и в замечательной, очень важной работе «Основы педагогики» (1923) концепцию трансценденталистской диалектики с гегельянским оттенком». Гурвич Г. Д. Русская философия первой четверти XX века // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2006–2007 год [8]. М., 2009. С. 482.

В частности, в работе «Правовое государство и социализм» Гессен пишет о ядре личности, которое должно оставаться непроницаемым независимо от намерений государства в условиях любой правовой системы. Если нарушается принцип безусловной значимости свободы воли отдельного человека, то функционирование этих социальных институтов теряет смысл. Основная задача государства - обеспечить условия для максимально неограниченной самоактуализации личности. Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 190-191.

Гессен С. И. Политическая свобода и социализм. С. 106-108.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 173-174.

255

Там же. С. 206-207.

Гессен С. И. Идея социального права // Современные записки. 1932. Кн. 49. С. 424.

257

Там же. С. 424-425.

258

Там же. С. 434.

Гессен С. И. Правовое государство и социализм. С. 182.

260

Там же. С. 199.

261

Там же. С. 396.

В связи с этим Гессен в одной из своих поздних работ объясняет, что сформировать обобщенное универсальное понятие любой составляющей предания невозможно. Так, с его точки зрения, принципиально невозможно дать универсальное определение демократии, применимое к характеристике любого общества: «Определить демократию вообще – дать определение, охватывающее настолько разнородные продукты истории, как античная афинская демократия, средневековая демократия швейцарских кантонов, демократия пуританских общин в Америке XVII–XVIII веков, американская демократия Авраама Линкольна, парламентская демократия XX века, – представляется мне невозможным». Гессен С. И. Современная демократия. С. 93.

Учение о социальном праве Гессена во многом созвучно с программой мультикультурализма, предложенной С. Бенхабиб. В рамках концепции *совещательной демократии* она рассматривает культуры как сложные коммуникативные системы, правовые системы которых должны развиваться с учетом голоса каждого отдельного человека, которого «касаются норма, закон или политический курс» (Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003. С. 177), но в условиях истории культуры, без «внешнего взгляда» (Там же. С. 122). Поэтому оценка прогресса в сфере права должна предваряться изучением перспектив развития коммуникативной системы общества как сферы реализации свободы воли отдельного человека. Это исключает возможность использования по отношению к истории локальной культуры критериев прогресса, сформированных в какой-либо иной локальной культуре.

В одной из своих последних работ Гессен следующим образом прокомментировал то, как следует оценивать правовую систему, представляющую собой часть предания определенной культуры: «Все особые права, как мы заметили, получают свое конкретное значение в рамках исторической ситуации, которую они должны сформировать». Hessen S. I. The Rights of Man in Liberalism, Socialism and Communism // Human Rights: Comments and Interpretations. A Symposium edited by UNESCO. P, 1948. P 99.

Эко У. Миграция, терпимость и нестерпимое // Эко У
Пять эссе на темы этики. СПб., 2003. С. 153-154.

Белов В. Н. [Рец.:] Мелих Ю. Б. Иррациональное расширение философии Канта в России // Кантовский сборник. 2016. № 4 (35). С. 104.

Впервые опубликовано: Философские науки. 2012.
№ 8. С. 110-119.

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 750.

Архив Б. В. Яковенко. Прага (далее – АЯ). Ед. хр. 14.

270

АЯ. Ед. хр. 19.

271

АЯ. Ед. хр. 14. Письмо от 6 августа 1924 г. Л. 1 об.

272

АЯ. Ед. хр. 19. Письмо от 10 октября 1924 г. Л. 1.

273

Там же. Л. 1 об.

Отметим, что в пражском журнале русской эмиграции «Воля России» в 1925 г. (№ 6. С. 219–220) вышла положительная рецензия на первый выпуск возобновленного «Логоса», подписанная «Д. Л.» (скорее всего, автором рецензии был Долмат Александрович Лутохин (1885–1942), публицист, издатель журналов «Экономист», «Вопросы литературы», альманаха «Утренники»),

Русские в Праге. Прага, 1928. С. 196-197.

276

АЯ. Ед. хр. 14. Письмо от 4 апреля 1925 г. Л. 1.

277

Там же. Письмо от 24 июня 1925 г. Л. 1 об.

278

Там же. Ед. хр. 19. Письмо от 26 сентября 1925 г. Л.
1 об.

279

Там же. Ед. хр. 14. Письмо от 19 января 1925 г. Л.
1 об.

280

Там же. Письмо от 13 февраля 1926 г. Л. 1.

281

Там же. Письмо от 31 мая 1926 г. Л. 1.

282

АЯ. Ед. хр. 14. Письмо от 29 июля 1926 г. Л. 1 об.

283

Там же. Письмо от 16 августа 1926 г. Л. 2.

284

Там же. Л. 2 об.

285

Там же. Письмо С. И. Гессена от 17 октября 1926 г. Л.
1.

286

Там же. Письмо С. И. Гессена от 9 января 1927 г. Л. 1.

287

АЯ. Ед. хр. 14. Письмо от 18 января 1928 г. Л. 1 об.

Впервые опубликовано: Ермичев А. А. Статья С. И. Гессена об А. И. Герцене. О философско-культурной ориентации журнала «Логос» // Философские науки. 2001. № 3. С. 50-57.

См. напр.: «С. И. Гессен в контексте западноевропейской философско-педагогической мысли (материалы круглого стола) // Сибирь. Философия. Образование. Альманах-приложение к журналу «Образование в Сибири». 1988. № 2. С. 69–80. Весь номер этого журнала посвящен С. И. Гессену.

Безродный М. В. Из истории русского неокантианства. Журнал «Логос» и его редакторы // Лица. Биографический альманах. Вып. 1. М.; СПб., 1992. С. 372-407; Сапов В. В. Журнал «Логос» – прерванный на полуслове диалог // Вестник Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 3. С. 267-279; Крамме Р. Творить новую культуру. «Логос». 1910-1933 // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 122-137; Крамме Р. Философская культура как программа // Макс Вебер, прочитанный сегодня. СПб., 1997. С. 67-92.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990.
С. 281.

От редакции // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. Русское издание. Кн. 1. М., 1910. С. 2.

Эрн В. Ф. Нечто о Логосе, русской философии и научности // Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 72.

Франк С. Л. Новая книга «Логоса» // Русская молва.
1913. 8 (21) января. № 28. С. 5.

295

От редакции. С. 5.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. С. 174.

Там же. С. 176.

Е. К. Герцык - В. Ф. Эрну < 31.07.1910. Судак-Бакуриани> // Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М., 1997. С. 270. Напомню суждение Г. В. Флоровского. Сказав о «религиозном сдвиге начала века», он продолжает: «И даже русское неокантианство имело тогда своеобразный смысл. Гносеологически критика оказывалась как бы методом духовной жизни – и именно методом жизни, не только мысли. И такие книги, как “Предмет знания” или “Логика” Г. Когена, не читались ли тогда именно в качестве практических руководств для личных упражнений, точно аскетические трактаты» (Пути русского богословия. 4-е изд. Paris, 1988. С. 484-485).

Степун Ф. А. Памяти С. И. Гессена // Портреты. СПб., 1999. С. 295.

Цит. по: Толстых Г. А. Книгоиздательство «Мусагет»
// «Книга». Вып. 56. С. 116.

Вопрос об отношении С. И. Гессена к христианству рассмотрен в статье А. Валицкого «Сергей Гессен философ в изгнании», которая предваряет «Избранные сочинения» С. И. Гессена. Укажу на малоизвестные воспоминания В. В. Зеньковского: «.под конец жизни у него [С. И. Гессена] вдруг прорвалась потребность религиозной жизни, религиозных чувств (говорю на основании его предсмертных писем ко мне: он писал, что «ужасно хотел бы меня видеть, чтобы с моей помощью перейти в православие»). См.: Зеньковский В. В. Мои встречи с выдающимися людьми. Часть II. Белград. Прага // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1995. Т. 27. С. 13.

Степун Ф. А. Три письма о пражском «Логосе» // Степун Ф. А. Письма. М., 2013. С. 92.

Степун Ф. А. Памяти С. И. Гессена // Новый журнал.
1951. № 35. С. 126.

См.: Зеньковский В. В. История русской философии. М., 2001. С. 663.

Гессен С. И. Основы педагогики. М., 1995. С. 233.

306

Зеньковский В. В. Указ. соч. С. 664.

Гессен С. И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева // Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1999. С. 620–622.

308

Там же. С. 627-628.

В данном отношении его позиция близка к взглядам Г. Федотова, критиковавшего в свое время Н. Бердяева как раз за недооценку принципа «автономии культурных сфер».

Гессен С. И. Борьба утопии и автономии добра в мировоззрении Ф. М. Достоевского и Вл. Соловьева. С. 668.

311

Там же. С. 671.

312

Там же. С. 672.

С. Гессен совершенно справедливо констатирует, что, «ссылаясь на Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника и «Добротолюбие», Соловьев считает отрицательное богословие необходимым элементом истинного понятия о Боге» (Там же. С. 673).

314

Там же. С. 672.

Соловьев В. С. Оправдание добра // Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 100.

316

Гессен С. И. Там же. С. 676.

317

Общие основы педагогики. Л.; М., 1967. С. 82.

Русская философия: философия как специальность в России. Справ. – информ. изд. Вып. 1. М. 1992. С. 86.

См.: Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет.
Берлин, 1937.

Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 1910. 15 окт. С. 2; см. также: Эрн В. Нечто о Логосе, русской философии и научности (по поводу нового философского журнала «Логос» // Московский еженедельник. 1910, июль-август. № 29. С. 31-40; № 30. С. 29-40; № 31. С. 33-44; № 32. С. 33-42.

Гессен С. Предисловие переводчика // Риккерт Г.
Философия истории. Спб., 1908. С. XIV

Русская философия: философия как специальность в России. Справ. – информ. изд. Вып. 1. М., 1992. С. 181.

Гессен С. Мое жизнеописание // Вопросы философии.
1994. № 7-8. С. 159.

Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. В 2 т. Т.1. Нью-Йорк, 1956. С. 174.

Серапионова Е. П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике. М., 1995. С. 28.

326

Там же.

Зеньковский В. Памяти С. И. Гессена // Возрождение.
Париж. 1951. Янв. – февр. Тетр. 13. С. 195.

См.: Русская школа за рубежом. Исторический опыт 20-х гг. Сб. документов. М., 1995. С. 67, 75, 1 15-1 19 и др.

Цит. по: Струве Г. П. Журналы русского зарубежья // Русская литература. 1990. № 1. С. 109.

Гессен С. Мое жизнеописание // Вопросы философии.
1994. № 7-8. С. 181.

331

Seriusz Hessen o filozofii wychowania // Kwartalnik pedagogiczny. 1990. Nr. 3. P 23-34.

См.: Социологические исследования. 1990. № 3. С. 36, а также предисловие и статьи членов Комитета экспертов ЮНЕСКО в кн.: Human Rights. L., 1949.

Kaminski A. Sergiusz Hessen // Kwartalnik pedagogiczny.
1975. № 3. S. 95.

Валицкий А. Послесловие // Вопросы философии.
1994. № 7-8. С. 187.

335

Там же.

Hessen S. Studia z filozofii kultury. Warszawa, 1968; Его же. Filozofia - kultura - wychowanie. Gdansk, 1973.

Наторп П. Философия как основа педагогики.
М.,1910. С. 48.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 8.

Степун Ф. Памяти С. И. Гессена // Новый журнал.
Нью-Йорк. 1951. XXV С. 218.

Hessen S. Difesa della pedagogia. III ed. Roma, 1952. S. 25.

Бим-Бад Б. М. Педагогические течения в начале двадцатого века. Лекции по педагогической антропологии и философии образования. М., 1994; он же. Педагогическая антропология. М., 1998.

Hessen S. J. Ruska pedagogika u XX veku // Ucitel.
Beograd. № 9-10. Maj-Jun, 1939. S. 576.

343

Hessen S. O sprzecznościach i jedności wychowania.
Warszawa, 1939. S. 236.

Hessen S. J. Ruska pedagogika u XX veku // Ucitel.
Beograd. № 9—10. Maj-Jun, 1939. S. 557.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 33.

346

Там же. С. 34.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. С. 368.

Anweiler O. Geschichte der Schule und Pädagogik in Rußland von Ende des Zarehreiches bis zum Beginn der Stalin-Ara. Berlin, 1964. S. 2-3.

Гессен С. И., Новожилов Н. Ф. Школьная политика советской власти за 1927–1930 гг. // Русская школа за рубежом. 1931. № 34. С. 420.

Гессен С. И. Мировоззрение и образование // Хрестоматия. Педагогика Российского Зарубежья. М., 1995. С. 120.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 366.

352

Там же. С. 365.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. С. 53.

Гессен С. И. Кризис демократии и новейшая эволюция школьных систем // Сборник статей, посвященных Петру Николаевичу Милюкову. 1853–1929. Прага, 1929. С. 85.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. С. 214.

356

Там же. С. 157.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. С. 291.

358

Там же. С. 292.

Гессен С. И. Мировоззрение и образование // Хрестоматия. Педагогика Российского Зарубежья. М., 1995. С. 104.

Гессен С. И. Вильгельм Рейн // Русская школа за рубежом. Прага, 1929. Кн. 32. С. 219.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 227.

См.: Гессен С. И. Глобальная «метода» или глобальное обучение грамоте? // Русская школа. Прага, 1935. № 2-3. С. 19-20.

Hessen S. J. Ruska pedagogika u XX veku // Ucitel.
Beograd. № 9-10. Maj-Jun, 1939. S. 557.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 321.

365

Там же. С. 365, 368.

Впервые опубликовано: Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 17: Философия. Конфликтология. Культурология. Религиоведение. 2016. Вып. 1. С. 89–97.

Белый А. Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли // Утро России. 1910. № 28. С. 2.

Гессен С. И. Педагогические сочинения. Саранск, 2001. С. 38.

369

Там же.

370

Там же. С. 41.

371

Гессен С. И. Педагогические сочинения. С. 42.

372

Там же. С. 43.

373

Там же. С. 51.

374

Там же.

375

Там же. С. 52.

376

Гессен С. И. Педагогические сочинения. С. 53.

377

Там же.

378

Там же. С. 62.

379

Там же. С. 65.

380

Там же. С. 66.

381

Там же. С. 59.

382

Там же. С. 73.

383

Гессен С. И. Педагогические сочинения. С. 55.

384

Там же. С. 56.

385

Там же. С. 77.

386

Там же. С. 81.

387

Там же. С. 84.

388

Там же. С. 214.

389

Гессен С. И. Педагогические сочинения. С. 93.

390

Там же. С. 92.

391

Там же. С. 90.

392

Гессен С. И. Педагогические сочинения. С. 105.

Сувчинский П. П. К преодолению революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сборник трудов евразийцев. М., 1997. С. 210.

Гессен С. И. Педагогические сочинения. Саранск, 2001. С. 108.

395

Там же. С. 126.

Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990. С. 95-96.

Гессен С. И. Педагогические сочинения. Саранск, 2001. С. 114.

398

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00413-А.

См.: Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 131–154; Письма прот. В. В. Зеньковского к Д. И. Чижевскому (1948–1962) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М., 2012. С. 335–424; «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. М., 2013; Шитов А. М. Почему не появился второй номер пражского «Логоса»? (По материалам архива Б. В. Яковенко) // Вестник Российской гуманитарной христианской академии. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 152–156; Шитов А. М. С. И. Гессен и история пражского журнала «Логос» (по неопубликованным архивным материалам) // Философские науки. 2012. № 8. С. 110–119.

400

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 730.

401

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 736.

402

Hessen S. Curriculum vitae // Nicholas Hans Archive in
UCL IoE. NH 8/6/1.P 1.

403

Гессен С. И. Избранные сочинения. С.739-743.

404

Там же. С. 745.

405

Там же. С. 746.

406

Гессен С. И. Избранные сочинения. С. 747.

Федор Степун - Ольга Шор: из переписки 1920-х годов // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N. F 1. S. 257.

408

Там же.

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 747.

«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. Т. 1. М., 2013. С. 144.

П. Прокофьев (Чижевский Д. И.). С. И. Гессен: Основы педагогики. Введение в прикладную философию // Современные записки. 1924. Кн. 18. С. 447.

Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920-1941). М., 2015; Русский Берлин: 1920-1945: Международная научная конференция. М., 2006; Русский Берлин 1921-1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris; М., 2003.

Очерк деятельности Русской Академической Группы в Берлине // Труды русских ученых за границей. Сборник Академической группы в Берлине. Том I. [Берлин], 1922. С. 272.

414

Там же. С. 272-273.

[Руднев В. В.] Зарубежная русская школа. 1920-1924 / Рос. земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Париж, 1924. С. 149.

Цит. по: Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Русский научный институт в Берлине в мемуарах и переписке русской эмиграции // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 4 (34). С. 95.

Киржаева В. П., Осовский О. Е. На повороте: Н. А. Ганц в русско-английском педагогическом пространстве 1920—1930-х годов. Пенза, 2018. С. 44-45.

Русский Берлин: 1920–1945: Международная научная конференция. М., 2006. С. 149.

Федор Степун - Ольга Шор: из переписки 1920-х годов // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 2013. N. F 1. S. 258.

420

Там же. S. 263.

421

См.: Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 144.

Цит. по: Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование. Изд. 2. М.; Берлин, 2015. С. 355.

Из переписки С. Л. Франка и Н. А. Бердяева (1923–1926) // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 132.

424

Там же. С. 133.

425

Гессен С. И. Письмо С. А. Острогорскому от 7 августа 1923 года // ГА РФ. Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 24. Л. 4-5 об.

426

Гессен С. И. Анкетно-регистрационная карточка.
Прага, 11 октября 1923 года // ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д.
1189а. Л. 1.

427

См.: Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 749.

Шитов А. М. Почему не появился второй номер пражского «Логоса»? (По материалам архива Б. В. Яковенко) // Вестник Российской гуманитарной христианской академии. 2010. Т. 11. Вып. 2. С. 155.

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 751.

Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920-1941). М., 2015.

431

Гессен С. И. Избранные сочинения. М., 1998. С. 748.

432

Там же. С. 750.

433

От редакции // Русская школа за рубежом. 1923. Кн.
1. С. 1.

Гессен С. И. Науки философские и общественные // Русские в Праге. 1918-1928 гг. (К десятилетию Чехословацкой республики). Прага, 1928. С. 273.

435

«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. Т. 3. М., 2013. С. 106.

436

См.: Ганц Н. А. [Рец.:] Русская школа за рубежом. Прага, 1923. Кн. 1 // Современные записки. 1923. Кн. 16. С. 434-435.

437

См.: Ганц Н. А. [Рец.:] Русская школа за рубежом. Прага, 1924. Кн. 10/11 // Современные записки. 1925. Кн. 23. С. 520-522.

См.: Осовский О. Е., Киржаева В. П. С. И. Гессен и «Русская школа за рубежом»: из истории педагогической журналистики российского зарубежья 1920-х – начала 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 202–228.

«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. Т. 3. М., 2013. С. 108.

440

Там же. С. 106.

441

См.: Там же. С. 107.

442

Там же. С. 124.

443

«Современные записки». С. 125.

444

Там же. С. 108.

445

Там же. С. 111.

Гессен С. И. Фребель и Монтессори: очерк философской теории игры // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 1. С. 8.

Гессен С. И. Фребель и Монтессори: очерк философской теории игры. С. 42.

Гессен С. И. Фребель и Монтессори: доклад, прочитанный на 1-м съезде по дошкольному воспитанию за границей 7 июля 1927 года // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 27. С. 345.

449

Там же.

«Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. Т. 3. М., 2013. С. 107.

Гессен С. И. К открытию Русского Педагогического Института в Праге // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 2/3. С. 93.

452

Там же. С. 99.

453

Там же. С. 92.

454

Там же. С. 95.

455

Там же. С. 92.

456

Гессен С. И. Идея трудовой школы и лабораторный план (Dalton Plan): к теории урока // Русская школа за рубежом. 1923. Кн. 5/6. С. 34.

457

Там же. С. 36.

Гессен С. И. [Рец.:] А. П. Пинкевич, проф. 2-го Московского Университета. Педагогика // Русская школа за рубежом. 1925. № 13/14. С. 160.

459

Там же. С. 163.

Гессен С. И. Органы управления народным просвещением в СССР // Русская школа за рубежом. 1926. № 18. С. 571.

Гессен С. И., Новожилов Н. Ф. Десять лет советской школы // Русская школа за рубежом. 1927-1928. Кн. 28. С. 473.

462

Там же.

463

Там же. С. 520.

464

См.: Гессен С. И. Иностранцы-очевидцы о советской школе // Русская школа за рубежом. 1929. № 31. С. 5.

465

Гессен С. И. Иностранцы-очевидцы о советской школе. С. 1.

466

Гессен С. И., Новожилов Н. Ф. Школьная политика советской власти за 1927–1930 гг. // Русская школа за рубежом.1931. Кн. 34. С. 419.

467

Там же. С. 420.

Впервые опубликовано: Философско-педагогическая концепция С. И. Гессена и современные проблемы образования, воспитания, культуры: Сборник научных трудов Всероссийский научно-практической конференции с международным участием – традиционных четвертых Гессеновских чтений, посвященных 125-летию со дня рождения С. И. Гессена. (Томск. 25–26 октября 2013 г.). Томск, 2014. С. 7–11

469

Томск. История города от основания до наших дней.
Томск, 1999. С. 217.

Фоминых С. А. и Некрылов С. А. С. И. Гессен в Томске (1917–1922 гг.) // Сибирь. Философия. Образование. 1998. № 2. С. 6.

471

Гессен С. И. Томский городской Народный Университет им. П. И. Макушина в 1918-1919 учебном году // Журнал Министерства народного просвещения. 1919. № 1-2. С. 306.

472

Гессен С. И. Томский городской Народный Университет им. П. И. Макушина в 1918-1919 учебном году. С. 307-308.

Власть и интеллигенция в сибирской провинции.
(1919–1925 гг.) Сб. документов. Новосибирск. 1996. С.
344.

474

Школа и Жизнь Сибири. 1918. № 2. С. 64 – 65; № 3. С. 75.

475

Гессен С. И. Указ. соч. С. 225-227.

476

Гессен С. И. Указ. соч. С. 410.

Журавлева К. И. В. С. Пирусский – врач-новатор, педагог // Труды Томского областного краеведческого музея. Том V Томск, 1956. С. 35-58.

478

Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти / под общ. ред. проф. Ф. Ф. Шамахова. Новосибирск, 1970. С. 156.

479

Журавлева К. И. В. С. Пирусский – врач-новатор,
педагог. С. 52.

480

Там же. С. 52; Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти. С. 157.

481

Гессен С. И. Указ. соч. С. 19-20.

482

Впервые опубликовано: Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. Вып. 2 (80). С. 11-17.

483

Школа и Жизнь Сибири. 1918. № 4. С. 85.

484

Школа и Жизнь Сибири. 1918. № 4. № 3. С. 49.

485

Там же. С. 50.

486

Школа Западной Сибири за 50 лет Советской власти /
Под общ. ред. Ф. Ф. Шамахова. Новосибирск, 1970. С. 68;
Знамя революции. 1918. 21 апреля.

487

Педагогическая хроника. Школа и Жизнь Сибири.
1918. № 3. С. 77.

488

Педагогическая хроника. Школа и Жизнь Сибири.
1918. № 3. № 4. С. 65.

489

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. Томск, 1919. С. 2.

490

Там же. С. 1, 2, 73-78.

491

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 13.

492

Там же. С. 14, 16.

493

Там же. С. 15, 17.

494

Там же. С. 4.

495

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 9-11.

496

Там же. С. 11-12.

497

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 24-27.

498

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 4.

499

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 53.

500

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 29-36.

501

Там же. С. 36-44.

502

Там же. С. 46-53.

503

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. С. 99-101.

504

Там же. С. 110.

Профессора Томского университета:
Библиографический словарь / Сост. С. Ф. Фоминых, С. А.
Некрылов и др. Томск, 1996. Вып. 1. С. 81-82, 90.

506

Отчет о деятельности томских летних учительских курсов 1918 г. Томск, 1919. С. 71-72.

507

Новый журнал. 1951. № XXV С. 214.

В истории русского образования XX в. Гейдельберг сыграл огромную и еще не изученную роль. М. Шагинян (кстати, одна из самых ярких и преданных «мусагетичек») на склоне лет вспоминала «старую Хейдельберг» с нежностью и благодарностью. И это – несмотря на ее «Четыре урока у Ленина» и на то, что в Гейдельберг (куда она направлялась писать диссертацию о Я. Фрошаммере – философе, забытом, кажется, и в самой Германии) она попала в тот самый день, когда Германия объявила войну России (Шагинян М. С. Человек и время. М., 1980. С. 538–595).

509

Новый журнал. 1951. № XXV С. 215.

Кистяковский Б. А. Георг Еллинек как мыслитель и человек // Русская мысль. 1911. Кн. 3. С. 82.

Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908. С. XIII-XIV

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 12-13.

513

Новый журнал. 1951. № XXV С. 215.

514

Там же.

Вы еще причалите у монахов (нем.). См.: Степун Ф. А. Бывшее и не-сбывшееся. Л., 1990. Т. I. С. 175.

516

Новый журнал. 1951. № XXV С. 214.

517

Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. М., 1986. С. 61.

Подробнее см.: Шерер Ю. Неославянофильство и германофобия. В. Ф. Эрн // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 4—95; текст доклада В. Ф. Эрна «От Канта к Круппу»: Там же. С. 96—108.

Шестов Л. Власть ключей (*Potestas clavium*). Берлин, 1923. С. 228.

520

Новый журнал. 1951. № XXV. С. 216-217.

Гессен С. И. Мое жизнеописание // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 217.

522

Новый журнал. 1951. № XXV С. 217.

Гессен С. И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. Берлин, 1923. С. 34-35.

524

Там же.

Письма С. И. Гессена к Э. К. Метнеру публикуются по рукописям, хранящимся в НИОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 2. Л. 1—50. Письма Э. К. Метнера к С. И. Гессену – по рукописям, хранящимся в НИОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 6. Л. 2, 93, 96. Письма, написанные в России, датируются по старому стилю, написанные в Европе (при наличии одной даты) – по новому стилю.

526

Речь, вероятнее всего, идет о статье «Музыкальная лирика Римского-Корсакова» (Северные Записки. 1914. № 1. С. 33–43).

Би Оскар (1864–1938) – немецкий музыкальный критик, историк искусства, автор ряда статей о композиторе Н. К. Метнере (брате Э. К. Метнера), опубликованных в немецкой печати.

Бутру Эмиль (1845-1921) - французский философ, учитель А. Бергсона; его статья «Наука и философия» напечатана в 1-й книге русского «Логоса» (1910).

В первой книге русского «Логоса» (1910) была напечатана статья Р Кронера «Философия «творческой эволюции», посвященная А. Бергсону (в немецком варианте: Henri Bergson // Logos. 1910. Bd. I).

Речь идет, разумеется, не о личности Н. О. Лосского, а о его философских идеях, разрабатываемых им в то время с позиций «интуитивизма», отчасти близкого философии А. Бергсона. В «Воспоминаниях» Лосский рассказывает, что «приблизительно в 1910 г.» с критикой его доклада в Религиозно-философском обществе «Идея бессмертия души как проблема истории знания» выступили С. Л. Франк и С. И. Гессен. «Противники мои, – пишет он, – не усматривали, что новый путь, открытый мною, дает право вернуться к метафизике докантовской философии, вовсе не впадая в некритический натурализм. Кажущаяся простота решения вопроса и защита основной правды наивного реализма казалась им недостатком философской культуры» (Вопросы философии. 1991. № 11. С. 145). Лосский неоднократно ссылался на Гессена, всякий раз отдавая высокую дань уважения идеям противника и подчеркивая вместе с тем расхождение с ним. Так, в книге «Свобода воли» (1927) Лосский использует разработанное Гессеном понятие «индивидуальной причинности». «Однако у Гессена, – отмечает он, – это понятие имеет глубоко отличное содержание от изложенного мною. <...> Для него даже индивидуальная причинность есть только вид порядка, особая категория мышления, тогда как для меня индивидуальная причинность есть прежде всего причинение, т. е. элемент живого подлинного бытия, как оно существует независимо от мышления» (Лосский Н. О. Избранное. М., 1991. С. 531). В «Условиях абсолютного добра» (1949) Лосский «исходным пунктом своего исследования» берет основной тезис статьи Гессена «Философия наказания» (Логос. 1912–1913. Кн. 1–2).

«Соображения Гессена о наказании как правовом акте, – считает Лосский, – могут быть применены и к наказанию как нравственному акту. Однако существенное отличие моих взглядов от учения Гессена заключается в том, что я развиваю их, исходя не из трансцендентального идеализма, а из метафизики персонализма и онтологической теории ценности...» (Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 148). Наконец, в одной из последних книг «Характер русского народа» (1957) Лосский отзывается об «Основах педагогики» Гессена как о «замечательной книге» (Там же. С. 300).

В книге «Модернизм и музыка» Э. К. Метнер писал о Н. А. Римском-Корсакове: «...грубую подражательность, а тем более плагиат легко заметить начитанному; от кого могут ускользнуть фатальные “вагнеризмы” антивагнерианца Римского-Корсакова? Но у того же “национально-русского” композитора найдутся и более замаскированные, более бессознательные подражания нелюбимым им немцам» (Вольфинг [псевд. Э. К. Метнера. – В. С.]. Модернизм и музыка. М., 1912. С. 148). И в другом месте: «Вся статья Римского-Корсакова (имеется в виду статья о Р. Вагнере, напечатанная в журнале “Музыка”. 1911. № 13, 17. – В. С.) производит тягостное, а местами даже отталкивающее впечатление даже отнюдь не на ярого вагнерианца. Что за меркерская придирчивость, какая неожиданная черствость, какая серость интеллигентского миропостижения XIX века – (недостаточное понимание мифологии и символизма) – и в общем, какая странная неартистичность! А главное, что за неблагодарность к гению, без которого его самого, автора Садко, просто не существовало бы. Это не важно, что он писал на русские сюжеты и разрабатывал русские народные темы;... шутили не без основания, что, когда Р.-Корсаков сочинил из Гомера, то вышло из Вагнера... У Р.-Корсакова (в противоположность Вагнеру) не “наивное”, не античное, а “сентиментальное”, антикварное отношение к мифу. Р.-Корсаков – талантливейший обрабатыватель народных сказаний, их искусный музыкальный иллюстратор, но он этнограф-художник, любитель народной старины, писавший оперы на мифологические сюжеты, а не творец мифа» (Там же. С. 405).

Имеется в виду «Соглашение международного редакционного комитета “Логос” с издательской фирмой “Мусагет” об издании периодического сборника по философии культуры “Логос”».

Габрилович Леонид Евгеньевич (псевдоним Галич; 1878–1953) – публицист, физик, приват-доцент Петербургского университета по кафедре философии, активный сотрудник журнала «Вопросы философии и психологии». В конце 1908 г. М. О. Гершензон намеревался пригласить его для участия в сборнике «Вехи». Кандидатуру Габриловича отклонил С. Л. Франк. «Считаю нужным высказаться против его участия, – писал он Гершензону в письме от 19 октября 1908 г. – Я его очень ценю как талантливое и образованное человека, но той глубины и нравственной серьезности, которая нужна в нашей работе, у него нет» (Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1991. Вып. 11. С. 252).

Первое издание указанной книги Риккерта вышло в 1899 г. и было переведено на русский язык под названием «Естествоведение и культуроведение» / Пер. М. Я. Фитермана. СПб., 1905. В предисловии к «Философии истории» Г. Риккерта (СПб., 1908) С. И. Гессен признал этот перевод «нецелесообразным», так как доклад «Культуроведение и естествознание» «хотя и дает некоторое представление о методологической теории Риккерта, но своими неточными и неосторожными формулировками может ввести читателя в заблуждение» (Указ. соч. С. V). Русский перевод второго издания книги Г. Риккерта был выполнен под ред. С. И. Гессена: «Науки о природе и науки о культуре». СПб., 1911.

535

Что живо и что мертво в философии Гегеля (итал.).

536

Дополнение (фр.).

Mehlis G. Schellings Geschichtsphilosophie in den Jahren 1799–1804, gewürdigt vom Standpunkt der modernen geschichtsphilosophischen Problembildung. 1907. О Георге Мелисе, одном из инициаторов немецкого «Логоса», Степун писал: «Мелис, бросивший в своей молодости ради философии офицерскую карьеру, отрекся в 1923-м году и от академической философии. Написав ряд книг, посвященных романтике и мистике, он, с ранних лет тяготевший к южному морю и эстетике католицизма, покинул Германию и поселился на итальянской Ривьере. В каких он сейчас настроениях – не знаю. Говорят, что он написал две книги о Муссолини и склоняется к заигрывающему с католицизмом крылу фашизма» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Л., 1990. Т. I. С. 175–176).

Имеется в виду статья В. Ельяшевича «Юридическое лицо в гражданском праве», которая неоднократно анонсировалась в «Предполагаемом содержании ближайшей книги» «Логоса», но так и не была в нем опубликована.

Статья Б. А. Кистяковского опубликована в «Логосе».
(1910. Кн. 2).

Речь идет о статье С. Л. Франка «Природа и культура» в той же книге «Логоса». Здесь ее, по-видимому, «дополняет» статья В. Виндельбанда «Философия культуры и трансцендентальный идеализм».

541

Почтовая открытка. Адрес: A Mr. E. K.. Medtner, Villa la Folie Pornichet (Les pino) France. Exp. Dr. S. Hessen. Marburg Schwanallee, 39. Почтовые штемпели: Pornich. Loire. 24. 6. Marburg 21.6. 10.

Рецензия В. М. Хвостова на первую книгу «Логоса» была опубликована (за подписью В. Х.) в журнале «Московский еженедельник» (1910. № 17. 1 мая). В ней, в частности, отмечалось: «Во вступительной статье редакция русского издания... сообщает о своих намерениях. Эти намерения состоят не менее, как в том, чтобы приобщить русскую культуру и выраженные в ней оригинальные мотивы к общей культуре Запада и тем содействовать созданию в России бесспорной, прочно установившейся философской традиции. До сих пор философии в настоящем смысле не было. Творчество Владимира Соловьева всецело уходит в темные корни его иррациональных переживаний. Позитивистские же течения русской мысли прямо провозглашают подчинение философии этическим и политическим ценностям. Гг. Гессен, Метнер и Степун обещают насадить с помощью своего издания настоящую научную философию. Хотя их издание не является подборником какого-нибудь определенного философского направления, но оно будет однако резко отмежевываться от всякой ненаучной философии.

На самом же деле в первой книжке, по крайней мере, это широковещательное мероприятие выразилось лишь в том, что напечатано несколько статей, которые целиком (за исключением разве только статьи Бутру «Наука и философия») посвящены восхвалению двух направлений современной немецкой философии и отрицательной оценке инакомыслящих философов, вроде Бергсона. Обозреватель современного состояния немецкой философии, г. Б. Яковенко, в сущности, только две философские школы и признает достойными внимания: марбургскую школу и школу

телеологического критицизма, связанную с именами Риккерта и Виндельбанда. Признавая идеалом философии освобождение от всякого психологизма, т. е. освобождение от “человеческого” вообще, от “человеческого” в каком бы то ни было отношении, г. Яковенко находит, что до сих пор даже эти две наиболее достойные внимания школы не разрешили этой задачи. Сам Коген оказывается далеко не свободным от психологизма в глазах строгой “нечеловеческой” критики г. Яковенко. Тем не менее именно на когенианство г. Яковенко считает возможным возлагать наибольшие надежды для будущего философии. В других статьях сборника, напротив, превозносятся принципы риккертской философии. Сам Риккерт посвящает статью вопросу о понятии философии. Затем именем риккертской философии г. Гессен изгоняет мистику, а г. Степун борется с романтизмом вообще, а в лице Шлегеля в частности. Заканчивается сборник рядом коротеньких рецензий и снисходительной заметкой по поводу двадцатипятилетнего юбилея Московского Психологического общества. По словам заметки, громадное значение такого журнала, как издаваемые обществом “Вопросы философии и психологии”, не подлежит сомнению, но, как видно из изложенной выше редакционной статьи, ни это общество, ни его журнал философской традиции в России наладить не могли. Задача эта будет выполнена гг. Гессеном, Метнером и Степуном» (Московский еженедельник. 1910. № 17. С. 57–60).

В другой статье «Науки об общем и науки об индивидуальном» Хвостов, критикуя «антипсихологизм» неокантианцев, писал в связи с этим о «Логосе»: «... Психологизм, который они гонят в дверь, неизбежно врывается в окно. Это и понятно: ведь свобода от психологизма была бы освобождением от всего человеческого. Это совершенно последовательно и

утверждает, напр., г. Яковенко в только что вышедшей первой книжке нового журнала “Логос” <...> Думаю, что можно вполне основательно усомниться в том, можем ли мы, оставаясь людьми, создать философию, свободную от “человеческого” вообще, от “человеческого в каком бы то ни было отношении”, как того желает названный автор» (Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 103 (III), май-июнь. С. 366–367).

Степун пишет о Хвостове следующее: «Враждебен всяким заграничным новшествам был и профессор права Вениамин Михайлович Хвостов, о котором поэт и юморист Эллис (Лев Львович Кобылинский) вполне серьезно рассказывал, будто бы он исчислял прочитанную им научную литературу по аршинам. Возвращаясь с дачи, он торжественно объявлял: “А я, знаете ли, за дождливое лето три с половиною аршина прочел, славно поработал”» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т I. С. 267). В 1920 г. Хвостов, не выдержав тягот и ужасов жизни при большевиках, покончил с собой, оставив, по свидетельству современника, записку: «Вот единственный способ избавиться от советской власти» (Гольденвейзер А. А. Из киевских воспоминаний // Архив Русской Революции. Берлин, 1922. Т VI. С. 296).

543

Речь идет об издатель, библиофиле А. М. Кожебаткине (1884-1942).

Перечислены (с некоторыми неточностями в названиях) статьи 2-й книги «Логоса» (1910), кроме статьи П. Б. Струве («Современный кризис в политической экономии»), которая была перенесена в первую книгу следующего года (Логос. 1911. № 1).

Циглер Леопольд (1881-1958) – немецкий философ, близкий к «философии жизни», доктор философии (с 1905). Его статья в русском «Логосе» не была опубликована, хотя дважды анонсировалась под разными названиями (Логос. 1910. Кн. 2. С. 292: «Р. Вагнер»; Логос. 1911 – 12. Кн. 2-3. С. 321: «Тирания синтетического искусства (Р Вагнер)»). Причиной ее не-напечатания послужила «сильная оппозиция» ей со стороны Э. К. Метнера, расценившего ее как «новейший образчик антивагнерианской литературы» (Труды и дни. 1912. № 4-5. С. 28).

546

«Но две души живут во мне, И обе не в ладах друг с другом» (Гёте И. В. Фауст / Пер. Б. Л. Пастернака. М., 1969. С. 69).

547

Все (итал.).

В статье «Нечто о Логосе, русской философии и научности. По поводу нового философского журнала “Логос”» В. Ф. Эрн резко противопоставил Ratio и Logos («бездной разделены»). Задачей русской философской мысли Эрн считал «осуществление решительной встречи» этих двух начал (Эрн В. Ф. Сочинения. М., 1991. С. 80, 120).

Кон Йонас (1869–1947) – профессор Фрейбургского университета, последователь Г. Риккерта. Имеется в виду его статья «Страннические годы Вильгельма Мейстера. Их смысл и значение для нашего времени» (Логос. 1910. Кн. 2), посвященная роману Гёте. Гессен вставил в перевод статьи стихотворные цитаты из романа, выполненные известным русским переводчиком П. И. Вейнбергом (1831–1908).

Статья В. Ф. Эрнэ «Нечто о Логосе...» впервые опубликована в журнале «Московский еженедельник» (1910. № 29–32), затем включена в книгу «Борьба за “Логос”». Опыт философские и критические» (М., 1911). С. Л. Франк ответил статьей «О национализме в философии» (Русская мысль. 1910. № 9), на которую Эрнэ в свою очередь отреагировал работой «Культурное непонимание» (Там же. № 10), что побудило Франка написать «Еще о национализме в философии» (Там же. № 11). О В. Ф. Эрнэ и его полемике с «Логосом» см. статью: Клестов А. А. О философии логизма В. Ф. Эрнэ и его сборнике статей «Борьба за Логос (Опыт философские и критические)» // Ступени. Философский журнал. Л., 1991. № 2. С. 89–99.

А. Белый ответил Эрну статьей «Неославянофильство и западничество в современной русской философской мысли» (Утро России. 1910. № 247).
Б. В. Яковенко опубликовал рецензию на книгу Эрна «Борьба за Логос» в «Логосе» (1911-12. Кн. 2-3. С. 284-288).

«Мы» - то есть Ф. А. Степун и С. И. Гессен; «промолчим» - вероятно, как авторы вступительной статьи «От редакции», которой открывается первый выпуск русского «Логоса» и в которой формулируются цели и задачи издания. Вероятнее всего, Гессен и Степун являются и авторами заметки «Логос», опубликованной в газете «Русские ведомости» в рубрике «Новости науки» (см. Приложение).

Чупров Александр Александрович (1874-1926) – экономист и статистик, профессор Петербургского политехнического института. Его имя в качестве «ближайшего участника» появилось на титуле 2-й книги «Логоса» (1910). Впрочем, «участие» его ограничилось лишь этим номинальным обозначением: в «Логосе» он не напечатал и даже не анонсировал ни одной статьи и ни одной рецензии. По-видимому, к участию в «Логосе» Чупрова привлек Б. А. Кистяковский.

Ксавье Леон – французский философ, инициатор (совместно с А. Лаландом) создания французского философского общества и созыва Первого международного философского конгресса (Париж, 1900). См. о нем: Щедрина Т. Г., Щедрина И. О. «Общительный философ»: Ксавье Леон – модератор интеллектуального сообщества // Вопросы философии. 2018. № 11. С. 213–222.

Эмиль Мейерсон (1859–1933) – французский философ, близкий к неокантианству. На русский язык переведена его книга «Тождественность и действительность» (СПб., 1912), рецензия на французское издание этой книги (1908) опубликована в «Логосе» (1910. Кн. 1).

556

Имеется в виду статья Р Кронера о Бергсоне; см. выше прим. 22.

А. Белый упоминает о «зеленом, изъеденном молью пустующем кабинете» в «Мусагете», где «останавливались В. Иванов, проездом в Москве, и С. Гессен, периодически наезжавший для составления номеров “Логоса”» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 417).

558

Благо народа (лат.).

Видимо, рассчитывая на положительный ответ Метнера, редакция «Логоса» поместила в 3-м его выпуске следующее объявление: «Книгоиздательство “Мусагет” расширяет с ближайшей осени свою деятельность по линии “Логоса”. Намечен ряд серий систематического и исторического характера. В первую голову будет представлена серия монографий великих философов. В ней уже обещали свое участие: Кубицкий, Гордон, Гессен, Степун, Яковенко, Ланц, Салагов и др. В ближайшее время будут выпущены две монографии: Б. Яковенко о Канте и Ф. Степуна о Шеллинге. Подробности и проспекты будут опубликованы в свое время» (Логос. 1911. Кн. 1. С. 237). Ниже сообщалось, что «Кн. 2-я за 1911 г. выйдет в начале октября 1911; 3-я – в декабре 1911 г.» (Там же. С. 239).

Этот составленный Степуном и Яковенко «набросок», как определил его Метнер, вызвал сильное недовольство последнего. В своем письме к А. Белому от 26–29 июня 1911 г. он назвал его «одной из несомненных интриг» А. М. Кожебаткина. (ОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 7. Л. 16). Фактически в 1911 г. вследствие недостатка финансовых средств, издательство «Мусагет» не расширило, а значительно сузило свою деятельность по линии «Логоса». Вместо обещанных двух номеров не вышел ни один. Следующий номер был выпущен лишь в 1912 г. (1911 – 12. Кн. 2–3).

560

Б. В. Яковенко приехал в Москву из Италии в феврале 1911 г.

Статья Э. Гуссерля «Философия как строгая наука» была опубликована в «Логосе» (1911. Кн. 1). О статье Л. Циглера см. выше прим. 38. Статья М. Вебера в русском «Логосе» опубликована не была (как, впрочем, и никакая другая его статья). Во 2-й кн. «Логоса» (1910) была анонсирована статья М. Вебера «О марксизме» (С. 299; повторное анонсирование – «Логос». 1911 – 12. Кн. 2–3. С. 321); в «Логосе» 1912—13. Кн. 1–2 была объявлена его статья «Авторитет и автономия в браке». Статья Б. Христиансена «Об основном феномене эстетики» (анонс: «Логос». 1910. Кн. 2. С. 299; 1911 – 12. Кн. 2–3. С. 321) также не была напечатана.

А. Лаппо-Данилевский с самого начала входил в число ближайших сотрудников «Логоса». На обложке последней книги журнала (1914. Т. I. Вып. II) анонсировалась его статья, но издание на этом выпуске прекратилось. В. И. Вернадский обещал дать статью «Философия и религия» (анонс: «Логос». 1911 - 12. Кн. 2-3. С. 321), но тоже не дал.

Э. К. Метнер предполагал опубликовать в «Логосе» статью «Натурализм и мистицизм в театре» (анонс: «Логос». 1910. Кн. 2. С. 299; 1911 – 12. Кн. 2–3. С. 321), но статья не была опубликована и, по-видимому, не была написана.

Статья Э. К. Метнера «Эстетические воззрения Бродера Христиансена», вошедшая в его книгу «Модернизм и музыка» (М., 1912; издана под псевдонимом «Вольфинг»).

Статья Б. В. Яковенко «Итальянская философия последнего времени (Обзор)». Логос. 1910. Кн. 2.

Вероятно, речь идет о философском семинаре, организованном при издательстве «Мусагет» Степуном. «К осени 1910 года около Степуна, явившегося в “Мусагет”, – писал А. Белый, – строилась философская молодежь; среди студентов его объявился Борис Леонидович Пастернак. <...> Метнер ни разу на семинарии не был» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 342). Б. Л. Пастернак прочел в начале 1913 г. доклад «Символизм и бессмертие» (см.: Пастернак Е. Борис Пастернак. Материалы для биографии. М., 1989. С. 176). О своем отношении к «Мусагету» Б. Пастернак упоминает в «Охранной грамоте» (см.: Пастернак Б. Охранная грамота. Шопен. М.: Современник, 1989. С. 13).

Спрашивая о «сборнике», Гессен, скорее всего, имеет в виду «Сборник о культуре», о котором Метнер писал А. Белому в письме от 26–29 июня 1911 г. Метнер обвинил в нем А. Белого в том, что тот (через Гессена) заказал для этого сборника статью у Д. С. Мережковского «Религия и культура», «чем поставил меня в крайне неловкое положение перед Вячеславом (Ивановым. – В. С.), который полагал, что это именно я тот наивный человек, который думает, что он и Мережковский могут писать в одном и том же сборнике на одну и ту же тему».

Задним числом А. Белый обвинил Метнера, что тот «проспал» новую «проблему культуры», «а “Мусагет” лишился чести быть зачинателем новой науки, имея такого ритмиста, как я» (Белый А. Между двух революций. С. 342).

Имеются в виду ранние философские сочинения Гегеля, написанные им до «Феноменологии духа». По мысли В. Дильтея, сформулированной в работе «Die Jugendgeschichte Hegel» (Berlin, 1905), взгляды Гегеля этого периода могут быть истолкованы как «мистический идеализм», что позволяло «укоренить» его – в духе неокантианства – в русле немецкого романтизма.

Правильное название работы В. Дильтея о Шлейермахере – «Leben Schleiermachers».

Морозова Маргарита Кирилловна (1873-1958) – учредительница московского Религиозно-философского общества, владелица издательства «Путь». «...Она, – вспоминал Степун, – с сочувственным вниманием относилась и к нам, логосовцам. Помню, как мне удалось вызвать в ней симпатию к нашим замыслам указанием на то, что мы отнюдь не отрицаем ни Бога, ни Христа, ни православия, ни русской традиции в философии, а требуем только того, чтобы философы перестали философствовать одним “нутром”, чтобы они поняли, что нутряной “*stule russe*”, отмененный Станиславским на сцене, должен исчезнуть и в философии, так как философствовать без знания современной техники мышления – нельзя» (Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. I. С. 258).

Введенский не принял участия в работе «Логоса», ограничившись анонсом своей статьи «О чужом Я» (Логос. 1911 - 12. Кн. 2-3. С. 321).

Речь, вероятно, идет о книге Б. Христиансена «Philosophie der Kunst» (Hanoу, 1909), рецензия на которую была помещена в «Логосе» (1910. Кн. 1). Рецензия не подписана, и не исключено, что ее автором был либо сам Э. К. Метнер, либо кто-то из Петербурга, кому и была передана книга для рецензирования. В таком случае смысл вопроса Метнера понятен: он просит узнать, где книга, и вернуть ее. Но не исключено, что речь идет о русском переводе книги Христиансена «Философия искусства» (СПб., б/г), рецензию на которую поместил в «Логосе» Ф. А. Степун (1912—13. Кн. 1-2).

К письму Гессена приложена программа его доклада о книге Э. Ласка (см. Приложение), которая предваряется фразой: «Собрание философского Кружка (Знаменка 11, кварт. М. К. Морозовой) состоится в пятницу 4-го ноября, в 6 час. вечера». Над содержанием этого доклада неоднократно иронизировал А. Белый. «Отношение к Канту, – писал он, – было экзаменом на право быть принятым в общество “порядочно мыслящих”; для этого надо было усидчиво преодолеть некую понятийную гимнастику, заменявшую мировоззрение овладением приемами схоластических головоломок, как-то: знать, чем отличается от “формы форм” и почему “форма формы формы” равно “форме формы”» (Белый А. Начало века. М., 1990. С. 546).

А. Белый присутствовал на докладе Гессена и передал свое впечатление от него следующим образом: «Лопатин рвал и метал, не понимая ни слова в модернистской схоластике; когда же в Москве появился молодой Гессен, вылетевший из гнезда Ласка, низавшего ожерелья из тугих терминов, Лопатин даже перетерялся; после реферата Гессена, в котором не было ни единого слова вне лексикона Ласка, он прицепился ко мне, взявши под руку, жалобно в ухо мне зашептал: “Поняли ль вы хотя бы одно слово? Я – ничего не понял”. Пришлось сознаться: реферат произвел и на меня впечатление, что юркий философутик, человек-змея, показывал ловкость прыжка из четвертого этажа на тротуар без разбития себе носа – лозунг “форма формы формы” есть то же, что “форма формы”, которая – не есть форма, а норма. – “Хо, хо, хо”, – завеселился Лопатин, перетирая руки. Но должен сказать, смех не

звучал победительно» (Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 272-273).

Об «истории с оттисками» см. письмо Б. А. Кистяковского к С. И. Гессену (наст. изд. с. 000).

Имеется в виду нашумевший в свое время инцидент «Метнер-Менгельберг». (Вильгельм Йозеф Менгельберг (1871–1951) – голландский дирижер). «В декабре 1910 года Н. К. Метнер и дирижер Менгельберг должны были исполнять в Петербургском симфоническом вечере Кусевицкого четвертый концерт Бетховена. Метнер специально сочинил к нему каденции. С самого начала репетиции Менгельберг вел себя вызывающе по отношению к солисту: нарочито брал разные с ним темпы, утрировал звучность оркестра, а о каденциях Николай Карловича заявил, что последний “ничего не смыслит в Бетховене”. Метнер с трудом довел репетицию до конца, но от участия в концерте категорически отказался.

В печати по этому поводу появилось заявление Н. К. Метнера; он писал: “... Этот случай имеет значение, далеко выходящее из рамок чисто личного... в моем лице было нанесено оскорбление солисту со стороны зазнавшегося дирижера и, что еще важнее, русскому артисту со стороны заезжего иностранца” (Метнер Н. Открытое письмо // Музыка. 1910. № 3. С. 70).

Русская музыкальная общественность именно так и расценила поступок Метнера. В знак солидарности Николаю Карловичу, исполнявшему четвертый концерт Бетховена в Московском симфоническом собрании, был подписан адрес. Среди подписавшихся первыми поставили свои имена Скрябин и Танеев» (опубликован в газете «Москва», 1910, 20 декабря). Долинская Е. Б. Николай Метнер. Монографический очерк. М., 1966. С. 30–31.

Подробнее см.: Штемберр Н. В. Из воспоминаний о Н. К. Метнере // Метнер Н. К. Воспоминания. Статьи. Материалы. М., 1981. С. 91-92; Шагинян М. С. Воспоминания о С. В. Рахманинове // Воспоминания о Рахманинове. М., 1988. Т 2. С. 128 и комментарий на с. 486-488; Всероссийский скандал. Беседа с С. А. Кусевицким // Руль. 1910. 13 декабря; Постоутенко К. Ю. Н. К. и Э. К. Метнеры: парадокс национальной самоидентификации. К истории одного письма Андрея Белого // De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 44-48.

Каратыгин Вячеслав Гаврилович (1875–1925) – музыкальный критик, композитор, один из организаторов «Вечеров современной музыки» (Петербург, 1901–1911), проф. Петроградской консерватории (1916–1925). К творчеству Н. К. Метнера относился крайне отрицательно, называя его «механическим творчеством» (Речь. 1913. 23 января).

Заведая отделом музыкальной критики в газете «Речь» (которую издавал И. В. Гессен – отец С. И.), Каратыгин неоднократно публиковал в ней отрицательные отзывы о творчестве Н. К. Метнера. Вообще нападки музыкальных критиков на композиторское и исполнительское мастерство Н. К. Метнера – обычное явление того времени.

Имеется в виду статья Гессена «Издания “Логос”», опубликованная в «Каталоге издательства “Мусагет”» (1910–1912)» (Труды и дни. 1912. № 1. С. 22–24 второй пагинации, см. Приложение). В этом же номере журнала опубликованы программные статьи Э. К. Метнера «Мусагет», Вяч. Иванова «Орфей», Андрея Белого «Орфей», Ф. Степуна «Логос». Поскольку статья Гессена помещена в «Каталоге», а не в основном тексте журнала, она дана без подписи. Авторство установлено по письму Метнера к А. Белому от 26–29 июня 1911 г. (НИОР РГБ. Ф. 25. К. 20. Ед. хр. 7. Л. 14).

575

В связи со смертью Л. Н. Толстого 7/20 ноября 1910 г., о чем писала вся мировая пресса.

576

Статья Н. О. Лосского «Нравственная личность Толстого» опубликована в «Логосе» (1911. Кн. 1).

Статья В. И. Иванова «Л. Толстой и культура» опубликована в том же номере, что и статья Лосского; переведена на немецкий Ф. А. Степуном (Logos. Bd. II. 1911-1912. N. 2).

В апреле 1911 г. в Болонье проходил IV Международный философский конгресс. Из русских философов в его работе участвовал Н. О. Лосский (сообщение «Теория познания и проблема возникновения знания»). См.: Логос. Философско-литературный журнал. Вып. I. М., 1991. С. 122.

Энрикес Федерико (1871-1945) - итальянский философ и математик; на русский язык переведена его книга «Проблемы науки». М., 1911.

Ч. 1 (оригин. изд.: *Problemi della scienza*. Bologna, 1909; рец.: «Логос». 1910. Кн. 1).

Вариско Бернардино (1850-1933) - итальянский философ, профессор, редактор итальянского «Логоса», в русском «Логосе» опубликована его статья «Субъект и действительность» (1911-1912. Кн. 2-3). Рец. на его книгу «*I maximi problemi*» (Milano, 1909) - «Логос». 1910. Кн. 1.

580

Этого самого выдающегося философского журнала современности (*нем.*).

Гавриил Осипович Гордон – философ-неокантианец, ученик Г. Когена. В «Логосе» опубликовал ряд рецензий (1911. Кн. 1; 1911 – 12. Кн. 2-3; 1912-1913. Кн. 1-2), перевел статью Л. Циглера (1910. Кн. 2) и часть статьи Э. Гуссерля (1911. Кн. 1). См. «Отчет редакции “Логос” за 1910-1911 годы». Во 2-й кн. «Логоса» (1910) было объявлено, что Г. Гордон (в числе прочих) «обещал» статью.

582

Почтовая открытка. *Адрес:* Москва. Г-ну Э. К. Метнеру, Пречистенский б., 31 кв. 9. Изд-во «Мусагет». *Почтовые штампы:* С.-Петербург 16. 2. 12. Москва 17 II. 1912.

Доклад А. Белого о символизме состоялся в Петербургском «Обществе ревнителей художественного слова», не 20-го, а 18-го февраля 1912 г. (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 786).

Письмо не имеет полной даты; в папке архивного фонда оно помещено после письма от 2-го марта 1913 г., таким образом, его как будто следует также датировать 1913 г. Содержание его, однако, заставляет предпочесть

1912 г. В пользу этой даты говорят следующие факты:

1) А. И. Кожебаткин с 1-го января 1913 г. «уже не состоял более при Мусагете» (см. ниже письмо Э. К. Метнера от 29 декабря 1912 г. – наст. изд., с. 324–325) и вряд ли в марте 1913 мог распоряжаться «кассовой наличностью»;

2) С. И. Гессен в письме пишет о сдаче экзаменов по греческой и средневековой истории. «Теперь погружаюсь в греч[ескую] философию». А в следующем письме сообщает: «Теперь всецело погружаюсь в Платона и Аристотеля».

3) «С нетерпением жду Вашей книги». Речь идет о книге Э. К. Метнера «Модернизм и музыка», вышедшей в 1912 г., за получение которой Гессен благодарит автора в письме от 20 июля 1912 г. 30 июля 1912 г. благодарит Метнера за получение книги и С. В. Рахманинов (Рахманинов С. В. Литературное наследие. М., 1980. т. 2. С. 53, 393). О «Размышлениях о Гёте» речи идти не может, так как из писем Гессена к Метнеру от 26 февраля и 2 марта

1913 г. следует, что он сам по поручению автора хлопотал в Петербурге об издании этой книги.

Наконец, 4) в публикуемом ниже «Отчете редакции “Логос”» указано финансовое состояние редакции «к 20 марта 1912 г.». С опозданием на год эти сведения едва ли представляли бы интерес. В силу перечисленных обстоятельств письмо следует датировать 1912 годом.

Из «Отчета» становятся известны авторы редакционной статьи и переводчики иностранных статей. См. Приложение.

586

Речь идет о «Логосе» (1911-1912. Кн. 2-3).

Г. А. Котляр – глава Петербургского издательства «Образование», выпускавшего неперидические сборники «Новые идеи в философии», переводчик философской литературы.

588

С. И. Гессен сдавал в это время экзамены на степень магистра.

589

Книга «Цветочки св. Франциска Ассизского»,
выпущенная издательством «Мусагет» в 1913 г.

Статьи Г. Зиммеля «Истина и личность», М. Фришайзен-Кёлера «Вильгельм Дильтей как философ», Г. Лукача «Метафизика свободы» опубликованы в «Логосе» (1912-1913. Кн. 1-2). Статьи А. Мейнонга «За психологию и против психологизма в общей теории ценностей», Е. Кюнемана «Гердер, Кант, Гете» и Руге «Система и история философии» анонсировались, но опубликованы не были.

Статья Ф. А. Степуна – вероятнее всего, «Жизнь и творчество» (Логос. 1913. Кн. 3-4), статья Гессена – «Философия наказания» (Логос. 1912—13. Кн. 1-2); статьи Н. Авксентьева «Философия П. Лаврова» и «Философия А. Рилля» анонсировались, но опубликованы не были.

Статьи Н. Васильева «Логика и металогика» и Н. Лосского «Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений» (Логос. 1912-13. Кн. 1-2).

593

«Модернизм и музыка».

Витольд Францевич Ахрамович (1882–1930) – сначала корректор, а с ноября 1912 г. (после А. М. Кожебаткина) секретарь изд-ва «Мусагет».

595

Речь идет о статье Э. Радлова «Гносеология Вл. Соловьева» (Логос. 1912-13. Кн. 1-2).

596

Речь, по-видимому, идет о переводе: Дильтей В. Типы мировоззрения / Перев. Г. А. Котляра и С. И. Гессена) // Новые идеи в философии. Сб. № 1. СПб., 1912.

О Б. Христиансене в книге «Модернизм и музыка» Метнер писал: «Мысль Христиансена движется, на мой взгляд, в том направлении, которое наиболее способно привести к пролегоменам будущей науки об искусстве. <...> Но потому ли, что тема Христиансена талантливее его самого, или оттого, что самый путь очень труден, мысль писателя нередко колеблется настолько, что рискует упасть и затем подняться и дальше идти по совсем другой, почти противоположной дороге. <...> Христиансен подходит вплотную к мыслям, изложенным мною в статье о Критике, и только что не произносит слова раса. <...> Культура возможна только среди по существу родственных людей» (С. 195-196). В целом, заключает Метнер, «колеблющаяся мысль Христиансена... передает кормило то Аполлону, то Дионису», в результате чего у Христиансена наблюдается «смешение собственно эстетики с теорией художественного творения, названного мною выше поэтикой» (С. 201).

Э. Метнер. «Маленький юбилей одной странной книги» и еще две статьи под псевдонимами: Вольфинг – «Инвективы на музыкальную современность», *Mi-la* – «Ответ эмоционально-музыкальной эстетике». (Труды и дни. 1912. № 2).

В 1905 г. Б. В. Яковенко был членом террористической группы партии эсеров и привлекался как обвиняемый по делу этой группы. После его возвращения из-за границы (в сентябре 1911 г.) за ним было установлено постоянное наружное наблюдение, которое зафиксировало его связи с Борисом Савинковым и Розалией Лифшиц. 13 апреля 1912 г. ввиду ожидавшегося приезда в Москву высочайших особ Яковенко был арестован и содержался под стражей до 21 июня 1912 г. (т. е. он был освобожден на следующий день после публикуемого письма Гессена). Подробнее см.: Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб., 2000. С. 17.

Речь, вероятнее всего, идет о «проделках» А. М. Кожебаткина (1884–1942) – первого секретаря «Мусагета». По словам А. Белого, он возглавлял «коньячную фракцию» «Мусагета». «Иногда засиживался я у А. М. Кожебаткина, насильственно (!) им приобщаемый к коньячку, на который, как мухи, слетались молодые художники; Кожебаткин подпаивал их; он выпрашивал у них этюдики; а когда художники приобретали известность, “этюдики” продавались Кожебаткиным за крупную сумму, становясь доходной статьей: Кожебаткин был очень горазд эксплуатировать. Каково же было мне тут “приконьячивать”! Выпив лишнюю рюмочку, сколько раз я высказывал Кожебаткину сетования на Метнера, чтобы потом стыдиться такой откровенности и вспоминать стихотворение Баратынского, как мы бежим от ставшего постылым лица конфидента» (Белый А. Между двух революций. С. 418).

О склонности Кожебаткина к «напиткам» свидетельствуют почти все современники. «Когда Александру Мелентьевичу звонят из типографии, – рассказывает поэт-имажинист А. Мариенгоф, – с просьбой немедленно приехать и подписать к печати срочное издание, а Жорж Якулов предлагает распить бутылочку, милый романтический “этикет” обязывает Кожебаткина верить своей житейской мудрости, что “не уйдет дело”, и свернуть в грузинский кабачок. А завтра удвоенный типографский счет “за простой машины”» (Мариенгоф А. Роман без вранья // Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С. 346–347).

Как о «необычайно колоритной фигуре того времени» вспоминает о Кожебаткине и Вадим Шершеневич. «Некогда высланный за свои революционные убеждения, он вернулся в Москву, когда первая плеяда символистов уже кончила свои взлеты. <...> Средств у Кожебаткина было мало, вернее, не было совсем. Этих средств могло хватить на неизменный литр красного вина, который всегда стоял у него на столе. <...> Кожебаткин впервые издал Клычкова, Чурилина, Львову и других... первый выпустил полную “Гаврилиаду” и всегда имел, если не в портфеле, то в голове, изумительные планы» (Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910–1925 гг. // Там же. С. 480–481).

А. Белый находился в это время в Буа-ле-Руа (под Парижем), где работал над 5-й главой «Петербурга» (см.: Андрей Белый. Проблемы творчества. С. 786). Вопрос Гессена связан, по-видимому, с ожиданием от А. Белого обещанной им для «Логоса» статьи «Идея призвания в “Переписке с друзьями” Гоголя» (анонс: Логос. 1910. Кн. 2; 1911 - 12. Кн. 2-3).

602

Почтовая открытка. Адрес: Москва. Г-ну Эмилию Карловичу Метнеру. Пречистенский б. 31, кв. 9. Изд-во «Мусагет». Почтовые штемпели: С. Петербург. 19. X. 1912. Москва 20. 10. 12. 9 ч.

Бузони Феруччио Бенвенуто (1866–1924) – итал. пианист, дирижер, композитор. Речь идет о его книге: Эскиз новой эстетики музыкального искусства / Пер. с нем. и предисл. В. Коломийцева. СПб., 1912.

Реклама сборников «Новые идеи в философии», а также всех остальных сборников «Новые идеи...», выпускаемых издательством «Образование», появилась в «Логосе», 1913. Кн. 3-4. С. 375-376.

605

Тайное соглашение (лат.).

Имеются в виду «Инвективы на музыкальную современность» – статьи, которые Э. К. Метнер (под псевд. «Вольфинг») опубликовал в журнале «Труды и дни» (1912. № 2-3). Отрицательное отношение Э. К. Метнера к Бузони становится понятным из письма его брата Н. К. к одному из своих учеников. Философское и эстетическое мировоззрение Н. К. Метнера формировалось под сильным влиянием старшего брата, что видно и из его книги «Муза и мода» (Париж: «Таир», 1935). По поводу Бузони Н. К. Метнер писал в 1925 г. П. И. Васильеву: «Эстетика – не как история или теория искусств, а как общее художественное мировоззрение, как философия художественной веры и совести, как осмысление художественной правды и красоты, этики искусства или, если можно так сказать, символ художественной веры – есть область еще более важная для художника, чем его специальная теория, и область, хоть и не собранная воедино, но существующая объективно. А между тем и тут появился чертов хвостик, т. е. забыв святых отцов эстетики, собравших ее не для своей славы, а во славу искусства, отдельные предприниматели вроде, напр[имер] Бузони и других (имя им легион), стали строить каждый свою эстетику (уже во славу свою) и породили этим чертово племя эстетов и проклятый эстетизм, с индивидуальным вкусом, как императивом, который еще опаснее теоретизма ровно постольку, поскольку общая эстетическая вера важнее теоретических догм и даже первичнее их, т. е. влияет на них» (Метнер Н. К. Письма. М., 1973. С. 309).

По-видимому, Николай Васильевич Самсонов – философ-неокантианец, доцент Московского университета. Ученик С. И. Танеева. Речь идет о предполагаемой рецензии на книгу Метнера «Модернизм и музыка». См. о нем: Щедрина Т. Г. Комментарии // Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / Отв. ред. – сост. Т. Г. Щедрина. М., 2010. С. 249–253, 629–630.

Единственный критический отзыв о «Модернизме и музыке», появившийся в «Трудах и днях», принадлежит В. И. Иванову: *Marginalia* (1912. № 4-5. С. 38-43).

Ф. А. Степун жил в Москве на Балчуге (см.: Степун Ф. А. Бывшее и не-сбывшееся. Т. I. С. 202).

В письме Метнера и в большинстве писем С. И. Гессена 1913 г. речь идет о финансировании журнала «Логос», поэтому необходимо осветить этот вопрос подробнее.

Финансировала «Мусагет» немецкая меценатка, приятельница Э. К. и Н. К. Метнеров Ядвига Фридрих (Hedwig Friedrich), с которой они познакомились осенью 1907 г. В ее доме в Пильницена-Эльбе (близ Дрездена) Метнеры нередко проводили летние месяцы. Н. К. Метнер посвятил ей свой цикл песен «Из шести стихотворений Гете». В своих письмах Э. К. Метнер называет Я. Фридрих чаще всего «издателем» или даже «издателями». «Направление журнала [“Мусагет” задуман был вначале как журнал. – В. С.] (по желанию издателя) должно быть германофильское (в широком неполитическом, нефанатическом, культурном смысле слова) и отнюдь не враждебное Вагнеру», – писал Э. К. Метнер в письме к Эллису от 26 августа 1909 г. (ОР РГБ. Ф. 167. К. 6. Ед. хр. 13; цит. по: Белый А. Между двух революций. С. 539).

Речь идет об «Открытом письме Андрею Белому по поводу статьи “Круговое движение”» Ф. А. Степуна // Труды и дни. 1912. № 4-5.

О Каратыгине см. прим. 67.

Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – художник, критик, один из организаторов и идеологов объединения «Мир искусства».

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – политический деятель, редактор газеты «Речь» (совместно с И. Гессеном), лидер партии кадетов, отец писателя В. В. Набокова.

Упоминание о «женах» свидетельствует о полном незнании С. И. Гессеном обстоятельств семейной жизни Э. К. Метнера.

В сентябре 1903 г. Э. К. Метнер женился на скрипачке Анне Михайловне Братенши; брак оказался недолгим, и с 1904 г. А. М. стала фактически женой брата Э. К. Метнера Николая Карловича. Этот фактический развод и фактический новый брак братья Метнеры долго скрывали от родных и знакомых (родители узнали об этом лишь в 1909 г.) и в силу этих обстоятельств были вынуждены вместе проживать и вместе появляться на людях. Брак Н. К. Метнера с А. М. был оформлен лишь в 1919 г.

614

Речь идет о «Логосе». 1912-1913. Кн. 1-2.

615

Что Вы скажете об этом плане?

616

Терещенко Михаил Иванович (1886–1956) – капиталист-сахарозаводчик, владелец (вместе с сестрами) изд-ва «Сирин», в 1917 г. – министр Временного правительства.

617

Имеется в виду «Открытое письмо А. Белому...» Ф. А. Степуна.

618

Самодельное письмо. Адрес: Г-ну Эмилию Карловичу
Метнеру. Москва Пречистенский б. 31. Изд-во «Мусагет».
Почтовые штампы: С. Петербург. 14. 2. 13, Москва 15.
2. 13.

619

Относительно этих 100 р. просил Э. К. Метнера Б. В. Яковенко в письме от 3 февраля 1913 г.

620

Эйгес Константин Романович (1875–1950) – композитор, пианист, педагог и философ.

Речь идет о книге К. Эйгеса: Статьи по философии музыки. Кн. 1. М., 1912. Статья Метнера об Эйгесе и Бузони не была написана, поэтому трудно судить, как оценил бы он эту книгу. Но целый ряд идей, сформулированных в ней, был ему, несомненно, близок.

Основную цель своего исследования Эйгес формулирует следующим образом:

«К какому... миру... следует отнести музыку: к миру ли внешних физических – акустических – явлений, или к миру внутренних, душевных движений? Вот основная антиномия музыкальной эстетики, вокруг которой, вернее, около двух решений которой, уже издавна и до сих пор вращаются мнения о сущности музыки, устно и письменно высказываемые» (К. Эйгес. «Статьи по философии музыки. Кн. 1». М., 1912. С. 25). «Писатели-беллетристы, – пишет он далее, – а также музыкальные критики, под видом музыкальной критики описывающие те чувства, которые будто бы выражены в музыке, описывают в сущности то, чего в музыке вовсе нет. Занятие это следует считать просто праздным, а со стороны музыкальных критиков – даже недобросовестным» (Там же. С. 27-28). Решая сформированную им выше «основную антиномию музыкальной эстетики», Эйгес перефразирует мысль И. Канта применительно к музыке: «Суждение о музыке есть не только эстетическое суждение, но и нравственное, музыка не только красива, но представляет собою воплощение духовно-высокого. Она не только предмет для созерцания, но и пример для воли, как духовно-прекрасный поступок. Музыка рассматривается здесь уже не как произведение искусства, а как сама природа, но не как физическая

природа, а как сверхприрода, как душевное состояние божества, сверхчеловеческое бытие которого свободно от деления на физический и психический, внешний и внутренний мир» (Там же. С. 32).

622

Самодельное письмо. Адрес: Г-ну Эмилию Карловичу
Метнеру. *Москва* Пречистенский б. 31. *Почтовые*
штемпли: С. Петербург. 27. II. 13, Москва 28. II. 13.

623

«Новые идеи в философии» выходили в изд-ве «Образование» (СПб.) под ред. Н. О. Лосского и Э. Л. Радлова.

Речь идет о книге Э. К. Метнера «Размышления о Гете. Кн. 1. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (М., 1914), которую он, видимо, собирался выпустить не в «своем» издательстве, а в Петербурге.

По-видимому, речь идет о «Логосе» 1913. Кн. 3-4, где были помещены статьи Г. Риккерта «Суждение и процесс суждения» и Г. Ланца «Вопросы и проблемы бессмертия». Статья Вольтмана (если только это не описка и речь идет не о Г. Вельфлине) – неизвестна.

626

Самодельное письмо. *Адрес:* Г-ну Эмилию Карловичу Метнеру. Москва, Пречистенский б. 31, кв. 9. «Мусагет». *Почтовые штампы:* С. Петербург. 2. III. 1913. Москва 3. 3. 13. 6 ч.

627

Речь идет о книге Э. К. Метнера «Размышления о Гете».

«Шиповник» - петербургское издательство, основанное в 1906 г.; выпускало популярные литературно-художественные альманахи. Подробнее см.: Келдыш В. А. Альманахи издательства «Шиповник» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1915-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 257-294.

629

Карабасников Николай Павлович (1852-1921) - петербургский книгоиздатель.

630

Речь идет о «Логосе». 1913. Кн. 3-4.

Карл Петрович Метнер (1846–1921) – отец Э. К. Метнера, один из директоров акционерной компании «Московская кружевная фабрика», «несменяемый казначей» издательства «Мусагет».

632

Имеется в виду «лист», на который Б. В. Яковенко превысил свой «Обзор американской философии».

Помимо перечисленных выше авторов, в состав этого номера «Логоса» вошли также статьи Г. Риккерта «Суждение и процесс суждения» и Г. Ланца «Вопросы и проблемы бессмертия».

«Жан-Кристоф» – роман Р Роллана; «Жан-Кристоф в Париже» – первоначальное название 5-й, 6-й и 7-й книг романа. С 1904 по 1912 г. «Жан-Кристоф» печатался в «Двухнедельных тетрадах» Ш. Пеги, начиная с 1905 г. роман (в 10-ти томах) выходит в издательстве «Оллендорф»; первый русский перевод – 1911-1916 гг.

Имеется в виду статья Г. Ландау «Объективные мотивы философских построений». О Григории Адольфовиче Ландау (1877-1940), авторе статьи «Сумерки Европы» (Северный вестник. 1914, № 10-12) и книги под тем же названием (Берлин: «Слово», 1923), в которых «высказано многое, что впоследствии создало мировую славу Освальду Шпенглеру», см.: Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. I. С. 301-303.

636

Против сердца (фр.).

В издательстве «Товарищество М. О. Вольф» «Логос» начал выходить с 1914 г. До начала войны успело выйти два выпуска.

638

Под застрявшей книжкой «Логоса» имеются в виду все те же кн. 3-4 за 1913 г. – последняя, выпущена издательством «Мусагет».

Переходя из «Мусагета» в изд-во «Т-ва М. О. Вольф», редакция «Логоса» сохранилась в прежнем составе: Э. К. Метнер, С. И. Гессен, Ф. А. Степун, Б. В. Яковенко. В их число вошел также приват-доцент В. Е. Сеземан. Из числа «принимающих ближайшее участие» выбыли Н. О. Лосский и С. Л. Франк.

Э. К. Метнер, по-видимому, имел серьезные намерения по окончании войны («естественным» образом прекратившей приток в «Мусагет» финансовых средств) воссоединиться с «Логосом». В письме к В. В. Пашуканису от 15 июля 1915 г. он писал: «Яковенко, Степун, Ильины являются в настоящее время идейно наиболее желательным элементом [“Мусагета”. – В. С.], так как они будут служить опорой для восстановлению в сознании общества вечной и великой ценности философского идеализма» (ОР РГБ. Ф. 167. К. 13. Ед. хр. 13. Л. 6).

Владимир Емельянович (Эмильевич) Сеземан (1884–1940) – приват-доцент С.-Петербургского университета, затем профессор Ковенского университета в Литве и университета в Вильне. В «Логосе» опубликовал статьи «Рациональное и иррациональное в системе философии» (1911. Кн. 1); «Платонизм, Плотин и современность» (1925. Кн. 1) и ряд рецензий. По своим философским взглядам В. Е. Сеземан был очень близок С. И. Гессену.

О. А. Шор (псевд.: О. Дешарт) (1894–1978) – близкий друг семьи Ивановых, с которой прожила большую часть их римских лет; издатель «Собрания сочинений» В. И. Иванова (Т. I–IV Брюссель, 1971–1987).

Личные контакты В. И. Иванова и Э. К. Метнера возобновились летом 1929 г. – отсюда осведомленность О. А. Шор. Подробнее см.: Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М., 1992. С. 217–218.

Впоследствии С. И. Гессен вспоминал об О. Шор:

«Во Фрейбурге... летом 1911 г. я встретил Ольгу Александровну Шор, дружба с которой стала в дальнейшем одним из важнейших событий моей внутренней жизни. Дружба эта не раз граничила с большой любовью, которая, как мне казалось, была взаимной. Однако я упустил все возможности, откладывая решение до более удобной, как мне тогда казалось, минуты, и, отчасти по своей нерешительности, а частью также из-за обычного своего легкомысленного оптимизма, полагал, что в будущем случится что-то такое, что облегчит мой развод с женой, которой, так же, как и детей, я не решался оставить. О. А. Шор, с которой я посещал лекции математики, основательно помогала мне в подготовке к магистерскому экзамену. Беседы с ней не только углубили мой образ мыслей, склонный к банальным конструкциям, но в определенном смысле расширили мой интеллектуальный кругозор, да и все мое миропонимание. Если я никогда больше не увижу ее, то все же хотел бы, чтобы она узнала, что я до конца моих дней сохранил чувство глубокой признательности к ней, которое сопровождалось сознанием утраты огромных

возможностей» (Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 157-158).

В эти годы С. И. Гессен публиковался в основном в «общественно-политическом и литературном журнале» «Современные записки», выходившем в Париже в 1920–1940 гг.

Вот наиболее существенные его статьи: «Крушение утопизма» (1924. № 19); «Проблема правового социализма» (1924. № 2; 1925. № 23; 1926. № 27–29; 1927. № 30–31); «Евразийство» (1925. № 25); «Трагедия добра в “Братьях Карамазовых”» (1928. № 35); «Немецкое издание неопубликованных рукописей Ф. М. Достоевского» (1929. № 39).

Письма С. И. Гессена к Б. А. Кистяковскому публикуются по рукописям, хранящимся в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГТИ). Ф. 108. Ед. хр. 1. Л. 86, 90, 1 10, 1 16, 114, 124, 122, 127 (почтовые открытки); Ед. хр. 5. Л. 10-12. Письмо Б. А. Кистяковского публикуется по рукописи, хранящейся в НИОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед. хр. 19. Л. 1.

Датируется по почтовому штемпелю (10. 6. 10); адресовано в Париж (Paris 13, Rue Radziwill, Hotel de Normandie), где Б. А. Кистяковский находился со 2-го мая н. ст. «По дороге сюда, - писал он М. О. Гершензону 14/27 мая 1910 г., - я останавливался в Гейдельберге (2 дня), в Фрейбурге (2 дня) и в Базеле (1 день), чтобы увидеться со старыми знакомыми и приятелями немцами. Здесь я нашел для своей работы больше, чем ожидал, и потому я чрезвычайно доволен своим пребыванием в Париже. К сожалению, скоро придется оставлять Париж, чтобы ехать в Москву» (НИОР РГБ. Ф. 167. К. 34. Ед. хр. 44. Л. 5).

645

О рецензии В. М. Хвостова см. прим. 35.

646

Речь идет о статье Б. А. Кистяковского «Реальность объективного права» (Логос. 1910. Кн. 2).

647

Адрес: Herrn Dr. Th. Kistiakowski Marienstr., 6 III Адрес:
Herrn Dr. Th. Kistiakowski, Marienstr., 6 III Berlin ND,
Deutschland. Почтовый штемпель: Bern 7. IX. 10. Berlin
ND, *Deutschland*. Почтовый штемпель: Bern 7. IX. 10.

648

Непредвиденный случай (фр.).

Встреча С. И. Гессена с Кистяковским в Берлине не могла состояться 12 сентября, так как последний по состоянию здоровья в начале сентября переехал в Мюнхен (см. его письмо к М. О. Гершензону от 12/25 сентября 1910 г. - НИОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 44. Л. 8-13).

650

Письмо хранится в архиве Э. К. Метнера, которому его, по-видимому, передал Гессен.

651

Адрес: Herrn Professor Th. Kistiakowski, München,
Giselasrt. 15, Pension Gisela. *Почтовые штемпели:* Freiburg
24. 4. 11.5-6 N, Breisgau.

652

В конце апреля Б. А. Кистяковский оставил Мюнхен и 4 мая (н. ст.) 1911 г. прибыл в Париж. По дороге он, вероятно, заезжал во Фрейбург. См. следующее письмо.

По-видимому, речь идет о переводе Гессеном собственной статьи «Мистика и метафизика» (Логос. 1910. № 1) на немецкий язык. См. в Приложении «Отчет редакции “Логоса”...» (за № 3).

Книга В. С. Соловьева, о которой здесь (и в следующем письме) идет речь, вероятнее всего – «Оправдание добра» (Сочинения, т. VII), которую Б. А. Кистяковский дважды цитирует в своем фундаментальном исследовании «Социальные науки и право» (М., 1916), над которым он как раз в это время работал. Первая ссылка на с. 378–379, где Кистяковский излагает точку зрения Соловьева о «нравственной связи между правом и нравственностью»; вторая – на с. 587–589, где цитируется знаменитая дефиниция Соловьева: «государство есть собирательно-организованная жалость».

655

Жена Б. А. Кистяковского.

656

Имеется в виду IV Международный философский конгресс в Болонье.

657

Адрес: A M-r le Prof. Th. Kistiakowski, Paris 13, rue Radziwill, Frankreich. *Почтовый штемпель:* Freiburg - Breisgau 15. 5. 11.

658

Речь идет о «Логосе». 1911. Кн. 1.

Сожаление Гессена вызвано, вероятно, тем, что В. С. Соловьев остается, таким образом, недоступен без перевода немецким читателям. О переводах произведений В. С. Соловьева на нем. язык см.: Мюллер Л. Германия интересуется Соловьевым // Логос. Paris-Bruxelles, 1976. № 21-24 (1-4). С. 85-88. Первым переводом В. С. Соловьева на немецкий язык были «Религиозные основы жизни» (Leipzig, 1907). затем в иенском издательстве Дидериха вышли два тома «Избранных трудов» Соловьева (Т. 1. 1914; Т. 2. 1916).

Следует отметить, что к знакомству Германии с трудами В. С. Соловьева «руку приложил» и бывший активный участник «Мусагета» Эллис (Л. Л. Кобылинский; в статье Л. Мюллера ошибочно названный Кобылянским). В 1929 г. в издательстве Матиас Грюневальд (Иена) он издал сборник избранных произведений Соловьева под названием «Monarchia Sancti Petri» (Церковная монархия св. Петра как свободная и вселенская теократия в свете мудрости).

Ответ на этот вопрос находим в письмах Кистяковского к М. О. Гершензону: «Я чувствую себя и работаю здесь превосходно» (30.IV/13.V 1911 – НИОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 44. Л. 18). «Работа моя идет превосходно, и я сделал очень много. Но, увы, рукопись моя далеко не готова к печати. Что делать?! Тема очень обширна и, главное, сложна. С нею нельзя справиться кое-как. Однако теперь более, чем когда-либо, я верю в настоящую необходимость того, чтобы моя книжка появилась. И она появится» (10/23. VII.1911. Там же. Л. 23).

661

Реферат Гессена о книге Ласка см. *Приложение.*

662

О намерении Р. Кронера и Гессена весной 1911 г. отправиться в Париж см. письмо последнего к Э. К. Метнеру от 6 сентября 1910 г.

Имеются в виду рецензии Ф. А. Степуна, опубликованные в «Логосе» (1911. Кн. 1) на следующие книги: Киреевский И. В. Полное собрание сочинений, под ред. М. Гершензона; Эллис. Русские символисты; Бердяев Н. Философия свободы.

Заметка А. Долматовского – о смерти Г. Еллинека. На смерть Г. Еллинека Кистяковский, знакомый с ним с 1901 г., откликнулся статьей «Георг Еллинек как мыслитель и человек» (Русская мысль. 1911. № 3).

664

Адрес: A M. Th. Kistiakowski, Paris 13, rue Radziwill.
Почтовый штемпель: Freiburg-Breisgau. 30. 6. 11. 10-11 N.

665

О статьях Н. Авксентьева см. прим. 85.

Имеется в виду статья Б. А. Кистяковского «К вопросу о самостоятельности украинской культуры» (Русская мысль. 1911. Кн. V), написанная в форме письма в редакцию за подписью «Украинец». Поводом послужила заметка П. Б. Струве в январской книге «Русской мысли» в рубрике «На разные темы», где он, касаясь статьи В. Е. Жаботинского, предсказывал полное растворение украинской культуры в общероссийской. На письмо «Украинца» П. Б. Струве ответил статьей «Общерусская культура и украинский партикуляризм» (Там же. 1912. Кн. I). Полемика между Струве и Кистяковским по поводу «украинского вопроса» продолжалась в течение многих лет.

Имеется в виду рецензия А. Штейнберга «В поисках философии будущего» на немецкое издание: Logos. Bd. I. Heft 1-3 (Русская мысль. 1911. Кн. VI. С. 39-43, третья пагинация). См. Приложение.

Аарон Захарович Штейнберг (1891-1975) - получил образование на философском и юридическом факультетах в Петербургском и Гейдельбергском университетах. Еще студентом начал печататься в журналах «Русская мысль», «Журнал министерства юстиции», «Логос» и др., активный участник и организатор «Вольфилы», с 1922 г. - за границей, где выпустил ряд книг: «Система свободы Достоевского» (Берлин, 1923), «Достоевский», «Достоевский в Лондоне» (на англ. и рус. языках) и др. С 1930-х гг. являлся одним из издателей еврейской энциклопедии.

668

Жена С. И. Гессена, дочь известного в Москве психиатра Минора.

669

Имеется в виду роман Д. С. Мережковского «Александр I», который печатался в «Русской мысли», начиная с майской книги 1911 г.

Статья В. И. Иванова «Достоевский и роман-трагедия» (Русская мысль. 1911. Кн. V-VI), впоследствии включенная в состав книги В. И. Иванова «Борозды и межи» (М., 1916).

О переездах Б. А. Кистяковского в это время известно по его письму к М. О. Гершензону от 10/23 июля 1911 г. из Парижа: «Через неделю я переезжаю в Берлин; там я пробуду до 9/23 августа. Затем я дней на десять поеду к своим в деревню (Б. Сорочинцы Полтавск. губ. Миргород. у.) и в двадцатых числах августа я буду в Москве» (ОР РГБ. Ф. 746. К. 34. Ед. хр. 44. Л. 23).

Адрес: A Mr. le professor Th. Kistiakowski, Paris. Rue Radziwill, 13. France. Переадресовка: Berlin. Poste restante, Allemagne. *Почтовый штемпель:* Freiburg 9. 8. 11.7-8 N.

***** Имеется в виду статья В. И. Иванова «Л. Толстой и культура» (Логос. 1911. Кн. I), которая в переводе Ф. А. Степуна была опубликована и в немецком «Logos© (Bd. II. 1911-1912. Heft 2). Ниже Гессен перечисляет авторов, чьи статьи вошли в этот выпуск.

673

Адрес: Германия Herrn Professor Th. Kistiakowski, Berlin
N. W. Marienstr. 6 I r. *Почтовый штампель:* Сестрорецкий
курорт СПб. 22. 6. 12.

4 июля 1911 г. исполнилось 70 лет Г. Когену. Ниже в письме упоминается сборник статей в его честь: «Philosophische Abhandlungen Hermann Cohen zum 70-ten Geburtstag dargebracht». 1912 (авторы: Н. Гартман, В. Сеземан, П. Наторп, М. Саломон, Гавронский, Бук, Э. Кассирер, Б. П. Вышеславцев).

В рецензии на этот сборник С. И. Гессен упомянул о статье Вышеславцева как о «слишком уж краткой, в сущности только намечающей решение проблемы взаимоотношения права и нравственности... (право есть предшествующая нравственности и необходимая для нее ступень в процессе реализации добра)» (Логос. 1912–1913. Кн. 1–2. С. 368–369).

675

Адрес: Herrn Professor Th. Kistiakowski, Marienstr. 6 I r
Berlin. *Почтовый штампель:* Сестрорецкий курорт СПб. 9.
8. 12.

676

Адрес: Б. Сорочинцы, Полтавск. губ. Миргородского у. Г-ну Богдану Александровичу Кистяковскому
Почтовые штемпели: Сестрорецкий курорт СПб. 29. 8. 12.
Сорочинцы Пол. губ. 2. 9. 12.

Имеется в виду рецензия Б. А. Кистяковского на книгу: Спекторский Е. Проблема социальной физики XVII столетия. Т. 1: Новое мировоззрение и новая теория науки. Варшава, 1910 (Логос. 1912-1913. Кн. 1-2). Книга Спекторского была получена Кистяковским от автора. В архиве Кистяковского сохранилось письмо Е. В. Спекторского в Мюнхен от 24 марта 1911 г. См. Приложение.

678

Имеется в виду перевод статьи Кистяковского «Реальность объективного права» для немецкого «Логоса».

По-видимому, имеются в виду статьи Н. Лосского «Нравственная личность Толстого» (Логос. 1911. Кн. 1) и Л. Габриловича «Толстой и Менделеев» (см. прим. 26).

Адрес знаменитой «башни» Вяч. Иванова, который весной 1912 г. с женой Верой Константиновной, ожидавшей ребенка, уехал за границу, сохранив, тем не менее, свои права на «башню». Одним из новых обитателей «башни» стал и С. И. Гессен. Подробности - в его письмах к М. М. Замятиной. Следует обратить внимание на то, что в начале 1913 г. будет произведена перенумерация домов и адрес станет: Таврическая, 35.

681

О чем идет речь – выяснить не удалось.

682

Адрес на конверте: Г-ну Богдану Александровичу Кистяковскому. Москва. Б. Левшинский пер. 13, кв. 8.
Почтовые штемпели: Москва 5. III. 13. Не впол. оплач.
Доплатить 1 Москва. Почтовая марка вырезана. На обороте конверта надпись: От С. И. Гессена. СПб. Таврическая, 35.

Речь идет о письме Шеллинга к П. Я. Чаадаеву от 21 сентября 1893 г. и, по-видимому, о письме Чаадаева Шеллингу 1832 г. Оба письма были напечатаны в кн.: Чаадаев П. Я. Сочинения и письма. М., 1913. Т 1. С. 167-170; 382-383. Гессен готовил их для публикации в немецком «Логосе».

Из дальнейшего содержания письма следует, что речь идет о докладе С. И. Гессена «Философия наказания» и его статье под тем же названием (Логос. 1912-1913. Кн. 2).

685

Логос. 1912-1913. Кн. 1-2.

«Основы естественного права» Фихте. Изложение и анализ правовой системы Фихте см.: Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. М., 1979. С. 115-132.

687

Письма С. И. Гессена к В. И. Иванову публикуются по рукописям, хранящимся в ОР РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 13. Л. 1-10.

688

Письмо написано на почтовой открытке (внизу – клише: ЛОГОБ): *Адрес:* Городское. М. Г. Вячеславу Ивановичу Иванову, Таврическая ул., 25. **Спешно!** *Почтовые штемпели:* С. Петербург. 11. 8. 11 68. С. Петербург. Справ. Бюро. 12. 8. 1911. Силламяги Эстл. 13. 8. 11.

Наклеенный квиток: 1 справка «15» отдела «2 округа». По Таврической ул. В доме № 25 по домово́й книге В. И. Иванов выб[ыл] 21. VI с[его] года ст. Вайворс Б. ж. д. дер. Кануки дача Михеля Орга. Почталион Кобелев 11/ VIII 1911 г.

689

Имеется в виду статья В. И. Иванова «Л. Толстой и культура».

690

Адрес на конверте: Г-ну Вячеславу Ивановичу Иванову, Таврическая ул., 25. От Гессена, Кавалергардская, 3. *Почтовые штемпели:* Петербург 19. 3. 12. 3.4. 15а. Петербург 19. 3. 12. 3.4. 15а.

Датируется по содержанию: речь в письме идет, по-видимому, об инциденте, связанном с предстоящей публикацией романа А. Белого «Петербург» (весьма вероятно, что это одно из «кое-каких дел», упоминанием о которых заканчивается предыдущее письмо). В начале марта 1912 г. П. Б. Струве категорически отказался печатать роман А. Белого на страницах редактируемого им журнала «Русская мысль». Одним из самых активных защитников романа был В. И. Иванов. Подробнее см.: Долгополов Л. К. Роман А. Белого «Петербург» // Белый А. Петербург. М., 1981. С. 555–558.

В конце февраля 1912 г. А. Белый возвратился из Петербурга в Москву, а во 2-й половине марта, передав рукопись романа «Петербург» издателю К. Ф. Некрасову, выехал за границу.

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – криминалист и политический деятель, отец писателя В. В. Набокова, один из издателей кадетской газеты «Речь» (которую редактировал И. В. Гессен, отец С. И.).

693

Адрес на конверте: A M-r Wenceslaus Jvanoff, Roma Piazza del Popolo, 18, int. 6. Почтовый штампель: С. Петербург 27. 2. 13. На обороте конверта надпись рукою Гессена: «От С. И. Гессена. Таврическая, 35 St. Petersburg».

Имеются в виду статьи Б. В. Яковенко «Об имманентном трансцендентализме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Второе, более специальное введение в трансцендентализм» и С. И. Гессена «Философия наказания» (Логос. 1912—13. Кн. 1-2).

На титуле указанного в прим. 1 номера «Логоса» в числе его «ближайших сотрудников» перечислены: А. И. Введенский, В. Вернадский, И. Гревс, Ф. Зелинский, Б. Кистяковский, А. Лаппо-Данилевский, Э. Радлов, П. Струве, А. А. Чупров. В предыдущих номерах, кроме них, значились еще Н. О. Лосский и С. Л. Франк.

696

В оригинале «объявлять» – вероятно, описка.

«Последней статьей» А. Белого в «Трудах и днях» (1912. № 6) был его «Ответ Ф. А. Степуну...». Однако здесь, вероятнее всего, имеется в виду статья А. Белого «Круговое движение» (Труды и дни. 1912. № 4-5).

Сотрудничество В. И. Иванова в «Пути» ограничилось одной статьей - «О значении Вл. Соловьева в судьбах нашего религиозного сознания», - опубликованной в «Сборнике первом. О Вл. Соловьеве» (М., 1911).

Это было уже не первое обращение редакции «Логоса» к В. И. Иванову с просьбой о сотрудничестве. «Там [на “башне”. – В. С.], – пишет

О. Дешарт, – дней десять провел редактор неокантианского «Логоса», прекрасный оратор, тонкий мыслитель Федор Степун, специально приехавший в СПб., чтобы уговаривать В. И. стать сотрудником чуждого ему журнала» (Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1974. Т. II. С. 824). В другом месте она уточняет: «В 1910 г. гостил на “Башне” Степун, редкие встречи которого с В. И. Ивановым всегда превращались в “пиршественные беседы”» (Там же. Т III. С. 840). Сам Ф. А. Степун относит свой визит на «башню» к зиме 1910–1911 г., не упоминая при этом о своих попытках уговорить

В. И. Иванова стать сотрудником «Логоса».

Мнение В. И. Иванова о «Логосе» зафиксировано в его дневнике 27 июня 1909 г.: «Фрейбургский “Логос” и русский философский кружок – наивны. По-видимому хотят моего косвенного участия. Я похож на натягиваемую тетиву, не знающую, ни кто ее натягивает, ни куда метит стрелок. Я спасаюсь моралью исполнения злобы наступающего дня. Я всегда знаю, что нужно делать непосредственно. Почему-то пристально следя за общей жизнью, даже внимательно относясь к газетам, – я стал недоумевать о многом, что еще недавно казалось вполне выясненным. Я стал плохой и робкий философ. Мне кажется, я плыву на судне, где не я кормчий» (Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. II. С. 777).

В Рим В. И. Иванов с семьей приехал зимой 1913 г. и серьезно обдумывал здесь возможность своего перехода в католичество (см.: Иванов Вяч. Собрание сочинений. Брюссель, 1979. Т. III. С. 803).

С. И. Гессен, видимо, хотел здесь затронуть «жилищный вопрос» (см. ниже его письма к М. М. Замятниной), но не считая возможным смешивать великое с малым, начатую фразу зачеркнул.

Поэтический сборник В. И. Иванова, выпущенный в 1912 г. в Петербурге издательством «Оры». См.: Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. III. С. 7-60.

703

Имеются в виду: В. К. Иванова (Шварсалон) и М. М. Замятнина.

704

*Адрес на конверте: Al Signor Wenceslaus Jvanoff. Roma
Piazza del Popolo18, int. 6, Italie. Почтовые штемпели:
С.Петербург [дата - нрзб.]. Roma Centro 14. V 13 15.*

Статья Н. О. Лосского «Логическая и психологическая сторона утвердительных и отрицательных суждений» (Логос. 1912—13. Кн. 1-2).

Осенью 1913 г. В. И. Иванов действительно возвратился в Россию, но не в Петербург, а в Москву, о чем 23 августа / 4 сентября 1913 г. уведомила своих читателей газета «Голос Москвы», поместившая на с. 4 (№ 193) такое объявление: «С осени переселяется в Москву из Петербурга Вячеслав Иванов».

707

Имеется в виду полемика А. Белого и Ф. А. Степуна по поводу статьи первого «Круговое движение».

Письма С. И. Гессена к М. М. Замятиной публикуются по оригиналам, хранящимся в ОР РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 13. Л. 1 – 11. Весной (вероятнее всего, в мае) 1912 г. В. И. Иванов с женой Верой Константиновной, которая ждала ребенка, дочерью Лидией и М. М. Замятиной уехал из России (во многом из-за того, что его женитьба на падчерице вызвала нежелательные пересуды) сначала в Швейцарию, затем во Францию и Италию. Опустевшая «башня» была по этой причине сдана в наем нескольким лицам, образовавшим «квартирное содружество», в которое входил и С. И. Гессен. Его письма к Замятиной касаются различных финансовых и хозяйственных проблем, связанных с обитанием на «башне».

709

Адрес на конверте: Г-же Марии Михайловне
Замятиной <sic!>. С. Петербург. Таврическая ул., 25.
Почтовые штампы: Сестрорецкий курорт СПб. 19. 6. 12.
С. Петербург 20-6-12 Гор. почта.

710

На коммуну согласны, наше возвращение осенью еще под вопросом (нем.).

711

Кузмин М. А. (1872-1936) - поэт, писатель и композитор, многолетний обитатель «башни».

712

м. Грюнвальд - переводчица статей Б. Кроче и Й. Кона (см. Приложения: «Отчет редакции “Логос”» за № 2 и 4).

713

Адрес на конверте: Г-же Марии Михайловне
Замятиной <sic!>. Петербург. Таврическая ул., 25.
Почтовые штампы: Сестрорецкий курорт СПб. 27. 6. 12.
С. Петербург. Гор. почта. 28. 6. 12.

714

Шварсалон – сын Л. К. Зиновьевой-Аннибал, пасынок
В. И. Иванова.

715

«Не просившееся» – рукой Вяч. Иванова подчеркнуто дважды красным карандашом; сверху надпись, сделанная им же: «ах, ты, Гессененок».

716

«Просившееся» - дважды подчеркнуто красным карандашом.

717

После слова «мирно» В. И. Иванов написал – «(?!)».

в конце письма поперек страницы красными чернилами сделана запись В. И. Иванова: «Павел Афанасьевич писал из Рима: можно – но осторожно.

Квартира на Piazza del Popolo очень аппетитна – что и говорить! Слюнки текут. Одна терраса чего стоит!

Нельзя ли хоть скоро перевести в Casano [?]. Жду от [фам. нрзб.] ответа на свои важные вопросы.

От Зелинских получил сначала прилагаемую открытку, а потом телеграмму: «Accueil cordiale telegraphier heure arrivee Mitrophanе Сайегше»[«Сердечный привет телеграфируют только что прибывшие Митрофан Екатерина»].

В Риме уже заседает конгресс, но не археологический, глубокоуважаемая, а – социологический. Эх, вы, горе-рыцарь!

Впрочем, не падайте духом, хотя и раскайтесь глубоко. В. И.»

719

Самодельный конверт. Адрес: A M-elle Marie Zamiatnine. *Roma* Piazza del Popolo Nr. 18. Италия. Exp. S. Hessen St. Petersbourg. Таврическая. 25, кв. 24. *ПОЧТОВЫЙ ШТЕМПЕЛЬ*: С. Петербург 13. 11. 12.

720

Адрес на конверте: A M. Marie Zamiatnine. Roma Piazza del Popolo 18, int. 6. Italie. Почтовые штемпели: С. Петербург <дата - нрзб.>. Roma Centro 14. V 13.

Перевод первого письма С. И. Гессена к Й. Кону выполнен Е. М. Довгань, второго – В. Янценом с ксерокопий, любезно предоставленных доктором Р Крамме. Оригиналы на немецком языке хранятся в архиве Й. Кона в университете Дуйсбурга (шифры: JSA—092—01 1, JSA-092-012), археографическая работа В. Янцена.

722

Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – философ и культуролог, историк русской, украинской и западной философии.

Вторая жена С. И. Гессена – Мария Немыска (см. «Послесловие» А. Валицкого к публикации «Моего жизнеописания» С. И. Гессена // Вопросы философии. 1994. № 7-8. С. 182).

Cohn J. Die Pädagogik der Aufklärung und des deutschen Idealismus. In: *NohlH., PallatL.* (Hrsg.) Handbuch der Pädagogik. Bd. 1. Langensalza 1933. S. 247-301.

725

Публикуется по изданию: Русские ведомости. 1910.
№ 82: 10 апреля. С. 5.

726

Публикуется по рукописи: ОР РГБ. Ф. 167. К. 14. Ед.
хр. 2. Л. 14.

727

Публикуется по изданию: Труды и дни. 1912. № 1. С. 22-24 второй пагинации.

728

Публикуется по машинописи: НИОР РГБ. Ф. 167. К. 17.
Ед. хр. 26.

И. Штраух, г-жа М. Грюнвальд и Федотов - не идентифицированы. Мария Федоровна Степун (урожд. Аргеландер) - мать Ф. А. Степуна. Стоит, пожалуй, отметить, что курс немецкой марки по отношению к рублю до 1914 г. был устойчив и равнялся 2:1.

Русская мысль. 1911. Кн. VI. С. 39-43, третья пагинация.

731

Публикуется по рукописи: ОПИ ГИМ. Ф. 108. Ед. хр. 1.
л. 103.

Журналист и писатель, участник антифашистского Сопротивления во Франции, который с 1946 г. жил в США, двадцать лет работал в редакции газеты «Новое русское слово».

733

В 1941 г. с отцом выехал из Франции, в США был переводчиком в ООН.

В Римском архиве Вяч. Иванова имеется оттиск статьи с дарственной надписью: «Дорогому Вячеславу Ивановичу с наилучшими пожеланиями к Новому Году от автора. Прага, 15.12.1931».

735

В Римском архиве Вяч. Иванова имеется оттиск статьи с дарственной надписью: «Милому Другу с сердечным приветом. Прага, 29.9.1933».